

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Лев Новожинов

Продолжение

Внимательно дежутор
~~хорошо знает, что~~
это безобразия ~~и~~
самом центре ~~на~~
французского искусства
моде, традицион и гр
~~то~~ занимаются сексом

Просто удив

~~Судя по всему,~~

от недреманного ока
Совершенно обморожен
ся, с утра до вечера
бы это происходило на
венности, а то ведь
твое дело, а то ведь
а то ведь в где-нид
там народа, но не
а то ведь мы живем
моды, среди которых
господин Огюст Рен
французского
скандала парад
показу. Явно для
французского худож
"Первый показ".
названо. Следы змеи

Судя по
сохранен
материал
и старинный

Не вост
дет, греш
ля

темы ("Первый лакей")

тов в Моссовета: ~~Буржуазия~~
~~и другие элементы в среде~~
кодут ежедневно, и где? В
иной столице, Волкено, 18, 30
и. Это совершенно абстрактная
идея, с утра до вечера

Видеть можно -

как таков могла ускользнуть
депутатов Моссовета.
иная мера, граждане и граждане
должны и слышатся, и одно
подразумевается от нас, обществу
и от самих нас. И что
на самом деле, на самом деле,
на квартире, а то ведь это
в конце концов - и частное дело
известном народе, но ведь у нас
несовершеннолетние дети, а
автор как Песни Отца России,
якобы купеческой, а не рабочей
и эту композицию "Первый
я отвожу гласу и эта композиция
скульптора Отюста Радая на фоне
Ясно же для того так
тают! Какой уж там первый!

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Albomeres-

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Лев Новоженов

«ЭКСМО-Пресс» 2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 74

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Новоженков Лев Юрьевич

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженков, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Виллен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Оформление тома — Ахмет Мусин

Оформление переплета — Лев Яковлев

Фотоальбом — из личного архива автора

Новоженков Л. Ю.

Н 74 Антология Сатиры и Юмора России XX века.
Том 15.— М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.— 576 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-088116-9 (т. 15)
ISBN 5-04-003950-6

© Новоженков Л. Ю., 2001
© Смирновская-Россет М. Я. Вступ. статья,
составление, 2001
© Кушак Ю. Н. Составление, 2001
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Марина Смирновская-Россет. Писатель Лев Новоженев	13
На похмелье нет времени (фрагменты автобиографии)	22
Тринадцатый стул «Литературная газета» (1974—1983)	
Счастливчик	39
По справедливости	41
Происшествие	43
Счастья тебе, диспетчер	45
Никогда-никогда	48
На пятидневку	51
Натюрморт	53
Мой папа парикмахер	56
Владелец	58
Объяснение в дружбе	61
Отец	64
Зоопарк	70
Ас	72
Одинокий велосипедист	74
Безотказный человек	77
Вверх и вниз	80

В одном микрорайоне	85
Враг	89
Вот	91
Звонок	94
Диалог с часовщиком	97
Где трубы?	99
Девятая платформа	102
Из жизни волшебников	106
Удивительный случай	108
Трамвай и Федор Иванович	109
Уход от жены	110
Целебное средство	111
Ку-ку	113
Рассказ о прошлогоднем снеге	114
Спасатель	117
Старая записная книжка	119
Девочка с персиками	121
Мир тесен	122
Хорошая вещь — часы	125
Устраиваемся	129
Метя Катя	130
Снимки на память	131
Барабан	133
Я и зеркало	136
Шылесос	139
Поездка в лес	141
Мелячыи нежности	142
Привет от Никитиных	146
Мальчик из магазина	148

Глобус	150
Диалог после развода	152
Дурацкие вопросы	155
Квартира	157
Молиглоты	159
Сцена из семейной жизни	161
Характеристика	162
Гость	164
Путешественник	165
Испорченные часы	169
Прощание с Березовкой	170
Служебные диалоги	172
В нашем городке	174
Пропуск	175

Воскресенье по-советски
Радиопередача «С добрым утром»
(1975—1984)

Вальс	179
Отпуск	182
Один билет в театр	185
Огромный привет	186
Простые совпадения	187
Прогулка	184
Про игрушечного Деда Мороза, который умел думать	186
Попытка футбольного репортажа	189
Петр Сергеевич и Верочка	192
По грибы	194
Переполох	196

Педагогический момент	209
Мужчины без женщин	211
Кожаное пальто	213
Шутка	215
Тихим вечером	218
Жилец	220
Дядя приехал	223
Диалог с кассиром	225
Диалог с женой	228
Гвоздь	230
В цирке	232
Встреча в лесу	234
Встреча	236
В зимний день	238
Вера в сказку	242
Диалог с новогодними пожеланиями	244
Открытие	246
Новая секретарша	248
Диалог с матерью	251
Кое-что по поводу передачи мыслей на расстоянии	253
Звезды и люди	256
Рыбацкие рассказы	258
Место	260
Отец взрослой дочери	262
Ход катушкой	264
Пуговица	267
Бабочка в метро	269

Три эпохи в одной газете
«Московский комсомолец» (1980—1993)

Колесо	278
Людка	279
Каким ты стал, мой мальчик	280
Утро после конца света	281
У окна	282
Трудная голова	283
Иностранная машина	284
Игра	285
Житье-бытье	286
Бенефис	287
Михеич	288
Нужна квартира рядом с цирком	289
Прекрасная Герда	290
Писатель и окружающая его действительность	291
Слохой человек	292
Свой день	293
Снимается кино	294
Смелые пожарные	295
Семь этажей надежд	296
Как я учился читать	297
Фантазер	298
Король	299
Из записных книжек	300
Дом, в котором я пишу	301
Несколько мыслей по национальному вопросу	302

Апология совка	366
Дело – табак	370
Эти гады на «Мерседесах»	374
Предновогоднее «Ф». Немного грустное	377
Письма в редакцию	381
Слово прощания	383
Запад не такой большой, как нам кажется	386
Упершись рогом в плетень	389
Не трогайте армию. Она болит	393
Портфели без министров	396
Проверка на вшивость	399
Фельдфебеля в Вольтеры!	402
Свобода или колбаса?	405
О здоровье президента, о прямом эфире и кой о чем еще	409
Торжество бездарности	413
Голод и тетка	416
Фу-у! Жара!..	419
Иначе будет поздно	422
Еще один способ накормить народ	424
Где же, когда же?	427
Не будем говорить о веревке...	429
Я не хочу, чтобы как в психушке!	432
Легкое обаяние жулья	435
Валюту хочу!	438
Фауна и флора	441
Девочка, девушка, женщина	446

Одинокое правительство охотно познакомится с симпатичным, работающим народом	449
Увольнительная в Италию	453
Любит?.. Не любит?.. Плюнет?.. Поцелует?..	456
Ни тпру ни ну	460
Каждая пресса достойна своего читателя	463
Если слон с китом поборется...	466
Арапорщик с женой и детьми	469
Случай в подземном переходе	472
Флаг восстания над квартирой № 95	476
Деньги ли наше время?	479
Караул устал!	482
Страшный грех воздержания	485
Привет с большого бодуна!	488
Мысли, навеянные выставкой Анри Матисса	492
Можь-93	496
Селовечество победило рак, но не смогло победить маразм	498
Дума о дураках	501

Когда дедушка был маленьким Опыты родственных мемуаров (1984)

Галифе	507
Шарманка	508
Разные разности	512
Коньки	514
Зощенко	515
Чувство	517

Футбол	525
Железная дорога	526
Шапито	526
Велосипед	527
Посещение кино	530

Фима, Клара и другие Драматургия для эстрады (1988—1992)

Верните наши денежки	535
Вступительный монолог	535
Первый монолог о музыке	536
Кое-что о рок-музыке	537
Второй монолог о музыке	538
Монолог на выставке достижений	541
Встретиться и поговорить	543
Соло для кровати со скрипом	546
Визит врача	548
Автоответчик	549
Новости	549
Заявление	557
Клятва	558
Монолог капитанши	562
Две статуи	566
Молитва	567
Эстрадные монологи	568
Тетя Соня на том свете	569
Навеселе	569
Перестройка	569
Разрешите взлет	572
Перечислительный ряд	574

Писатель Лев Новоженев

Знаверное, у Антологии Сатиры

и Юмора России XX века, очередной том которой читатель держит в руках, совершенно другие задачи. Но так выходит, что чем шире и значительнее акция, чем масштабнее задуманное дело, тем более неожиданными и парадоксальными могут быть последствия. А я думаю, что в задачи составителей, затеявших, казалось бы, сутобо историко-литературное предприятие, совершенно не входило объяснять нечто в феномене телевидения. А выходит, что объяснили.

Как известно, последние годы Лев Новоженев — автор предлагаемой вниманию читателей книги — является автором и ведущим одного из телевизионных каналов. Человеком, поставившим своего рода рекорд: три его ежедневные передачи, одна из которых живая, в смысле — в прямом эфире, беседа с лучшими представителями культуры, — это невероятная ноша для человека довольно-таки средних лет. Это «ноша» и для зрителей — потребителей телевизионной продукции. Надо быть удивительно разнообразным и творчески увлекательным, чтобы зрители не только не уставали от предлагаемого тобой, но и требовали еще. Льву Новоженеву удастся быть таким, его хотят и видеть, и слушать. Он — один из немногих на телевидении, кого можно назвать личностью.

Личностей на экране не хватает катастрофически. Есть злые дети, выскакивающие как черт из табакерки, готовые поджечь дюжину храмов сразу, чтобы только получить быструю и фантастическую (в силу размеров аудитории) славу. Есть нарциссы, есть глупцы — то есть в основном пустота. Наполненности очень мало. И когда с ней сталкиваешься, то не можешь не подпасть под ее обаяние. И конечно, хочется понять — как, откуда, почему. Откуда берутся правильные слова, правильные интонации. Откуда приходят такие люди.

По прочтении этой книги многое становится ясно.

Те слова, которые произносит в телевизоре Новоженев, правильные потому, что в их «анамнезе» выстраданные, выношенные мысли, мироощущение человека, десятилетиями — в силу своей профессии и своего писательского дара — внимательно наблюдающего за жизнью, пытающегося осмыслить ее. Юмор и ирония — это всегда некоторое отстранение — взгляд со стороны на то, к чему привыкли и суть чего уже не воспринимается, так как она затерлась рутиной и обыденностью. Юмор и ирония возвращают вещам их подлинный смысл. Причем делают это без пафоса — просто и легко, заставляя читателя, зрителя, слушателя благодарно улыбаться.

Видимо, умение возвращать смысл тому, с чем приходится соприкасаться, находить его, вычленивать, раскрывать, то есть навыки, необходимые в профессии писателя-юмориста, писателя-ирониста, если быть более точным, — очень пригодились и в телевизионной работе Льва Новоженева. Народные новости, общепризнанным родителем которых он является, в сущности и есть результат отстранения от повседневности, выбор того угла зрения, той дистанции, с которой наша жизнь открывается своей поэзией, романтикой, высоким смыслом и назначением. Потому и неисчерпаемы народные новости.

И потому столь успешны оказались «ЧКО-проекты» — я имею в виду телевизионные программы «Времечко» и «Сегоднячко», принесшие их автору поистине народную популярность.

Лев Новоженев родился в Москве в семье журналиста и художницы. В его характере изумительным образом просочетались интеллигентское книгочеиство, когда с книгой просыпаются и засыпают, ходят в туалет и в ванную, и азартное хулиганство, во многом напитанное послевоенной Москвой и Брянском (куда отца направили по распределению после окончания Литературного института), с рискованными дворовыми мальчишескими играми, продолжая которые, многие попадали в тюрьму.

Лев же в свои 18 лет оказался на строительстве Ачинского глиноземного комбината. Но долго не выдержал и вернулся продолжать образование в Москву. В 18 же лет началась и его журналистская карьера — с московской «Вечерки». Потом были «Литературная Россия», «Московскийсомолец».

Работа репортера, с одной стороны, дает удивительную возможность узнать мир так широко, как никому другому. А с другой — дисциплинирует. Приучает работать в заданном ритме и формате, как принято сейчас говорить.

В редакциях тридцать лет тому назад «писательство» в репортерах не приветствовали. Не потому, что давили личность, а потому, что справедливо считали, что «красивости», игра в слова уведут от профессии, от выполнения своего профессионального долга — информировать читателя. Мы не касаемся сейчас идеологизированности советской прессы — это другая тема. Мы говорим о школе, которая, безусловно, существовала в советском газетном мире. Газета была жестко структурирована. То, что

раньше называлось публицистикой, было в принципе украшением, а не основным блюдом. Такой подход заставлял пишущих, особенно молодых, журналистов быть очень экономными в выборе слов. И по возможности точными — одно слово должно было быть достаточно емким.

Газетной школой, может быть, отчасти объясняется некоторый стилистический минимализм Новоженева. (Отличающий, кстати, большинство журналистов-писателей — будь то Хемингуэй или Довлатов). Может быть, отсюда и проистекает своего рода сдержанность письма, присущая Новоженеву. Если в первых рассказах еще прослеживалось некоторое подражание Зощенко, некая лексическая затейливость, то потом лишние слова в рассказах опадают, как увядшая листва осенью. Суть художественного приема автора и состоит в том, чтобы совершенно простыми, обыденными, я бы даже сказала стертыми словами сконструировать такую же простую, обыденную ситуацию, развить ее и довести — как бы очень естественно — до фантазмагорического, невероятного, абсурдного конца. В результате проступает подлинная суть слов и явлений. Таковы лучшие рассказы Льва Новоженева — «Одинокий велосипедист», «Счастья тебе, диспетчер», «Пропуск», «Целебное средство» и другие.

В предыдущей книге Антологии, посвященной знаменитому клубу «Литературной газеты» «12 стульев», есть и рассказы Льва Новоженева. Он был одним из лауреатов премии клуба за 1976 год. Феномен клуба «ДС» еще ждет своего исследователя. Перефразируя известную ленинскую фразу о декабристах, разбудивших Герцена, можно сказать, что клуб «12 стульев», как неотъемлемая часть «Литературки» 70-х, разбудил прорабов перестройки. Люди, начинавшие чтение 16-полосной советской толстушки с последней страницы и затем проглатывавшие ее от корки

до корки, взяли впоследствии, в конце 80-х, на себя газетный и журнальный труд продвижения, подталкивания советского общества к свободе.

А что же говорить об авторах «Литературки». Об авторе, молодом еще в сущности журналисте, прибегавшем в клуб из соседней редакции — «Литературной России» и с благоговением внимавшем разговорам мэтров. Для него это тоже была школа, школа высшей ступени. Исповедовался чеховский принцип — напишите десять рассказов, один обязательно пройдет. Такой подход хорошо излечивает от излишнего самоуважения. И воспитывает характер, и оттачивает стиль. И кстати, впоследствии, когда сам Новоженев возглавил аналогичную страницу в «Московском комсомольце», свою работу он тоже построил по клубному принципу. Уже к нему, в «МК», приходили со своими рассказами, стихами, фельетонами Игорь Иртеньев, Александр Кабаков, Владимир Вишневский, Дмитрий Дибров, Виктор Шендерович.

— Когда я был совсем юным репортером, меня послали брать интервью к Виктору Шкловскому, — любит рассказывать Лев. — Время было глухое, и в смысле техники тоже. Но я понимал, что к такому человеку просто так, с ручкой не пойдешь. Я проявил бешеную энергию, организовал стенографистку, и к Шкловскому пришел вдвоем с ней. До сих пор у меня в архиве дома хранится стенограмма нашей беседы. И до сих пор я горжусь ею.

Предполагать, что каждое слово твоего собеседника может оказаться бесценным, и потому скрупулезно его фиксировать, испытывать подлинный интерес к жизни, быть всегда в азартном ожидании новостей — значит стремиться наполнить мир некоей связующей субстанцией, дабы он не развалился на отдельные куски и его можно было бы сдать следующему поколению во всей целостности.

Кстати, о Герцене и декабристах. Лев Новоженев, автор изысканных и тонких иронических миниатюр, на рубеже 80-х и 90-х годов опять делает шаг в сторону журналистики. Точнее, журналистики и эстрады. Еще точнее — фельетонного жанра в газете и на эстраде.

Отпущенное с короткого поводка коммунистической пропаганды и идеологии, советское общество тогда испытывало естественную потребность говорить. Какие публицистические фейерверки рассыпались по страницам газет и журналов, ставших чуть ли не основной составляющей жизни пока еще советского человека, во всяком случае советского интеллигента. Сколько тем, оказывается, нужно было обсудить — тем, которые раньше не только не обсуждались, но и не формулировались публично.

Надо сказать, что не без некоторого волнения перечитываешь фельетоны, опубликованные в конце 80-х — в начале 90-х годов в «Московском комсомольце» в «Рубрике Ф». (Смею утверждать, что это была весьма популярная и читаемая рубрика, до сих пор Льву Новоженеву приходят письма, в которых люди вспоминают, цитируют ее, а то и упрекают автора — зачем, дескать, предпочел вечное, то бишь писательство, суетному — телевидению.) Побаиваешься своих возможных при этом ощущений. Ну как будто перебираешь свои молодые фотографии — надо же, какой у меня вид глупый, и одет я как-то нелепо. Жизнь ушла вперед, и тебе немножко неудобно за себя молодого, не знающего так много из того, что известно тебе пожилому.

Публицистика, в первую очередь газетная, имеет свойство устаревать. Вместе с реалиями той жизни, которую она отражает. Время — суровое испытание для публицистики. Если ее интересно читать и десятилетия спустя после выхода в свет, значит, это товар высокого качества.

Высококласная публицистика, с одной стороны, помогает воссоздавать образ ушедшего, с другой — выявляет нечто типологическое, общее, связующее поколения. Кстати, в домашней библиотеке Новоженова те тома известного рыжего советского пятитомного издания Ильфа и Петрова, где опубликованы фельетоны и очерки, зачитаны ничуть не меньше, чем те, в которых два бессмертных романа.

Так вот фельетоны самого Новоженова, такие, как «Несколько мыслей по национальному вопросу», «Эти гады на «Мерседесах» и другие, и сегодня читаются. Реалии жизни меняются, а природа человека в сущности неизменна. И если она точно выявлена 20 лет назад, то данный образец публицистики современен и сегодня. Ну а если уж и реалии не меняются, то фельетоны имеют все шансы на вечную жизнь!

Самым большим испытанием, своего рода экзаменом на соответствие для Льва Новоженова, на мой взгляд, стала совместная работа с Ефимом Шифриным над спектаклем «Ефим Шифрин играет Шостаковича». Ефим, страстный поклонник гениального композитора, мечтал исполнить его короткие вокальные произведения, написанные на самые разнообразные тексты — от стихов Саши Черного и Ивана Андреевича Крылова до рубрики «Нарочно не придумаешь» в журнале «Крокодил». Надо сказать, что у Дмитрия Дмитриевича было отменное чувство юмора, блестяще реализованное им именно в его музыкальном творчестве.

Так вот, первая попытка создать спектакль из этих музыкально-юмористических произведений закончилась неудачей. Стало понятно, что без объединяющих вокал разговорных номеров целостного эстрадного представления не получится. Создать недостающую разговорную часть взялся Лев Новоженов.

Стильно оформленный, поставленный режиссером Феликсом Григоряном спектакль вышел в 1990

году. Я помню, как волновались — до обострения язвы желудка — его создатели. Музыка Шостаковича поднимала творческую планку так высоко, что можно было запросто и не допрыгнуть. Но спектакль получился — цельным, неожиданным, оригинальным, глубоким. И лишний раз доказал, как полезно в творчестве ставить как можно более высокие цели. Лучшие монологи спектакля, как бы вытекающие из музыкального космоса Шостаковича, доказательство того, что юмор, ирония — области смежные с философией. Что чувство юмора — сродни музыкальному слуху.

А потом был написан еще один спектакль — «Соло для кровати со скрипом», уже для Клары Новиковой. Девяностый год — последний год существования советского строя. Все его родовые черты приняли уже совершенно нечеловеческие, уродливые формы, и потому отображать его кроме как в абсурдистском жанре было невозможно. Парафраз знаменитой «Песни о Буревестнике», с которого начинался спектакль — артистка читала его, паря на канате под толчком сцены, отчаянно махая руками и изображая революционную птичку, — звучал как шутовской приговор идиотизму совка.

...А потом наступила эра телевидения. Разумеется, для данного конкретного автора. В книге опубликованы тексты редакторских колонок, прочитанных самим Новоженовым в его авторской новостной программе «Сегоднячко».

Может быть, для ревнителей чистого искусства факт подобной публикации — криминал: как же, в храм литературного юмора допустили низкий телевизионный жанр. Но ведь не жанр красит человека. (Привет нам всем от Дмитрия Дмитриевича.)

Зато можно хорошо проследить, как развивается стиль автора. Каким естественным образом афористичный лаконизм его письма, интеллектуальная

плотность застройки текста пришлось впору тележурналистике — в эфире времени мало, а высказаться надо по очень важным и серьезным вопросам.

Те, кто знает Льва довольно близко, наверняка видели его любимые записные книжечки, которые он таскает с собой повсюду. Привычка вести записи постоянно — несколько старомодная, но очень характерная. Если «трудовая книжка души» не открывается долгое время, ее владелец испытывает некоторое беспокойство, даже чувство вины. Но как бы сильно ни отвлекала текучка, книжечка все-таки открывается, и мелким, бисерным почерком делается новая запись. Иногда эти записи публикуются. Но в основном хранятся у сердца. Как залог новой большой книги.

Как напоминание о том, что все мы, несмотря на телевизионность и прочую продвинутость, в принципе из прошлого века.

Марина СМЕРНОВСКАЯ-РОССЕТ

На похмелье нет времени

(фрагменты автобиографии)

Я родился в 1946 году,

в год Собаки, на нее, наверное, и похож. И добродушный, и могу укусить. Думаю, что я не такса и не бульдог. Скорее всего «кавказец», тем более что такой же лохматый. Родился рядом с Таганкой, на Большой Андроньевской, в старом мещанском доме, в коммунальной квартире, где соседей — как семечек в арбузе.

Когда я был маленьким, то думал, что по радио передают одни только аплодисменты, а в газетах печатают всего одну фразу: «Лучше надо работать, товарищи!»

Взрослые приходили домой очень поздно, потому что задерживались на собраниях. Они приходили с опухшими от «бурных и продолжительных оваций» ладонями. Может быть, потому у нас сейчас руки не очень-то лежат к делу, что в свое время их отбили аплодисментами?

Мои папа и мама родили меня случайно. Родителям не было двадцати, и я им, студентам, конечно, очень мешал. Они передавали меня по бабушкам, дедушкам. Родственники очень спешили выпихнуть меня в большую жизнь и отдали в школу в шесть лет. Я ничего не мог усвоить, а когда началась таблица умножения — просто обалдел. Школа для меня — непроходящее отчаяние. Я не мог понять, что такое тригонометрия, химия, что от меня все хотят... И за-

чем все это? С трудом дождался восьмого класса, когда появилась возможность сказать: я дальше учиться не хочу, я пойду работать. В панике собрался семейный синклит. На котором дедушка, бывший военный, работавший инженером по технике безопасности (тогда все отставники были или инженерами по технике безопасности, или кадровиками), сказал: «Черт с вами, он пойдет ко мне на завод учеником слесаря».

На заводе слесаря посылали меня за бутылкой, заставляли вытирать фикус и отправляли к какой-то Вальке-инструментальщице за банкой менструации. Простые приколы тех лет.

Я бросил дневную школу и учился в вечерней. Которую закончил только благодаря слезам матери.

В детстве я думал, что заграница — это одна большая страна. Что если долго морщить лоб, то будешь очень умным. Что дружба народов — это просто такой фонтан на ВДНХ. Что каждый человек в берете и с фотоаппаратом — американский шпион.

Мы спали и видели, как поймаем каждый по шпиону, а один мой знакомый мальчик был уже на пороге осуществления заветного желания: он подозревал в шпионаже собственного папашу. Справедливые подозрения вызывало то, что батяня допоздна что-то писал. Слава богу, приятель вовремя повзрослел и не успел заложить своего предка.

Со словом «финка» я познакомился раньше, чем с женщиной одноименной национальности.

У нас во дворе никто не мечтал быть ни учителем, ни врачом, ни космонавтом. Все мечтали попасть в тюрьму. И надо сказать, многим удалось.

Помню песенку: «Берия, Берия, потерял доверие, а товарищ Маленков дал нам хлеба и блинков». В школе мы вымарывали его портрет карандашами, бывший товарищ Берия стоял на трибуне Мавзолея с безжалостно затусованным лицом.

Наручные часы были только у богатых. Авторучки — тоже. Телевизоры — у баснословно богатых.

В институте, помню, на перилах вырезано перочинным ножом: «Обожаем Кешу Смока. Люда П. Вера К. Алла М.». Это они про Смокуновского.

Настоящая фамилия моего деда была Новзен. Он русифицировал ее, вступая в армию, потому что даже в Красной Армии плохо быть солдатом Рабиновичем. Солдатская биография другого дедушки, отца матери, начиналась в Первую мировую, начиналась трудно — он тонул в Мазурских болотах с армией генерала Самсонова, выбирался из окружения в том несчастном августе 1914 года; и выбрался. Великая Отечественная грянула, когда он был уже пожилым человеком, в действующую его не брали, зато взяли в рабочий батальон, ну а кто знает, что это такое, поймет, что свой военный хлеб мой дедушка ел не даром.

Один из дядьев, курсант танкового училища, погиб, прикрывая отход наших из Пятигорска, в 42-м, другой, помкомвзвода разведки, получил тяжелое ранение в ногу при форсировании Десны, ногу ему ампутировали. Помню, как маленьким мальчиком я боялся никелированного протеза моего дяди, стоящего у кровати и охраняющего беспокойный дядин сон.

Ну а мой отец... Отец не воевал. Когда-то это было одним из самых тяжелых детских переживаний, и попробуйте объяснить тогдашнему пацану, что в 45-м его отцу исполнилось всего только семнадцать, что работал он на тракторе в далеком среднеазиатском колхозе плюс сильнейшая близорукость и начинающийся туберкулез легких. Но такие извинения не принимались моралью моего детства, проходившего в одном из московских дворов и в некоторых других местах в начале пятидесятых годов XX века...

Отцовские глаза достались мне по наследству. В придачу к кое-каким еще дефектам здоровья. Фрун-

зенским райвоенкоматом города Москвы я признан негодным к службе в армии в мирное время и годным к нестроевой во время военное.

У матери фамилия Сорензон. Она с Украины, из Полтавы. Корни предков уходят в еврейские местечки, сплошь населенные мелкими ремесленниками, в шоломалейховскую гольтьбу...

Отец и мать выбились в интеллигенцию, мама в Москве закончила Полиграфический институт, художественный факультет. А отец, родившийся в Москве, как ни странно, — Литературный институт. После чего его распределили в Брянск, где он работал в газете «Брянский комсомолец», кстати, вместе с Фазилом Искандером.

Там, в Брянске, отец написал и выпустил книгу рассказов. А потом почему-то ударился в кулинарию. Любил ходить на базар, выбирать продукты и вообще был докой по этой части. В этом есть что-то национальное. Практика базара. На Востоке, на Юге базар — это все, это жизнь, это способ существования, это мироощущение, это удовольствие. Это средство массовой информации.

Потом мать от нас ушла, мы остались вдвоем. Мое детство — с восьми до четырнадцати — Брянск.

Брянск — это театр с колоннами, овраги, колокольни, рынок у самой Десны-реки. Я помню в детстве в Брянске на 7 Ноября на площади перед обкомом партии натягивали экран и показывали «Ленин в 1918 году», «Ленин в Октябре». Стоит огромная толпа на морозе и смотрит, как на бледном экране перемещаются плохо различимые тени...

Знаете ли вы, как обидно, когда тебе не верят, что ты родился в Москве? Мне не верили.

Жизнь в маленьком городке очень мне потом помогла: было легко знакомиться и разговаривать с разными людьми.

Я не был в Брянске более тридцати лет. А он появляется в снах — школа, дорога из дома. Или про-

сто, вне изображения возникает какая-то особая то-нальность, настроение, и я понимаю, что это Брянск.

К журналистике я приобщился рано. Работал в многотиражках «Московский водник», «Знамя тру-да». И очень хотел попасть в штат «Литературной России», это тогда была крупная газета, орган Союза писателей России (писателей! — предел мечтаний). А меня не брали из-за национальности, хотя заво-тделом хотела взять. Она мне говорила:

— Лева, я бы с удовольствием. Но вот наш редак-тор, Константин Иванович Поздняев, он не любит евреев. Если вы можете как-то обойти этот момент или повлиять на него... Поговорите со своими роди-телями.

Мне было двадцать лет. Я был совсем инфантиль-ный мальчик. Пришел домой и пожаловался на судь-бу. Я тогда жил с матерью и отчимом. Отчим был председателем московского горкома графиков.

В это время строили дом на Грузинской (в кото-ром потом жил Высоцкий), это был дом горкома гра-фиков. И в этом же доме кто-то из Михалковых дол-жен был покупать квартиру... Или старший Михал-ков для кого-то квартиру «делал»? Короче говоря, как-то нашли возможность ему позвонить, объяснить связь между этой квартирой, мной и «ЛитРоссией».

Михалков позвонил Поздняеву. И позже содержа-ние этого разговора мне передавали так.

Михалков, заикаясь, говорит:

— Костя, ты, говорят, это, ж-жидов н-не б-берешь?

Я потом был свидетелем подобного, когда освещал секретариаты Союза писателей как корреспон-дент «ЛитРоссии»: Михалков со всеми был на «ты», с пожилыми людьми как со школьниками разговари-вал.

Перепутавшийся Поздняев оправдывается:

— Сергей Владимирович, да у меня и замредак-тора еврей, и ответственный секретарь...

Тогда Михалков ставит точку:

— Ну, ты одного жиденка еще возьми. Новоженев фамилия.

В результате этого звонка я стал работать в отделе информации.

Очень хорошо помню, как начинался рабочий день в редакции. Все время: пойдем по сто грамм, пойдем еще... Первое, что я увидел в первой своей газете, — это бутылка водки, батон хлеба за 28 копеек и колбаска, нарезанная ломтями, такая была у меня журналистская практика. А впереди же — рабочий день; и выпивали по стакану и шли на задание. Умирали тогда исключительно от пьянства. Никто не умирал от рака или СПИДа.

Я прихожу вечером в редакцию и вижу: ответственный секретарь, покойный ныне, Дима Пискунов сидит и плачет. Я испугался и говорю:

— Чего ты плачешь?

Он говорит:

— Кеннеди убили. Роберта.

Я отошел в сторону и думаю: ведь действительно, личное горе переживает человек. Хотя совершенно пьяный. Плачет, слезы. Пожилой человек. Где Кеннеди, где он?!

Я в первый раз выпил в семь лет со своим приятелем на поминках его отца. И на самом деле я очень люблю пить. И всегда любил. Но сейчас уже нет времени на похмелье. Иногда выпьешь, конечно, но все равно с оглядкой. Я ведь на телевидении. Значит, думаешь о том, с каким лицом выйдешь вечером в эфир. И потом — ответственность, раньше всегда был кто-то, кто заменит, подопрет. А сейчас я крайний.

Когда ты знаешь, что вечером — прямой эфир, пусть даже всего десять минут, спокойным в течение дня оставаться невозможно. Это можно сравнить с непрекращающимся напряжением перед серьезным экзаменом.

И когда уже выходишь из эфира и понимаешь, что все наконец сложилось и пронесло, то чувству-

ешь необыкновенную легкость, хочется прыгать. А на дворе — начало первого. И в принципе, нужно ехать домой и ложиться спать.

А у тебя ощущение двоечника, которому достался единственный билет, который он выучил. И хочется куда-то ехать и общаться.

Первый год мы все время выпивали, праздновали каждый эфир. Потом поняли, что, наверное, скоро умрем: мало того, что не спим, так еще и выпиваем. И постепенно это стало сходиться на нет.

Иной раз, конечно, и теперь выпьешь, но обычно едешь домой, там все уже спят, ругаются сквозь сон, «работа твоя дурацкая». Но ты все равно еще два часа ходишь, читаешь, ложишься наконец в 3—4. Нервишки уже никуда.

С едой у меня сложные взаимоотношения. Я стал бояться ощущения сытости. С этим чувством трудно работать, жить, разговаривать. В сон клонит. В молодости я любил поесть, теперь это прошло. Наступил период, когда хочется быть немного голодным. Я, конечно, не стал безумно богат, но некоторого материального благополучия достиг. Я понял, что и завтра будет еда, и послезавтра, — синдром человека, спасшегося с «Титаника», исчез.

Остались какие-то здоровые вещи — кусочек поджаренного хлеба, глоток чего-нибудь вкусного. Хотя как-то странно: когда остаюсь один, вообще есть не могу, просто хожу и страдаю от голода.

Возвращаясь к работе в «ЛитРоссии», не могу не вспомнить, как же собственно я начал писать. Сам момент создания первого художественного произведения, в общем-то, не был связан с редакцией. К моей жене приехала сестра, им нужно было ходить по магазинам, они как две сороки трещали, а я был вынужден плестись сзади. Мне было страшно скучно и хотелось перенестись в какое-нибудь другое место, не присутствовать при этом. И как люди считают баранов перед сном, я стал что-то сочинять. Сочинил

историю, пришел домой — записал, и ее напечатали. В «Литературной газете». На той самой последней полосе — 16-й странице, в знаменитом «Клубе 12 стульев». Дело в том, что мой сосед по редакционному кабинету Володя Владин без конца пропадал в «Литературке», был одним из авторов знаменитого «Бурного потока» — романа века, пародийного произведения пародийного писателя-душелюба Евгения Сазонова. Именно Владин и отнес мое первое произведение в «ЛГ». Несколько последующих лет я был автором «Клуба ДС».

Жанр юмористической миниатюры как-то очень совпал с моей внутренней самооценкой. У меня всегда были очень скромные притязания. Я понимал: столько уже написано, одно лучше другого! И имею ли я право, жалкий раб, отнимать у человека время, отвлекая его от великих шедевров?! Со своим скромным талантом я могу отвлечь его на 5 — 10 минут.

Кстати, в советской литературе всегда существовал комплекс маленькой формы. Советская литература страдала гигантоманией, как любое фашистское искусство. Люди, которые писали «кирпичи», были людьми. Все остальные — второй сорт. И так — во всех творческих союзах. Скульпторы-монументалисты не признавали графиков, живописцы — карикатуристов. Чем больше, в смысле объема, человек делал, тем больше он был художником. А юмористы — это вообще эдакие евреи от литературы. Такой маленький презираемый народец. Но — читаемый! Вспомните, читать «Литературку», советскую «толстушку», начинали исключительно с последней полосы. Юмористы были своего рода диссиденты от литературы.

Женился я четырежды. Мой первый брак был по большой любви — вероятно, именно поэтому он закончился несчастливо. У меня вообще складывается впечатление, что такой финал обязателен для каждой настоящей любви. А когда мы «не сошлись ха-

рактерами» и довольно быстро разошлись, я, как и многие мужчины, нашел для утешения родственную душу. Впрочем, это уже история моего второго брака.

А может быть, любовь — это когда кого-то не любишь меньше, чем всех остальных?

Моя вторая жена — биолог, сейчас занимается психологией в Соединенных Штатах. Она получила грин-кард следующим образом: принесла вырезки из «МК», где рассказывается о том, как на редакцию напали члены черносотенного общества «Память», и получила статус политического беженца. Живет в Детройте. Сам объект нападения находится здесь.

Последний брак, в отличие от предыдущих, оказался «затяжным». Мы живем с Мариной вместе уже двадцать лет, и я ни разу об этом не пожалел. И нет желания новых поисков и перемен. К тому же, согласитесь, обременительно жениться до бесконечности. Тем более если у тебя в жизни есть и другие дела.

Я не очень боюсь признаться, что изменял предыдущим женам. Иначе как бы женился на последующих? Запомнился вычитанный когда-то разговор двух молодых людей из окружения Пушкина. Один предложил другому пойти в «дом свиданий». Второй шокирован: как можно, у меня есть жена. А первый возражает: у меня, мол, в доме есть повар, но это не значит, что я никогда не питаюсь в ресторанах. Догадываюсь, что эти слова могут вызвать негодование. Но невозможно как-то суммировать все многообразие причин, толкающих мужчин искать и находить на стороне радость или утешение, или просто отдых. И трижды не прав тот, кто решится провозглашать как аксиому: «Во имя сохранения брака не изменяйте женам!» Или наоборот: «Во имя сохранения брака полезно время от времени заводить романы на стороне».

В каждой семье все по-своему. Теперь уже я твердо знаю, что семейное благополучие — не в отсутст-

вии проблем. А в умении решать их наименее болезненным образом.

Марина — хороший журналист, получала премии Союза журналистов. Она идеальный редактор, и если бы я был в состоянии работать с женой... но это невозможно.

В конце шестидесятых появилась дилемма: уехать или нет. Но моя мать всегда говорила: Россия, родина. К тому же отчим у меня русский. В общем, не хватило у меня мужества уехать одному.

В юности, когда человек все время испытывает какие-то обиды и притеснения, ему кажется, что надо уехать. Бывает такой возраст у человека — обидчивый, тогда он начинает менять среду обитания. В принципе всегда хочется того, чего нельзя, а когда можно, уже вроде и не хочется.

Я никогда не надеялся даже, что смогу побывать за границей. И теперь потерял за границу как некоторую мечту. Хочешь Эйфелеву башню, подъезжаешь к ней. Ну и что? А вот Тауэр. Тауэр маленький оказался, я думал, что он большой. Мечта всегда ярче.

Для меня родина — русский язык. Русским я считаю того, кто говорит, думает и шутит на русском языке. Ностальгию начинаю испытывать уже в Рязани.

Я еврей с чисто славянскими привычками: ем не вовремя, не занимаюсь своим здоровьем, много курю. Но чтобы остаться евреем, я не уехал в Израиль. Потому что там ты сразу становишься большинством. А еврей не может быть большинством. Ощущение исключительности, что ты не такой, как все, там сразу исчезает.

А вот мой сын уехал. Сначала в Израиль, потом в Штаты. Мне его очень жалко, у него в большом смысле нет родины. Он прошел несколько стадий. Начинал как ортодоксальный еврей. У него это не получилось, сейчас занимается мелким бизнесом.

Я изъездил Европу почти всю. Любопытства к заграничье уже нет. Хочется назад, в Россию. Стало понятно, что и Россия больше, чем Россия. Что-то очень важное. Гораздо более важное.

Работа в газете была связана с разъездами. Нас постоянно посылали в глухие места, в так называемую глубинку. Я объездил всю страну, начиная от Южного Сахалина.

Когда меня исключили из института за все сразу, почти без права восстановления, то сказали, что есть единственный шанс:

— Привезешь характеристику с комсомольской стройки — мы тебя восстановим.

И я поехал в Ачинск на строительство алюминиевого комбината. Выдержал только семь месяцев плотником-бетонщиком самого последнего разряда. Потом отвалил опять в Москву, еле хватило на билет, двое суток ел один хлеб. Соседка по купе, приличная женщина, смотрела на меня с ужасом.

Москва — город, который по-настоящему мой. Везде почти я жил. Во всех спальных районах. В центре родился. Переезжал, менялся. Помню все свои маршруты, транспорт, все подъезды, в которых целовался, все квартиры, в которых выпивал. Так что не нужен мне берег турецкий.

Я ушел на телевидение из «Московского комсомольца», где проработал 13 лет. Когда появился в «Московском комсомольце», это была еще отнюдь не такая сверхпопулярная газета, — лимитированный тираж и самый низкий гонорар в России, на уровне районной газеты.

«Московский комсомолец» по жанру относится строго к таблоидной прессе. Но в свое время был выдвинут лозунг (и, кстати, он был мой): «Лучше желтая, чем бесцветная!» Ведь можно быть «желтой» газетой, но — никакой!

«МК», наверное, оказался первым изданием, которое откровенно заявило о себе: «Да, мы бульварная

пресса!» Еще не было «Экспресс-газеты» и всех прочих. А вот когда они уже появились, возник вопрос, что, собственно, есть еще в «МК» кроме «желтизны»?! Потому что «Республика» — тоже «желтая» газета, но вместе с тем она умудряется быть очень авторитетной. Из «МК», на мой взгляд, эта авторитетность ушла, осталась по преимуществу «желтизна».

Очень жаль. Ведь традиции зрелой оппозиции были очень сильны. Достаточно вспомнить, что когда-то в «МК» работали Мандельштам, Шолохов, Трифонов... При большевиках эта газета была лимитирована, ее в 80-е годы в НИИ разыгрывали в лотерею. А номера со «Звуковой дорожкой» оборачивали в целлофан, она переходила из рук в руки, как вымпел. «Комсомолка» была большой и официальной, а «Комсомолец» — «молодежкой», где народ оттягивался и писал что хотел.

Получали за это, естественно, чудовищно мало. Строчка стоила 3 копейки. Три человека получали 110 рублей, пять человек — 140, еще человек семь — 60 рублей, остальные работали на гонорарах.

Меня самого в «МК» 20 лет назад пригласил Лева Рушин, тогдашний редактор. На 65 рублей, вести отдел юмора.

Еще работая в газете, поглядел я как-то на одного из своих знаменитых коллег и подумал с ужасом: «Буду таким же старым и буду все так же ходить по этим до коллик знакомым коридорам...» И так мне жутко стало, надо было срочно что-то менять. Кроме того, как у всякого журналиста-газетчика, у меня был такой телекомплекс, зависть к тем, кто работает публично.

И тут я получил это странное предложение...

Тогда еще НТВ не было. Тогда был 4-й канал Останкино с генеральным директором Анатолием Григорьевичем Малкиным. У Малкина была мечта сделать свою информационную программу. Ну, как же, у всех есть, а у нас нет. Но творческих возможно-

стей тогда было, конечно, больше, чем финансовых. И Малкин через Диму Диброва, в то время главного режиссера 4-го канала, передал мне предложение сделать программу. Предполагалось, что она будет осуществляться силами «Московского комсомольца». К идее создания «Времечка» реально имели отношение только два человека — Малкин и Дибров.

Я не притворялся, что что-то понимаю в телевидении, знаю терминологию, язык, какие-то узкоспециальные вещи. Но я понимал в другом, в том, чему я учился всю жизнь, идя впотьмах, ошибаясь, набивая себе шишки: как сделать так, чтобы было интересно. Это мое качество соединилось с их умением нажать необходимую кнопку, чтобы все снималось, писалось, монтировалось.

...Когда я решил уйти на телевидение, Гусев, последний редактор «МК», спросил меня:

— Зачем тебе это надо? — И потом сказал одну фразу, которая почему-то запомнилась, хотя остальные уже стерлись: — И вообще, знаешь, пожилой еврей в кадре...

Я понимал, что действительно еврей, действительно пожилой, но как-то все же было обидно.

Когда я все же ушел во «Времечко», причем расстались мы с Гусевым нормально, он мне сказал:

— Я, конечно, не могу лечь поперек порога, чтобы тебя не пустить, но, учти, ты делаешь страшную ошибку!

Только единственное условие, — добавил Гусев, — ты у меня никого не берешь.

И я держался этой договоренности всегда, хотя были случаи, когда люди из «МК» приходили во «Времечко» сами, но они не прижились.

По прошествии времени я понимаю, что почти никто из «МК» не мог бы работать здесь. Ни один человек, прошедший газетную школу, мне не смог бы пригодиться. Все его навыки во «Времечке» только мешали бы.

Я подбирал свою команду по принципу любви. Находил людей, которые ничего не умели, учил их «от» и «до». За это они начинали меня немножко любить. А я их за то, что в них много вложено.

Я ни у кого не крал журналистов, не переманивал, я люблю делать их сам.

Как возникло название? Были старые записные книжки, в одной из которых нашлось название для телевизионной программы «Ну и время». Анатолий Малкин — мощный «генератор», он тут же сказал: лучше не «Ну и время», а «Времечко».

Это не была прямая фронда официальному «Времени». Хотя парадокс заключался в том, что программа «Время» очень быстро после нашего дебюта перестала существовать, тогда были только «Новости» 1-го канала. Потом «Время» появилось снова, пришли новые люди, они сказали: ну как же, такое хорошее название, такая замечательная традиция, пусть снова будет «Время».

«Времечко» задумывалось как своего рода новостийный театр (новостийное шоу), где действующими лицами являются буквально все — герои видеосюжетов, оператор, его камера, машина, которая возит оператора, шофер, ведущий выпуска и даже пепельница на столе у ведущего, если таковая будет иметься.

Моя теща от предыдущей жены говорила мне: «Лева, что это вы уходите от моей дочери? Поверьте, все женщины одинаковы». Я позволил себе усомниться и до сих пор считаю, что прав. Так же и с работами — много хороших, разных и интересных. А я вообще не однолюб.

Я благодарен Анатолию Григорьевичу Малкину, как своему первому учителю, за то, что он преподавал мне главный, возможно, урок телевизионного мастерства, научил свободе. Научил не бояться людей, которые смотрят на меня с той стороны телеэкрана, не бояться камеры, вести себя раскованно, оставлять-

ся самим собой, что довольно сложно, потому что многие люди, даже профессионалы, перед камерой теряются.

С чувством глубокого удовлетворения хочется признать, что работа на телевидении довольно скоро избавила меня от разных иллюзий: и по поводу ТВ, и по поводу самого себя.

Я отношусь к тем, кого называют «шестидесятниками». Кто считает, что неважно, как человек одет, как подстрижен, главное — духовное. И также очень важно говорить о том, что главное — духовное. И очень важно, чтобы говорить об этом на кухне.

Очень долго пришлось себе доказывать, что внешнее — это проявление внутреннего. Особенно когда работаешь в визуальных жанрах.

Очень многие считают, что все заключено в словах. Но слова — это лишь часть правды. Я стал гораздо больше придавать значения так называемому внешнему. Пришлось в свое время задуматься об элементарных вещах. Ведь и ногти могут крупным планом показать.

Все приобретает значение: одежда, прическа, цвет глаз. Я понял, что у человека должна быть ответственность как у части окружающей среды за то, как она выглядит, эта среда. Человек должен ощущать себя частью пейзажа.

...Могу сказать, что ни минуты я не жалел и, несмотря на драматические события вокруг канала НТВ, не жалею о том, что в свое время согласился переменить судьбу, приняв предложение работать на ТВ. Это сделало мое существование еще более насыщенным, а это — самое главное, на мой взгляд.

И куда бы я теперь ни поехал или ни пошел в этом городе, отовсюду смотрит на меня Останкинская башня. Смотрит, как оставленная дома жена, как Ярославна...

Тринадцатый стул

«ЛГ», 1974 — 1983

А юди ничего не дают

с такой охотой и с таким удовольствием, как советы. Но, если вы хотите, чтобы вас буквально полюбили с первого взгляда, остановите встречного старожилу и спросите, как найти нужную вам улицу.

Человек, к которому я обратился с подобным вопросом, буквально весь засветился от радости.

— Вам чертовски повезло, — сказал он, глядя на меня влюбленными глазами.

— В каком смысле? — спросил я.

— Не встретить меня, вы бы здесь плутали неизвестно сколько.

— Весьма признателен.

— Нет, да вы просто счастливчик!

— Не знаю, как вас и благодарить.

— Так вам, значит, нужно на Сиреневую улицу?

— Да, на Сиреневую.

— В гости, небось, идете?

— Да, в гости.

— То-то, я смотрю, вы с цветами и с тортом.

— Да, знаете ли, неудобно как-то с пустыми руками.

— Так, значит, на Сиреневую?

— Хотелось бы!

— Это проще простого. Я вам сейчас объясню.

А вам случайно не нужно на Подсолнечную?

— Нет, мне нужно на Сиреневую.

— А то бы я мог заодно объяснить, как пройти на Подсолнечную.

— Как-нибудь в другой раз.

— А жаль! Тоже хорошая улица. Совсем недалеко отсюда.

— Я бы с удовольствием, но меня ждут на Сиреневой.

— Считайте, что вы уже там!

— Сам, честно говоря, поражен!

— А то знаете, некоторые как начнут объяснять, и напутают, напутают, а человек все-таки в гости идет, спешит все-таки... Что такое, вам дурно?

Это были последние слова, какие дошли до моего слуха. Очнувшись, я увидел склонившееся надо мной румяное лицо, увенчанное медицинской шапочкой. Лицо улыбалось.

— Ну, вот мы и пришли в себя. Поводов для беспокойства абсолютно никаких нет...

Я хотел что-нибудь сказать в ответ, но лицо с мягкой настойчивостью перебило меня.

— Вам сейчас пока нельзя разговаривать. Знаю, знаю, голубчик, вашу историю. Вы ведь Сиреневую улицу искали... Ваше счастье, что попали именно на меня. Никто вам лучше не объяснит, как пройти на Сирене...

И я снова закрыл глаза.

Но справедливости

У Пескова Севы сегодня

семейное событие. Сегодня он с женой Светой разводится. Имущество делит по справедливости. Чтоб никому не обидно было. Это, значит, тебе, это — мне.

Ей — утюг электрический на 127 вольт.

Ему — зажим велосипедный для брюк.

Ей — наволочка полотняная с синей каемкой.

Ему — портрет Хемингуэя позднего периода.

Ей — подставка для чайника и сам чайник.

Ему — 3-й том Мамина-Сибиряка.

Ей — подушка гусяного пера.

Ему — звезда, которую он достал для нее с неба 14 июня 1983 года, когда они, еще не будучи мужем и женой, шли от Самотеки к Каляевской.

Ей — туфли, почти как новые, в которых она, еще не будучи его женой, собиралась идти с ним на край света.

Ему — бумага писчая, на которой он не сегодня-завтра, вот только с делами разделается, начнет писать диссертацию.

Ей — комната в трех шагах от метро.

Ему — право на дополнительную площадь, которое он будет иметь, когда напишет эту самую диссертацию, которую он не сегодня-завтра сядет писать, вот только с делами разделается, ей-богу.

Еще у них есть бабушка, которая в данную минуту сидит на стуле.

Ему — стул.

Ей — бабушка.

Не обижена и бабушка. Бабушке достается самое дорогое, что у них есть, — сын Юрочка, плод любви.

А в придачу ко всему Сева получает щелчок дверного замка и окропленный осенним дождичком тротуар, с прилипшим желтым листом, на котором в данную минуту он, Сева, стоит со стулом в одной руке и чемоданом в другой.

Однажды по дороге

на службу Петров спас старушку, вынес ее из горящего дома. Когда на место происшествия прибыли корреспонденты, смельчака и след простыл, он в это время входил уже в двери родного учреждения.

— Опять вы на работу опоздали, Петров, — встретил его начальник. — Что вы на этот раз скажете? Снова автобусную остановку перенесли? Или, как вчера, будильник сломался?

— Старушку из огня выносил, — сказал Петров.

— А больше вам ничего в голову не пришло? Пора кончать этот детский сад, Петров. Идите и хорошенько подумайте.

Рабочий день уже был в самом разгаре. Спорили о преимуществах армянских коньяков. Кто-то не любил блондинок. Кто-то возмущался качеством паркетных полов.

— А я старушку из огня вынес, — сказал Петров. Но его, видимо, не расслышали.

— Иду это я мимо одного дома, вижу: дым, — сказал погромче Петров.

— Ах, какой очаровательный фильм, — обернулась к нему Марья Сергеевна. — Я тоже видела. И вы видели?

— Вы, батенька, неправильно этот анекдот рассказываете, — пробасил Сергей Порфирьевич. — Идет, значит, по Дерибасовской один человек...

— Это не анекдот, это серьезно, — обиделся Петров. — Я человека спас.

— Товарищ Петров, а товарищ Петров, скрепочки не найдется? — спросила Оленька.

Но тут часы пробили два, и все убежали в столовую. Вечером за ужином Петров рассказывал жене:

— Утром это иду я по улице, вижу дым из окна...

Петров неуверенно посмотрел на жену и продолжал:

— Я и бросился туда... А там старушка. Ну, я ее и спас.

— Ты у меня герой, — сказала жена и погладила супруга по голове. — На работе все нормально? Ну иди, иди, вижу спать хочешь, устал.

Петров покорился жене и, засыпая, долго чувствовал на себе ее озабоченный, тревожный взгляд.

На следующий день, когда Петров с женой смотрел телевизор, позвонили в дверь. Открывать пошла жена, и Петров слышал ее приглушенный голос в прихожей.

— Знакомься, — сказала она, входя в комнату, — это Михаил Михалыч. Расскажи ему все, как есть.

Вошедший оказался в белом халате. От него исходила особая медицинская уверенность и такое спокойствие, что Петров неожиданно для себя и с покорной готовностью начал:

— Иду это я по улице, вижу дым...

Пробыл Петров дома недели три, пока врач не разрешил снова идти на работу. Петров соскучился по службе. Он стоял на автобусной остановке и представлял, как его встретят там, как будут спрашивать о здоровье. И вдруг со стороны реки раздался крик. Петров было хотел броситься туда, но вспомнил строгое лицо начальника, почувствовал на себе озабоченный взгляд жены и вскочил на подножку подошедшего автобуса.

Счастья тебе, диспетчер

Обычное дело,

Веткин застрял в лифте. Между пятым и шестым этажами. Веткин немного подумал и нажал кнопку с надписью «диспетчер».

Сначала в микрофоне высморкались. Потом ото-звался глухой, замогильный голос: «Диспетчер слушает». Диспетчер был мужчиной.

— Я в лифте застрял, — сказал Веткин.

— Это еще что, в лифте, — сказал диспетчер. — Тут у людей такое делается, что не приведи господи!

— Что? Что делается? — удивляясь, спросил Веткин.

Диспетчер снова высморкался.

— Пятнадцать лет душа в душу, — сказал он. — Дом. Дети. Обстановка. Все. Что ей еще надо было? И на тебе. Как обухом по голове. Ушла.

— Кто?! У кого ушла? — все больше удивляясь, спросил Веткин.

— У меня. Жена, — сказал диспетчер. — Прихожу вчера после смены. Ничего не подозреваю. Гляжу, на столе записка. Прочешь?

— Прочтите, — сказал Веткин.

— Читаю, — сказал диспетчер. Послышался хруст разворачиваемой бумаги. — «Ваня! Надеюсь, ты меня поймешь и простишь. Все, что было между нами, — страшная ошибка. Я встретила человека, который может составить счастье моей жизни. Детей заберу, когда устроюсь на новом месте. Квитанции из прачечной в шкафу на второй полке сверху».

— Сколько детям? — с ужасом прошептал Веткин.

— 10 и 3. Бедные малютки! Что я им скажу?

— Боже мой! — сказал Веткин, держась за стенку лифта и чувствуя, что слабеет.

— Что я им скажу? — еще раз повторил диспетчер, а из микрофона вырвались сухие лающие звуки. Диспетчер, кажется, плакал.

— Держитесь! — сказал Веткин, чувствуя, что сейчас сам вот-вот расплачется. — Держитесь во что бы то ни стало. Будьте же мужчиной. Вам сейчас никак нельзя раскисать. Выпейте воды. Воды!

— Дом. Дети. Обстановка. Все, — рыдая, сказал диспетчер. Затем послышалось лязганье стакана. Забулькало.

— Теперь попробуйте забыться, — сказал Веткин. — Усните.

— Дом. Дети, — ослабшим голосом бормотал диспетчер. — Что ей еще надо было?.. — Слова становились все тише, тише. Наконец Веткин услышал мерное посапывание.

«Уснул, — думал Веткин, поудобнее устраиваясь на полу лифта и тоже задремывая. — Как это в жизни все странно получается. Рядом у человека горе, беда, а мы ходим, живем счастливые, равнодушные, ничего не подозревая».

Веткин не помнил, сколько проспал. Проснулся от того, что в клетку лифта отчаянно барабанили.

— Кто там? — пробормотал Веткин, продирая глаза.

— Проснитесь! Да проснитесь же вы скорей! Это я, диспетчер!

— Что случилось? — спросил Веткин, окончательно приходя в себя.

— У меня новости! — захлебываясь от волнения, говорил диспетчер. — Прибежал, хотел и вас порадо-

вать. Жена вернулась, понимаете. Позвонила мне на работу. Ждет меня. Бегу. Лечу к ней.

— Цветов не забудьте купить, — сказал Веткин сквозь решетку. — В знак примирения. Не напоминайте ей прошлого. Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Обязательно куплю, дорогой вы мой человек! — прокричал диспетчер уже с площадки первого этажа.

— Счастья тебе, диспетчер, — прошептал Веткин, и сердце его наполнилось радостью.

Никогда-никогда

Малолетний Климчук

разгрохал столовый сервиз на двенадцать персон и теперь держал ответ перед Климчуком-старшим. Тот как раз высвобождал из брюк широкий офицерский ремень.

— Ну, ложись, — скучно сказал Климчук-старший Климчуку-младшему.

От дверей кухни донесся трагический шепот Климчук-матери:

— Что нужно сказать папочке?

— Папочка, я больше не буду, — послушно сказал Климчук-младший.

— Никогда не буду, — подсказала Климчук-мать.

— Никогда не буду, — повторил Климчук-младший и с талантом импровизатора добавил: «Правда-правда».

Климчук-старший посмотрел в голубые глаза своего сына, и в его голове шевельнулось сомнение: «Может, не пороть?»

В комнату неслышно влетели духи Песталоцци, Ушинского и Антона Макаренко.

...После этого случая Климчук-младший никогда в жизни, никогда-никогда, не разбил столового сервиза на двенадцать персон. Правда-правда.

Однажды Климчук-младший играл в партизан, в результате чего сошел с рельсов трамвай 13-й номер.

И снова Климчук-старший высвобождал из брюк широкий офицерский ремень, в дверях кухни суфлерским шепотом шептала Климчук-мать, а Климчук-младший говорил: «Папочка, я больше никогда не буду. Никогда-никогда».

И снова где-то под потолком, возле плафона, витали духи Песталоцци, Ушинского и Антона Макаренко.

После этого случая никогда-никогда по вине Климчука-младшего не сошел с рельсов трамвай 13-й номер.

...Как-то раз Климчук-младший прогулял четырнадцать рабочих дней, будучи в нетрезвом состоянии, нанес телесные повреждения жене с переломом одного ребра и разрезал дермантин на двери соседа.

Климчука судили.

— Слово предоставляется Климчуку Б. Н., — сказал председатель товарищеского суда.

— Дорогие братья и сестры, — честным голосом сказал Климчук. — Я больше никогда не буду. Правда-правда.

Зал гудел. Все увидели, как в открытую форточку влетели духи Песталоцци, Ушинского и Антона Макаренко. Песталоцци погладил по голове председателя товарищеского суда, а Ушинский выпил председательский стакан воды. Климчук был оправдан.

После этого случая Климчук никогда-никогда не прогуливал четырнадцать рабочих дней, не наносил жене телесных повреждений с переломом одного ребра, а уж что касается двери соседа, то дермантинную дверь Климчук никогда не резал.

Вот он сидит передо мной, мой старый знакомый Климчук.

Год назад он занял у меня сорок рублей ровно на полтора дня, взял у меня покататься велосипед и отнес его в комиссионный магазин, распространяет

обо мне сплетни, по его вине от меня навсегда ушла невеста и подергивается левая щека. Вот он сидит передо мной и говорит:

— Дорогой мой, я больше никогда не буду. Никогда-никогда. Правда-правда.

На пятидневку

В детский сад

Женьку отводит Виктор Павлович, второй муж Женькиной мамы. Он тащит Женьку по улице, а тот не хочет идти, упирается. Виктор Павлович отдирает Женьку от оград, деревьев, выступов домов, время от времени переводя дух и вытирая взмокшую шею носовым платком.

— Эх, был бы ты моим сыном, показал бы я тебе, — говорит Виктор Павлович.

— А так что? — спрашивает Женька.

— А так не могу, — вздыхает Виктор Павлович, — не имею права...

— Нехочувдетскийсаднехочувдетскийсад, — затягивает свою песню Женька. Он поет не из удовольствия: какое же удовольствие петь в такую рань, — а поет он из чувства протеста. Собственно, он и не поет даже, а ноет, но получается, как будто поет.

— Каждый человек должен работать, заниматься каким-нибудь делом, — говорит Виктор Павлович, протащив Женьку еще несколько метров и остановившись, чтобы перекурить.

— А я, интересно, кем работаю?

— Ты работаешь ребенком, — говорит Виктор Павлович.

— Интересно, и что же это я делаю?

— Ты растешь, — говорит Виктор Павлович, отщелкивая в сторону сигарету. — Ну, пошли, что ли...

Таким манером они добираются до автобусной остановки. Когда подходит их маршрут, Виктор Павлович берет Женьку на руки и взбирается в автобус. Здесь им тут же уступают место. Женька сидит на коленях у Виктора Павловича и с тоской думает о том, что Игнатьев из параллельной группы опять будет драться самолетом.

Они приезжают.

У калитки детского сада Виктор Павлович передает Женьке мешок с его вещами и говорит:

— Слушай, Жень, одолжи три рубля до пятого...

У Женьки есть деньги, ему за субботу и воскресенье родственники надавали. Его все жалеют, вот и дают: кто рубль, кто трешницу. Женька нащупывает в кармане скомканные бумажки.

— До пятого?

— Точно до пятого.

— Только до пятого, — говорит Женька и протягивает трешку.

— Спасибо, Жень, только мамке не говори, ладно?

— Ладно.

— Ну, пока, води себя прилично, в пятницу мы тебя заберем.

— Пока, — говорит Женька и вприпрыжку бежит к корпусу. Он бежит и думает, что когда чего-то очень не хочется и оно наступает, то оказывается, что в нем ничего такого особенно страшного и нет, терпеть можно, и что сейчас он увидит всех своих ребят, а Игнатьев пусть только попробует...

С^у то примечательно.

сосед этот никогда не заходил к Василию Петровичу Ребенкову, и тот про себя давно записал его в нелюдимы. Ни за спичками, ни за солью, ни за стульями, как это принято у соседей. А жил, между прочим, всего через площадку. Ну, и Василий Петрович к нему ни ногой. Гордый был человек. И вдруг однажды, открыв на звонок дверь, обнаруживает у своего порога — кого бы вы думали? — этого, бородатого, из 42-й квартиры.

— Климов, — говорит сосед, — Андрей Петрович, художник. Извините за беспокойство...

— Да вы проходите внутрь, проходите, — спохватывается еще не пришедший в себя от удивления Ребенков. — Чего ж за дверью-то стоять!

— Спасибо, — говорит Климов. — У меня к вам просьба не совсем обычного свойства. Я тут натюрморт принялся писать и гляжу: чего-то у меня в нем не хватает. Гляжу: яблок не хватает в правом нижнем углу. Бросился на кухню — нету яблок. А бежать за ними в магазин — неблизко. Пока вернешься, все настроение пропадет. Так не могли бы вы...

— Яблоки, — понял Ребенков, счастливый от того, что мог помочь этому, в сущности симпатичному, человеку.

— Да мне немного, — замялся художник. — Штучки две-три...

— Слушайте, я вам дам таких яблок, вы упадете. На моем собственном садовом участке выросли. Сам лично поливал, окучивал. Вот сюда, пожалуйста, на кухню...

— Да мне немного, — повторил художник, — штучки две-три...

— Берите, берите, не стесняйтесь. Еще берите, — приговаривал Василий Петрович, накладывая яблоко за яблоком в подставленные руки художника.

— Мне для натюрморта, — робко попробовал возразить художник. — В правом нижнем углу чего-то не хватает... Штучки две-три.

— Ну почему только для натюрморта, — горячился Василий Петрович. — Вы и сами поешьте. Попробуйте наших яблочек!

— Все, все, хватит! — решительно запротестовал художник. — Больше не унесу. Огромное спасибо!

Василий Петрович проводил соседа до двери, помог открыть ее, но дальше следовать не решился. Он вернулся к себе домой, занялся починкой балконной рамы, но работа определенно валилась из рук. Он поймал себя, что все время ждет, не позвонят ли в дверь. Но никто не звонил.

Василий Петрович маялся так еще часа два и наконец не выдержал.

...Долго не открывали. Потом послышались шаги, щелкнул замок, и наступил черед удивляться художнику.

— Вы меня извините, — сказал Василий Петрович. — Я что подумал. Может, у вас для натюрморта еще чего не хватает. Тыквы, например, или кабачков. А то у меня и лук есть. И такой, и такой. Зеленый и репчатый. А редис у меня на участке в этом году уродился!.. Чудо-редис. Возьмите, не пожалеете.

— Сердечно тронут, но как-нибудь в другой раз, — проговорил художник. — А теперь прошу меня изви-

нить, у меня сейчас самая работа. — И художник исчез за дверью.

Возможно, я никогда не узнал бы этой истории, если бы нынешней осенью не отправился на выставку произведений наших местных художников. Переходя от картины к картине, я остановился у натюрморта с яблоками в правом нижнем углу. Я разглядывал полотно и вдруг услышал позади себя:

— А яблочки-то, белый налив!.. От яблони трехлетки... Сам сажал, сам поливал, окучивал... Сорт хороший, морозоустойчивый, а черенок мне, помню, Бурундуковы дали, из дома 3.

Я обернулся.

— Вы, кажется, заинтересовались этим натюрмортом, — сказал незнакомец. — Я некоторым образом имею отношение к его созданию. Разрешите представиться, Ребенков, Василий Петрович...

Мой папа парикмахер

— Дети, — сказала

учительница, — сегодня мы пишем сочинение. Пусть каждый из вас расскажет о профессии своего отца.

«Мой папа водитель самого большого самосвала», — крупными буквами вывел Егор. Потом подумал и зачеркнул фразу. Вместо нее появилась другая: «Мой папа стрижет и бреет людей. Он парикмахер».

Егор так увлекся, что не заметил, как прозвенел звонок. Класс загалдел, все принялись делиться впечатлениями.

— Мой отец — садовник, — сказала Клава.

— А мой по ремонту телевизоров, — похвастался Константин.

— Зато мой работает поваром, — заявил Гена.

— А твой кто? — спросили ребята Егора.

— Мой папа портной, — ответил он.

— А вот и неправда, — вмешалась Света, — я заглядывала тебе в тетрадку, — ты сам написал, что парикмахер.

— Говори правду, говори правду, — потребовали все.

— Ну ладно, скажу, — буркнул Егор. — Мой отец этот, как его, телефонист.

После уроков ребята отправились смотреть стройку. И Егор пошел. Перелезли через забор. И тут кто-то из строителей заметил мальчишек. Все разбежались, один Егор не тронулся с места.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Егора строитель. — Тут детям нельзя.

— А мне можно, — заявил Егор, — у меня папа каменщик.

— Ну, тогда смотри, — улыбнулся строитель.

Егор посмотрел, как работает бетономешалка, и побежал домой. Чтобы не терять времени, он решил пересечь дорогу на красный свет. Но не тут-то было. Егора задержал милиционер.

— Где твои родители? — строго спросил он.

— Да отец тут рядом, он тоже милиционер, — ответил Егор.

— А как фамилия?

— Васильев, — выпалил, не сморгнув глазом, Егор.

— Что-то такого не знаю, — покачал головой милиционер и перевел Егора на другую сторону улицы. — Давай топай, и чтоб больше не нарушать. Тем более отец милиционер.

Егор был уже в своей кровати, когда отец пришел домой.

— Садись ужинать, писатель, — раздраженно встретила его жена. — Опять где-то ходил.

Уже сквозь сон Егор слышал виноватое бормотанье отца: «Творческая депрессия... книгу зарубили, плохая рецензия», — и голос матери, произносившей простые и понятные для Егора слова: «Бездельник... лентяй... сам виноват».

Уже окончательно засыпая, Егор успел подумать: «Когда вырасту, обязательно стану шофером или парикмахером. Или лучше телефонистом... А может быть, милиционером...»

Своего друга Петю Самолетова

я узнаю уже по дверному звонку — такой это бодрый, энергичный звонок.

— Ну, пляши! — говорит Петя, проходя мимо меня в квартиру. — У меня для тебя приятная новость.

Несмотря на многообещающее начало, я все же не спешу пускаться в пляс.

Петр выдерживает паузу и объявляет:

— Мы с женой решили пригласить тебя на дачу. На субботу и воскресенье. Отдохнешь, встряхнешься. Увидишь хоть, как клубника растет, хе-хе-хе! А то вы, городские закоренелые жители, думаете, небось, что на дереве. А заодно, — Петя щупает мышцы у меня на руках, — вскопаешь пару-тройку грядок на огороде. За водой сходишь колодезной. И всю твою хандру как рукой снимет. Ну, рад? Молчи, не говори ничего, сам вижу, что рад. И не благодари! Не люблю, знаешь, преувеличенных выражений благодарности. Я для друзей в лепешку расшибусь.

— Видишь ли, Петя, — отвечаю я. — В мои планы как-то не входит ехать к тебе на дачу. У меня, извини, другие намерения.

Петя слегка мрачнеет. Наконец, какая-то, видимо, очень счастливая мысль озаряет его лицо, он хлопает себя ладонью по лбу и восклицает:

— Ах, я дурья башка, как же это я сразу не сообразил! Ну, разве я рабовладелец какой! Не хочешь копать — не копай! И за водой колодезной я сам схожу. Ты прежде всего гость, это — святое. Ты на дачу

приехал отдыхать, а не вкалывать. Представляешь, лежишь ты в гамаке этаким барином, а мы с супругой вокруг тебя на цыпочках прыг, прыг, прыг! «Владимир Иванович, не надо ли тебе чего?» Поедем, Володя, а! Из духового ружья постреляем. У меня на даче духовое ружье есть.

Уж очень мне не хотелось огорчать Петра, но я выдержал характер:

— И не уговаривай. Я же сказал: у меня другие планы.

— Так, так, так, — Петя забарабанил пальцами по ручке кресла. Он, когда нервничает, всегда барабанит пальцами по чему-нибудь. — Так, так, так. Кажется, мне все ясно. Тебя переманили Ватрушкины. Конечно, у них и участок больше, и дом в два этажа, но знаешь ли ты, что у них яблоки в этом году не уродились? И клубнику они не удобряли, понадеялись на авось! Не удобрить клубнику — это же надо! И это — садоводы! Теперь на нее без слез смотреть невозможно!

— Ватрушкины здесь ни при чем. Успокойся!

— Ага, значит, Канатоходовы! — ревниво сверкнул глазами Петя. — Эх, Володя, Володя, на что ты позарился! На цветной телевизор позарился. А еще интеллигентный человек. Нужен тебе на даче цветной телевизор! Уже черно-белый тебя не устраивает!

— Ах, оставь! — это уже начинало меня раздражать. — Ни в какие гости ни к кому на дачу я не собираюсь. И к упомянутым тобой Канатоходовым в том числе.

Петя взволнованно заходил по комнате.

— В гости! Ты произнес «в гости» — и я все понял! Уколы больного самолюбия! Вот в чем дело. Ты не хочешь чувствовать себя на даче в гостях. Тебя задевает зрелище чужого благополучия.

Петя воздел руки к потолку.

— Знай, Владимир, что у тебя есть настоящий друг. Может быть, единственный настоящий друг.

Продаю! За бесценок продаю! Две тысячи — и она твоя! Владей на здоровье. Поздравляю!

Я подошел к окну и принялся молча смотреть на улицу. Петр иногда бывает невыносимым.

— Неужели дорого? — подскочил ко мне Петр. — Ну, не обязательно сразу, можно в рассрочку, я подожду. Ну, полторы тысячи! Ну, тысяча, наконец! Ну, если у тебя нет денег, сойдемся на семистах!

Я молчал как рыба.

— Отдаю бесплатно! — страшным голосом закричал Петя. — Знай мое великодушие! Ты человек еще молодой. Когда-нибудь женишься, пойдут детишки. Детишкам нужен свежий воздух. Ну, не молчи! Скажи что-нибудь!

— Дело в том, — ответил я, стараясь придать голосу как можно более мягкие интонации, — дело в том, что мне просто не нужна дача. Не люблю я ездить на дачу. Не люблю — и все.

— Вот и я не люблю, — упавшим тоном произнес Петя. — И супруга моя не любит. Обуза это, Володя, ой, какая обуза! Нам эта клубника знаешь где? — и он похлопал себя по шее. — А ты... ты свободен, как птица.

В воскресенье вечером мы выходили с Петей из душного зала кинотеатра после просмотра скучнейшего фильма, и Петр вдруг сказал:

— А кто-то сейчас на даче. Сыро, забько, комары почем зря кусают.. И нужно за водой черт-те куда идти... А ночью ляжешь: и дом от ветра скрипит. Скрипит и скрипит, заснуть невозможно... А не взять ли нам с тобой, друг Володя, по порции эскимо!

— А почему не взять, — сказал я. — Милое дело — по порции эскимо.

И мы крупными шагами направились к киоску.

Объяснение в дружбе

Чет-нет да пронзают голову

разные мысли... Особенно во втором часу ночи. Например, о дружбе. Мать честная, дожить до каких лет, а где она, дружба? С любовью, кажется, все в порядке: женаты седьмой год, ребенок, мальчик, кушает хорошо, стенку недавно купили; а вот с дружбой — полная беда!

Стал я перебирать в уме возможные кандидатуры: у этого телефона нет, тот живет черт-те где, третий — еще что-нибудь, а вот этот вроде ничего, подходит.

На следующий день я — к нему.

— Слушай, — говорю, — тут такое дело, давай, значит, дружить.

— Что? — он говорит.

— Ну, дружба, — говорю, — понимаешь? Дмитрий, Раиса, Ульяна, Жора, Борис, Анна.

— А-а, понимаю. А что при этом надо делать? — он спрашивает.

Тут я задумался. Действительно, что надо делать?

— Что делать, что делать... Ну, допустим, летим мы на самолете. Самолет терпит аварию, я тяжело ранен, ты остался в живых, а...

— А как мы в самолете оказались? — он спрашивает.

— Как оказались? Да никак. Мы не в самолете. Мы сейчас на проспекте Мира. А в самолете — это воображение, полет фантазии, понимаешь?

— Понимаю, — он говорит.

— Ну вот, я тяжело ранен, а до ближайшего селения двенадцать километров. Нет, лучше — двенадцать миль. И ты меня несешь на себе. Ты же мне друг, верно ведь?

— А может, лучше километров? — он спрашивает.

— Нет, лучше миль. Как-то мужественней.

— А сколько эта самая миля будет?

— Я не помню. Да это и неважно. Важно, что ты меня несешь.

— Слушай, — он говорит. — Давай лучше я буду ранен, а ты меня понесешь. И тогда пусть будут мили, черт с ними.

— Ладно, — говорю, — не хочешь так, давай по-другому. Допустим, меня безвинно оклеветали, и все от меня отвернулись, и только один ты не отвернулся, потому что...

— Это почему же тебя оклеветали? — перебил он и слегка отодвинулся от меня.

— Я не знаю, почему, — сказал я. — Оклеветали — и все...

— Слушай, — сказал он. — Ты вообще-то того, смотри... Я за тобой давно наблюдаю и скажу тебе прямо: зарвался ты... А коллектив, он, учти, все видит, он мимо не пройдет...

Мой новый друг привстал с места и, обращаясь к невидимой аудитории, сказал:

— Я, товарищи, давно заметил, что странное поведение этого, с позволения сказать...

— Да ты что? — остановил я его. — Ты серьезно, что ли?

— Я? Вполне, — он даже стал как-то выше ростом.

— Это ж я так, в воображении, — сказал я.

— Надо предупреждать, когда в воображении, — проворчал он. — А то оклеветали, безвинно... Дыма

без огня не бывает... Но если в воображении, тогда ладно...

— Значит, мы дружим? — я протянул ему руку.

— Дружим, дружим.

— Поверяем друг другу свои тайны, разные сокровенные мысли...

— Какие тайны? — он отдернул свою руку. — Нету у меня никаких тайн.

— Ну, не тайны. Я рассказываю тебе про свои производственные успехи, ты мне — про свои.

— Это можно!

— Мы ходим друг к другу на дни рожденья. Я — к тебе, ты — ко мне.

— А у тебя когда день рожденья? — заинтересовался он.

— У меня уже был.

— А у меня будет скоро. Ты мне чего подаришь? Я это к тому спрашиваю, что иногда чего-нибудь дарят, а у меня это уже есть. Ты мне подари такое, чтобы память была. Брюки там, электрокамин, соковыжималку. Буду сок пить — о тебе вспоминать.

Мы соединили ладони в рукопожатии.

Теперь и у меня есть друг. Не зря, значит, живу, братцы!

В отцовской чернильнице.

похожей на саркофаг, пересохли чернила. Я посадил туда муху. Отец приходит с работы, вздыхает, гладит меня по голове. Муха жужжит в чернильнице. Непонятно, кого больше жалеет отец — себя или меня.

Одному в пустой квартире хорошо. Я беру металлическую трубку, запаянную с одного конца, наливаю в нее воду, потом насаживаю на трубку сырую картофелину — получается картофельная пробка. Я кладу трубку запаянным концом на конфорку, зажигаю газ, и через несколько минут пробка выстреливает, демонстрируя силу пара. Это как раз то, что мы в данный момент проходим в школе. Приятно сознавать, что мои опыты носят учебный, познавательный характер.

Обедаем мы с отцом в ресторане. Дома нам некому готовить. Это придает скучной процедуре обеда некоторую праздничность. В ресторане много колонн и мохнатая пальма в кадучке. Над столом, покрытым скатертью, сохранившей следы прежних обедов и ужинов, возвышается моя голова. На первое нам подают солянку, запретную для **маленьких** пищу взрослых. Отец сутулит плечи, вздыхает.

— Ну чего ты все время вздыхаешь, как паровоз! — говорю я. — Нечего вздыхать. Вернется она, никуда не денется.

Отец смотрит в одну точку, веки у него краснеют, как будто он смотрит на сырой лук, кадык дергается.

— Не вернется! — мотает он головой.

— Не вернется, и не надо! — говорю я. — Нам и без нее хорошо. Правда ведь?

Отец кисло улыбается:

— Она пишет, что заберет тебя. Как только устроится на новом месте.

— А я ей не дамся, пап! Я тебя никогда не брошу. Будь уверен!

Отцу нравится, что я возражаю. Ему хочется, чтобы я возражал еще и еще.

— Будешь жить с чужим дядей. Будешь называть его папой, — с притворной убежденностью говорит он.

— Не буду! Я тебя ни на кого не променяю, — старательно возражаю я.

— Будешь! — упрямо говорит отец. — Он тебе понравится. Он капитан. Кажется, второго ранга.

— Не нужен мне никакой капитан. Лучше тебя все равно никого нет.

— Это ты сейчас так говоришь, — говорит отец. Но на его лице написано удовлетворение.

— Второе нести? — спрашивает официантка.

Дома я продолжаю играть в ресторан. В этой игре участвует мой сосед, сын гардеробщицы из городского драмтеатра, женщины сварливой и своенравной. Ее настроение зависит от количества театральных биноклей, которые ей удастся сдать напрокат зрителям. Обычно бинокли никто не берет.

Мой приятель великодушно соглашается на роль клиента в моем ресторане. Я перекидываю через руку полотенце и спрашиваю:

— Что будем заказывать?

Клиент по-барски развалился на стуле.

— Хлеб с маслом, — говорит он. — Одну порцию. И сахаром посыпьте. — Дальше этого воображение у него не идет. Уписывая хлеб с маслом, он завидует вслух: — Вам хорошо, от вас мать ушла. Моя мамка

никогда не уйдет. Только и знает, что повторять: «Откуда вы взялись на мою голову?»

Одно ухо у моего приятеля заметно красней и больше другого. Значит, дела у театральной гардеробщицы по-прежнему идут плохо.

Во дворе нашего дома сараи потемнели от недавнего дождя. На сараях висят замки, разнообразные по величине и хитроумности устройства. За дверьми сараев хрюкают свиньи. Свиней будут резать к празднику. У нас с отцом нет ни сарая, ни свиньи. Мы, как птицы, свободны от собственности. Я, как птица, проношусь мимо сараев, подгоняя с помощью железного крюка обруч от бочки, и вылетаю на улицы. Мимо педагогического института цокает лошадка, запряженная в хлебный фургон. За лошадкой плетутся два автомобиля. У входа в гастроном точильщик ножей жмет ногой педаль своего станка. Нож от соприкосновения с точильным камнем издает шипение. Такое же шипение издает мое колесо, подгоняемое крюком. Посмотрите на меня: я виртуоз вождения обруча от бочки! Посмотрите, какой красивый вираж я закладываю! И тут меня окликают. Колесо издает неверный звук, оно выходит из повиновения и прыгает в канаву.

Честно говоря, терпеть не могу, когда меня целуют женщины. Тем более на улице, у всех на виду.

— Сыночек, сыночек! — повторяет мама и, кажется, собирается заплакать, но вовремя вспоминает, что у нее тушь на ресницах. Мама легонько касается пальцем краешка глаза и говорит: — Господи, как ты похудел! На кого ты похож! Вы хоть питаетесь с отцом чем-нибудь?

— Питаемся, — деревянным голосом говорю я.

— Ах, о чем это я, — всплескивает руками мама. — Ну, пойдем, пойдем, не здесь же нам говорить. Она хватает меня за руку и тащит по улице. Через несколько минут мы оказываемся под тентом кафе-мороженого. Кто бы мог подумать, что на меня

свалится такая удача. Я выбираю себе шоколадное с вареньем, а мама даже не удивляется непомерности моих требований. Ее сейчас волнует другое.

— Николай, когда ты вырастешь, ты многое поймешь, чего, может быть, не понимаешь сейчас. Поймешь и простишь нас. Потому что понять — это значит простить...

Мороженое удивительно вкусное. Сто лет не ел такого.

— Интересно, из чего его делают? — спрашиваю я.

— Что? — мать не понимает моего вопроса.

— Мороженое, — говорю я, — из чего его делают? Ведь не из мороженого же.

— Ах, какой ты еще глупый! Из молока, сливок... Николай, послушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты был со мной. Я тебя никому не отдам. Возможно, будет суд и тебя спросят... И ты должен будешь ответить...

— Суд? — говорю я. — А, знаю... У нас Пиганова тоже судили. А потом его посадили в тюрьму.

— Это будет другой суд, — говорит мама. — Я буду бороться за тебя. Мы будем жить в большом, большом городе, не то что этот. Георгий Иванович чудесный человек, ты обязательно полюбишь его.

Мама, кажется, снова собралась заплакать, но передумала. Эта тушь на ресницах — сущее благоговение. Она не дает распускаться.

— Сегодня в мои планы не входит встречаться с твоим отцом, — продолжает мама. — Нам это еще предстоит. Через два часа у меня поезд. Я здесь проездом. Но скоро, очень скоро я опять приеду и заберу тебя. Уже насовсем...

Я обдумываю услышанное. Любопытная мысль приходит в голову.

— Мам! А если прыгнуть с зонтиком со второго этажа, разобьешься или нет?

— Какой ты у меня дурачок! — говорит мама.

А еще я любил в сумерки забираться с ногами на диван и крутить ручку радиоприемника. Этот маленький ящичек населен тысячей звуков. С ним не скучно. Так я сижу и кручу ручку, а за окном все темнеет и темнеет, пока занятия мои не прерывает царапанье ключа в замке входной двери. Дверь распахивается, и в прихожей со страшным грохотом рушатся лыжи. Потом раздается пение.

— Трам-та-ри-та-трам-ра-рам!

Я соскакиваю с дивана и бегу встречать отца. С первого взгляда видно, что он в прекрасном расположении духа. Шляпа на голове сидит как-то особенно заливчатски, пуговицы на плаще застегнуты не в естественном порядке, а как попало.

— Чего это ты сегодня такой веселый? — интересуюсь я. — Какая это у тебя такая радость?

— Сын мой! — торжественно произносит отец и поднимает вверх указательный палец. — Скрипка — инструмент нежный и благородный. Она способна уносить душу человека туда... — отец тычет пальцем в потолок. — Туда!.. Ну, словом, ты понимаешь, куда...

— Понимаю, — говорю я. — Постель я тебе уже приготовил.

— Это прекрасно, сын мой! Ты единственная моя опора на склоне лет. Помоги старику-отцу расшнуровать туфли.

Ясный холодный день. Вероятно, это ноябрьский день, потому что лужи затянуло тонким нежным ледком. Скоро в городском парке зальют каток. Я знаю одно заветное место в ограде парка, где раздвинуты прутья решетки. Так что бесплатный вход на каток мне обеспечен. В синем небе плывет самолетик. Его самого не видно — только белый след, который он тянет за собой. Очень интересно наблюдать за ним, но

ведь не будешь стоять, задрав голову, когда тебя с кем-то знакомят.

— Познакомься! — говорит отец, обращаясь к неизвестной мне женщине с букетом цветов в руках. — Это мой сын.

— Виктория! — говорит женщина. — А тебя как зовут?

Я молчу.

— Николаем его зовут, — представляется за меня отец. Он заметно волнуется. Он очень чисто выбрит, на нем белая рубашка и галстук. Никогда не видел на нем галстука.

— Ты любишь цветы? — спрашивает меня женщина.

Я молчу.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — приказывает отец.

— Не люблю, — отвечаю я.

Женщина делает испуганные глаза.

— Как же это можно не любить цветы! Посмотри, какие прелестные создания! Ну, ничего, я постараюсь, чтобы ты непременно полюбил цветы...

Про себя я твердо решаю, что цветы я не люблю никогда.

Н едавно я с моим

маленьким сыном был в зоопарке. Посмотрели мы разных зверей и уже собрались уходить, как тут мой сынишка потянул меня за руку к еще одной клетке. В этой клетке никого не было, кроме большого бородатого мужчины в синем халате и с метлой в руке.

— Это кто? — спросил сын.

— Сторож, служитель зоопарка, — сказал я.

— А чем он питается?.. — спросил сын.

— Как это чем? — удивился я. — Он ест то же самое, что и остальные люди.

— И калорийные булки ест? — спросил сын.

— Наверное, и калорийные булки.

Не успел я так сказать, как сын уже протягивал сквозь прутья клетки калорийную булку, приготовленную нами для кормления лебедей.

— Он, наверное, уже сыт, — поспешил я заметить.

— А почему тогда он такой грустный? — не унимался мой ребенок.

— Будешь грустный, в клетке-то, — проговорил кто-то рядом, и я увидел, что справа от меня стоит здоровенный детина с папироской в зубах.

— Сердешный, — вздохнула старушка, тоже задержавшаяся у клетки.

— Мама, мама, — пропищала девочка на руках у ярко раскрашенной женщины. — Гляди, какой хороший. Можно, я его потрогаю?

— Гражданин, а гражданин, — сказала женщина. — Позвольте ребенку вас потрогать.

Сторож обиженно засопел.

А народу тем временем у клетки собиралось все больше. Задние напирали на передних, и кто-то раздосадованно бубнил:

— Товарищи, товарищи, ну нельзя же так. Посмотрели и другим тоже дайте посмотреть. Надо же и совесть иметь в конце концов.

Мы с сыном еле оттиснулись сквозь толпу.

— Нет, я не последний, — слышали мы, удаляясь по аллее, — за мной еще женщина с двумя детьми, они пошли обезьян смотреть. Потом старенький дедушка, он побежал очередь на гадюк занимать. И двое военнослужащих.

...Дома нас встречала жена.

— Ну, как, видели слона? — спросила она.

— Видели, — ответил сын.

— А крокодила?

— Видели, видели.

— А что вам больше всего понравилось?

— Сторож, — сказал мой сын.

Самолеты летают над домом

совсем низко. Они взлетают или идут на посадку: дом стоит за окружной. Отсюда до аэродрома — рукой подать.

От самолетного гула дребезжит посуда в буфете и старая фотография в рамке под стеклом съезжает набок.

— «Ил-62» полетел, — уважительно определяет Василий Прокофьевич.

Он поправляет фотографию. На ней худенький мальчик с моделью планера в руке. Это сам хозяин почти сорок лет назад.

Гул моторов снова нарастает.

— «Ту-144», — говорит Василий Прокофьевич.

От ветра, поднятого самолетом, парусят занавески на окнах и приходит в движение подвешенный на нитке «кукурузник», конечно, не настоящий, а его точная копия. Как будто он тоже хочет взлететь. Допотопная машина. Сейчас таких уже не делают. Сейчас — реактивные, турбовинтовые... Но все равно — память.

Василий Прокофьевич подходит к барометру. Стрелка уперлась в «ясно», погода обещает бытьлетней.

— Ну, пора! — он надевает куртку-«реглан», фуражку.

— Вася! — говорит жена.

Ох, уж эти женщины! Кажется, можно было бы привыкнуть за двадцать-то лет!

— Ну что Вася, что Вася! — вздыхает он.

— Ты опять позабыл, — и она вкладывает ему в ладонь маленькую серебряную подкову.

— Не делай такое лицо! — говорит он. — Не в первый же раз. Ничего со мной не случится. До скорого!

И выходит за дверь.

У Василия Прокофьевича — железное правило: сам лично все проверит, обойдет машину. Рядом вертится Митька-механик.

— Да все в порядке, дядя Вася. Я вам говорю.

— Мало ли что ты говоришь, — бурчит Василий Прокофьевич. — Я сам должен убедиться. Вот теперь вижу, что в порядке. Счастливо оставаться!

— Гуд бай! — отвечает Митька.

Машина выруливает на линию, пассажиры начинают заполнять салон... Василий Прокофьевич терпеливо ждет, когда все усядутся. Сейчас наступит его звездная минута, та самая. И она наступает.

— Уважаемые товарищи пассажиры! — говорит в микрофон Василий Прокофьевич. — Рад приветствовать вас на борту троллейбуса, следующего маршрутом 4-я Лесопарковая — Аэропорт. Время в пути — один час пятнадцать минут. Температура воздуха за бортом — плюс три градуса. В салоне — плюс пятнадцать. Машину ведет водитель первого класса Курзенков В.П. Приятного путешествия!

Он всегда произносит эти слова. Уже 20 лет, с тех пор, как его не приняли в летное. Троллейбус трогается.

Одинокий велосипедист

Если ночью случится

вам встретить на улице одинокого велосипедиста, не удивляйтесь, это — Федор Петрович, я его знаю. Федор Петрович катается на велосипеде только ночью.

В детстве папа обещал купить маленькому Федюшке велосипед. Но неожиданно уехал в командировку. С тех пор прошло тридцать четыре года. Папа все не возвращался. И Федюшка, теперь уже Федор Петрович, решил сам осуществить давно затаенную мечту. Каждый вечер, когда люди расходятся по своим квартирам, Федор Петрович выводит из дому никелированную машину и колесит пустынными улицами, по которым когда-то не успел прокатиться.

Однажды — это было часов в семь-восемь вечера, когда Федор Петрович вернулся со службы и пил с женой и детишками чай — в дверь позвонили. Федор Петрович открыл дверь, на пороге стоял пожилой человек, лицо его избороздили следы жизненных бурь.

— Здравствуйте, — сказал человек, — я ваш папа.

— Папа, папочка вернулся, — вскричал Федор Петрович. — А я тебя давно уже жду.

— Командировка была очень трудной, — сказал папа, — я проголодался с дороги. Хочу чаю. И бутербродов.

— Ну, конечно, как я не понял сразу, — засуетился Федор Петрович, — налейте папе чаю. Папочка, а я купил велосипед.

— Очень жаль, сынок, — сказал папа, — я сам собирался тебе сделать этот подарок. Завтра же хотел пойти в магазин.

— Ну ничего, папочка, не расстраивайся. Скажи, почему от тебя так долго не было писем?

— Ты же знаешь, сынок, как работают у нас почты, — горестно вздохнул папа.

— Да, папуля, я знаю, как работают у нас почты, — сказал Федор Петрович. — Эти злые почтальоны скрывали твои письма.

— Сын мой, остерегайся почтальонов! — назидательно сказал убежденный сединой отец.

— Ну вот, когда теперь мы все вместе, — проговорил Федор Петрович, и счастливая улыбка озарила его лицо, — я с моим папой пойду в зоопарк.

— Я тебе обещаю это, — ответил папа.

Словно детство, далекое детство вернулось к Федору Петровичу снова. В зоопарке он кормил булкой слона, поил пивом папу и вместе они хохотали над очень смешными обезьянами. Потом они пошли в парк культуры и отдыха, и Федор Петрович так долго катался на чертовом колесе, что у него поднялось кровяное давление и закололо в сердце. Пришлось взять бюллетень.

Но история наша со счастливым концом. Федор Петрович выздоровел и снова вернулся к своим обязанностям в министерстве рыбного хозяйства. Живет он с папой очень дружно. Отец больше не ездит в командировки. Он не нарадуется на своего сына, который стал хорошим семьянином и нужным членом общества.

Каждый вечер Федор Петрович выкатывает на улицу свой велосипед. У дверей его провожает вся семья.

— Смотри, Федюша, осторожней води себя на проезжей части, — напутствует папа. — И не возвращайся очень поздно, а то я буду волноваться.

— Хорошо, папочка! — весело отвечает Федор Петрович.

— И остерегайся почтальонов! — кричит папа вслед.

Так что не удивляйтесь, если встретите ночью одинокого велосипедиста.

Безотказный человек

По натуре я мягкий,

слабохарактерный человек. Никому ни в чем не могу отказать. И поэтому все ко мне обращаются.

Стоит мне выйти погулять возле дома, как тут же:

— Виктор Михайлович, вы за моим Петькой не присмотрите?

— Марья Сергеевна, да я... да вы знаете, я с удовольствием... но, — начинаю мямлить я, пробуя отвертеться.

— Ах, вы не можете! — говорит Марья Сергеевна, моя соседка. — Я думала, вы все равно возле дома гуляете, но раз вы не можете, тогда я...

— Ну что вы, Марья Сергеевна, — поспешно говорю я и мучительно краснею. — Я с удовольствием присмотрю. Петька такой чудесный мальчик.

— Самое главное, чтоб он на стройку не лазил, хорошо?

— Хорошо, хорошо, Марья Сергеевна, не волнуйтесь!

— Теперь я спокойна, Виктор Михайлович. За вами, как за каменной стеной.

— Да я, Марья Сергеевна, я всегда, для вас я... — но Марья Сергеевна уже и след простыл.

— Петька, — кричу я, — не смей туда лазить, иди сейчас же назад!

Но тут кто-то трогает меня за плечо:

— Виктор Михайлович, не могли бы вы оказать мне любезность?

— Какую, Степан Иванович?

— Мы с супругой в отпуск собрались, а собачку не с кем оставить. Сестра моя в последний момент отказалась. А мы знаем, вы так любите животных.

— Степан Иваныч, я право не знаю, как и. и вообще... Петька, не пихай девочку.

— Виктор Михайлович, билеты на самолет горят!

— Ну, хорошо, хорошо, Степан Иваныч, — мямлю я, — пригляжу.

— Я так и знал, что вы не откажете. Вот ключи от квартиры. Кормить два раза, утром и вечером. Гулять тоже два раза. Ну, и уж цветочки полейте, голубчик!

— Петенька, миленький, выйди, пожалуйста, из лужи!

— Вам ракушек из Крыма привезти? — убегая, кричит Степан Иванович.

Я раскрываю рот, чтобы что-нибудь ответить, но Степан Иванович кричит:

— Не забудьте холодильник разморозить!

Тут я вижу, что Петьку опять понесло на стройку. Я ловлю его чуть ли не под самым ковшом экскаватора и возвращаю назад. Вдруг экскаватор перестает работать, из кабины вылезает чумазый экскаваторщик и направляется ко мне.

— Слышь, друг, я вижу, ты целый день здесь околачиваешься, — говорит он.

— Гуляю, — говорю я. — Отгул у меня сегодня.

— Ты бы не присмотрел пока за экскаватором, — говорит он. — Машина ценная, а мне отлучиться надо. Одна нога здесь, другая там... А машина ценная, сам понимаешь...

— Присмотрю, — говорю я. — Вы не беспокойтесь, я присмотрю...

— Спасибо тебе, друг, — он хлопает меня по плечу и исчезает.

...Наступает поздний вечер. Собака накормлена, цветы политы, Петька уложен спать. А я все еще брожу вокруг экскаватора. Сторож этой стройки попросил меня присмотреть заодно и за другим ценным оборудованием, пока он съездит к шуруну. Обещал вернуться до закрытия метро. Я залезаю в кабину экскаватора и задремываю.

Так проходит ночь. А утром прибегает ко мне прораб, размахивает руками, тычет в часы и кричит, чтоб я начинал.

— Я не знаю, — говорю, — как он заводится.

— Присылают тут ко мне всяких, — кричит прораб, — едва из профтехучилища, желторотых. Опыта никакого. Вот за эту ручку тяните. А теперь за эту.

И пошло у меня. И пошло. Рабочие не надивятся. «Витька, — говорят, — зверь, а не экскаваторщик!»

И мне по душе. Дом под боком. Сбегаешь цветы польешь, собаку покормишь — и опять на стройку. Петька все время перед глазами. Ему, кстати, больше всех нравится, что я работаю на экскаваторе.

Вверх и вниз

Разумеется, ему достался

последний этаж. Иначе, считал он, и быть не могло, разве что первый, рядом с хлопающей дверью. Там, где большинство людей видело простую случайность, он склонен был усматривать действие роковых сил, чуть ли не закон, согласно которому с ним случалось множество неприятностей, крупных и мелких.

Странный человек, он не сразу решил воспользоваться балконом. А когда решился и глянул вниз, голова у него закружилась, и он инстинктивно отпрянул назад. Страх прошел, и он снова заставил себя подойти к перилам. Река, протекавшая внизу, казалась не шире небрежно брошенного дамского пояса, а пассажирский состав, пробиравшийся через мост, по миниатюрности мог поспорить с детской железной дорогой.

Зато звезды отсюда, с верхнего этажа, выглядели неожиданно крупными, гораздо крупней, чем он привык видеть их прежде. Открытие, которому суждено было повернуться неприятной стороной. Приблизившись к звездам, он значительно удалился от места службы, куда теперь долго нужно было ехать на лифте, не говоря уж про автобус и две загруженные линии метро с мучительной пересадкой.

Но какие бы расстояния ни покрывал он, заставить дом скрыться из глаз было невозможно. Он сопровождал его во всех поездках по городу, дом-вер-

зила, дом-великан, дом-переросток, как он мысленно называл его, построенный, к слову сказать, в результате эксперимента, впоследствии не оправдавшего себя, и, поглядывая на него время от времени, он спохватывался, что говорит вслух, обращаясь к дому: «Ну-ну! Нельзя же так! Не могу же я бросить все дела и бежать!»

Через три недели после переезда балкон больше не вызывал у него панического страха, а еще через месяц он дружески раскланивался с пилотами рейсовых вертолетов.

* * *

Однажды, высаживая на балконе свои любимые анютины глазки, Андрей Дмитриевич услышал шум мощных крыльев, поднял глаза и увидел орла. Царственная птица уселась на перилах и несколько иронически принялась изучать человека. Вспомнив про себя, что он все-таки является венцом творения, Андрей Дмитриевич бросился на кухню за оставшимися от обеда котлетами, но, вернувшись, орла не застал.

На следующий день он пытался продемонстрировать перед сослуживцами размах крыльев орла, изобразил даже орлиный клекот, хотя, по правде, то, что у него получилось, больше напоминало звук, издаваемый больным ангиной в момент полоскания горла. Кажется, ему не поверили. Эти люди жались к асфальту, они не могли отличить северо-западный ветер от северо-восточного и падающую звезду замечали всегда слишком поздно, чтобы успеть загадать желание.

И Андрей Дмитриевич понял, что без сожаления покидает их, возносясь в свое гнездо, к звездам, ветрам и птицам.

* * *

Случилось так, что лифтовая система дружно вышла из строя, и он впервые в жизни испытал радость восхождения. Порой он выбивался из сил, устравивал короткие стоянки возле мусоропроводов и шел, шел дальше. В пути он познакомился с другими мужчинами и женщинами, некоторые из них малодушничали, не выдерживали, просились на ночлег к соседям или спускались вниз, откуда разъезжались по родственникам и знакомым. В глубине души он презирал их. Но были и другие: суровые, мужественные, добрые. С одним из них, жильцом из 3005-й квартиры, он разделил последнюю сырую сосиску. Попутчик по профессии оказался школьным преподавателем ботаники. Андрей Дмитриевич описал ему, что за странные цветы выросли у него в ящиках на балконе вместо ожидаемых анютиных глазок. От учителя он узнал, что это — эдельвейсы.

* * *

Чье сердце неуязвимо для гордыни? Андрей Дмитриевич отнес несколько экземпляров диковинного цветка на службу, поставил их в банку из-под болгарского компота и охотно пояснял каждому входящему: «Растут только лишь в условиях высокогорья». Он как-то выпрямился в последнее время, отчего выиграл в росте и привлекательности, речь его приобрела прямоту и определенность. Он полюбил говорить правду. Особенно он полюбил говорить правду в глаза. Ему нравилось, как вздрагивают люди от высказываемой им в глаза правды, как они жмутся к стене, едва заведя его. Чудесным образом окрепший голос Андрея Дмитриевича доносил до самых отдаленных помещений слова об отсутствии ясного видения перспектив, заземленности мышления, узости кругозора.

Отсюда был один шаг до репутации защитника слабых и обездоленных, и этот шаг был сделан.

Казалось, молва должна бы и подустать, создавая легенды вокруг Андрея Дмитриевича. И действительно, на какой-то период разговоры затихли, как вдруг он подкинул новую пищу для различных толков.

Андрей Дмитриевич явился на работу в бурке. Да-да, в самой настоящей бурке, сразу выявившей до этого неопределенное и не слишком явное сходство: ну орел, вылитый орел!

Нашлись и такие среди сослуживцев, кто бросился к окну, ожидая увидеть у подъезда горячего скакуна, доставившего Андрея Дмитриевича к месту службы, но, увы, скакуна там не было.

А между тем Андрей Дмитриевич подошел к шкафчику, куда обычно прятал свое демисезонное, на рыбьем меху пальто, развесил на плечиках бурку и, чуть пружиня в шагу, направился к письменному столу.

Весть, непонятно как залетевшая, будто Андрей Дмитриевич женился, и не просто женился, а умыкнул невесту из родительского дома в полном соответствии с обычаем гор, немедленно проникла во все углы и закоулки.

Слух, во всяком случае в существенной части, подтвердился спустя год. У Андрея Дмитриевича вывелись двое птенцов: мальчик и девочка. По этому случаю и поздравление вывешивалось в коридоре в адрес счастливого отца, и по два рубля скидывались на подарок. Какие еще подтверждения нужны?!

Не заставило себя ждать и улучшение жилищных условий. 46 и 8 десятых полезных квадратных метра получил Андрей Дмитриевич на семью, кирпичный дом, второй этаж, окна в тихий зеленый двор, что дало право кому-то ляпнуть, будто, мол, у Андрея Дмитриевича в связи с редким заболеванием вести-

~~будущего~~ аппарата развилась боязнь ~~высоты~~. —
впрочем, мало ли чего не болтают злые языки.

Истинным является лишь то, что с годами Андрей Дмитриевич начал больше походить на степного жителя равнин, нежели на сурового горца, и, выбирая между правдой в глаза и правдой «за глаза», так сказать, обыкновенным, чаще всего встречающимся видом правды, больше всего склонялся в пользу последней, причем не забывал понизить голос до шепота и хорошенько оглядеться вокруг.

Кстати, насчет бурки... Она продержалась два-три сезона в качестве экстравагантной новинки, и кое на ком ее можно увидеть и сейчас. Однако нынешние щеголи от нее давно отказались.

В одном микрорайоне

Василий Тихонович

работал телефонным мастером. Он был усат, Василий Тихонович. Он чинил телефоны, когда они ломались, а там, где их не было, устанавливал новые. Человек он был одинокий, но содержать себя умел. На работе появлялся всегда при галстуке.

Анюта тоже была одиночкой. Она по утрам убирала школу, зато день был свободный. Днем Анюта наводила марафет, как она выражалась, в своей квартирке, листала толстые романы или отправлялась в кино, где съедала в пустынном фойе порцию мороженого.

Иногда на улице она встречала Василия Тихоновича, они жили в одном микрорайоне, хотя знакомы не были. Он шел не спеша, такой опрятный и при галстуке, с чемоданчиком, ручка которого была обмотана изоляционной лентой. Он приветливо здоровался с ней, и Анюта здоровалась, опуская глаза. Они нравились друг другу. Василий Тихонович шел дальше и некоторое время думал: «Какая аккуратная женщина».

А она сидела в фойе кинотеатра, держала в руках стаканчик сливочного мороженого и с удовольствием вспоминала Василия Тихоновича, его усы, галстук и чемоданчик.

В том же доме, что и Василий Тихонович, даже в одном подъезде, жил генерал. Генерал он, правда, был отставной, но форму носил. По утрам генерал

бегал по двору в тренировочном костюме, укрепляя здоровье. «Физкультпривет!» — здоровался Василий Тихонович с генералом, они были вроде бы на дружеской ноге. «Физкульт привет!» — бодро отвечал генерал, пробегая мимо Василия Тихоновича. «Вот молодец, — думал тот. — Долго проживет, так и надо». Как-то раз генерал догнал Василия Тихоновича и сказал, переводя дух: «Слышь, Василий Тихонович, зайди ко мне, телефон что-то барахлит».

Василий Тихонович зашел. Генеральская квартира была большая, много в ней было разной мебели, картин, стекла. Когда Василий Тихонович проходил по гостиной, в серванте звенел хрусталь. Василий Тихонович поковырялся отверткой в телефоне, присоединил отставший от контакта проводок и стал оглядывать картины на стенах. Одна картина изображала обнаженную женщину. «Вот молодец, генерал!» — думал Василий Тихонович. «Ну что, порядок?» — спросил генерал, входя в гостиную. «Порядок», — ответил Василий Тихонович. «Тогда за мной!» — сказал генерал и привел соседа на кухню. Здесь хозяин достал из шкафчика уютный графинчик с коньяком, блюдечко, на котором нарезан был лимон, и разлил коньяк по двум стаканчикам. «За все хорошее», — сказал генерал, крякнул и выпил залпом. Василий Тихонович заглянул в стаканчик и тоже выпил. «А ты brave мужик, — засмеялся генерал, — я бы с тобой в разведку пошел». И эта фраза запомнилась Василию Тихоновичу.

Однажды Василий Тихонович пришел по одному вызову. Хозяев в квартире не было, дверь открыл мальчик. «Я по вызову», — сказал Василий Тихонович, на что мальчик спросил: «А вы зрчками вертеть умеете?» — «Нет», — сказал Василий Тихонович, потому что действительно ничего такого не умел. «А я умею», — похвастался мальчик, надул щеки и покрутил зрчками. «Тебя в цирке показывать за

деньги надо», — подумал Василий Тихонович и прошел к телефону. Пока Василий Тихонович возился с телефоном, мальчик сопел за спиной. Наконец Василий Тихонович сказал: «Готово». — «Дяденька, а спросить можно?» — сказал мальчик. «Ну», — сказал Василий Тихонович, он не умел разговаривать с детьми. «Дяденька, а откуда в трубке берется человеческий голос? — спросил мальчик. — Там что, сидит кто-нибудь?» «Действительно, откуда?» — подумал Василий Тихонович, вслух же ответил коротко: «Техника».

«Надо же, заковыка какая, — весь день потом размышлял Василий Тихонович. — Откуда он берется, голос-то? Ну, все понятно, конечно, мембрана там, микрофон, токи низкой частоты всякие. В общем, физика. А голос откуда?»

«Узнал бы кто, о чем я думаю, засмеял, — корил себя Василий Тихонович. — Сказал бы, свихнулся старый хрыч.

Какие чудеса еще в пятьдесят пять лет. Голос, голос. Физика все — и баста!»

Ночью Василий Тихонович ворочался на диване и представлял себе множество телефонов, просто тысячи, миллионы телефонов, соединенных между собой множеством проводов. И каждый телефон отвечает разными голосами, детскими и мужскими, и женскими, и стариковскими, и хрипловатыми, и высокими, и веселыми, и чуть-чуть усталыми. Кто-то спрашивает: «Как дела?» или говорит: «Добрый вечер», кто-то смеется в трубку, а кто-то плачет, всхлипывает. Ночью Василий Тихонович метался по постели, бормотал: «Голос, откуда голос?», а утром проснулся и пошел на работу. Работы было много, телефонизировали большой дом. Василий Тихонович намаялся за день, позвонил в последнюю квартиру, открыла дверь Аня. Василий Тихонович очень растерялся и сказал: «Будем вас телефонизировать». — «Вот чудеса-то, — тихо засмеялась Аня».

та, — кому же я звонить-то буду? — «Кому-нибудь уж позвоните», — сказал Василий Тихонович. «Ну, проходите, проходите, — сказала Анюта. — Я очень вам рада».

Василий Тихонович занимался телефоном, а Анюта металась по кухне, гремела кастрюлями. Потом Василий Тихонович появился в дверях кухни и сказал: «Принимайте работу». Анюта вытерла фартуком руки, подошла к телефону, сняла трубку, послушала, наклонив голову, сказала: «Гудит». — «Гудит?» — зачем-то переспросил Василий Тихонович. «Гудит», — сказала Анюта. И они вместе засмеялись. Анюта серебряным смешком, а Василий Тихонович некрасиво, потому что не смеялся очень давно.

Потом они сидели на кухне, пили чай, неловко молчали. «А кто телефон изобрел?» — спросила Анюта. «Да там один, американец, Эдисон фамилия», — ответил Василий Тихонович. «Башковитый, видно, мужик», — заметила Анюта. «Да уж», — сказал Василий Тихонович. «Мозги у него, видно, шурупили», — сказала Анюта. «Верно, — проговорил Василий Тихонович. — Я бы с ним в разведку пошел».

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых сложных и спорных в философии. Искусство — это форма человеческого творчества, которая выражает эмоции, мысли и чувства. Оно может быть в различных формах: живопись, музыка, литература, танец и т.д. Искусство имеет свою историю и эволюцию, и оно всегда было связано с культурой и обществом. Искусство — это способ познания мира и себя, это способ общения и выражения. Оно имеет свою специфику и свои законы, и оно всегда будет оставаться одним из самых важных и интересных аспектов человеческой жизни.

Каждый раз

при встрече с ним мне почему-то бывает неловко за его мешковатый костюм, за этот нелепый галстук, всегда сбившийся набок, даже за чернильные пятна на его длинных, худых пальцах. «Ну, уж какой есть», — думаю я.

— Читали мою последнюю анонимку? — спрашивает он.

— Читал, читал, — говорю я.

— Ну и как? — с надеждой спрашивает он.

— Из рук вон плохо, — говорю я. — Засыпаешь посредине. Куда что подевалось? Что случилось с вашим пером? Где точные, емкие слова, образные сравнения?

— Не пишется, — вздыхает он и пожимает плечами.

— Что значит «не пишется»? — говорю я. — Если вы устали, выдохлись, поезжайте куда-нибудь отдохнуть, смените обстановку, влюбитесь, наконец!

Он вяло пытается возразить, но я перебиваю его:

— Знаю, знаю, сейчас вы начнете говорить, что у вас семья, дети, что вы вынуждены работать на кухне, но это не оправдание. Посмотрите, другие пишут в более суровых условиях, и как пишут! Человек встает, словно живой. Прочтешь и думаешь: как только такого земля носит! А у вас что? Сироп, розовая водичка. Ну, в быту неустойчив. Ну, получил неизвестно как квартиру. Встречается со своей секре-

таршей. Ведь все это было, было, тысячу раз было. Оглянитесь, за вами идет молодежь, смелая, перспективная, она не боится дерзать, фантазировать...

— Уж эта мне молодежь! — фыркает он. — Жизни не знают. Все из головы... Такого наплетут.

— Просто у вас нет воображения, — говорю я. — Вы бы хоть на машинке научились печатать, ваш почерк разобрать невозможно. Извините меня, но и ваш костюм...

— Не нравится, заведите себе другого врага, — с обидой говорит он.

— Вот вы уже и в бутылку сразу... Ну, приободритесь!..

И еще долго я утешаю его. Мы прощаемся. Я знаю, у себя дома он опять будет бесплодно сидеть над листом бумаги, курить папиросы, рисовать на полях человечков и сердце, пронзенное стрелой.

«Жил-был на свете мальчик Вот...»

Едва я написал эту фразу, как услышал за спиной голос:

— Эх ты, писатель! Предложение не можешь написать без ошибки!

Это моя жена. Вечно она заглядывает мне через плечо, когда я работаю.

— Какая еще ошибка? — возмутился я.

— Ты еще спрашиваешь! Поставь сейчас же запятую перед словом «вот». Тогда будет правильно: «Жил-был на свете мальчик, вот».

— Слушай, — сказал я, — подметай лучше пол и готовь обед. Разве ты не видишь, что слово «Вот» написано с большой буквы? Это его звали так, мальчика.

И я заскрипел пером дальше.

«Он был такой же маленький, как это слово, и такой рыжий, как если бы оно было написано рыжими-рыжими чернилами».

— А почему его звали Вот, а не Юра, не Константин, не Григорий, наконец? — ворчит жена.

«Звали его так потому, — заторопилось мое перо, — что слово «вот» было у него самым любимым во всем словаре. Подсчитано, что мальчик произносил «вот» от 100 до 500 раз за день.

Ну, например, он говорил: «Мой папа инженер, вот». Или: «А у нас сегодня двух уроков не было, вот».

Когда же мальчик упрямился, он говорил: «Не хочу и не буду, вот».

— И что же, родители не приняли никаких мер? — снова вмешалась жена.

— Разумеется, приняли, — успокоил я ее.

И написал:

«Папа взял сына за руку и отвел к врачу. Доктор очень внимательно осмотрел мальчика и сказал: «Значит, так, с возрастом, значит, все пройдет. Т-аа-к... Но вы должны помочь ему. Т-аа-к... Постарайтесь, значит, при ребенке этого слова не произносить. Так».

Радостный отец пришел с мальчиком домой и под большим секретом рассказал все домочадцам: «Ни в коем случае не произносите при нем этого слова. Тссс!»

Затем глава семьи сел за работу, ему срочно нужно было написать какой-то доклад. Такие уж у взрослых заботы».

— Интересно, что же он там написал? — спросила жена.

— Ну, раз тебе так интересно, заглянем ему через плечо, — ехидно заметил я.

«Отец написал: «Необходимо активнее внедрять на нашем заводе ВОТ».

— Ха-ха-ха, — засмеялась жена. — Он же хотел написать НОТ — научная организация труда.

— Конечно, — ответил я. «Тут в комнату вошла мама:

— ВОТ уж два часа я не отхожу от плиты.

— Тсс, — зашипел отец. — Не говори этого слова.

— ВВВ-ВОТ, — прорычала собака Пломбир.

— ВОТ я тебе покажу, — замахала на собаку руками бабушка.

— Все пропало, — схватился за голову отец».

— А дальше? — спросила жена.

«А дальше прошло очень много лет. Мальчик стал взрослым мужчиной. Однажды я встретил его на улице. Я узнал его по густой рыжей шевелюре. Мы разговорились, я напомнил ему о том давнем случае. И что вы думаете? Оказывается, мой знакомый до сих пор не избавился от своей привычки. Каждый вечер он выбегает на арену цирка и кричит: «ВОТ он я!» И все взрослые и дети смеются и хлопают в ладоши».

— Вот и все? — спросила жена.

— Вот, значит, и все, — ответил я.

Мишу, старшего техника,

позвали к телефону. А идти нужно в другую комнату. Вышел Миша в коридор — стоп! — на левом ботинке развязался шнурок. Уже давно замечено: на новой обуви очень часто развязываются шнурки. Справился Миша со шнурком и пошел дальше. Вдруг — бац! На правом ботинке шнурок развязался. «Это уж слишком», — подумал Миша и снова склонился над шнурком. А навстречу Леночка-секретарша.

— Поздравляю вас, Миша!

— Неужели?!

— Да, уже и приказ есть, — говорит Леночка. — Выходит дело — с повышением.

— Ой, Леночка, с меня шоколадка за новость.

— Не меньше, — говорит Леночка и дальше каблучками постучала.

Миша идет и думает: «Я теперь не просто старший техник, я инженер. Это хорошо. Но куда же это я шел? Ах да, к телефону».

Только он так подумал, кто-то за рукав трогает. Обернулся — зам. главного.

— Очень кстати я вас встретил. Зайдемте ко мне, дело есть.

В кабинете зам. главного народ сидит.

— Дела, значит, обстоят так и так, — говорит зам. главного. — Если учесть такие-то и такие-то обстоятельства, то будет то-то и то-то. А ваше какое мнение?

Миша наморщил лоб и ответил:

— Мое мнение положительно, если не считать отдельных отрицательных моментов.

— Мы здесь с товарищами посоветовались, — говорит зам. главного, — и тоже так думаем. Ну, добре. Я доложу главному, что и вы к нашему мнению присоединяетесь.

Миша вышел от зам. главного.

— Однако, — думает, — я куда-то шел. Кажется, к телефону.

А тут каблучки Леночкины стучат.

— А у меня для вас новость.

— Неужели меня?..

— Именно.

— Вы, Леночка, добрый ангел. Коробка конфет замной.

— Не меньше.

И они разошлись.

«Вот я уже и старший инженер, — думает Миша, — и это очень хорошо. И помнится мне, куда-то меня вызывали. Куда-то я шел. Но куда?»

Кто-то взял его за рукав: «Сюда, товарищ, сюда». И Миша оказался в просторном зале, где сидело множество людей. Кто-то говорил с трибуны. А потом председательствующий сказал:

— Сейчас выступит наш старший инженер товарищ Петров Михал Михалыч.

Миша взошел на трибуну, выпил воды.

— Здесь, товарищи, многое говорилось, многое было правильно, кое-что неправильно. То, что правильно, — надо поддержать, а то, что неправильно, — поддерживать не надо. Время диктует нам делать то-то и то-то и не делать того-то и того-то, не останавливаясь перед тем-то и тем-то.

— Правильно! — раздалось с мест. Миша сел, но тут его словно в бок толкнуло: «Мне ж к телефону надо!» И он пошел.

А навстречу — Леночка, Елена Сергеевна, секретарша.

— Михал Михалыч, вам первому...

— Не может быть, Лена...

— Уже и приказ есть.

— Ты не меняешься, Лена.

— Что вы, Михал Михалыч.

— Ну ладно, с меня «Арагви»...

«Итак, я уже начальник отдела, — думал на ходу Михал Михалыч. — В моем положении нужно одеваться получше. Вон ботинки как обносились. И чего это я все иду, иду куда-то? Как же это я мог забыть?»

Михал Михалыч вошел в комнату, где стоял телефон.

— Але, фу-фу! — подул он в трубку. — Петров слушает.

— Миша, это я. Ты к ужину будешь? — прозвучал в трубке далекий-далекий голос, и как будто знакомый.

«Где же я его слышал?» — подумал Михал Михалыч. И тут его как осенило.

— Нет, не буду, — говорит, — не жди, ужинай без меня.

А мы тут у себя в отделе с ног сбились, Михал Михалыча ищем, все уже в полном сборе, вон и самовар тульский, каждому уходящему на пенсию такой дарим. А виновника торжества нет.

— Да его, братцы, к телефону позвали, — вспомнил кто-то из ветеранов отдела.

...Вот странно! У него ж в кабинете три телефона стоит. Один черный, два синих. Он у нас большим начальником был.

Он, как и раньше, был большим начальником. И теперь, когда он уже не был начальником, он все еще был начальником. И теперь, когда он уже не был начальником, он все еще был начальником.

Диалог с часовщиком

И принес в часовую

мастерскую часы.

— Вот, — говорю, — часы принес, нельзя ли починить?

— Часы починить можно, — говорит часовщик, — отчего не починить? Вот если бы вы холодильник принесли или пылесос, тогда другое дело... А часы — почему нельзя? Часы — можно.

— Уж почините, — говорю, — а то часы, знаете...

— Уж это известно, — говорит часовщик, — часы — такая вещь, они время показывают. К нам многие несут. Как у кого часы встанут — сразу к нам.

— Так ведь без часов, — говорю я, — как же... Захочешь, к примеру, узнать, который час, — сразу на часы смотришь.

— Это верно, — говорит часовщик. — Но, с другой стороны, когда на часы постоянно смотришь, время как бы медленнее идет. Оно как бы еле-еле плетется.

— Точно! И я тоже замечал, — говорю я. — Когда часов нет, то и не думаешь, который час. Живешь себе и живешь. А когда часы есть — совсем даже наоборот.

— И главное дело, — говорит часовщик, — детей к этим часам как магнитом тянет. Они любят разбирать часы на отдельные составные части. От этого механизм нередко портится.

— Ваша правда! — подхватил я. — Стоит мне только снять часы и отвернуться — как они уже в руках у ребенка...

— А потом опять неси их в часовую мастерскую, чини их, — сказал часовщик.

— Именно! — воскликнул я.

— А кто поручится, что после ремонта они долгое время будут ходить? Кто?

— Никто, — сказал я. — Никто не поручится.

— И уж если так приспичило, — сказал часовщик, — время всегда можно узнать у родственников или знакомых. Или на уличных часах — они на каждом углу. Так что совсем не обязательно иметь собственные часы...

— До чего же правильно, — поразился я. — И как же мне это раньше в голову не приходило.

— Вот вам ваши часы, получите, — сказал часовщик.

— Спасибо. Сколько с меня?

— Три семьдесят пять.

— Простите, а что, если они опять вдруг пойдут?

— Думаю, что не пойдут.

— Ну а если вдруг?..

— Если вдруг пойдут, зайдете ко мне, что-нибудь придумаем.

— Спасибо, до свидания.

Я сунул часы в карман и вышел на улицу.

Где трубы?

Каждое утро

начинается с телефонного звонка.

— Иванов, где трубы? — кричит кто-то сорванным, охрипшим голосом. — Почему не отгружаешь? Ты же меня без ножа режешь, Иванов! У тебя совесть, Иванов, есть, а?

Голос просит, требует, умоляет. Я рад бы ему помочь, но где я возьму трубы? Единственное, что у меня есть, это перо, чернила и стопка бумаги. И я вежливо говорю, что он ошибся номером, что это квартира, частная квартира.

На следующее утро он звонит опять:

— Иванов, где трубы?

Я сочувствую ему и осуждаю Иванова. Я дивлюсь упорству, с которым Иванов не хочет отгружать трубы. Но вслух говорю: «Ошиблись номером».

Я уже привык к этим утренним звонкам. Больше того, если бы они прекратились, я бы почувствовал внезапную пустоту, чего-то бы вдруг стало не хватать в моей жизни.

Я пытаюсь представить себе этого человека, лысоват ли он или имеет пышную шевелюру, носит ли шляпу, не обеспокоен ли высоким процентом разводов и что он думает об охране окружающей среды.

Однажды, когда он позвонил и закричал: «Иванов, где трубы?», я сказал: «Доброе утро. Погода сегодня обещает быть чудесной, не правда ли?»

— Да, вы правы, — несколько смущенно ответил он.

— Меня зовут Николай Петрович, — сказал я.

— Очень приятно, — сказал он, — а меня Степан Васильевич.

Так мы познакомились. Я узнал, что его сыну пять лет, а дочка ходит в музыкальную школу, что сам он страдает радикулитом и любит игру на балалайке, что жена его чудесно вяжет из мохера и не ест рыбу.

— Звоните, не стесняйтесь, — сказал я на прощанье.

— Спасибо, — застенчиво сказал он.

Через несколько дней я опять слышал его ошале-
лый голос: «Где трубы?»

— Доброе утро, — говорил я.

— Доброе утро, — говорил он.

— Сегодня, наверное, будет дождь, — говорил я.

— Да что-то и у меня плечо к погоде разнылось, — говорил он.

— Попробуйте растереть тигровой мазью, — говорил я. И мы прощались. До следующего раза.

Однажды посреди нашего обычного разговора он вдруг замолк и, помолчав, сказал:

— А Иванова-то переводят...

— Как переводят? — воскликнул я.

— Так, на другую работу, — сказал он.

— Да что вы говорите?! — сказал я и подумал, что, верно, теперь окончатся его хлопоты с трубами.

— Прощайте, — сказал я.

— Всего вам доброго, — сказал он.

Утром, спустя неделю, я снял телефонную трубку и услышал:

— Петров, ты меня без ножа режешь! У тебя совесть, Петров, есть, а?

И снова все вошло в обычную колею. Петров тоже был не подарочек, и мой телефонный знакомый все так же безнадежно и хрипло зывал к его совести.

Прошло несколько лет. Дочь Степана Васильевича родила ему внука, сын служил в армии, сам Степан Васильевич кроме радикулита страдал еще и одышкой. И только супруга его по-прежнему вязала из мохера и не ела рыбу.

Как-то мой знакомый сообщил мне, что уходит на пенсию и работает сегодня последний день.

Мне стало грустно. Я подумал, что буду скучать без этих нелепых утренних звонков, без Степана Васильевича с его вечными трубами, с его хворями и заботами. Но ведь все на свете имеет конец. Мы распрощались.

И вот другим уже утром я расхаживал по квартире, размышляя о бренности всего земного, как вдруг мысли мои прервал телефонный звонок. Я подскочил к аппарату, и сердце мое забилося от волнения.

— Сидоров, где трубы? — услышал я. — Почему не отгружаешь?

Голос был высокий, молодой, жизнерадостный.

— Доброе утро! — сказал я. — Меня зовут Николай Петрович. Труб у меня, к сожалению, никаких нет.

Девятая платформа

Он стоял в зале ожидания

на Курском вокзале и смотрел, как вспыхивают цифры на большом электронном табло, только цифра 17 слева остается неизменной. Он был без чемодана, налегке, руки в карманах пальто, и, казалось, не принимал никакого участия в той дорожной суете, которая творилась вокруг него.

Когда на табло зажглась цифра 36, а слева по-прежнему оставалось 17, к нему подошел мальчик и спросил:

— Дяденька, с какой платформы поезда в Африку идут?

«Африка — это где очень жарко... А в Москве снег», — подумал он.

Он разглядывал мальчика, мальчик был маленький, ушанка подвязана под подбородком, из-за спины торчит игрушечное ружье.

— Ружье заряжено? — спросил он.

— Нет, — сказал мальчик, — оно игрушечное.

— В Африку нужно отправляться с девятой платформы, — сказал он. — Сначала едешь поездом до Симферополя, потом троллейбусом до Ялты. А оттуда уже рукой подать до Африки. Садись на пароход и плывешь. Плывешь и плывешь, через Босфор и Дарданеллы, Средиземное море, Гибралтар — прямо в Африку. В общем, довольно просто.

— Понятно, — сказал мальчик. Мальчик был сообразительный.

— Еще бы не понять, — это уже сказал он. И подумал: «Конец рабочего дня. Она наводит порядок на своем столе. Раскладывает по местам всякие баночки, колбочки, пузыречки. Она снимает халат, моет руки. Медикам ужасно нравится мыть руки. Их этому на первом курсе учат».

— А тебя что, никто не любит? — спросил он вслух.

— Любят, — сказал мальчик, — скрипку подарили.

— Это они всегда так, — сказал он. — Они, когда любят, всегда скрипку дарят или что-нибудь в этом роде.

— Они еще говорят, что у меня хорошие рисовальные способности, — сказал мальчик.

— Значит, скоро мольберт купят, — сказал он и подумал: «Сейчас она разговаривает с Зинаидой. Та уже одета и ждет ее. И они, как всегда, отправятся вместе».

— Ну и пусть покупают, — сказал мальчик. — Мне теперь все равно.

— Они тебя найдут и купят мольберт, — сказал он и подумал: «Зинаида уговаривает ее куда-нибудь завернуть. Две приятные молодые женщины имеют право развлечься».

— А кто такая Зинаида? — спросил мальчик.

«Вот, подумал он, я уже начинаю думать вслух». И сказал:

— Есть одна такая очень самостоятельная особа. Она курит сигареты и водит машину.

— У меня мама тоже курит, — сказал мальчик.

— Маме надо все прощать, — сказал он.

— А какая у нее машина? — спросил мальчик.

— «Жигули» предпоследней модели, — сказал он и подумал: «Интересно, жалуется ли она на меня? Надо же ей на меня кому-нибудь жаловаться. Хотя бы Зинаиде. С кем-то ей надо отводить душу».

— Лично мне «Жигули» очень нравятся, — уважительно сказал мальчик. — Они маневренные, и у них хорошая скорость.

— Что верно, то верно, — сказал он. — Скорость у них удивительная, а про маневренность и говорить нечего... — «А может, никуда они не завернут, — подумал он. — Зинаида подвезет ее к дому и высадит. Вот хлопнула дверца машины. Потом дверь подъезда. Вот она вызывает лифт».

Он посмотрел на электронное табло. Московское время 18 часов 01 минута.

— Ну ладно, — сказал мальчик, — я пошел. Мне надо идти.

Ему показалось, что он уловил в голосе мальчика сожаление. Он сказал:

— Давай еще про «Жигули» поговорим.

— Нет, я пойду, — сказал мальчик. — Значит, с девятой платформы.

Они продолжали стоять на месте и почти одновременно посмотрели в одну сторону. От угла зала, где вход, к ним неслись двое: женщина в распахнутом каракулевом пальто, платок сбилась с головы, за женщиной — милицейский лейтенант. Лейтенант бежал очень смешно, стараясь сохранить достоинство и придерживая рукой планшетку. Мальчику и тому, кто стоял рядом с ним, почему-то показалось, что женщина и милиционер бегут страшно долго и никогда не приблизятся. Но женщина все-таки подбежала к мальчику и стиснула его в объятиях. Лейтенант тоже был тут, он сочувственно смотрел на них.

— Господи, Юрочка, как ты напугал нас! — сказала женщина, вынула из сумочки платок и заплакала.

— Ребятишки, — сказал лейтенант.

— А это кто? — женщина вдруг вытерла глаза и подозрительно уставилась на того, кто стоял рядом.

Лейтенант тоже посмотрел подозрительно.

— Никто, — сказал мальчик.

— Ну, слава богу, нашелся, — сказала женщина. — Отец весь город обегал. Милицию на ноги поднял.

— Нужно протокол составить, — сказал милиционер.

Они уходили. Женщина вела мальчика за руку и все время что-то говорила, наклоняясь к нему. Милиционер шел сбоку.

А он стоял и смотрел им вслед. Мальчик вдруг обернулся, и они встретились взглядом. Обернулась и женщина, а следом за ней — милиционер. Потом мальчик уже не смотрел в его сторону, только женщина обернулась еще раз.

Он подумал, что она увидела записку на столе. Он внезапно понял, чего он хочет сейчас больше всего: он хочет позвонить домой.

Он набрал номер телефона, услышал долгие гудки и снова перезвонил. Насчитав 15 гудков, он повесил трубку.

«В Москве снег, — подумал он. — У мальчика нашлась мама. Или у мамы нашелся мальчик. В Африке пасутся жирафы. «Жигули» — удивительно маневренная машина».

Он подошел к окошечку железнодорожной кассы и сказал: «Билет до Симферополя, пожалуйста. На ближайший поезд».

— До Симферополя билетов нет, — сказала кассирша. — Только на послезавтрашнее число.

— Ну, тогда дайте билет еще куда-нибудь. Куда есть, туда и дайте, — сказал он.

Из жизни волшебников

Волшебники, конечно же,

тоже рассказывают своим детям сказки. Само собой, что и сказки эти не такие, как у нас, а совершенно особенные.

Прежде чем уснуть, какой-нибудь волшебный ребенок начинает канючить:

— Пап, расскажи сказку!

— Что же тебе рассказать? — говорит отец, присаживаясь на край постели. — Про волшебника, у которого не получались чудеса, я тебе уже рассказывал?

— Рассказывал.

— А про бедного волшебника и про богатого волшебника?

— И про бедного, и про богатого.

— А про волшебника, который не слушался папу и маму, и что из этого вышло?

— Да ну тебя, папка, что ж ты никаких новых сказок не знаешь, — говорит дитя.

Отец растерянно чешет в затылке.

— Пап, а расскажи что-нибудь про людей, помнишь, ты мне рассказывал, — просит тогда ребенок.

— Про людей? — хмурится папаша. — Ты же знаешь, мама не разрешила про людей.

— А ты все равно расскажи, она ведь на кухне.

— Ну, слушай, — начинает отец, на всякий случай оглянувшись на дверь.

О чем же он рассказывает? Да о самых обыкновенных вещах, которые с нами, людьми, с утра до вечера происходят, а вот глупому волшебному мальчишке они в диковинку.

Он вжался в подушку, глаза широко раскрыл и ловит каждое слово.

И вдруг раздражается бурными рыданиями.

— Ну, глупенький, ну чего ты испугался, — принимается успокаивать его отец, у которого самого зуб на зуб не попадает от страха. — Ведь это все сказка, ведь их же не бывает, людей...

— Я знаю, что их не б-бы-бывает, — всхлипывает малыш. — А все равно страшно...

В комнату входит мать.

— Что случилось, почему ребенок плачет?

— Да вот, — оправдывается папаша, — начал ему сказку рассказывать, а он чего-то взял и разревелся.

— Опять, наверное, ты ему рассказывал про этих... как их... людей.

— Ну про людей, ну и что...

— Тебе же известно, какой у нас нервный, впечатлительный ребенок. И нельзя ему слушать эти ужасные истории про людей, особенно на ночь.

— Ну больше не буду, только не ругайся, — говорит волшебник и, виновато согрившись, выходит из комнаты.

Удивительный случай

Один раз

Чесноков шел по улице и вдруг увидел человека, очень похожего на писателя Гоголя. В правой руке человек держал зонтик. Чесноков остолбенел от изумления. Поразительное было сходство! Те же глаза и волосы, тот же знаменитый нос.

Чесноков старался не отставать от загадочного человека, а тот несколько раз оборачивался и так это довольно сердито смотрел на Чеснокова.

«Что делать? — лихорадочно думал Чесноков. — Может, остановить. Сказать: «Здравствуйте, Николай Васильевич!» А вдруг обидится? Скандальить начнет».

«Ну, чего увязался за мной? — думал в свою очередь человек. — Гоголя не видал, что ли?»

Человек свернул в свое парадное, поднялся в квартиру и сел писать «Записки сумасшедшего». А Чесноков поехал к себе в департамент и рассказал всем, что видел Гоголя.

Шел удивительный XIX век.

Трамвай и Федор Иванович

О нашей улице

ходит трамвай. По той же улице ходит Федор Иванович.

Трамвай ходит быстро. Нельзя сказать, чтобы и Федор Иванович тащился черепахой.

Трамвай время от времени останавливается. И Федор Иванович останавливается поболтать с кем-нибудь из знакомых или поглазеть на газетный щит.

Трамвай возит пассажиров. Федор Иванович горючит, что он везет на себе целую семью.

Трамвай ходит по рельсам. Федор Иванович утверждает, что, если бы не жена и дети, он давно бы бросил все к чертовой матери.

Иногда в трамвай заходит контролер. Супруга Федора Ивановича частенько проверяет его карманы.

Ночью трамвай всегда возвращается в депо. И Федор Иванович в конце концов приходит домой.

Очень они похожи, трамвай и Федор Иванович.

Уход от жены

И прошлым летом,

в конце августа, Федор Федорович Кротов ушел от жены. Это решение зрело и зрело в нем, пока не созрело полностью.

«Да в конце-то концов! — подумал однажды Федор Федорович. — Да на самом-то деле! И вообще!..»

Федор Федорович ушел от жены с одним-единственным портфелем. Некоторые начинают делить все, а Федор Федорович ничего, кроме портфеля, не взял.

Он вышел на улицу и вздохнул полной грудью. Свобода! Федор Федорович еще не старый человек, он еще начнет все сначала.

Ехал навстречу велосипедист, летели голуби в вышине, легкий ветерок овеивал лицо.

Федор Федорович дошел до метро и повернул обратно.

— Это ты? — спросила из кухни жена, она не знала, что Федор Федорович уходил от нее, а теперь вернулся.

— Это я, — отозвался Федор Федорович.

— Кушать будешь? — спросила жена.

— Буду! — ответил Федор Федорович.

Он очень проголодался от сильных переживаний.

Целебное средство

Учитель русского языка

и литературы Иван Захарович, по прозвищу Глагол, стоял на остановке и ждал автобуса. Иван Захарович пытался сосредоточиться на своем, но шум большого города мешал ему. Особенно назойливо лез в уши разговор двух приятелей, встреча которых происходила совсем рядом.

— Ну как она, жизнь? — спрашивал один другого.

— Жизнь как? Нормально жизнь! А у тебя как жизнь?

— У меня жизнь нормально.

— Жена как, дети?

— Дети, жена нормально. А у тебя жена, дети?

— У меня дети нормально, жена...

— А на работе как?

— На работе-то? Все нормально!

— И у меня!

— Значит, говоришь, жизнь нормально?

— Ага!

— И у меня — ага!

— Ну тогда все нормально! До скорого!

— До скорого!

С этим «нормально», засевшим в голове, как гвоздь, пожилой словесник вскарабкался в автобус.

— Вы чего в проходе застряли, мужчина? — ласково спросили за спиной Ивана Захаровича. — Продвигайтесь в середину салона, а то остальные не влазят.

— Нормально я стою! — огрызнулся вдруг Иван Захарович и сам испугался того, что сказал.

— Обидчивый какой! — проговорили сзади. — Чуть что — сразу в эту... в амунизию.

— Не в амунизию, а в амбицию, — поправил Иван Захарович.

— Не играет значения! — сказали сзади.

— Нет, не имеет значения! — топнул ногой Иван Захарович.

Но тут с другой стороны кто-то как гаркнет над ухом Ивана Захаровича:

— Вы на «Школе» сходите?

Голова у Ивана Захаровича закружилась, и он медленно стал оседать на пол. Рядом стоявшие подхватили его.

— С человеком плохо! — пронеслось по автобусу.

— Ему бы сейчас воды!

— При чем здесь вода! — прошептал Иван Захарович. — Пушкина дайте!

— Пушкин есть у кого-нибудь? — громко спросил поддерживавший Ивана Захаровича гражданин.

— Дюма есть! «Три мушкетера»! Дюма не поможет? — откликнулся кто-то.

— Не надо Дюма. Пушкина или Лермонтова! — слабым голосом попросил Иван Захарович.

— Есть, есть Лермонтов! — на помощь сквозь толпу уже пробиралась девушка с маленьким томиком в руках.

Услышав шелест страниц, Иван Захарович открыл глаза и впился в знакомые строки. Щеки его порозовели, дыхание выровнялось.

— Спасибо, мне уже лучше! — сказал он.

— Кому — что! — заметил какой-то пожилой гражданин. — Лично мне Тютчев больше всего помогает. Одним им и спасаюсь. Я без него на улицу и не выхожу.

И гражданин похлопал себя по карману, где у него, видимо, лежал томик Тютчева.

А ст, это в конце концов невыносимо!

Пора положить предел этому безобразию! Так думал Алексей Степанович. Внутри у него все кипело.

— Понимаете, Тришкин, вы подхалим! — говорил Алексей Степанович. — Да, да, я не боюсь этого слова. Вы подхалим, Тришкин! Зачем вы лезете ко мне с вашей глупой зажигалкой, когда я достаю папиросу? Зачем каждый день спрашиваете о здоровье моей жены и деток?

— Совершенно верно, Алексей Степанович, подхалим я. Как это вы точно выразились! — говорил Тришкин, заботливо укутывая ноги своего начальника пледом.

— О! — Алексей Степанович сжимал голову руками. Хорошо, что сегодня пятница. Прочь, прочь от этого Тришкина на дачу, в Подмосковье.

И вот, Алексей Степанович на даче, пьет чай, нюхает цветы, гуляет по лесу. Чудесно здесь. Покой, тишина, только кукушка где-то кукует. А скажи мне, кукушка, сколько жить буду? Год... два... десять... двадцать. Ого! Долголетье сулит. Значит, наверное, доживет Алексей Степанович до тех времен, когда люди будут уважать друг друга без раболепства, без оглядки на чины, до тех золотых денечков, когда переведутся Тришкины и им подобные.

Так думает Алексей Степанович и засыпает счастливый. И не знает он того, что усталый, охрипший от кукования Тришкин слезает с дерева и поздней электричкой едет в Москву.

Рассказ о прошлогоднем снеге

БЫЛО это прошлой зимой.

В квартиру метеоролога Штучкина, проживающего по Радужной улице, дом № 5, позвонил дворник того же дома Треухов.

— А, Федор Кузьмич! — воскликнул метеоролог, открыв дверь. — Чем обязан? Проходи, дорогой! Садись!

Дворник сдернул с головы шапку и шагнул в комнату.

— Ну, рассказывай! — сказал метеоролог, когда давние знакомые уселись за стол. — Как жизнь, как работа? И вообще.

Дворник помолчал, откашлялся и степенно произнес:

— Работа у нас известно какая, Сергей Макарыч. Утром вставай ни свет ни заря, разгребай снег. Снег разгреб, дорожки песком посыпал, глядишь, к обеду его опять навалило, куды там! Иди, значит, снова спину ломай.

— Да, зима в этом году снежная, — сказал метеоролог.

— Вот я же и говорю, — подхватил дворник. — Снежная зима. А рукавиц новых не выдают. Рукавицы эти прямо горят на руках. Уж как я прошу нашего управдома насчет рукавиц — он ни в какую! У меня, говорит, Федор, на рукавицы твердый лимит. Одна, говорит, пара в квартал. Почему я знаю, может, ты эти рукавицы ешь, а я тебе каждый раз новые выда-

вай. А я ему говорю: «Фрол Прокофьевич, снег погляди какой, как оглашенный валит. По такому снегу не то что пары, дюжины не хватит. Лопаты об его, проклятушего, ломаются». А он, Фрол Прокофьевич-то наш, только руками разводит.

— Понимаю, понимаю, — кивнул головой метеоролог. — Но я-то чем здесь могу помочь?

— Можете! — страстно проговорил дворник. — Вы человек ученый, сочувственный. Когда будете сводочку погоды составлять, так вы осадков убавьте маленько. По-соседски. А вам за это от всех дворников великое спасибо и благодарность выйдет.

Метеоролог вскочил со стула и нервно забегал по комнате.

— Видишь ли, Федор Кузьмич, — немного успокоившись, заговорил метеоролог. — Ты, брат, здесь немножко того, заблуждаешься. От меня ничего зависеть не может. Понимаешь, через северо-западную часть нашей страны проходит мощный циклон. Своим крылом он задевает и нашу область. Потому и снег. А я только наблюдаю. С помощью разных научных приборов. С целью исследования, так сказать.

— Да мы понимаем, — вздохнул дворник. — Нешто мы не понимаем? Циклон, антициклон. Чай, тоже радио слушаем, газеты читаем. Мы ведь к вам со всем нашим уважением.

Дворник полез за пазуху своей телогрейки и, сопя, извлек на свет бутылку марочного коньяка и коробку конфет, перевязанную розовой ленточкой.

— Это вам, Сергей Макарыч, и супруге вашей, любезной Маргарите Владимировне, дай ей бог здоровья! Нешто мы не понимаем. Мы понимаем. А вы уж для нас тоже расстарайтесь.

Лицо метеоролога пошло красными пятнами.

— Немедленно уберите это! Немедленно! — закричал Штучкин и затопал ногами.

— И ни-ни, — забормотал дворник, комкая шапку и пятясь к двери. — Нешто мы не понимаем, мы очень даже понимаем.

Ноги отказали бедному метеорологу, и он рухнул на стул. Входная дверь за дворником защелкнулась.

А ночью снег неожиданно прошел. Утром на голубом небе засветило слепящее зимнее солнце.

Пересекая двор дома № 5, метеоролог Штучкин услышал знакомый голос.

— Спасибо, Сергей Макарыч, уважили. Многие вам лета, и супруге вашей, и деткам.

Дворник издали снял шапку и низко до земли поклонился. Метеоролог втянул голову в воротник и рысью помчался к подъезду. Бабахнула дверь подъезда.

— Уважь человека, — неизвестно кому назидательно сказал дворник. — И он тебя уважит.

НО

СЕРГЕЙ МАКАРЫЧ ШТУЧКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СОВЕТСКИЙ

ПЕЧАТНИК»

1977

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Народ у нас,

как известно, самый читающий в мире.

...А дело было в поезде метро. Человек в книгу с головой ушел. Среди бела дня. Ушел — и нет его, не выныривает. А книга толстая, и раскрыта на самом глубоком месте. Неизвестно, чем бы все кончилось, не окажись поблизости Борис Андреевич Холодов. Он тут рядом плескался. В одном мелководном детективе. Не раздумывая ни секунды, смельчак поспешил на помощь.

Он бросился прямо в водоворот сюжета и вытащил незнакомца.

Спасенный был совсем еще молодым человеком. Оказав ему первую помощь, Холодов отвел юношу к себе домой, дал переодеться в сухое, заварил крепкого чаю.

— Эх, молодые люди, — сокрушался Холодов. — Лезете в воду, как говорится, не зная броду. А книги, между прочим, тоже разные бывают... Бывают что по грудки, бывают по пояс, бывают по щиколотку, а есть и того... — Для большей выразительности Холодов показал ладонью над головой.

— А собственно говоря, — сказал молодой человек, — собственно говоря, кто вас просил меня спасать?

— То есть как? — опешил Холодов.

— А вот так! Спасли, понимаешь, на самом интересном моменте... Там как раз только все и закручивалось.

— Ну, знаете ли, — развел руками Холодов. — Их спасают, а они еще и недовольны. Это, знаете ли, ни в какие рамки не лезет.

— Спасают, когда их не просят... — капризно сказал молодой человек, свернулся на диване калачиком и заснул.

Холодов накрыл его пледом и на цыпочках вышел из комнаты.

Наутро молодой человек исчез, оставив на столе записку: «Спасибо за чай. Взял почитать журнальчик. Сергей».

На этом можно было бы окончательно поставить точку, если бы настоящая история не имела бы небольшого продолжения.

Как-то Холодов возвращался домой, он к тому времени работал уже главным спасателем в одной районной библиотеке. Дорога шла бульваром, Холодов уже намеревался свернуть к выходу, как взгляд его упал на скамейку с белеющим на ней раскрытым журналом. Через секунду Холодов держал его в руках. Сомнений не было: это был тот журнал, что принадлежал когда-то Холодову.

— Сережа! Сергей! — позвал Холодов. Нет ответа. Только рябь строчек, куда хватает глаз.

— Говорил же я, предупреждал, — прошептал спасатель.

Иногда вечерами Холодов достает журнал с полки и, далеко отставив его от себя, как это делают сильно дальновзоркие люди, читает. Вид у него при этом сердитый.

Старая записная книжка

Н икогда не надо звонить

по старым записным книжкам. А то некоторые звонят, и, между прочим, ерунда получается. Один мой знакомый раз позвонил. Фамилия его Николаев. Ему на глаза попалась его старая записная книжка, он и позвонил. Книжка старая. Обложка потресканная. Листочки рассыпаются. Он ее открыл на букву «л». Смотрит, на эту букву записано пять Лен, три Люси и одна Лаура. Нет, он думает, я пока Лауре звонить не буду, да и, пожалуй, Люсь тоже беспокоить не стоит, а позвоню-ка я какой-нибудь Лене. Взял и позвонил. И говорит:

— Лен, привет!

— Привет! — она ему отвечает. — А это кто?

— Это Юра.

— А, Юра, привет! А какой это Юра?

— Да Николаев это Юра! Ты что, не помнишь?

— А, Николаев! Привет, Юр! Ты куда пропал?

Обещал перезвонить и пропал?

— Я из автомата звонил, понимаешь. Он у меня двушку проглотил. А я никак вторую разменять не мог.

— Ну, и разменял в конце концов?

— Разменял.

— Так ты сейчас опять из автомата звонишь?

— Нет, мне потом дома телефон поставили. У меня очередь на телефон подошла.

— Поздравляю тебя с установкой телефона.

— Да чего поздравлять, я потом все равно в другое место переехал.

— От метро далеко?

— Далеко. Шесть часов на самолете. Я туда назначение получил. Тундра, олени, понимаешь.

— Значит, ты сейчас из тундры звонишь?

— Нет, я уже в Москву давно вернулся.

— Это хорошо! Надо как-нибудь встретиться.

— А чего тянуть! Давай сегодня.

— Я сегодня не могу. У меня ученый совет сегодня.

— Да ну его, ученый совет! Что он без тебя не обойдется?

— Они, понимаешь, меня председателем выбрали. Хочешь не хочешь, а быть надо.

— Председателем? Тогда давай завтра. В кино пойдем. Погуляем.

— Я бы с удовольствием, но меня попросили с внуком посидеть.

— С каким внуком?

— С моим. Он у меня уже большой!

— Алло, алло! Лена... То есть Елена... как тебя, то есть как вас по отчеству... Ой, что-то телефон разъединился... Перезванивать или не перезванивать...

И этот мой знакомый Николаев с сомнением уставился в свою записную книжку. А в это время его сын — у него сын уже есть лет тридцати пяти — и говорит:

— Папа, ты опять простоквашу забыл выпить.

И хорошо сделал, что напомнил, а то ведь эти старики вечно все забывают и путают.

Девочка с персиками

Она сидела,

положив руки перед собой, и смотрела на меня, нет, пернее, сквозь меня, вдаль, доступную взорам лишь детей и сказочников. Но в позе ее не было неподвижности, наоборот, вся она была отрицанием покоя, и казалось, что она только что вбежала из большого тенистого сада и вдруг замерла в этой своей прекрасной задумчивости. И все слова, которые пронесли в моей голове, показались мне пустыми и жалкими, — потому что никакие слова не могли передать ее облик, а только кисть и краски. И я пожалел, что я не художник, не живописец. Я с усилием отряхнул с себя оцепенение, подошел к ней и, слегка волнуясь, спросил:

— Девочка, почему персики?

— Четыре рубля кило, — ответила она.

— Ай-яй-яй, девочка, — сказал я. — Дешевле не отдашь?

— Нет, дяденька, — цена твердая.

— Ты славная, хорошая девочка, — а где твой папа?

— Папа в магазин ушел за ковром стоять.

— Ну свешай мне тогда килограмм, девочка, — сказал я.

Она взяла своей маленькой тонкой рукой гирьку и поставила ее на одну чашку весов, а на другую положила несколько персиков. Вокруг шумел и толкали рынок. Я ссыпал персики в сетку и направился к мальчику, не к тому, знаменитому, с флейтой, а к мальчику с отборным, крупным виноградом по три рубля килограмм.

Мы с ним познакомились

на стадионе, во время футбольного матча. Он мне сразу чем-то понравился.

— Спорим, что тебя зовут Саша, — были первые его слова.

— Спорим! — охотно согласился я. — Только меня Юрой зовут.

— Не угадал, значит, — сказал он. — А меня — Анатолий, Толик... Я обычно на стадион с друзьями хожу. С друзьями веселей. А сегодня так получилось... Спорим, что «Спартак» выиграет...

— Я вообще-то тоже за «Спартак» болею.

— Тогда спорим, что проиграт. Со счетом 2:0.

— Давай!

Мы ударили по рукам и попросили соседа разнять.

Матч закончился вничью. Выходя со стадиона, мы купили по стаканчику мороженого. Расставаться не хотелось.

— Я один раз девятнадцать порций эскимо съел, — признался Толик. — Давно. Еще когда в школе учился.

— Зачем? — спросил я.

— На спор.

— Выиграл?

— Нет, проиграл. До двадцати всего одной порции не хватило.

— Жалко, — сказал я. — А на что спорили?

— На сушеного жука и перочинный ножик.

— Жалко, — сказал я. — Вон, видишь лужу.

— Ну, вижу, — сказал Толик.

— Хочешь перепрыгну?

— Не перепрыгнешь!

Я взял и перепрыгнул. Чуть-чуть не достал.

— А теперь смотри, я...

И он тоже не перепрыгнул.

— А я на голове умею стоять, — сказал я и встал на голову.

— А я все слова умею читать наоборот, — и он быстро-быстро начал читать вывески задом наперед.

— А я на спор три института кончил.

— А я на спор женился.

Мы немного притомились и некоторое время шли молча.

— А я однажды поспорил, что так спрячусь, что меня в жизни никто не найдет.

— А где дело было?

— В лесу.

— Нашли?

— Не-а, — он помотал головой.

— Как же тебе удалось?

— А я лесом добрался до станции, сел на поезд, приехал в столицу. Женился. Взял фамилию жены.

— Здорово! — сказал я. — А я на спор на Землю прилетел.

— Как это на Землю?!

— А я же из другой галактики. Пospорил там со своими, что построю космический корабль и до вас долечу. Они говорят: не построишь! А я говорю: построю! Они — не построишь! А я — построю.

— Построил? — спросил Толик.

— А как бы я еще с тобой мог встретиться.

— Выходит, там тоже любят спорить.

— Еще как!

- Нравится тебе у нас? — спросил он.
- Нравится, — ответил я.
- У нас тут на Земле хорошо... Ну, мне сюда, — и он показал на противоположную сторону улицы. — Бывай!
- Счастливо!
- Как-нибудь встретимся, — сказал он.
- Мир тесен, — сказал я.

Хорошая вещь — часы

Одному мальчику —

подарили его Федя — подарили часы. Настоящие, ручные. Федя надел их на руку и вышел во двор. Было 9 часов 35 минут. Во дворе ребята играли в футбол, и никто не обратил на Федю никакого внимания. Феде это стало очень обидно. Он посмотрел на часы и сказал:

— А сейчас 9 часов 55 минут!

Никакого эффекта.

Тогда Федя посмотрел на часы и сказал:

— А сейчас ровно 9 часов 56 минут.

Тут ребята заметили Федю.

— Что, что ты сказал? — спросил один из них.

— Я сказал, что сейчас 9 часов 56 минут. Только это было минуту назад. Поэтому сейчас не 9 часов 56 минут, а 9 часов 57 минут.

— А ты откуда знаешь? — спросили ребята.

— А мне часы подарили, — сказал Федя. — Вот, — и он вытянул руку, на которой красовались часы.

— Ух ты! — раздался общий возглас, и все принялись рассматривать часы. У них, кроме минутной и часовой стрелки, была еще секундная, когда смотришь на минутную и часовую стрелки, то кажется, что время тянется медленно-медленно, а когда смотришь на секундную, то наоборот — быстро-быстро.

— Хорошая вещь — часы! — вздохнул кто-то.

— Еще бы! — сказал Федя. — Всегда можно посмотреть на них и сразу узнать, который час. А еще можно время засечь!

— За что же его засекают? — спросил мальчик Гоша, который был самым маленьким мальчиком в компании. — Они разве в чем-нибудь виноваты?

Все засмеялись, а Федя сказал:

— Время засекают за тем, чтобы узнать, сколько его прошло от какого-нибудь момента. Вот хотите, мы узнаем, за сколько времени кошка Марфа пройдет от одного угла дома до другого. Внимание! Засекаем!

Федя посмотрел на часы, а потом впился глазами в кошку, которая как раз шествовала вдоль стены дома. И все впились глазами в кошку Марфу. Федя сделал отмашку рукой и торжественно провозгласил:

— За двенадцать секунд!!

— Хорошая вещь — часы, — опять вздохнул кто-то.

— А давайте еще раз время засечем. Например, за сколько можно съесть порцию сливочного мороженого, — предложил другой мальчик.

— Какого сливочного? — поинтересовался Федя. — В вафельном стаканчике или в брикете? Также бывает и в бумажном стаканчике. Тогда его ложечкой есть надо.

— Я имел в виду в вафельном, — испуганно проговорил мальчик.

— Мне что, мне все равно, — пожал плечами Федя. — Можно и в вафельном. Пошли, что ли.

И компания двинулась по направлению к киоску с мороженым. Здесь возник небольшой спор, кто будет есть мороженое, потому что на всех денег не хватало. В конце концов решили, что мороженое будет есть Витя Кукушкин, он, по общему мнению, отличался самой большой скоростью съедания мороже-

ного. Вите вручили стаканчик с мороженым, и он замер в ожидании сигнала.

— Внимание! — Федя поднял руку. — Старт! — Федя опустил руку, а Витя Кукушкин, как тигр, нырнул в мороженое. Один миг — его не стало.

— Вот это — да! — восхищенно произнес Федя. — Две с половиной секунды. Отличное время!

Витя Кукушкин стоял в позе чемпиона. Оспорить его результат никто не мог, денег больше не было.

И все вдруг вспомнили, что у них есть какие-то дела, и Федя тоже вспомнил, что его выпустили всего лишь на час, и стрелка уже приближалась к неприятной отметке.

«Хоть бы они испортились, — подумал Федя про часы. — Тогда можно было бы сказать, что часы встали и я не знал, что пора уже возвращаться».

Но часы бодро тикали, и маленькая секундная стрелка как сумасшедшая вращалась по кругу.

Устраиваемся

К Ивану Семеновичу

пришла Весна-Красна Шелковая Коса, позвала его пойти прогуляться по улицам, поглазеть на народ, съесть порцию-другую эскимо, а то, может, и в кино сходить.

— Вы же знаете, я всегда, — сказал Иван Семенович. — Помните, небось...

— Помню, как же, — сказала девушка.

— А сейчас, извините, не в состоянии. Сами видите, квартиру новую получил. Устраиваемся. Полы перестилать надо? Надо! Плинтуса менять. Разве ж это плинтуса?

— А то, может, пойдем! — предложила Шелковая Коса.

— Русским языком говорю: устраиваемся! Вы через год приходите. Тогда и погуляем.

— Хорошо, — сказала она и направилась к окну.

— Эй, постойте! — вдруг опомнился Иван Семенович. — Вы случайно кафельную плитку-кабанчик достать не можете?

— Я многое могу, — ответила красotka. — Зиму могу растопить. Луга бархатным ковром застелить. Цветами их осыпать. Птиц из дальних стран возвратить. А вот плитку-кабанчик достать не могу.

— Ну, идите, идите, — сказал Иван Семенович. — Я Васильеву позвоню. Уж он-то достанет.

И на следующий год явилась к Иван Семеновичу весна, правда, с небольшим опозданием.

Явилась, а у него в квартире пыль столбом стоит, страшные удары раздаются.

— Ну? — сказала прелестница.

— Как-то не вовремя вы все. Мы как раз перего-
родку в коридоре меняем. За счет этого кухня уве-
личивается на три метра.

Гостья чихнула.

— Будьте здоровы! — сказал Иван Семенович.

— Так когда же тогда? — спросила она.

— Ясное дело, через год.

— Кто это там у тебя? — крикнула из другой
комнаты жена.

— Весна! — крикнул Иван Семенович.

— Какая еще весна?!

— Красна, какая же еще?!

— Сейчас грузчики приедут, мебель приве-
зут, а он лясы задумал точить.

— Да она на минутку, сейчас уйдет.

И прошел еще год. Но Ивана Семеновича
дома застать было совершенно невозможно.
Исужели он в сады и парки отправился? Если
бы. Он в очередях за клеящимися обоями от-
мечался.

А потом что? Потом с тещей съезжался, в
результате чего образовалась у семьи четы-
рехкомнатная квартира, потом с первого
этажа переезжал на пятый. Потом с дочерью
разменивался, она замуж вышла.

Насколько мне известно, он устраивает-
ся до сих пор и все никак не устроится.
И весна к нему больше ни ногой, ни другие
времена года.

Когда пустеет

спортивный зал, воздух которого еще окончательно не остыл от бушевавших здесь недавно страстей, в помещение входит тетя Катя, техничка, замечательная во всех отношениях женщина. Она вносит орудия своего труда — большую швабру, ведро — и начинает уборку. Она пылесосит ковер, бывший аренной жарких борцовских схваток, подметает боксерский ринг, протирает гимнастические брусья. За работой тетя Катя разговаривает сама с собой, то и дело поминая в своих внутренних монологах завхоза Тимохина.

— Ох, Тимохин, ох, этот Тимохин! — приговаривает она. — Я, говорит, тетя Катя, вас уважаю, но новую швабру выдать не могу, пока не прошел срок амортизации этой. Мне он, значит, выдать не может, а Марусе из плавательного комплекса — пожалуйста! Как же так, говорю, товарищ Тимохин, и почему такое предпочтение?

С этими словами тетя Катя приступает к штанге, на которой установлен рекордный вес сегодняшнего дня.

— И ведь никогда не уберут на место! — бурчит тетя Катя, приподнимая штангу за один конец и протирая под ней пыль. — Сколько ни просишь — как об стенку горох!

Тетя Катя опускает штангу и переходит к ее другой половине.

Такая у тети Кати незаметная и совсем не героическая работа.

Снимки на память

Признаюсь,

по натуре я домосед и даже самая кратковременная разлука дается мне нелегко.

Хорошо еще, что попутчик в этот раз достался мне общительный. Едва поезд тронулся, он признался, что едет в командировку, и спросил, не женой ли приходится мне провожавшая меня женщина.

Я ответил, что он не ошибся.

— А вот моя жена, — сказал он, протягивая мне фотографию, — не смогла приехать на вокзал. С детьми осталась. У вас есть дети?

Я полез в карман и достал фотографию моих ребятшек.

— А вот мои дети, — сказал он.

Пока поезд пробирался через пригороды, я, кроме детей, успел рассмотреть деверя моего попутчика, двух его свояков, брата жены, тетку по матери и целую кучу племянников.

Слава богу, родней я тоже не обделен, что я немедленно и доказал целым рядом снимков.

— А вот мои друзья — Коля, Миша, Валерий, — сказал мой сосед, извлекая на свет их фотокарточки.

Он, может быть, сам того не сознавая, затронул самую живую тему. Друзья!.. О друзьях я готов говорить часами. Но лучше всяких слов пусть скажут их дорогие изображения.

Я раскрыл чемодан, в кармане у меня они, разумеется, не умещались. В купе сразу же сделалось

тесно от моих друзей. Принесли чай. Мой попутчик устало откинулся на спинку дивана и предложил:

— Может быть, попьем чаю?

— Чай от нас никуда не денется, — сказал я. —

Лучше вот взгляните...

— Кто это? — вздрогнул он.

— Это мой любимый писатель... А вот это мой участковый врач... Наш почтальон... Правда, здесь он не очень хорошо получился. Соседи по этажу... Работники прачечной № 11... Граждане нашего микрорайона... Как они там без меня?

Вскоре мой сосед уже крепко спал, а я засел за письмо жене.

«Дорогая! — писал я. — Уже проехали 38 километров. Не могу передать, как безумно я соскучился. А впереди еще два дня разлуки. Тоску по дому скрашивает мой сосед по купе. Чудеснейший человек. Его снимок я тебе покажу, когда вернусь».

В заключение я велел расцеловать детей, обнять родственников, передать приветы моим друзьям, сказать моему любимому писателю, что я по-прежнему его люблю, кланяться участковому вручу, почтальону, соседям, работникам прачечной № 11, а также просить всех жителей нашего города, чтобы они не забывали меня.

Барабан

Когда моему сыну

исполнилось пять лет, у нас собралось много гостей, парня буквально завалили подарками, а Кирилловы принесли барабан. Сын был на седьмом небе от счастья. Он так и заснул в этот день в обнимку со своими подарками. А на следующий день началось...

Нет, против других подарков я ничего не имел, но вот барабан... Представляете, что за жизнь в доме, если у вас под ухом без конца барабанят. Терпели мы это дело с женой, терпели, но однажды я взял барабан, вынес его во двор и выкинул в мусорный ящик. Сын, конечно, в слезы.

— Ничего, — говорю жене, — он как-нибудь успокоится. Ты мне лучше скажи, что с Кирилловыми делать? Столько лет знакомы, живем в одном дворе, на работе тоже, кажется, никаких трений не возникало, и надо же мне такую свинью подложить... Барабан подарил...

— Ты посмотри, что с ним делается, — говорит жена и показывает на сына. — Лучше я буду терпеть барабан, чем слушать эти вопли... В конце концов мы могли бы как-то выйти из положения, купили бы какие-нибудь затычки для ушей...

В общем, кое-как пережили мы этот вечер. А на следующий день встречает меня Кириллов и спрашивает как ни в чем не бывало:

— Ну как, нравится твоему парню барабан?
Я беру себя в руки и отвечаю:

— Что ты! Не то слово! Он просто в восторге! У парня к барабану явные способности. Наверное, барабанщиком будет.

А Кириллов, змея, улыбается, потирает руки и говорит:

— Я так и знал! Знал, что твоему понравится!

Вечером прихожу домой и справляюсь у жены:

— Слушай, ты не помнишь, когда у сына Кирилловых день рождения?

— В ноябре, — говорит жена. — А что?

— Ничего, — говорю. — Сейчас октябрь. Уже не долго ждать осталось.

Время действительно пролетело быстро. Наступил день, когда я отправился выбирать подарок для сына Кирилловых. Для начала я попросил продавщицу показать мне свирель. Но она мне не очень понравилась: звук больно тихий.

— А чего-нибудь погромче у вас есть? — спрашиваю продавщицу.

— Есть, — говорит она, — металлофон...

Вот это, скажу я вам, игрушка так игрушка... Никаких денег не жалко отдать. Звук такой, что нормальный человек больше пяти минут не может находиться рядом, не выдерживает... Помню, что в магазине на меня целая толпа набросилась, чтобы я немедленно прекратил испытывать металлофон.

Его мы и принесли к Кирилловым на день рождения их сына. Гостей было много. Подарков тоже. Но я сразу заметил, что наш произвел особенное впечатление.

Через несколько дней встречаю Кириллова и спрашиваю:

— Ну как наша игрушка, понравилась твоему?

Кириллов посмотрел на меня мрачно и говорит:

— Он от нее без ума. На другие даже и глядеть не хочет.

А у самого Кириллова левый глаз так и дергается.

Вечером того же дня вваливается домой наш сын, весь чумазый, это он во дворе играл, а в руках у него, чтобы вы думали, этот злосчастный металлофон...

— Где взял? — грозно спрашиваю я.

— А во дворе нашел! — говорит он. — Кто-то выбросил, а я нашел... Это еще лучше любого барабана...

И вид у нашего сына счастливый-счастливый.

Н ет ничего необыкновенного

в покупке зеркала. Даже если оно большое, во весь рост, для прихожей. Ты выносишь его из магазина на улицу, и оно отражает небо и облака, птиц и деревья — весь окружающий мир. Зеркало действительно большое и громоздкое, в раме под бронзу, держать его неудобно и лучше поставить на землю, пока не появилось такси.

Не проходит и минуты, как возле зеркала появляется боевая дама, сжимающая в своей могучей руке руку малолетнего отпрыска.

— Ты посмотри, на кого ты похож! Залез в самую грязь! Свиньи и те так не делают! Нет, это какой-то талант, определенный талант!..

Юное дарование показывает язык моему зеркалу, а дама принимается подводить глаза и пудриться.

Вслед за дамой в зеркале возникают мужчина и женщина, которые продолжают уже начатый разговор.

— Ну где ты говоришь не морщит, когда как раз морщит. И ширина штанины внизу не такая, как я просил! — расстраивается мужчина.

— И совсем не морщит, отлично пошитые брюки, — успокаивает его спутница. — Ширина нормальная. Вот, посмотри! — она чуть-чуть поворачивает меня с моим зеркалом, чтобы мужчина мог разглядеть, что ширина его брюк совершенно не отклоняется от нормы. А лично мне покупка зеркала уже не

представляется таким уж заурядным делом. Я чувствую, что нужен людям, очень нужен.

— Конечно, не Марчелло Мастрояни, — говорит очередной прохожий, вглядываясь в свое отражение, — и даже не Бельмондо, но какая-то изюминка все же есть. «А ты такой холодный, как айсберг в океане...» — напевает он, удаляясь.

А другой тип так даже устраивает перед зеркалом форменный скандал.

— Портачи! — шумит он. — Мастера называются. Постричь как следует не умеют. Разве это затылок! — Он изгибается в немыслимой позе. — Разве это височки!

Мужчина сует мне в руку авоську и начинает просто, с электрическим треском причесываться. А авоська оттягивает мне руку, но я терплю.

Зато следующий субъект, не задерживаясь, бросает на ходу:

— Ну и видик! В отпуск пора, в отпуск, гори оно все огнем!

А вот и скиталец-командированный. Не попал в гостиницу, наверное. Он извлекает из толстого портфеля механическую бритву и жужжит ею, бреется.

— Теперь можно и в министерство. — Он одобительно оглядывает себя. — А отличная форма обслуживания, — одобрительный щелчок пальцем по зеркалу. — Ну да, конечно, столица, сервис, не наше захолустье, — и он опускает мне в карман монетку.

Я не успеваю возмутиться, его уж и след простыл. Ко мне спешит женщина в сатиновом халате, с ведром в руке.

— А пылищи-то, пылищи, и откуда она только берется! — споро протирая зеркало, приговаривает добрая старушка.

А какой-то мальчишка, бежавший вприпрыжку по улице и пускавший солнечные зайчики с помощью карманного зеркальца, вдруг застывает как

вкопанный — мое зеркало увидел. Еще бы, куда мальцу с его крохотными солнечными зайчиками.

Проходит несколько минут и возле меня устраивается продавец абонементных книжечек и проездных билетов. Щурясь на солнце, он раскладывает свой столик и говорит:

— Если не возражаете, будем работать вместе! Зовите меня Иван Иванович! Раньше-то на вашем месте Марья Семеновна стояла, продавщица мороженого. Теперь она в «Русский квас» перешла. Вдвоем, знаете, веселей будет. — И старик вдруг неожиданно громко провозглашает: — Абонементные книжечки, проездные и единые билеты на май месяц!

— 3 верь, а не машина, —

поверил меня продавец. — Ваша жена останется довольна. Работает в трех режимах. Малый, средний и мощный. По-хорошему вам завидую, — на прощание сказал он.

Жена встретила покупку бурным ликованием, и мы решили тут же опробовать пылесос.

На малом режиме он взвыл так, что к нам немедленно прибежали испуганные соседи. Они никак не хотели поверить, что подобные звуки мог издавать пылесос. Полчаса я втолковывал им, что в семье у нас все благополучно и разводиться мы пока не собираемся. Поглядывая на меня и жену с плохо скрываемым недоверием, соседи удалились.

Переборов недобрые предчувствия, я перевел «Ласточку» на средний режим. В результате из всех столов выскочили ящики, а со стены сорвался ковер.

— Может, хватит? — спросил я жену.

Но вечное женское любопытство, как всегда, одержало верх.

— Мы должны испробовать все его возможности, — сказала жена.

Перед тем как провести заключительные испытания пылесоса, я закрепил все способные быть сдвинутыми предметы, привязал себя и жену к креслам и перевел рычажок включения.

Пылесос взвыл с небывалой силой, прощально вильнул шлангом и вылетел в окно. Мы быстро отстегнулись от кресел и выбежали на балкон.

— Прелесть, прелесть! — захлопала в ладоши моя жена.

А я подумал, что продавец все-таки оказался прав, предвещая, что жена будет довольна.

«Ласточка» набрала высоту и присоединилась к журавлиной стае. А мы еще долго махали вслед нашему пылесосу, пока он окончательно не исчез из виду.

Поездка в лес

— Когда же мы в лес? —

спросила она.

— В следующее воскресенье, — ответил он.

— Ты все обещаешь и не выполняешь. И в прошлое воскресенье обещал, и в позапрошлом, и позапозапрошлом. В нашем классе уже все побывали в лесу, кроме меня.

— Честное отцовское, больше откладывать не будем.

И они поехали. Сели на электричку и поехали. Они ехали часа два, а потом пересели на автобус и все ехали, ехали. Автобус помаленьку пустел, и когда водитель объявил: «Лес, конечная остановка» — в автобусе никого не осталось, только они двое да пожилая пара супругов.

— Один детский, один взрослый, — сказал он кассирше у входа в лес и протянул деньги.

Кассирша, она же выполняла обязанности контролера, протянула надорванный билет.

— Ноги вытирайте хорошенько! — заученным тоном напомнила она. Отец и дочь старательно вытерли ноги о половичок и вступили в лес. Вдоль главной аллеи через аккуратные промежутки сидели на стульчиках пожилые служительницы, кто с книжкой, кто с вязаньем в руках.

— Дерево дуб, — чуть запинаясь, прочитала дочь. — Обитатель средней полосы. Точная копия. Пап, а что такое копия?

— Это когда что-то сделано точь-в-точь как настоящее.

— Девочка, руками не трогать! — встрепенулась на своем стуле служительница.

— А вы бы, гражданин, следили за своим ребенком!

Они двинулись дальше и остановились перед большим щитом с множеством кнопок.

— Голоса птиц, — прочитала дочь.

— Ну, кого послушаем, дочка?

— Давай соловья!

Он вложил в щель автомата монету, нажал кнопку, против которой было написано «Соловей», и из динамика зазвучала трель лесного певца.

— Ой, смотри, лось! — захлопала в ладоши дочь.

Действительно, в глубине аллеи виднелась фигура лося. Он стоял не шелохнувшись и смотрел в их сторону. Они подошли поближе. Лось был совсем как живой, удивительно искусно выполненное чучело.

— А теперь я хочу посмотреть реку! — сказала она.

Отец обратился к служителю, оказавшемуся неподалеку и расставлявшему грибы на зеленой лужайке, которая в случае ненадобности сворачивалась как ковер:

— Скажите, уважаемый, где здесь река?

— Реки сейчас нет, — буркнул тот. — В конце месяца приходите. Она сейчас на реставрации.

— Ничего не поделаешь, — сказал отец. — Как-нибудь в другой раз.

Они продолжили прогулку. Он почувствовал легкий голод.

— Пап, а мы с тобой настоящие? — вдруг спросила дочь.

— В общем-то да, — ответил он. — А почему ты спросила?

— Просто так.

— Знаешь что, детка, а не подкрепиться ли нам?

— Я пока не хочу.

— Не хочу, не хочу, а если у тебя батарейки сядут, — сказал он и повел ее в ту сторону, куда «трелка указателя показывала: «Зарядка роботов».

Мелячыи нежности

Вое мальчишек

сидели на корточках, рисовали что-то прутиками на снегу и разговаривали.

— Слушай, Петь, — сказал один. — Тебя мать как называет?

— Что значит, как называет? — не понял другой.

— Ну, когда хочет о чем-нибудь попросить. Или когда, например, у тебя температура поднимается и тебя укладывают в постель и поят горячим чаем.

— Ну, по-разному называет, — сказал первый.

— А меня котиком, представляешь!

— Котиком?!

— Вот именно! Ну скажи, разве я похож на этого... на котика?

Один мальчик внимательно посмотрел на другого мальчика и сказал:

— Нет, не похож.

— А она называет. И еще иногда зайчиком.

— Ну уж это она совсем, — протянул второй.

— Прямо хоть домой не иди, — пожаловался первый.

— По правде говоря, моя тоже иногда такое скажет! — вдруг признался второй. — «Солнышко мое ненаглядное!»

— Как будто мы с тобой девчонки какие-нибудь.

— Во-во, как будто девчонки.

— Слушай, Петь. А твоя тебя целует?

— Честно?

— Честно!

— Если честно, целует.

— И на людях тоже целует?

— А ей что! Хоть на людях, хоть без людей.

— И моя меня тоже. Когда встречала из пионерского лагеря, я думал, от стыда сквозь землю промилуюсь. Целует и целует.

— Соскучилась, наверное.

— Ну и что, что соскучилась! До дому, что ли, потерпеть нельзя, чтобы хоть не при всем народе.

— Они такие.

— От этого не легче, что они такие. Я уж чего только не пробовал делать. И не слушаться пробовал, и двойки нарочно хватал, ничего не помогает. Подуется, подуется, а потом опять.

Я готов был и дальше слушать этот занятный разговор, но на шестом этаже распахнулось окно, и зычный голос моей жены позвал:

— Нефедов!

— Иду! — откликнулся я.

Двое мальчиков посмотрели на меня с завистью.

Привет от Никитиных

Я не могу похвастаться

обилием корреспонденции: всех родственников — троюродный брат в Конькове-Деревлеве, да и тот не пишет. А знакомые предпочитают телефон.

Но однажды в почтовый ящик залетела шальная открыточка. Я вынул ее и слегка оторопел:

«Дорогая Лукерья Тихоновна! Поздравляем вас с праздником. Как поживаете? Как ваша нога? Любите ли по-прежнему варенье из крыжовника? Не собираетесь ли снова к нам в Актюбинск? Все были бы очень рады, Машенька выросла и стала настоящая разбойница. Недавно разбила чайный сервиз. Все наши вам кланяются. До свиданья. Никитины».

Я повертел открытку в руках, адрес был обозначен мой. Тогда я сел и написал ответ:

«Уважаемые Никитины! Я тоже поздравляю вас с праздником. Но, к сожалению, произошла ошибка: Лукерья Тихоновна по этому адресу не живет. Всего доброго!»

Через некоторое время я снова обнаружил в почтовом ящике весточку из Актюбинска.

«Вы пишете, что вы не Лукерья Тихоновна, но у нас совершенно точно записан этот адрес. Никакой ошибки тут быть не может. Вы, наверное, шутите. Напишите же наконец, как ваша нога. И не закончилось ли варенье из крыжовника, а то мы пришьем. Машенька уже говорит «дай», «деда» и «баба». Ждем в гости. Ваши Никитины».

Вот тогда я впервые и задумался, а правда ли, что я не Лукерья Тихоновна? Ведь в этом мире все так приблизительно. В тот день я не один раз подходил к зеркалу и пристально вглядывался. Но сомнения от этого не рассеялись. Напротив.

К вечеру у меня заныла нога.

Вскоре я получил еще одно письмо от Никитиных. А потом еще и еще. В нем они мягко журили меня за молчание, сообщали об успехах Машеньки.

В конце концов я сел за письменный стол и написал:

«Дорогие Никитины! От всей души поздравляю вас с праздником. Желаю успехов в труде и большого человеческого счастья. Моя нога — спасибо, ничего себе, все время делаю теплые ванны. Машеньку обнимаю и целую. А в гости сейчас вырваться смогу вряд ли. Счастливо!»

Потом немного подумал и решительно дописал: «Всегда ваша Лукерья Тихоновна».

Я вышел из дома, бросил письмо в почтовый ящик и заглянул в гастроном поинтересоваться насчет крыжовенного варенья. Продавец уныло развел руками.

И как-то само собой в голове промелькнуло: «Надо будет в следующий раз Никитиным черкнуть».

Мальчик из магазина

Будем знакомы,

меня зовут Анатолий, а фамилия — Кошельков. Мне недавно шесть лет стукнуло. Если верить, что папа и мама меня в магазине купили, то происходило это примерно так.

— Собирайся, — сказала мама отцу, — пойдём.

— Ну, Мария, — сказал отец, — сегодня же футбол. Финал кубка СССР. Я не могу пропустить.

— Ничего, — сказала мама, — пропустишь. Ребёнок важнее. Наталья Васильевна звонила, сказала, в универмаге выбросили партию очаровательных малышей.

— Мария, — сказал отец, — я тебе полностью доверяю. Пойди и выбери.

— Нет, — сказала мама. — Чтобы ты мне потом всю жизнь... что я не то купила. Вспомни, как было с твоим зимним пальто.

— Ну, хорошо, — сказал отец, — где мои запонки?

— Там, где ты их оставил.

— А где мои серые брюки? — спрашивает отец.

— Ты в них сидишь, в серых брюках, — говорит мама.

— А где мои очки? — спрашивает отец.

— Я молю небо, — говорит мама, — чтобы наш будущий мальчик не пошел в тебя.

— Девочка, — говорит отец, — это будет девочка, иначе я сажусь смотреть финал кубка СССР.

И вот они выходят и идут, и где-нибудь у самого магазина мама вспоминает, что оставила на плите суп. И они возвращаются, и когда они уже приходят в магазин, оказывается, что всех детей разобрали, остался один я.

Отец, наверное, посмотрел на меня, посмотрел и, наверное, сказал продавщице:

— Я, извиняюсь, конечно, — сказал отец, — а у вас, извиняюсь, девочки не найдется? Такой, знаете, с косичками.

А продавщица, наверное, сказала:

— Да чего уж там, — сказала она, — берите уж, чего есть. А то и этого не будет. Ишь, привередники.

И тогда отец, наверное, махнул рукой и, наверное, сказал:

— Ладно уж, чего там, давайте завертывайте.

Вот так получилось, что у моих родителей, наверное, есть я, а не какая-нибудь девочка. Потому что всегда в конце концов выходит по-маминому, а не по-папиному.

Правда, отец иногда грозит, что сдаст меня обратно в магазин. Он мне это сказал, когда я мячом стекло в нашем доме выбил. Но я в это не очень-то верю. Наталья Васильевна, мамина подруга, вот тоже хотела туфли в магазине обменять. А ей говорят: «Куда же вы смотрели, когда брали?»

Так что меня вряд ли обратно примут.

У Сергея Ивановича

сын — ученик. У него в этом году география начинается. А это значит — отправляйся отец покупать глобус. Дотянул Сергей Иванович до августа и пошел на поиски этого необходимого учебного пособия. Заглянул в один магазин — нету. В другой — нету. В третьем и четвертом — та же история. Сергей Иванович начал уже отчаиваться, как тут, на его счастье, возьми и попадись навстречу гражданин, прижимавший к груди глобус и улыбавшийся радостной улыбкой удачливого человека.

— Где брали? — кинулся к нему Сергей Иванович.

— Да тут, за углом, — гражданин махнул рукой.

И действительно, за углом их давали. Сергей Иванович занял очередь и уже через пять минут пересознакомился со своими соседями.

— Что-то в этом году поздно они начались, — сказал один из новых знакомых Сергея Ивановича.

— А в прошлом? — осторожно осведомился Сергей Иванович, так как покупал глобус в первый раз.

— В прошлом намного раньше. Уже в конце июля первые пошли.

— Ага, я помню, в конце июля их полно было на каждом углу, — кивнул Сергей Иванович, как равный равному по части осведомленности.

— Вы только посмотрите, что впереди делается, — сказал сосед.

— Что делается? — спросил Сергей Иванович.

— Да вот посмотрите, один зашел за прилавок и выбирает, выбирает. Разве можно так долго выбирать?

— Действительно, — согласился Сергей Иванович.

— Эй, не разрешайте выбирать! — раздались голоса. — А то мы так никогда до конца не дойдем.

— Не пускайте за прилавок! — выкрикнул сосед Сергея Ивановича.

— Все-таки лучше, когда с выбором, — возразил кто-то рядом. — А то я один раз взял так, не глядя, а он с дефектом оказался, на нем Кордильер не было и Марианской впадины.

Но вот очередь подошла, и сосед Сергея Ивановича сказал продавщице:

— Мне три! — он обернулся к Сергею Ивановичу, улыбнулся и добавил: — Семья, знаете, большая, как набросятся!

Он опустил глобус за глобусом в авоську и отправился восвояси.

— Вам? — продавщица вопросительно посмотрела на Сергея Ивановича.

«Мало ли что», — подумал Сергей Иванович и сказал:

— А мне, девушка, покрупнее, пожалуйста!

Диалог после развода

— *А* у вот и все,

теперь мы с тобой больше не муж и жена.

— Да, теперь — не муж и жена.

— Ты знаешь, а я, честно говоря, в какой-то момент испугалась, что он возьмет и отложит.

— Ага, это когда он завел про то, что брак — это не только праздники, но и будни, и еще что-то такое про чудо любви, которое, мол, бывает только один раз. А потом предложил нам не торопиться и подождать еще хотя бы месяца два.

— Ничего себе — еще два месяца!

— Ужас! Еще два месяца называться мужем и женой! Но ты ему здорово ответил, что мы — взрослые люди и вполне способны сами отвечать за свои поступки.

— Ты тоже держалась молодцом. Как ни старался он тебя сбить, стояла на своем — не сошлись характерами, и точка!

— Все, как мы с тобой договорились, верно?

— Ага! А он опять за свое. Что у него, мол, дети такие же, как мы, и что он знает, как молодежь пасует перед первыми трудностями и принимает скоропалительные решения.

— А ты ему вежливо так, но твердо: «Какие такие скоропалительные решения?! Мы, извините, все обдумали бесповоротно и передумывать не собираемся».

— Ага! А он тогда очки свои взял и начал их протирать. Я думал, он их насквозь протрет.

— Жуткий тип!

— И не говори!

— Воображаю, каково его детям приходится.

— Наверняка — несчастные ребята! Не могу себе представить, чтобы ты со временем стал таким же лгуном, как он.

— И я не могу тебя представить этакой унылой мамашей, которая с утра до вечера пилит своих ребят.

— Мне кажется, что наши дети рассказывали бы нам все, что с ними происходит. Никогда бы не лгали нам.

— Еще бы! Попробовали бы они нам солгать. А если и случилось бы что-нибудь подобное, главное — держать одну линию. Если отец говорит «нет», значит, и мать должна говорить «нет».

— Какой ты у меня умный!

— Знаешь, я хотел тебе сказать одну вещь...

— Какую?

— Ты мне нравишься.

— Правда?

— Честное слово.

— И ты мне.

— Слушай, давай поженимся!

— Как-то так вдруг все неожиданно, надо подождать, проверить свои чувства.

— А чего ждать, я тебя люблю, и точка!

— Все-таки хорошо бы родителей поставить в известность.

— И поставим! Подадим заявление в ЗАГС и сразу же поставим...

— А свадьбу где играть будем?

— Где? В ресторане, конечно. Такую свадьбу отпразднуем, закачаешься.

— Ух, здорово! Я уже себе и платье придумала. И тебе сейчас нарисую, какое платье.

— Нарисуешь, нарисуешь потом, а теперь пошли скорее, а то ЗАГС закроется.

— Какой ты нетерпеливый. А ты меня правда любишь?

— Просто жить без тебя не могу.

— И мы никогда не расстанемся?

— Ни за что на свете!

Дурацкие вопросы

Взрослые любят приставать

к детям с дурацкими вопросами. Как увидят ребенка, так сразу: «Как тебя зовут, мальчик?» да «В каком ты классе?» При этом голос у них делается приторный-приторный, будто с ребенком нельзя разговаривать так же, как со всеми нормальными людьми.

Вот, к примеру, Борис Федорович, приятель моих родителей... Мне уже надоело отвечать ему, что зовут меня Петя, что хожу я в первый класс и так далее. Можно было бы за столько времени и запомнить, так нет же, он все равно каждый раз спрашивает меня об одном и том же.

Один раз, когда родителей не было дома, приходит к нам Борис Федорович со своим сыном Юркой. Борис Федорович как увидел меня, тут же сделал умильное лицо и уже собрался засюсюкать, но я опередил его:

— Привет, — говорю, — Юрка! Ну-ка, ну-ка, показывай, кого это ты к нам привел?

— Это мой папа, — отвечает Юрка.

— У-у, какой большой дядя! — говорю я. — А как дядю зовут?

Борис Федорович встал с открытым от удивления ртом и стоит, слова выговорить не может.

— Дядя, наверное, язычок проглотил, — догадался я.

— Борис Федорович его зовут, — отвечает за своего отца Юрка. — Не знаю, что это с ним сегодня случилось. Обычно такой бойкий, а тут...

— Ну, ничего, ничего, освоится, — говорю я. — Вот смотрю на него: вылитый ты. Просто копия! Особенно глаза. На работу ходит?

— Работает! — говорит Юрка.

— Как, не огорчает?

— Всякое бывает, конечно. Недавно прогрессивки лишили. А вообще ничего, старается. Вот видишь, встал в дверях и стоит. Может, пройдешь на-конец в комнату?

— Сегодня по телевизору футбол. Можно я телевизор посмотрю, — обрел дар речи Борис Федорович.

— Опять телевизор! — всплеснул руками Юрка. — Его от этого телевизора просто не оторвать. Диссертацию забросит и смотрит... Ты бы нам стишок рассказал... А то люди подумают, что ты совсем нелюдим какой-то.

Борис Федорович уткнулся глазами в пол и надул губы.

— Неужели он у тебя ни одного стихотворения не знает? — спросил я.

— Знаю! — сказал Борис Федорович.

— Просим, просим! — сказал я и похлопал в ладони.

— Поздняя осень, грачи... — начал Борис Федорович и замолчал.

— Забыл, наверное, — предположил я.

— Сейчас вспомнит, — сказал Юрка. — У него от волнения... Ты только не спеши, пап. Ты соберись с мыслями...

Но Борис Федорович сколько ни старался, не вспомнил...

— Эх, опозорил! — сокрушенно вздохнул Юрка. — Ну чего уж тут, иди смотри футбол свой. Только когда мультфильмы начнутся, мы переключим... Беда с ним! — пожаловался мне Юрка, когда Борис Федорович удалился. — Воспитываешь, воспитываешь, а толку чуть...

— Ты уж сильно не перегибай палку, — сказал я. — Он у тебя еще ничего. А то знаешь, у некоторых какие родители, дети с ними всю жизнь мучаются.

Окна нашей квартиры

выходят на железную дорогу.

— Вставай, ну вставай же! Уже тбилисский прошёл — обычно такими словами будит меня жена.

— Сам слышу, что тбилисский, — бурчу я, спуская ноги с кровати.

Уже который год мы пытаемся совершить обмен, но безуспешно.

Я иду в ванную, бреюсь, и когда выхожу, жена принимается за сына.

— Симферополь — Москва! — кричит она ему в ухо.

— Это еще не Симферополь — Москва! — хнычет сын, натягивая одеяло на голову. — Это 36-й дополнительный.

Я вижу, что без моего вмешательства не обойдись.

— Вставай, умник! — требую я. — 36-й дополнительный отменили месяц назад.

Это действует. Жена смотрит на меня с благодарностью. Я выпиваю кофе, надеваю шляпу и целую жену.

— Ты вернешься по расписанию? — спрашивает она.

— Задержусь. В шесть родительское собрание. Иду только к ташкентскому поезду.

— Сегодня опять явятся насчет обмена, — напоминает жена.

— Примешь их без меня, — говорю я и выхожу из квартиры.

В школе приходится выслушать очередную жалобу на сына.

— Стал опаздывать на занятия, — сообщает мне классная руководительница. — И ведь что выдумал: свои опоздания сваливает на железную дорогу.

— Когда в последний раз он опоздал? — интересуюсь я.

— Буквально вчера.

Я лезу в карман за железнодорожным расписанием, которое всегда при мне.

— Я не собираюсь оправдывать его вину, — говорю я, — но справедливость прежде всего. Действительно, вчера симферопольский скорый опоздал на 25 минут.

Брови учительницы взлетают.

— Ну знаете ли! — она разводит руками. Выражение ее лица красноречиво свидетельствует о том, что яблоко от яблони недалеко падает.

А время бежит как курьерский. В один прекрасный день мы с женой стоим на балконе и провожаем проходящий мимо состав. Из окна тепловоза машет нам рукой молодой машинист. Это наш сын.

— А все-таки глаза у него мои, — ревниво говорит жена.

— Зато характером он в меня. Упрямый. Своего добьется.

В комнате звонит телефон. Я снимаю трубку.

— Насчет обмена? Нет, нет! Мы уже не меняемся. Да, устраивает, еще как! Извините, всего доброго!

Н едавно я записался на курсы

по изучению иностранных языков во сне... Утром перед работой укладываю в портфель пижаму, слепки, мыло, зубную щетку, целую жену и отправляюсь. После работы у меня курсы.

В моей группе четверо учащихся. Василий Иванович, начальник треста, хороший человек, только храпит очень. Все время его приходится трясти за ногу, чтобы перестал. Потом Петр Сергеевич, инженер, уже четвертый язык во сне учит, он у нас отличник, очень старательный, и разбудить его бывает трудно. Мы его всем классом будим. Третий Иван Иванович. За ним нужен глаз да глаз. Он иногда во сне по карнизам ходит. Поэтому успеваемость у него не очень хорошая. И наконец, я.

После работы мы встречаемся у дверей курсов, обмениваемся приветствиями, справляемся о здоровье друг друга и проходим в класс.

Василий Иванович кладет зубы в стакан. Петр Сергеевич начинает считать до ста, чтобы быстрее заснуть, а Иван Иванович уже спит, время от времени вздрагивая, наверное, ему снятся неправильные глаголы.

Ложусь и я. Перебираю заботы трудового дня, вспоминаю, сколько должен в кассу взаимопомощи, мысленно целую жену и забываюсь сном.

Через несколько часов мы просыпаемся отдохнувшие и посвежевшие. Пока Василий Иванович де-

дает зарядку, я с Иваном Ивановичем бужу Петра Сергеевича, который мычит и отбивается руками. Потом мы чистим зубы, разбираем портфели и выходим на улицу

У дверей курсов мы прощаемся.

— Я завтра на занятия не приду, — говорит Петр Сергеевич.

— Это почему? — в один голос спрашиваем мы.

— У моего соседа магнитофон сломался, — злорадно говорит Петр Сергеевич, потирая руки. — Так ему и надо, голубчику.

— Счастливы вы, Петр Сергеевич, — говорим мы и вздыхаем.

— А мой, наоборот, купил себе еще два усилителя, — говорит Василий Иванович, — у верхних соседей свадьба, а за стенкой ребенок родился.

Мы крепко пожимаем друг другу руки и расходимся в разные стороны. На небе высыпают звезды. Из окон раздается веселая музыка. Жена, наверное, со своих курсов кройки и шитья вернулась, — сосед уже включил проигрыватель. Опять, наверное, до утра играть будет. Но пусть, пусть, ведь завтра у нас снова курсы. Завтра выспимся.

Сцена из семейной жизни

Идя домой,

Анна Ивановна застала мужа в состоянии крайнего нервного возбуждения. Глаза его блестели, щеки и лоб лихорадочно пылали.

— Что с тобой? — спросила Анна Ивановна. — Уже заболел ли ты?

— Аня! Кажется, у нас будет ребенок, — сказал он.

Анна Ивановна рухнула на стул.

— Ты уверен? — спросила она.

— Да. Уже точно.

— Может быть, еще можно что-то сделать? — спросила она.

— Пробовал. Ничего не получается. Бабушка наотрез отказалась. На все праздники она подкидывает ребенка нам.

Характеристика

Я попросил моего шефа

написать мне характеристику.

— Характеристику? Какую еще характеристику?

— В аспирантуру, — объяснил я.

— Слушай, — сказал он. — Ты что, маленький?!

У нас каждый сам на себя пишет характеристики. А мне некогда. Принесешь, я подпишу.

Я вернулся на свое место, достал чистый лист бумаги и написал: «Характеристика. Семиглазов, Валентин Викторович, 1961 года рождения, русский, образование высшее...»

Дальше дело не двигалось. Как-то неудобно было писать свою собственную характеристику. Неловко как-то. Пока другие работали, я бесплодно грыз кончик ручки. Ладно, дома сочиню.

Дома я дождался, когда жена и сын улягутся спать, включил свет на кухне и задумался над характеристикой. А что, если представить, что Семиглазов Валентин Викторович — это не я, а какой-то другой человек. А я — его непосредственный начальник. И мне нужно высказать свое мнение о нем.

М-да, доложу я вам, ничего хорошего сообщить я о себе не мог. Работает без году неделя. Особым трудолюбием не отличается. От общественных поручений отлынивает.

Я был в отчаянии. Мне ведь требовалась положительная характеристика.

И тогда я решил написать о себе не с точки зрения того, каким я был, а каким хотел бы стать. Каким представлял себя в мечтах.

Работа закипела. Мысли сами собой ложились на бумагу. Семиглазов выходил словно живой. Молодой, способный специалист. Перспективный, душой коллектива. Всегда придет на помощь. Незаменим. Рвется на самые трудные участки.

Уже рассвело, а я писал. Жена тихо встала, собрала ребенка и ушла. Я писал. Наступил вечер, я увидел перед собой тарелку с едой, наскоро перекусил и вернулся к характеристике. Для того чтобы образ моего героя получился объемным, нужно было показать его в борьбе с препятствиями. Прекрасно! Рутинное руководство не дает ходу одаренному инженеру, но он не сдаётся.

Через несколько дней меня хватились на службе, позвонили домой. Я ответил, что пишу характеристику, просил не беспокоить меня и отключил телефон. Меня интересовали истоки необыкновенного характера Валентина Семиглазова, его детство, юность, его окружение.

Спал я мало, часов по пять-шесть в сутки, одичал, оброс бородой.

На стол шефу я бросил пухлую папку. Он читал мою характеристику неделю, не отрываясь, как он потом признался. Он сказал, что в отдельных местах не мог сдержать слез. Он сказал, что я создал замечательный образ нашего современника, но что подписать характеристику не может: на мое место они взяли другого человека.

И еще он сказал, что мое настоящее призвание литература, и посоветовал отнести характеристику в издательство. Что и сделал.

А через год из печати вышел мой первый роман.

91. ыгче гостъ нарасхват.

Залучить его к себе — дело такое же трудное, как, скажем, охота на дикого козла в отрогах Тянь-Шаня.

Звоните вы, например, Иван Ивановичу...

— Иван Иванович! Петров вас приветствует!

— А, здорово, здорово, Петров!

— Нехорошо получается, Иван Иванович! Год, как мы получили новую квартиру, а вы у нас еще ни ногой! Ждем вас с женой к себе!

— Милый ты мой, где ж ты раньше-то был? Кто ж за две недели звонит, приглашает? У меня уже все расписано.

— Да я звонил раньше. Все застать дома не мог.

— Свадьбы, брат, дни рождения, юбилеи всякие...

Иван Иванович — сюда, Иван Иванович — туда! Вас много, а я один!

— Эх, Иван Иванович! А мы вас так хотели видеть... Думали — посидим, поговорим...

— Прямо и не знаю, что и делать! — вздыхает он. — Квартирку, говоришь, получил... Комнаты хоть изолированные?

— Изолированные, изолированные, Иван Иванович! Это уж будьте покойны!

— Этаж какой?

— Пятый этаж.

— Лифт, надеюсь, работает?

— Как часы!

— Это он сейчас работает, — скептически замечает Иван Иванович, — а я как приду, он раз! — и на ремонте.

— Я прослежу, Иван Иванович. Дежурить буду у лифта. Глаз не сомкну, а не дам сломать.

— Ты уж проследи, дружок! А то я на пятый этаж пешком не пойду. Да, чуть не забыл — окна-то у тебя куда выходят? Я, знаешь, люблю, чтобы вид из окна настоящий был. Панорама...

— Вид из окна — как вы любите, Иван Иванович... На парк... Я уж ваши привычки знаю... Не подведу.

— Дети у тебя, кажется, есть...

— Есть детишки, хе-хе... Это уж, как водится... Мальчик и девочка...

— Ты детишек давай-ка к бабушке... Нечего им со взрослыми сидеть... Шуметь будут, поговорить не дадут...

— Понял, Иван Иванович! Детишек — к бабушке.

— Ну, вот и хорошо... Вот и договорились... Может, принести чего надо, ты говори, не стесняйся! Цветы там какие, коробку конфет...

— Что вы, Иван Иванович! Ничего не надо! Сами приходите...

— Вот это правильно! А то я этого не понимаю, чтобы в гости да еще со своим самоваром... Ну, значит, в семь часов мы с Петром Петровичем у тебя... Ты Петра Петровича знаешь?

— Нн-не знаю!

— Ничего, познакомишься! Компанейский мужик. С сестрой его двоюродной познакомишься... С мужем сестры... На редкость дружная семья. Всюду вместе ходят. Ну пока, а то заболтался я с тобой. Мне еще в другие гости сегодня бежать надо...

Взглянув на Федю Булкина,

вы никогда бы не подумали, что этот человек всегда находится не в том месте, где он сейчас находится. Казалось бы, Федя Булкин сейчас здесь, у себя, на 9-м этаже, пьет с женой чай. Ан нет! Это его телесная оболочка здесь, а сам, настоящий, истинный Федя Булкин, его духовная, так сказать, субстанция в данный момент сидит на веранде приморского кафе, болтает ногой и без усталости подливает лимонад в бокал, который держит тонкими пальцами хорошенькая блондинка.

Или, допустим, Федя Булкин на родительском собрании у сына-второклассника. Вот Федин пиджак, голова, ноги, вот Федин внимательный взгляд. Опять ошиблись! Федя Булкин сейчас берет семь взяток на мизере, километров за двадцать отсюда в узком кругу друзей. Так-то!

Надо вам сказать, что эту свою поразительную способность — путешествовать во времени и пространстве в любом направлении — Федя развил еще в школьные годы. Бывало, только начнет учитель объяснять устройство парового двигателя, как Федя тут же покидает свое брренное тело, потихоньку выскальзывает из класса — и был таков. Правда, случались и накладки. Не всегда Федя успевал вовремя возвращаться обратно.

— Булкин, к доске! — например, неожиданно горюпит учитель. — Расскажите нам, как же работает паровой двигатель?

А Булкина-то и нет. Где Булкин? Федя в это время, перескакивая через меридианы, климатические пояса и континенты, только еще возвращается в класс.

— Федька, тебя к доске! — шипит сосед.

— А? Что? — бормочет Федя, который на самом деле сейчас только пересекает Валдайскую возвышенность.

— Ну-с, долго вас еще ждать, Булкин? — спрашивает учитель.

Федино тело медленно встает и бредет к доске.

— Мой дядя самых честных правил, — мямлит оно, — когда не в шутку занемог, он уважать себя...

Класс хохочет.

— Садитесь — два! — говорит учитель.

Худо-бедно, но Федя все-таки закончил школу, потом институт и стал работать в одном конструкторском бюро. Часто, стоя за кульманом, он проделывал увлекательнейшие экспедиции то к тропикам, то к Северному полюсу. В общем, если уж называть вещи своими именами, Федя прогуливал целые дни, причем начальство об этом ничего не знало.

Путешествие в Арктику было последним Фединим путешествием. Надо сказать, оно было на редкость трудным. На своем пути отважные исследователи во главе с Федей встречали неприступные торопы, сражались с рассвирепевшими белыми медведями, проваливались в полыньи. Заглядывал Федя в конструкторское бюро лишь к обеду, а затем снова продолжал штурм полюса.

И вот, когда цель была уже близка, Федя разлил сквозь пургу бежавшего навстречу человека. Человек размахивал руками, и было видно, что все, что

защищает его от холода, — это костюм и рубашка с галстуком. Человек приблизился.

— Вы? — оторопь взяла Федю. Он узнал своего непосредственного начальника. — Значит, вы тоже?..

— Да, мне тоже пришлось научиться путешествовать таким образом, — укоризненно сказал начальник. — Иначе вас разве найдешь. Вроде на своем рабочем месте, а на самом-то деле... Весь земной шар обшарил, покуда на вас наткнулся. Совсем сбился, знаете, с ног.

— Понятно, — сказал Федя. Что ему еще оставалось говорить.

— Прошу вас, мил-человек, — умоляюще произнес начальник, — возвращайтесь на свое рабочее место, а то план горит. Возвращайтесь, голубчик, а?

— Хорошо, — пообещал Федя.

— Ну вот и молодцом, — обрадовался начальник и тоже заспешил обратно. Правда, на минутку он по пути заскочил к дочке в пионерский лагерь, но это же на минутку.

Испорченные часы

У Федора Федоровича Кротова

испортились часы. Ужасно он распереживался, Федор Федорович. Ходил к специалистам, думал, помогут. А те только руками разводят.

Друзья утешали Кротова.

— Плюнь, — говорили друзья, — выбрось из головы. Подумаешь, часы! У тебя другие часы будут. Еще лучше!

— Как же плюнуть?! — отвечал Кротов. — Любил и их. Хорошие часы. Как раз после обеда. С 1.30 до 16. Бывало, придешь из столовой в кабинет, голову на письменный стол положишь — и сразу заснул. А теперь сна ни в одном глазу.

Очень, знаете, жаль человека.

Прощание с Березовкой

А это провели

мы в Березовке, снимали дачу. Но вот незаметно подступило время прощаться. В последний раз прошлись мы по лесу, поклонились тихой речке, сказали «до свиданья» душистому полю. Печальными глазами проводила нас соседская буренка, и ей мы тоже сказали спасибо за чудесное молоко, которым поила она все наше семейство.

Вернувшись на дачу, мы разыскали в саду хозяина.

— Ну, Василь Петрович, — сказал я, — как ни грустно, а расставаться надо!

— Зови меня просто Вася, — сказал он, смахивая скупую мужскую слезу.

— И ты меня зови просто Петя, — растроганно произнес я. — Комнатку мы у тебя снимали, Вася. Ровно три месяца.

— И терраску, — сказал хозяин, еле сдерживая рыдания. — Терраску тоже. Ровно три месяца и два дня.

— Хорошая терраска, — сказал я, прикладывая платок к глазам. — Хорошая, хоть и маленькая. Повернуться негде.

— Это точно, что маленькая, — согласился он, принимая валерьяновые капли. — Зато солнечная. Рамы большие.

— Как наша с тобой дружба! — сказал я, и мы троекратно расцеловались.

— Так сколько же с нас, Вася, за комнатку и ма-а-а-ленькую терраску?

— Триста пятьдесят. Но прошу, не надо об этом. Скажи лучше, письма писать будешь? Телеграфируй, как доехал. Очень буду волноваться.

— Триста. И ты тоже пиши. Не забывай друга Петю.

— Как можно забыть! Привык я к тебе. К жене твоей. Сыну. Шустрый мальчонка. На прошлой неделе чашку у меня разбил. Скучать без него буду.

— Красивая чашка, — вздохнул я, — правда, без ручки. С ручкой ей бы цены не было.

— Без ручки, но дорога как память. От дедушки осталась. Бедный дедушка! Триста тридцать, и по рукам!

— Триста двадцать!

— Триста двадцать пять!

Я выворачиваю бумажник наизнанку. Хозяин с хозяйкой провожают нас до околицы и долго машут вслед носовыми платками. До свидания, Березовка!

Служебные диалоги

Его стол — у окна,

мой — чуть ближе к двери. Телефон у нас параллельный.

Он входит, садится за стол и говорит:

— Если позвонят, меня нет.

— А где вы? — спрашиваю я.

— Я здесь. Но для них меня нет. Ни для кого.

— Ага, значит, вы уехали, — догадываюсь я.

— Уехал.

— Надолго?

— Буду часа через два.

Он склоняется над своим столом, я — над своим.

Наконец он поднимает голову и говорит:

— Я приехал.

Я киваю, и мы опять склоняемся над столами, каждый над своим.

Через некоторое время он встает.

— Я уехал.

— В каком смысле? — осторожно осведомляюсь я.

— В прямом.

— А если позвонят?

— Скажите, что я здесь, но сейчас меня нет.

Я где-то рядом.

Он выходит и закрывает за собой дверь. А может, не выходит и не закрывает. Кто его знает. Звонит телефон.

— Алло, это вы? — спрашивают в трубке.

— Нет, не я, — говорю я на всякий случай.

— А кто?

— Ну в каком-то смысле я, но не совсем. А это кто?

— А что?

— Да нет, ничего.

— А он где?

— Он здесь. Вернее, его нет, но он где-то тут.

Что-нибудь передать?

— Передайте, что никто ничего не передавал.

— Хорошо, — и я кладу трубку.

То есть я ее не кладу, потому что и не поднимал, так как никто не звонил, а если и звонил, я все равно был в другом месте, куда, может быть, и звонили, но уже не при мне, так как я оттуда уехал и меня там не было.

В нашем городке

Говорят, что когда-то

наш городок стоял у моря. Оно постепенно высыхало, высыхало, пока не превратилось в озеро, потом и вовсе в небольшой пруд. Теперь вокруг него громахает трамвай, и пассажиры могут видеть из окон, как дети пускают в пруду свои кораблики и плавают по зеленой глади два лебедя. Но вода в городском водопроводе хранит едва уловимый солоноватый привкус, и наследственное пристрастие жителей к крепким морским выражениям напоминает о том времени, когда пруд был настоящим морем.

И еще: по-прежнему в нашем городе множество моряков. Они существуют для красоты, и действительно нельзя не признать, что морская форма им очень к лицу. Днем моряки служат в морском ведомстве, а вечерами собираются на веранде кафе «Фрегат» с видом на пруд. Здесь, за стаканчиком коктейля «Десятый шквал» и доброй трубкой, хорошо беседовать о преимуществах различных типов судов, о тонкостях навигации, о выгодных фрахтах.

Жизнь в нашем городке тихая, спокойная. Только вот жены моряков все так же тревожно ожидают мужей, не находя себе места, покуда из-за поворота улицы не возникнет знакомая фигура, идущая враскачку. Женское сердце остается женским сердцем.

Я слонялся по квартире,

пребывая в нерешительности: оставаться ли мне дома или пойти на улицу погулять. Наконец, рассудив, что выйти на воздух все-таки будет лучше, оделся и спустился вниз.

Я уже собрался открыть дверь парадного, как вдруг услышал:

— Ну, куды, куды разбежался?

Сначала я опешил от неожиданности. Потом разглядел, что у двери сидит вахтер, самый настоящий вахтер и держит в одной руке дымящуюся алюминиевую кружку, а в другой — кусок сахара.

— Как это куда? На улицу! — сказал я.

— А пропуск есть? — огорошило меня это странное существо, затем шумно втянуло в себя чай и хрустнуло сахаром.

— Какой еще пропуск? — изобразил я удивление.

— Такой! Чтоб фотография и печать, где положено!

Нехорошее чувство, что ведь этот человек в конце концов, может быть, и прав в своем немыслимом требовании, скребнула по сердцу. Мне нестерпимо захотелось очутиться по ту сторону двери, там, где небо, птицы, трамваи... «А вдруг обратно не пустит?» — тоскливо подумал я.

— Товарищ, миленький! Ну можно я пройду! Ну что вам стоит!

— Не положено! — отрубил он.

— А вот это не подойдет? — робко спросил я и вложил в его заскорузлую руку свой читательский билет.

Он внимательно рассмотрел его и вернул:

— Просрочен!

«Все кончено! — пронеслось в голове. — Никогда, никогда не увижу я больше милую улицу, не пройду по тротуару...»

И вот в этот момент дверь с улицы отворилась, и на пороге выросла дородная женщина, нагруженная сумками и авоськами. Она окинула нас сердитым взглядом и сказала:

— Опять за свое! Опять людям проходу не дашь! А ну марш домой.

При этих словах дверной страж весь как-то съежился и уменьшился в размерах.

— Вы уж его, старика, простите, — продолжала женщина, уже обращаясь исключительно ко мне. — Неделю уж как на пенсии он, не знает, куда себя девать.. Вахтер он бывший, тридцать лет вахтерил...

— Ходют, ходют, а спроси пропуск — так ведь нету, — заворчал бывший вахтер.

— Поговори еще! — прикрикнула женщина.

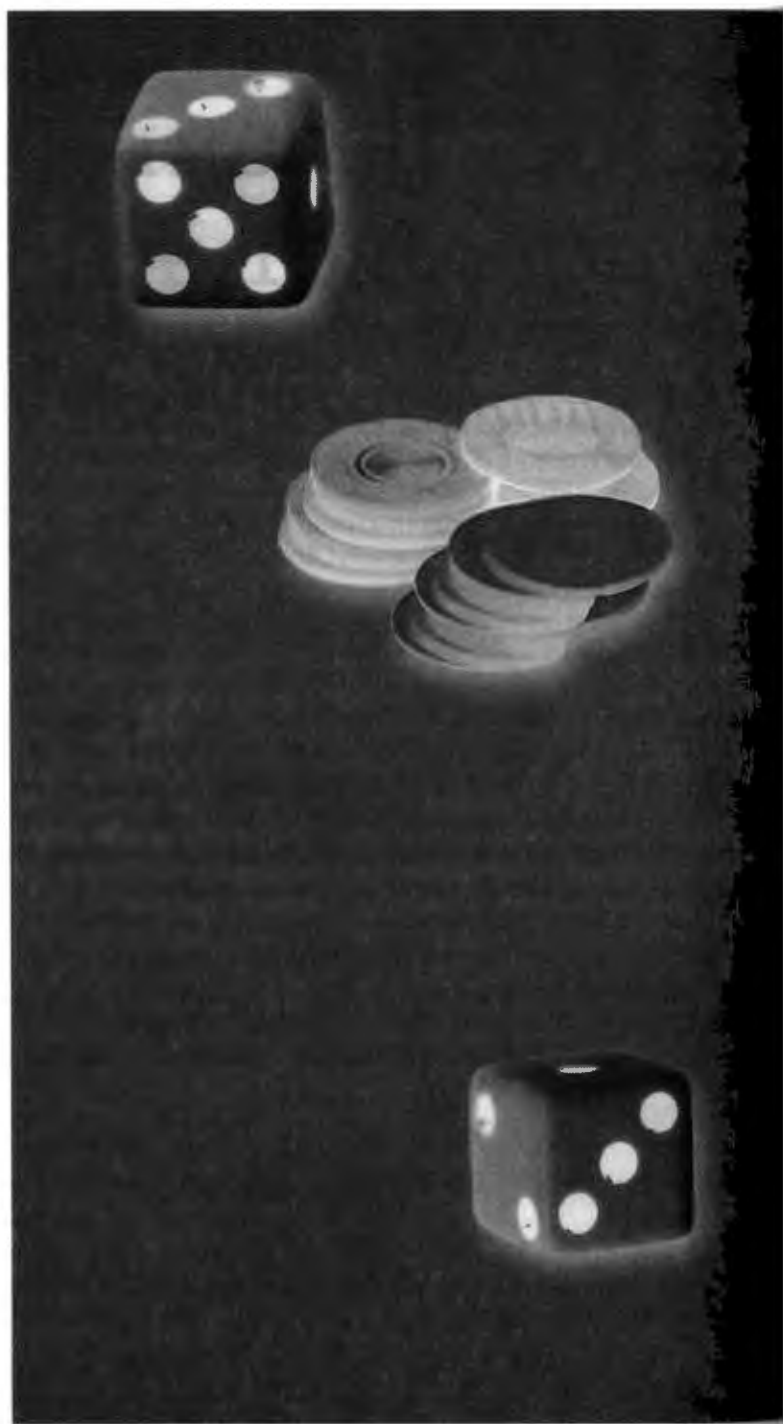
— Ничего, ничего! — пролепетал я. — Ничего страшного! Бывает! — и выскользнул на улицу.

Никогда не подозревал, что можно быть счастливым просто от того, что гуляешь, гуляешь, и все...

Воскресенье ПО-СОВЕТСКИ

Радио, 1975 — 1984

Иван Иванович Журавлев,

несмотря на свои сорок три года, был холост. Работал он в одном крупном производственном объединении начальником планового отдела. Ему нравилась его работа. И еще ему нравилась Вера Васильевна Бойко, работавшая в том же производственном объединении инженером. Интересная, между прочим, женщина.

Иван Иванович был из тех людей, которые на вокзал приезжают за час до отхода поезда. Иными словами, он все делал заблаговременно. И когда до праздничного вечера, посвященного Международному женскому дню 8 марта, оставался еще целый месяц, Иван Иванович уже начал обдумывать, как бы это изловчиться и пригласить Веру Васильевну на танец.

«Я подойду к ней, — размышлял Иван Иванович, — и скажу: «Вера Васильевна, разрешите пригласить вас танцевать». Нет, не годится. Лучше так: подхожу к ней и говорю: «Разрешите пригласить вас танцевать, Вера Васильевна». Тоже не то. Не лучше ли следующим образом: подхожу к ней и говорю: «Товарищ Бойко! На танец пригласить разрешите вас...»

Иван Иванович крикнул, отвергнув и этот вариант.

Когда до праздника оставались считанные дни, Журавлев совершенно измучился, но так ни до чего путного и не додумался. И тогда он решил отказаться-

ся от устной формы приглашения и прибегнуть к помощи бумаги и пишущей машинки.

«Заявка-приглашение», — отстучал он на белом листе.

«Фамилия приглашающего: Журавлев Иван Иванович.

Должность: начальник планового отдела.

Служебные взыскания: не имеет.

Семейное положение: холост.

Наименование танца: вальс.

Продолжительность: 5—7 минут.

Композитор: Птичкин.

Автор текста: Шаферан.

В процессе танца приглашающий обязуется не наступать на ноги приглашаемой.

Дата.

Подпись».

Сжимая бумагу в дрожащих пальцах, Иван Иванович явился на вечер, забился в укромный уголок и принялся ждать момента. Сердце прыгало у него в груди, как у напуганного зайца. В голове мелькали картины вручения заявки-приглашения, одна другой ужаснее. То он вручает приглашение-заявку... То он заявку-приглашение вручает... То, наконец, заявку-приглашение вручает он.

И вдруг бедный Журавлев услышал рядом с собой:

— Иван Иванович, что это вы здесь такой мрачный стоите? И совсем один! Пойдемте-ка лучше танцевать!

— Что-что! — воскликнул Иван Иванович.

— Танцевать пойдемте, вот что! Белый танец объявили, вальс. Что с вами, Иван Иванович? На вас просто лица нет.

— Ах, Вера Васильевна!.. Да неужто вы это меня!.. Батюшки... Вера Васильевна, вы и вдруг меня...

А после того, как праздничный вечер закончился, Иван Иванович пошел провожать Веру Васильевну. Он чувствовал себя уже совершенно раскованным, без умолку шутил и смеялся и потом, улучив случай, так, чтобы Вера Васильевна не заметила, выбросил бумажку с заявкой-приглашением в урну.

— *А* у, вот мы и на месте! —

сказала Вера Сергеевна, когда все вещи были выгружены и перенесены на дачу.

— Воздух-то какой! Красота! И завтра на работу идти не надо. Целый месяц баклуши бить!

Она подошла к мужу и обняла его за шею.

— Но главное — мы вдвоем. И ты больше не будешь с утра до вечера пропадать на своей стройке. Не будет этих бесконечных звонков из треста. Этих противных смет, процентовок, бригадных подрядов и... не знаю что там у вас еще... Ты рад, милый?

— Угу, — сказал Михаил Иванович и чмокнул жену.

...Прошло три дня. Вера Сергеевна сидела в шезлонге с книгой в руках, Михаил Иванович, засунув руки в карманы, хмуро расхаживал по лужайке перед домом.

— Может, ты тоже считаешь? — спросила Вера Сергеевна.

— Читал уже.

— Сходи на речку, искупайся.

— Купался.

— Пойди в лес, погуляй.

Михаил Иванович покорно принялся надевать сандалеты.

— Только через полчаса приходи, обедать будем.

— Угу, — сказал Михаил Иванович и стукнул калиткой.

Лес был как лес. Щебетали птицы, порхали бабочки, над ухом Михаила Ивановича с жужжанием электробритвы пролетел жук.

Михаил Иванович присел на пенек и немножко посидел. Он уже собрался встать и идти домой обедать, как взгляд его приметил муравья, тащившего сухую травинку.

Михаил Иванович опустился на корточки.

«Поди ж ты, шустрый какой! Куда это он потащил? Ба! Да здесь целая стройка. Интересно, что это они строят. Ишь, суетятся. Ну да, сегодня же 22-е, квартал кончается. А этот куда побежал? Деловой! Снабженец, наверное. Неужели и муравьев тоже подводят подрядчики?» — подумал Михаил Иванович и усмехнулся.

Напрасно Вера Сергеевна ждала мужа к обеду. Прошел час, другой. Не на шутку разволновавшись, она отправилась на поиски. Изрядно проплутав, она все-таки вышла на его светлую рубашку.

— Михаил! Как это, черт возьми, называется? Что случилось?

— Все в порядке, Верочка!.. — весело сказал Михаил Иванович, вставая в полный рост и отряхивая колени. — Нулевой цикл уже завершаем!

За обедом Михаил Иванович был очень возбужден и все рассказывал:

— А работают, как черти! Понимаешь, без перекуров. Особенно там один рыжий старается. Я б его к нам взял с удовольствием. Компот, Веруся, не буду, — и с этими словами Михаил Иванович опять убежал на стройку.

Теперь мужа Вера Сергеевна видела лишь изредка.

— Ты бы хоть немного со мной побыл, — однажды пожаловалась она.

— Вот сдадим объект, тогда отходить от тебя не буду, — пообещал Михаил Иванович.

Но окончание муравейника совпало с концом отпуска.

В город Михаил Иванович возвращался помолодевший, в самом приподнятом настроении, в общем, было видно, что отдохнул. В первое рабочее утро он вызвал к себе старшего прораба Васильчикова, выслушал деловые новости, потом залез в стол и вытащил оттуда книгу в бумажном переплете и вручил ее Васильчикову.

— Вот, Петрович, возьми почитай на досуге.

— «Жизнь муравьев», — прочитал прораб название и растерянно повертел книгу в руках.

— Возьми-возьми, не пожалеешь. Есть чему поучиться нам, людям, у них.

Прораб вышел из комнаты, еще раз взглянул на книгу и глубоко вздохнул.

Один билет в театр

Б илет был в единственном

числе, поэтому его никто не хотел брать. Нынче нет охотников в одиночку в театр ходить. И тогда билет предложили Ивану Михайловичу. Дело было на работе. Иван Михайлович — человек пожилой, бессмейный. Он повертел билет в пальцах, повертел — и полез в карман за деньгами. А так, может, еще сто лет в театр не выбрался бы.

Собираясь в театр, Иван Михайлович вдруг вспомнил, что у него бинокль имеется. От деда достался, большой, черный, адмиральский. Иван Михайлович его взял и не пожалел. Еще спектакль не начинался, и уж Иван Михайлович все рассматривал. Люстру, занавес, зрителей, музыкантов... Он хорошо видел, как виолончелист что-то рассказывает барабанщику и тот смеется. Кажется, руку протяни — и дотронешься до его плеча, а на самом деле далеко.

Занавес поднялся, и началось. Пьеса была музыкальная и про любовь. Одна женщина любила человека, который ее не любил. Он любил другую женщину, а та, в свою очередь, любила не его, а кого-то еще. Вот-вот это должно было выясниться. Тут Иван Михайлович почувствовал прикосновение к руке и повернул голову.

— Извините, пожалуйста, — зашептала ему на ухо зрительница, сидевшая рядом, — вы не дадите мне на минуточку бинокль, взглянуть только...

— Пожалуйста, пожалуйста! — прошептал Иван Михайлович.

— Ой, тяжелый! — шепотом воскликнула зрительница.

— Морской! — шепотом ответил Иван Михайлович.

Актеры на сцене продолжали тем временем безответно любить друг друга, мучиться и петь. Но Иван Михайлович не терял надежды, что каждый из них найдет свое человеческое счастье.

— Снова извините! — зашептала зрительница, сидевшая рядом. — Можно, я ваш бинокль мужу дам?

— Конечно, конечно! — шепнул Иван Михайлович. Накал чувств на сцене, казалось, достиг предела. Но до взаимности, видно, было еще далеко.

— Товарищ, а товарищ! — услышал Иван Михайлович. — Теперь сосед мужа просит посмотреть в ваш бинокль. А муж без вашего позволения не решается дать...

— Пусть смотрит, о чем разговор! — ответил Иван Михайлович.

Надо сказать, кое-какие положительные сдвиги там у них по ходу пьесы все-таки намечались. Один из героев начинал уже благосклонно поглядывать на влюбленную в него героиню.

— Сосед мужа просит передать вам большое спасибо.

— Не за что! — ответил Иван Михайлович.

Ему было жалко артистов, хоть он и понимал, что это все понарошку, что они просто играют свои роли и когда сыграют, то разъедутся по домам пить чай.

— Ну просто анекдот с вашим биноклем! — засмеялись в ухо Ивану Михайловичу. — Соседу соседа моего мужа тоже захотелось. — Вы не будете возражать?

— На здоровье! — разрешил Иван Михайлович.

Через некоторое время бинокль переключал на один ряд вперед, потом еще на один. Он выныривал

то справа, то слева, и Иван Михайлович, хозяин бинокля, чувствовал себя в театре почти таким же нужным и полезным человеком, как, например, осветитель или механик сцены. Потом Иван Михайлович вертел головой, но бинокля в поле зрения не было.

— Да вон он, смотрите! — зашептала соседка.

— Где?

— Да вон, вон!

— Не вижу, — говорил Иван Михайлович.

Соседка обернулась назад и сказала кому-то:

— Извините, можно у вас бинокль на минутку? Смотрите, куда я показываю! — и она вру-

чила Ивану Михайловичу чужой бинокль. Иван Михайлович, настраивая бинокль, посмотрел в указанном направлении и увидел во втором ярусе свой бинокль. В него смотрел в сторону Ивана Михайловича другой гражданин. Гражданин увидел, что на него тоже смотрят, и прижал руку к сердцу, как бы говоря, что он душевно признателен Ивану Михайловичу за возможность посмотреть в его чудесный бинокль. А Иван Михайлович сделал жест рукой, который должен был означать: «какие пустяки, всегда рад выручить». А гражданин вытянул руку с поднятым вверх большим пальцем, показывая, что бинокль отличный. А Иван Михайлович изобразил как мог, что бинокль морской, адмиральский, от деда достался. А гражданин скупыми, но выразительными средствами дал понять, что он все понял.

Кстати, и на сцене все тоже постепенно шло на лад. Иван Михайлович искренне порадовался за персонажей пьесы. Вообще ему нравилось в театре. Он подумал, что надо бы как-нибудь раздобыть сюда еще один билетик.

Огромный привет

В субботу ко мне появился

Петя Самолетов. Был Петя тяжело нагружен.

— Уфф! — сказал он, вваливаясь в комнату и отдуваясь как паровоз. — Еле дотащился. Сидор Егорович привет просил тебе передать.

— Спасибо! — поблагодарил я, принимая привет.

— Что, горячий? — поинтересовался Петя.

— Нет, уже теплый.

— А когда передавал, был горячий. Я даже пальцы обжег.

— Еще от кого? — спросил я.

— Еще от Алевтины Спиридоновны, Нонны Юрьевны, Игнатия Игнатьевича, Завихляевых, Гришки Рыжова, Верочки Загорулько, Воркуна-Звалдайского и Клары Шульц...

— Все, что ли? — спросил я.

— Нет, еще от Клавдии Ильиничны, Виктора Евстахиевича, Любовь Демидовны, Веры Сарафановой, Кольки-лысого, Федора-маленького и Батонова Семена Алексеевича...

Петя выкладывал и выкладывал, пока на столе не образовалась целая гора приветов.

— Ах ты черт, а этот был с кисточкой! — вдруг сказал он.

— Куда же ты кисточку девал! — упрекнул я Петю.

— Оторвалась, наверное, по дороге.

— А этот от кого? — указал я на небольших размеров, но довольно симпатичный приветик.

Петр задумчиво уставился на него.

— Погоди, это, кажется, не тебе. Точно, не тебе. Это с юга, я одним знакомым обещал передать, и Петя спрятал привет обратно.

Мы еще некоторое время посидели в молчании, разглядывая кучу на столе.

— Ну, ладно, я побегу, — сказал Петя. — А то еще кое-куда заскочить надо.

— Постой, — задержал я его в дверях. — Что ж, так и пойдешь?

— А в чем дело? — настороженно спросил Петя.

— А приветы?! — сказал я.

— Кому? — спросил Петя.

— Каждому, кого увидишь! — безжалостно ска-
зал я.

— Может, всем один общий от тебя? — предло-
жил Петя.

— Нет, каждому, слышишь, каждому! И не про-
сто привет, а пламенный. Скажи, я лично передаю.

— Хорошо!

— Смотри же, не забудь.

— Не забуду.

И Петя, пошатываясь от тяжести, вышел на лест-
ничную площадку.

Часа через два после ухода моего приятеля в
дверь позвонили. Я думал, что это жена, но это ока-
залась не жена. Это оказались такелажники в бре-
ентовых робах.

— От Семибратовых, — сообщил мне их брига-
дир. — Огромный привет. Куда вносить?

— Идите за мной, я покажу, — сказал я, внутрен-
не кляня все на свете.

— Давай, ребята, взялись, — скомандовал брига-
дир, и его молодцы впряглись в ремни. — Осторож-
нее, за косяк не заденьте, дьяволы!

— Сюда, сюда, направо, налево, в эту комнату, —
руководил я. — Так, хорошо, ставьте.

От соприкосновения этой махины с полом стекла в окнах жалобно зазвенели и снизу соседи принялись колотить по батареям отопления.

— Вот, держите, спасибо! — передал я бригадир три рубля.

— На девятый этаж перли, — сказал бригадир. — Такую дуру! Надбавь, хозяин!

Я выложил еще два рубля. Бригада удалилась.

Потом я услышал, как жена открывает своим ключом дверь.

— Ой! — вскрикнула она, входя в комнату и больно ушибаясь об угол привета. — От кого это?

— От Семибратовых, — объяснил я.

Жена присела на стул и торько заплакала.

— Господи, уже и повернуться негде в этом доме, — всхлипывала она. — Все заставлено! И как я из-под него пыль выметать буду? Скажи мне, как?

В этот момент в дверь опять позвонили.

— Слушай, а давай не открывать, — сказал я. — Давай притворимся, что нас дома нет. Ну, зачем нам они все?

Я подошел и погладил жену по голове.

Она с надеждой подняла на меня глаза и улыбнулась сквозь слезы.

Простые совпадения

В этот день

и ощущал в груди какой-то особый подъем, какой-то необыкновенный прилив творческих сил и мне не терпелось поскорее усестся за письменный стол. И уже предвкушал тихие, ничем не омраченные радости творческого труда, но за завтраком мой сын уронил вилку.

— Кто-то придет, — отметил он это незамысловатое происшествие.

Как принципиальный противник всяческих суеверий и как отец я был не вправе пропустить мимо ушей столь вопиющие в устах молодого человека слова.

— Глупости, — сказал я. — Старушечьи сказки. Никто не может прийти от того, что ты случайно уронил вилку. Довольно стыдно студенту четвертого курса верить в подобные вещи.

Тут в дверь позвонили. Сын пошел открывать. Оказалось, что вилка предвещала визит его знакомой по институту.

Другой бы на моем месте, может быть, оставил бы этот инцидент без внимания, но только не я. Ведь суеверие, подкрепленное стечением обстоятельств, могло еще больше укорениться в членах моей семьи, и я решил уничтожить его, пока оно еще в зародыше.

— Все это — простое совпадение, — сказал я. — Нет, — я взял и уронил половник. — Так что же, по-вашему, теперь обязательно придет мужчина?

— Не мужчина, а женщина, — сказала бабушка.

— Тут вы меня не собьете, мама. Половник — мужского рода.

— Его еще называют поварешкой, — сказала бабушка и зашлепала на звонок.

— Входи, Семеновна, входи, — донеслось из прихожей.

Дело принимало серьезный оборот. Слабые средства тут уже ничем не могли помочь. Необходимо было предпринять самые энергичные меры по борьбе с невежеством, свившим себе гнездо в моем собственном доме.

Я схватил ящик, в котором хранился весь наш запас вилок, ложек и ножей, и поднял его над головой.

— Не делай этого! — взмолилась жена.

Но ничто не могло меня остановить в эту минуту. Металлические предметы со звоном рассыпались по полу, затем на несколько минут воцарилась тишина. Я прислушался к двери.

— Не успела тебя предупредить, — сказала жена, ползая на четвереньках и подбирая в фартук рассыпанную утварь, — что сегодня пятнадцать лет со дня моего университетского выпуска. Вся наша группа собиралась зайти.

— Проклятье! — вырвалось у меня. Этот возглас сопровождался красноречивым жестом, и я ненароком задел хрустальную вазу, которая не замедлила рассыпаться на мелкие осколки.

— Это к счастью, — тихо промолвила жена.

— Мама, папа, — раздалось за спиной.

— Что там еще? — я гневно обернулся и увидел в дверях милую парочку — моего сына и его институтскую подругу.

— Мы решили пожениться и уже подали заявление.

Я был вынужден прислониться к стене.

— Я же сказала: к счастью, — прошептала жена.

— Черт знает что такое! — вскричал я и отступил в свою комнату.

Год спустя, выходя из дому, я столкнулся с соседом.

— Невероятный случай, — схватил он меня за рукав. — Хочу даже заметку в газету писать. Аист в нашем дворе поселился.

— Где? — спросил я.

— Да вон, посмотрите.

Я поднял голову и увидел на дереве аистиное гнездо, как раз на уровне наших окон.

— Кыш, кыш отсюда! — замахал я руками, бросаясь к дереву.

Мне, знаете ли, еще рано становиться дедушкой.

У меня сломался «Запорожец».

Я сидел дома, погруженный в мрачные размышления по этому поводу, когда жена робко предложила:

— Может быть, пойдем просто погуляем.

— Как это погуляем? — удивился я.

— Ну просто так, пешком, — сказала жена и покраснела.

— То есть ты хочешь сказать, что мы будем ходить туда-сюда по тротуару?

— Ну да! — окончательно смутилась жена.

Мысль пойти погулять сперва страшно поразила меня, но спустя минуту показалась даже оригинальной и забавной. Одним словом, мы оделись и вышли.

Вначале мы шли все прямо и прямо, а потом жена предложила повернуть влево.

— Ты уверена, что здесь есть левый поворот? — спросил я.

— Мы ведь не на машине! — напомнила жена.

— Ах да! — спохватился я, и мы повернули влево. Мы шли довольно спокойно, и вдруг жена сказала:

— Давай обгоним вон того типа.

— Давай! — обрадовался я. Мы обогнали одного прохожего, потом другого, третьего и понеслись по улице, только ветер в ушах посвистывал. Мелькали мимо дома, люди, деревья...

Впереди замаячила чья-то широкая спина. Она двигалась прямо по центру тротуара и никак не хотела уступать дорогу.

— Посигналь ему! — посоветовала жена.

— Би-би! — машинально вырвалось у меня.

— Тормози, тормози! — вскрикнула жена и вцепилась в мою руку, но было уже поздно. Мы врезались в этого верзилу, размерами напомнившего мне самосвал...

— Ездить не умеешь! — набросился он на меня.

— А ты что, не слышал, что я сигналил?! — набросился я на него.

— Сейчас гаишника позову!

Но тут между нами встала жена:

— Опомнитесь! Вы же не на автомобилях!

Нас словно окатили ушатом холодной воды.

— Друг! Автомобилист! — воскликнул я. — Тоже, бедолага, пешком ходишь. Как же тебя утораздило?

— Карбюратор полетел, — мрачно сказал он.

— А у меня задний мост, — сказал я.

Мы по-братски обнялись.

— Будем знакомы, — представился я. — Мой номер ММХ 22-98, а это моя жена.

— Очень приятно, МУЛ 10-72, — представился он.

— Давно ходить начал? — спросил я.

— Уже неделю.

— А я первый день как пошел!

И начался у нас обыкновенный водительский разговор. Уж мы отвели с ним душу. А потом он завелся и уехал. Со скоростью 4 километра в час. И мы с женой тронулись в обратный путь. Время уже было заправиться.

Про игрушечного Деда Мороза, который умел думать

В общем, это был

обыкновенный игрушечный Дед Мороз из папье-маше. Дело лишь в том, что в доме с ним обращались, как с живым, и от этого у него постепенно развилась способность думать. Думать о всякой всячине — это была его маленькая слабость.

Целый год он проспал в большой картонной коробке на антресолях, пока в один прекрасный день его не разбудили яркий свет и громкие голоса. Он посмотрел вверх и увидел склоненные над ним лица хозяина и хозяйки.

«Что такое? — подумал Дед. — Неужели уже опять на работу?»

— Пора, брат, пора! — прозвучал голос хозяина. — Целый год пролетел.

— Скоро гости, а у нас еще елка не наряжена, — сказала хозяйка. — Осторожней, Боря, только не разбей игрушки. Ты такой неуклюжий.

— Не разобью, — ответил хозяин и пропел: — Пять минут, пять минут — это очень, очень много!

«Ишь ты, — подумал Дед, — у хозяйки новое платье. А хозяин усы отрастил. Усатый стал, как я, — и Дед захихикал про себя. Потом он вспомнил, что в прошлом году, когда он стоял под елкой возле балконной двери, из щелей сильно дуло. — Если и в этом году сквозит, уйду, — сердито подумал Дед. — Надоело! Где охрана труда?! Пойду на государствен

ную службу. В клуб пойду работать. А хоть бы и во Дворец культуры! Да меня везде с руками и ногами...»

— Я встану на табуретку, — сказала хозяйка хозяйину, — а ты подавай игрушки. Давай сначала звезду укрепим.

Хозяин осторожно достал звезду и передал в руки хозяйке.

— Гори, гори, моя звезда! — пропел он. Он очень любил петь, но никогда ни одной песни не допевал до конца.

— ...Звезда заветная... — промурлыкала хозяйка. — Теперь давай шары. Боря, помнишь, сколько у нас шаров было и сколько осталось. Все ты переколотил. Корзиночку с грибами ты вот сюда! А зайчика мы здесь укрепим.

«Обо мне ни слова, — снова надулся Дед. — Вот позьму обижусь и уйду. Пусть остаются со своими зайчиками и корзиночками. Да меня везде за милую душу!.. Я не какой-нибудь пластмассовый, а, между прочим, из папье-маше. Сейчас таких и не делают...»

— Ах ты мой миленький, мой хорошенький! — проговорила хозяйка, ставя Деда под елку.

«Ну, слава те господи, вспомнили!» — буркнул про себя Дед. — Как Новый год, так Дед и миленький, и хорошенький. А раньше хоть бы кто в коробку заглянул, как там Дед, не надо ли ему чего...»

— Зови Сашку, — сказала хозяйка.

Хозяин вышел из комнаты, а когда вернулся, след за ним ковыляло странное существо, ростом чуть повыше Деда Мороза. Существо дотопало до елки и протянуло к Деду Морозу маленькие ручонки.

«Это еще что за чудо-юдо? — подумал Дед. — Эй-ей, руками-то поосторожнее!»

— Вот видишь, Сашенька, это — елка! — сказал хозяин. — Елка, понимаешь! А это — Дед Мороз!

«Ладно, черт с вами, останусь! — подумал Дед, все еще сердясь. — Но только ради ребенка. Если бы не ребенок, точно ушел бы. Вот выведу его в люди, а там видно будет».

В это время в дверь позвонили.

— Боря! — крикнула хозяйка. — Иди открывай гостям!

Попытка футбольного репортажа

Здравствуйте, дорогие друзья!

Начинаем наш футбольный репортаж о встрече двух столичных клубов «Торпедо» — «Спартак», который мы ведем из квартиры Степана Аркадьевича Бедренкова (Москва). По телевидению транслируется вторая половина матча. Счет пока не открыт, 0:0. Несколько слов о нынешнем составе семьи Степана Аркадьевича. Жена Агния — 35 лет, опытный нападающий, но умело действует и в обороне, обладает сильным и точным ударом левой. Сын Виктор — 8 лет, хорошо владеет мячом, не рвет его, не прокалывает гвоздем и вообще отличается бережным отношением к вещам. Наталья Андреевна — 59 лет, мать жены Степана Аркадьевича, то есть теща — полузащитник (работает в юридической консультации на колбаски), член городской коллегии адвокатов, но в семье предпочитает роль судьи. И, наконец, сам Степан Аркадьевич, 38 лет, защищает цвета родного «Спартака» с 1952 года. Сегодня Степан Аркадьевич выступает в черных сатиновых трусах, желтой майке с надписью «Ну, погоди!» и тапочках на босу ногу. Жена велит ему надеть рубашку и брюки. Игра начинается с центра поля. Автозаводцы устремляются в атаку, но теряют мяч, и спартаковцы перехватывают инициативу.

— Назад отдай! Назад! — слышите, это волнуется Степан Аркадьевич. — Ну, теперь откройся! Открой-

ся, кому говорят! Ну, теперь бей! Куда бьешь, там же никого нет! Эх, сапожники!

Но что это? Острая ситуация у экрана телевизора. Жена Агния пытается переключить ручку на вторую программу, где идет передача «А ну-ка, девушки!». Отличная передача! Но Степан Аркадьевич на чеку. Завязывается острая борьба. Все члены семьи подтягиваются к телевизору. Ну, это уже слишком грубо. Нарушение правил! Теща показывает Степану Аркадьевичу желтую карточку. Она пожелтела от времени. Старая свадебная фотография Степана и Агнии. А между тем футболисты «Торпедо» отбивают мяч на угловой. Идет двадцать шестая минута второго тайма. «Чаю! Чаю! Чаю!» — скандируют Степан Аркадьевич и его сын Виктор. Стремительный проход Агнии из кухни в комнату. Какой дриблинг! Какое владение заварочным чайником и подносом с бутербродами. Она обходит одно кресло, другое, книжный шкаф, стол, стул, приближается к дивану, удар, гол! Го-о-о-л! Гол в ворота «Торпедо». Ликут болельщики. Ликует Степан Аркадьевич. А вот это уже неспортивно. Он пытается оттолкнуть жену рукой. Она загородила ему экран. Нехорошо! Мог бы и сказать. Неужели теща не заметит этого. И тут раздается телефонный звонок. Степан Аркадьевич на две минуты удаляется из комнаты к телефону. Две минуты играть спартаковцам без Степана Аркадьевича. У их соперников появляются шансы сравнять счет. Следует серия коротких передач. Сейчас на половине поля автозаводцев никого нет. Удар! Еще удар! Неточно! Мяч уходит за пределы поля. Свободный от ворот «Спартак». А вот и Степан Аркадьевич. Игра продолжается в полном составе. Присутствие Бедренкова сразу же дает себя знать. «Вперед иди! Вперед! Не держи мяч! Отдай седьмому номеру! Да не шестому, а седьмому!»

Простите, кажется, теща снова фиксирует нарушение правил. Я не совсем понимаю, что случилось. А, все ясно! Степан Аркадьевич становится на диван ногами и прыгает на нем как ненормальный. Да еще в тапках! Слишком опасный прием! Опасный для дивана. Что это? Штрафной? Дорогие друзья, пока мы тут отвлеклись, в ворота «Спартака» назначается штрафной удар. Степан Аркадьевич начинает выстраивать стенку от мебельного гарнитура, купленного буквально вчера. Видимо, он сильно нервничает. Свисток арбитра. Можно бить! Какой красивый удар! Прямо в левый верхний угол. Итак, 1:1. Времени остается мало. По всей вероятности, счет уже не изменить. Я не ошибся: звучит финальный свисток.

После матча мы встретились с С. А. Бедренковым и попросили его поделиться впечатлениями о прошедшей игре.

— Степан Аркадьевич, пожалуйста...

— Ну, что можно сказать... Конечно, было несколько выгодных ситуаций, которые я не сумел использовать. Например, на двадцать шестой минуте я мог бы попросить тещу не совать нос не в свое дело. Считаю, что и желтую карточку мне показали неправильно. Есть несколько цветных фотографий, где мы с Агнией получились гораздо лучше.

— Ваши планы на будущее?

— Игры очередного тура проведу на «чужом поле» — у свояка в Конькове-Деревлево. А то дома совершенно невозможно смотреть.

— Спасибо, Степан Аркадьевич! На этом, дорогие друзья, мы с вами прощаемся! Всего вам доброго! До новых встреч!

Петр Сергеевич и Верочка

Петр Сергеевич

познакомился с Верочкой в доме у Колпаковых. Совершенно случайно выяснилось, что Петр Сергеевич и Верочка живут в одной стороне, вечер выдался хороший, и Петр Сергеевич предложил молодой женщине пройтись немного.

Чтобы как-то начать разговор, Петр Сергеевич поинтересовался, кем работает Вера Семеновна.

— Учительницей, — был ответ.

— Ого! Значит, у вас завтра праздник!

— Да, первое сентября.

— Простите за любопытство, а в какой школе вы преподаете?

— В 793-й.

— Неужели в 793-й?!

— А что, вы имеете какое-то отношение к этой школе?

— Я закончил в ней три класса.

— Всего три класса! Не густо, — засмеялась Верочка.

— Напрасно иронизируете. Потом меня перевели в специальную школу с математическим уклоном.

— А ее-то вы закончили?

— Ее закончил.

— А потом?

— Потом был техникум, торгово-экономический. Потом еще два техникума — связи и эстрадно-циркового искусства.

— Подумайте, какой у вас широкий диапазон! Так кем же вы наконец стали: клоуном, связистом или бухгалтером?

— Ни тем, ни другим, ни третьим.

— Почему?

— Потому что дальше у меня были институты.

— О! И даже не один! — Верочка насмешливо посмотрела на Петра Сергеевича.

— Не буду хвастаться, но три института я закончил. Было, конечно, трудно, но я довел дело до конца.

— Извините, Петр Сергеевич, но если вы меня хотели чем-нибудь поразить, то вам следовало все-таки оставаться в рамках правдоподобия... Вероятно, затем у вас была аспирантура. И, надо полагать, не одна, а целых пятнадцать... Спасибо, дальше провожать меня не нужно. Я не люблю лунов.

— Пойдите, Вера Семеновна! Вы меня не так поняли. Никакой аспирантуры у меня сейчас нет. Академия, правда, есть, то есть я хотел сказать...

— Ах, даже академия!..

Дверь подъезда захлопнулась за Верочкой. Петр Сергеевич бросился вслед.

— Да, академия, — прокричал он в тишину подъезда. — Уже восьмой этаж возвели. Строитель я, инженер-строитель. А раньше был бригадиром отделочников. Оштукатурил три класса вашей 793-й школы, пока меня в другую не перевели. Вера Семеновна, ах! Не уходите, Вера Семеновна!

Что было дальше, это уже совсем-совсем другая история.

Кто ж, скажите мне,

не любит грибов! Ежели их мелко порезать, да на сковородочке с лучком! Да сметанкой заправить! Так вас, небось, за уши не оттащишь.

Белые — хорошо! Ну а лисички разве плохо? Сыроежки там всякие, груздь, подберезовик, масленок.

— Ну, жена! — говорю. — Дожди грибные прошли. Завтра на утренней зорьке еду.

Встал чуть свет. Натянул сапоги, телогрейку. Славно идти по пустынному городу. Спят люди. Мостовая под первой поливкой блестит. И в душе жаль тех, кто сейчас под одеялами нежится, сны досматривает, и волнение легкое охватывает перед предстоящей грибной охотой.

Притулился я у окна и не заметил, как поезд отстучал километров эдак шестьдесят. Вышел на платформу и — к лесу. Батюшки святы! Смотрите их сколько! Грибников этих. Не протолкнуться. Народу — как в автобусе в час пик.

— Граждане! — говорю. — Пройдите вперед! Дайте и другим в лес войти. Впереди ведь свободно.

— Не напирайте! — говорят мне. — Сейчас некоторые выйдут, тогда и войдете.

И действительно, спереди кое-какой народ пробивается.

— Вы, — спрашивают, — не выходите?

— Нет, — говорю. — только вошел.

— Тогда лукошко свое чуть в сторонку подайте: местами поменяемся.

Какая-то женщина сбоку спрашивает:

— Вы случайно не в курсе, как к малиннику пройти?

— Не знаю, гражданочка, сам приезжий.

Когда желающие вышли, немного стало посвободней. Во всяком случае, шевелиться можно. И даже кое-где в просветах траву различаешь. У меня, старого грибника, глаз наметанный, я его сразу приметил. Он под осиной притаился. Из-под листочков смотрит. Кожаный, черный, на «молнии».

— Граждане! Нашел! — кричу. — Бумажник нашел! Кто бумажник обронил?

Никто не признает бумажник за свой.

— Вы, — советуют мне, — объявление составьте. На деревьях развесите. Может, хозяин отыщется.

Народ вокруг отзывчивый. Кто-то тетрадочку предложил. У кого-то авторучка нашлась. Кто-то спину подставил, чтобы удобнее писать было. Совместно составили объявление с моим московским номером телефона. Помогли развесить по всему лесу.

А на следующий день мне позвонил владелец бумажника. Уж как он меня благодарил, как благодарил! А под конец разговора сообщил, что работает в «Дарах природы», и предложил обеспечить грибками...

— Ну, жена! — говорю. — Готовь сковородочку!

У меня зазвонил телефон.

— Здравствуйте, говорят с киностудии...

— Убери детей, — зашипел я на жену. — Детей убери, говорю!

— Что? Что? — спросили в трубке.

— Здравствуйте! Очень приятно!.. — А сам подумал: «Ну, должно же это было когда-нибудь случиться!»

— Меня зовут Борис Сергеевич, — продолжал голос. — Можно просто Борис. Я — режиссер. Молодой режиссер. Вот выбрал для дебюта ваш рассказ...

— Тобик, фу! Тобик, на место! Мерзавец, он сожрет мою рубашку!

— Простите, не понял, — растерянно произнесли на том конце провода.

— Слушаю вас внимательно, Борис, то есть Борис Сергеевич, — я обхватил трубку обеими руками. Сердце от волнения билось у меня часто-часто.

— По-моему, может получиться интересно, — сказала трубка.

«Справлю себе новый костюм, — пронеслось в моем мозгу. — Жене — сапоги, австрийские, которые мы видели на прошлой неделе. Тобику — ошейник. Теще... Ладно, о теще — потом».

— Ты посмотри, она бьет его по голове! Немедленно разними детей!

— Может быть, я позвоню попозже? — деликатно осведомился голос.

— Нет, нет, у меня всегда так! Речь, насколько я понимаю, идет об одной части?

— Почему же!.. Полнометражный художественный фильм...

Ноги у меня ослабели, и я присел на стул.

«Автомобили!.. Жене — зимнее пальто. Тобику — намордник, детям — по велосипеду. Теще...»

— В случае успеха мы могли бы замаяхнуться и на сериал, — донеслось до моего слуха.

— Да выключите вы наконец пылесос!

— На сериал, — повторили в трубке.

«Тобику найдем дрессировщика. Детей — французскому. Жену — на курорт. Тещу...»

— Анна Семеновна, вы что, не видите, что я разговариваю по телефону! Другого времени не нашли!

«Ни шиша она у меня не получит», — подумал я.

— Как вы сказали? — удивилась трубка.

— Я говорю, очень заманчивое предложение!

— Конечно, предстоят значительные переделки. Нужно будет развернуть главную линию, добавить несколько персонажей, изменить концовку... Но, если вы согласны...

— Я согласен! Полностью согласен!..

В трубке послышалась возня, потом чье-то хихиканье. Голос моего друга Петра произнес:

— Ну как, здорово я тебя?..

— Дурак ты, Петя, и не лечишься! — сказал я.

— А ты поверил? Признайся, поверил ведь.

— Ни на секунду не поверил!

— Поверил, поверил!

— И не смей мне больше звонить! — я перешел на крик.

— Не дом, а бедлам какой-то, — сказал я, вешая трубку.

— Кто звонил? — поинтересовалась жена.

— С киностудии. Хотят снимать фильм по моему рассказу.

— А ты что?

— Отказался. Знаешь ли, эти экранизации... Возьмутся и все испортят. Тобик, пошли гулять!..

Педагогический момент

Владимир Иванович нервничал

Владимир Иванович волновался.

Вот он сидит, Владимир Иванович, на диване, в своей квартире, а напротив за столом сидит его сын Серега, восьмилетний мальчик с оттопыренными ушами, а время-то идет! Бежит время! Минет месяц, и будет Серега уже не просто Серегой, а учеником 1 го класса средней школы Акимушкиным Сергеем. Него месяц остался, один месяц, и даже меньше чем месяц. Подумать только!

— Серега, а Серега! — нарушает молчание отец.

— Что тебе? — отзывается сын.

— Не «что тебе», а «слушаю тебя, папа», — нравоучительно говорит Владимир Иванович. — В школу что хочется идти?

— Хочется, — отвечает Сергей.

— Молодец! — одобряет Владимир Иванович. — Это ты правильно делаешь, что в школу стремишься. Ну а учиться как будешь в школе?

— На одни пятерки, как же еще! — отвечает сын.

— Смотри, Сергей, родителей не позорь, — продолжает Владимир Иванович. — Говоришь: на пятерки, а сам, небось, думаешь: и на троечки сойдет. И, мол, у троечки закорючку подправлю, папа и не заметит. А папа все заметит. Папа эти хитрости наилучше знает.

— Как это — закорючку у троечки? — интересуется сын.

— Как, как! Ластиком или бритвочкой. Правда, ластиком лучше. Чище выходит. Но меня, брат, не

проведешь! У меня, брат, глаз наметанный. А все с чего начинается? С баловства все начинается — вот с чего. Отвечай, будешь баловаться?

— Не буду, — обещает сын.

— Конечно, обещать — это мы большие мастера, — говорит Владимир Иванович. — А у самих в голове только одно: как бы какую штуку удумать. Смотри, Серега, если узнаю, что ты тряпку к полу прибил или девочке в пенал жука подкинул! А еще бывает дымовуху устраивают.

— Пап, а что это за дымовуха?

— Особого ума тут не нужно: не таблица умножения. Главное — чтобы старая фотопленка под рукой была. От нее дыму много. А мне потом в школу ходи. Оправдывайся за тебя, красней! Так ведь?

— И ничего не так, — возражает сын.

— Вот-вот, уже начинается. Отец слово, а он ему в ответ десять. Думаешь, я ничего не вижу, ничего не понимаю. Я все насквозь вижу. Думаешь, я не знаю, чем вы там занимаетесь, когда взрослых поблизости нет?

— Чем? — спрашивает сын.

— Да мало ли чем! Например, на портфелях с ледяной горки катаешься. Тебе что, портфель — санки, что ли? За него, между прочим, деньги плачены. Ты что, его в два дня изорвать хочешь?

— Сейчас лето, — отвечает сын, — а на санках зимой катаются.

— А время, знаешь, как быстро летит?! — входит в педагогический раж Владимир Иванович. — Не успеешь оглянуться — осень, а там уже и зима не за горами. Придется мне, Сергей, тебя сегодня без телевизора оставить. Да, придется! А если еще что-нибудь подобное сотворишь, то и велосипеда тебе не видать. Совсем, понимаешь, от рук отбился!

Мужчины без женщин

Нас в коллективе

семь человек. Одни мужчины. Такой, знаете, сплоченный коллектив. Без женщин.

Я больше всего дружу с Иваном Степановичем. Поверяю ему свои тайны.

Сегодня Иван Степанович принес импортный пиджак на продажу. Все стали его мерить. Потом прибежал Константинов, сказал, что в магазине напротив дают польский шампунь. Мы бросились туда. Я взял себе и Петру Петровичу, с которым однажды познакомился в парикмахерской. Не купишь — обидится. Вернулись в отдел, видим: в углу Сергей Сергеевич плачет, прическа растрепана. Мы его все жалеем. Он некрасивый, ноги кривые.

Сидит, плачет. В чем дело? Оказывается, жена ушла. А у него двое детей на руках. Кому он такой нужен? Все женщины, скажу я вам, одинаковые.

Но тут Сергей Сергеевич увидел шампунь — слезы сразу и высохли. Много ли нам, мужчинам, нужно.

Потом в отдел заглянул Гуревич. В новой рубашке. Голубенькая, в полоску. Здесь кокетка. Здесь в палию. А вот тут разрез. Мне лично не нравится.

Угодник Харитонов с комплиментами сразу. Очень, мол, вам, товарищ Гуревич, голубое к лицу.

Все начали спорить, можно ли голубое с зеленым носить. Я говорю, нельзя! Подхалим Харитонов: можно. И вдруг змея Иван Степанович, друг называется, тоже говорит: можно. Не ожидал я от него такого

предательства. За это я пошел обедать не с ним, а с Сергей Сергеевичем. Иван Степанович надулся. Но пусть знает, что я предательства не прощаю.

После обеда сидим мы в отделе, разговариваем, какая вязка лучше, машинная или ручная. Посреди этой беседы Сергей Сергеевич как взвизгнет, как вскочит на стол! Мы — за ним. Я, как самый решительный, набрал номер телефона нашего коменданта.

Вскоре пришла комендант Настасья Петровна и прогнала мышь. Уже в который раз обещают нам мышеловку поставить.

Кожаное пальто

А и в самом-то деле,

не слишком ли большую власть стали забирать над нами вещи? Кто, в конце концов, чей: они — наши или мы — их? И что это они там нашептывают своими тихими голосами?

Знавал я одно кожаное пальто. Оно отличалось жутким непостоянством характера. Оно ухитрилось помянуть несколько человек и в последнее время владело каким-то кинорежиссером, довольно поношенным, но еще в хорошем состоянии. Так вот, оно очень любило гулять на нем. Раз оно гуляло и постречало знакомую замшевую куртку.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— А у вас, — говорит куртка, — опять обновка.

— Да какая там обновка, уже полгода он во мне.

— Дорогое, вы их прямо меняете, как пуговицы.

— А что, — говорит оно, — я еще довольно молодое и хочу нравиться.

— Неужели кинорежиссеры еще в моде?

— Они всегда будут в моде.

— И где, я поинтересуюсь, достали?

— В комиссионке. Счастливый случай. Гляжу: кинорежиссер. У меня его чуть не перехватили. Какие-то наглые вельветовые брюки. Я еле успело опередить.

— Некоторые, конечно, могут себе позволить, — говорит куртка. — А я уже пять лет хожу на одном и

том же старшем экономисте. Он из меня просто не вылезает.

— Ну, что ж, экономист — это, конечно, дешево, но, говорят, довольно практично.

— Ха, практично! Он у меня уже дважды побывал в ремонте. А вы попробуйте сейчас отремонтировать старшего экономиста. Никто не берется.

— У каждого, знаете, свои проблемы, — сказала пальто. — Вон мой, видите, уже на макушке стал вытираться.

— Все равно кинорежиссер есть кинорежиссер, — заметила куртка. — Это смотрится.

— Еще очень важно уметь носить, — важно сказала пальто. — Не все это могут.

— Умей не умей, — возразила куртка, — а если каждый день ездишь в общественном транспорте в час пик, да еще с двумя пересадками, будь хоть режиссер, хоть доцент — всякий вид потеряет.

— Наверное, вы правы, — пробормотало пальто.

— Ну, мне пора, надо еще в химчистку забежать, — заторопилась куртка.

— Счастливо! — сказала пальто. — Как-нибудь увидимся.

— Пока! — бросила куртка и прыгнула в трамвай.

А пальто, заложив рукава за спину, двинулось дальше. По правде говоря, оно было из искусственной кожи, но старательно скрывало это.

Василий Семенович Муравьев

лежал на диване и читал детектив, когда раздался телефонный звонок. Василий Семенович, кряхтя, сполз со своего ложа, нашарил ногами тапочки и подошел к телефону. В трубке кто-то хихикнул, потом зашептались, а потом мужской голос проговорил:

— Василий, это ты?

Голос принадлежал закадычному другу Василия Семеновича Петьке Синельникову.

— Ну я, — сказал Василий Семенович. — А вы чего там хихикаете? Делать вам, что ли, нечего? Ты из дому?

— Нет, не из дому, — ответил Синельников.

— А откуда?

— Ни за что не угадаешь.

— И отгадывать не буду, сам скажешь.

— С катка мы.

— С какого еще катка?

— С обыкновенного, ледяного, на коньках катаемся. Приезжай, Василий, не пожалеешь. Ребята тут, девчонки. Светка Носкова, Верка Валежникова, Гэнка, Виктор.

— Да ты в своем уме? — спросил Василий Семенович. — Ты что, в детство впал?

— Нет, серьезно, приезжай! В Лужниках мы. Решили, понимаешь, стариной тряхнуть. Ребята мне говорят, позвони да позвони Василию. Вот я и звоню.

— Каждый с ума сходит по-своему, — отрезал Василий Семенович. — Давайте уж без меня. А я лучше на диване с книжечкой.

— Кто звонил? — спросила жена, когда Василий Семенович вернулся на свой диван.

— Петька Синельников звонил. Представляешь, старый хрыч чего придумал. На коньках кататься. И меня тоже зовет.

— Ой, мамочка! Ой, сейчас лопну от смеха!

— Да что тебя так рассмешило?

— И он еще спрашивает, — утерев слезы, сказала жена. — Представила, как ты на коньках катаешься.

— И что тут смешного, не понимаю. Будто я никогда на коньках не катался.

— Ты еще чего вспомни. Это же сто лет назад было.

— Не сто, а всего каких-нибудь тридцать.

— Ладно, читай свою книжку, конькобежец.

— А вот и не буду читать.

— А что ты будешь делать?

— Сейчас увидишь. — И Василий Семенович пошел на кухню. Там он вскарабкался на табуретку и стал шарить на антресолях. На стук и грохот, который поднял Василий Семенович, прибежала жена.

— Василий, что ты?

— А вот и ничего, — ответил супруг, извлекая из глубины антресолей коньки.

— Василий, я тебя никуда не пущу.

— Еще как пустишь!

— Василий, у тебя двое внуков, тебе через год пенсия.

— Передай внукам, что дедушка уехал на каток. А насчет пенсии, это ты еще рано, матушка, запели. Васька Муравьев еще всем вам покажет, на что он способен. Васька Муравьев — он еще ого-го!

Василий Семенович уже шагал по скрипучему снегу, а супруга, насколько возможно высунувшись из форточки, все кричала:

— Васенька, голубчик, с катка позвони обязательно. Я буду волноваться.

На катке знакомых не оказалось. Но через полчаса Василий Семенович уже забыл обо всем на свете. Главное было то, что он не разучился кататься, что вокруг кружился народ, что играла музыка и падал снег.

Спустя месяц Василий Семенович встретил Синельникова.

— А ты, я слышал, на коньках всю катаешься, — сказал Петька.

— Каждое воскресенье.

— Чудак-человек, мы же пошутили тогда.

— Знаешь, Петечка, — ответил Василий Семенович. — Это была самая удачная твоя шутка.

Михим вечером

Михий теплый вечер.

Окна открыты. На письменном столе уютно горит лампа. Я смотрю в книгу, но никак не могу сосредоточиться. Снизу, со двора, упрямо лезет в уши чей-то голос, мужской, настойчивый:

— Вер, а Вер, ну выйди!

— И не выйду, и не проси! — отвечает женский голос.

— Ну, Вер, ну поговорить надо!

— Не о чем мне с тобой разговаривать!

Буквы бессмысленно чернеют на бумаге. А голос все просит и просит:

— Ну, Вер!

И тут неожиданно рядом с моим окном в разговор вступает женское контральто, с его обладательницей я частенько раскланиваюсь в лифте:

— Верка, выйди же к нему наконец, телевизор смотреть мешаете!

— Не выйду я к нему, Марья Николаевна!

— Вот упрямая девка, совсем малого замучила!

— И не уговаривайте, Марья Николаевна!

Откуда-то справа, уже из другого окна комментирует стариковский тенор:

— А парень-то хороший, душевный парень! В прошлом году замок мне врезал. Специальность хорошую имеет. Такие ребята на дороге не валяются.

— Очень нужна мне его специальность! — твердит упрямая Верка.

— Это ничего, это она ему характер свой показывает, — встречается кто-то еще. Похоже, скоро весь дом примет участие в разговоре. — Сколько я за своей Светланой Филаретовной ухаживал, и-эх! — страшно подумать. А все-таки моя взяла.

— Сиди уж, твоя взяла! — перебивает, очевидно, Светлана Филаретовна. — Шел бы ты, старый, спать лучше!

— Ну, Вер!

— Чего тебе опять?

— Ну, выйди, общественность же тебя просит!

— Вера! Вы меня слышите? — раздается сверху над моим окном. Это говорит жилец из 90-й квартиры. — Вера! Вот что написал великий английский поэт Шекспир еще в XVI веке:

«Я ненавижу», — присмирив,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.
«Я ненавижу», — но тотчас
Она добавила: «Не вас!»

Сонет № 145.

В переводе Маршака.

— Уж этот Шекспир умел! Умел! Ничего не скажешь! — одобряют голоса.

Некоторое время стоит молчание. Все словно обдумывают только что услышанное.

— Ладно, сейчас выйду! — сдается неуспешная Вера. — Жди у подъезда.

— Ну, вот! Ну, наконец-то! Так-то бы давно! — звучат голоса.

И наступает тишина.

Разные люди

по-разному воспринимают счастливые известия. Когда Иван Яковлевич узнал, что его очередь на квартиру вот-вот подойдет, им овладело беспокойство. Причем беспокойство это усиливалось с каждым днем. Он теперь не мог равнодушно пройти мимо забора какой-нибудь стройки, обязательно остановится, посмотрит. Даже зайдет в ворота, чтобы получше видеть. Теперь-то он наблюдал не как стороннее лицо, а как человек, кровно заинтересованный. Кто знает, может быть, именно в этом доме и придется жить.

Раз Иван Яковлевич даже не сдержался и крикнул каменщику:

— Как кладешь?! Аккуратней клади! Раствор гуще намазывай! Здесь люди жить будут, а не кто-нибудь!

Каменщик уставился на Ивана Яковлевича и хотел что-то ответить, но в это время Ивана Яковлевича отвлек въехавший во двор грузовик. Он въехал, подпрыгивая на ухабах и ныряя в колдобины. От тряски из кузова вывалилось несколько облицовочных плиток.

— Стой! — заорал Иван Яковлевич. — Стой, кому говорят!

Грузовик остановился, из кабины выглянуло удивленное лицо водителя.

— Ты что ж делаешь? — Размахивая руками, Иван Яковлевич заспешил к грузовику. — Ты чего плиткой соришь? А где-то этой плитки недобор. А здесь ее в грязь втоптывают!

Шофер хмуро вылез из кабины и стал собирать плитку.

— Слышь, начальник! — сказали за спиной у Ивана Яковлевича. — Электроды когда будут? С утра все обещаниями кормят, а чем я варить буду, шильцем?

Иван Яковлевич открыл рот, чтобы ответить, но тут на него налетел какой-то маленький в кепке и закричал петушиным голосом:

— Как Алтухову, так все! И материалы, и крановщика самого лучшего, а как мне — так шиш! Нет, я так работать не согласен!

— Это почему же вы работать не согласны?! — мовеще произнес Иван Яковлевич и двинулся на маленького.

— Да я так, к слову пришлось! — говорил тот, отступая. — А работать мы не отказываемся. Только как бы это, с Алтуховым...

— С Алтуховым разберемся! — поставил точку Иван Яковлевич. — Больше вопросов нет?

— Нет!

— Приступайте! — приказал Иван Яковлевич и крупными шагами направился к будке прораба.

— Сейчас он ему задаст перца! — одобрительно сказали вслед.

Все с интересом посмотрели на дверь прорабской, где скрылся Иван Яковлевич.

Через несколько минут дверь прорабской распахнулась. Из нее вышел Иван Яковлевич, а за ним, почтительно семеня, сам прораб. Забегая впереди Ивана Яковлевича и преданно заглядывая ему в глаза, прораб проводил гостя до ворот.

Как только Иван Яковлевич вышел за ворота, прораб вытащил большой платок и утер вспотевшее лицо.

— Видно, большая шишка! — было высказано предположение.

— Не меньше, чем из главка! — заметил сварщик, требовавший электроды.

— И фамилия у него какая-то странная, — задумчиво произнес прораб. — Жилец... А по имени-отчеству не знаю, не назвался...

Дядя приехал

Когда я смотрю на карту

нашей страны, я всегда вспоминаю, что в Липецке живет мой родной дядя. Время от времени дядя приглашает погостить ко мне в Москву. Он привозит с собой большой коричневый чемодан и неутомимую жинду все видеть и везде побывать. Целыми днями где-то пропадает, а вечером делится с нами своими впечатлениями. Я люблю слушать его. Заглядывают на огонек соседи. Сегодня как раз один из таких вечеров. Дядя восседает в кресле, окруженный слушателями, а я вышел на минуту в прихожую встретить опоздавшую гостью. Это женщина из 115-й квартиры. В руках у нее банка с вареньем.

— Уже начал? — испуганным шепотом спрашивает женщина.

— Полчаса, как рассказывает, — шепчу я, принимая банку. — Сегодня Третьяковку посещал. Все своими глазами видел.

— Ах, как интересно! — всплескивает руками соседка. Дядя недовольно смотрит на опоздавшую: он не любит, когда его перебивают.

— Так на чем я остановился? — морщит лоб дядя.

— Вы говорили, что впечатление у вас огромное, — подсказывает хор голосов.

— Да, впечатление, я вам скажу!.. Закрою глаза — и вижу...

— А я недавно рядом с Третьяковкой был! — сообщает один из слушателей. — Совсем рядом.

— Нашли, чем хвастаться! — перебивают его. — Вы рядом были, а человек внутрь заходил.

— Вот у меня и билет входной сохранился! — показывает билет дядя.

— А в бассейне «Москва» вы тоже были? — звучит робкий вопрос.

— Был, как же! — кивает головой дядя.

Вздых восхищения шевелит занавеску. Сидевшие смирно супруги из 92-й квартиры вдруг начинают ссориться.

— Говорил я тебе, в Кременчуг надо перебираться! — бубнит муж. — Приезжали бы в Москву в отпуск, ходили бы по театрам, музеям, концертным залам.

Я взглядываю на часы.

— Уже одиннадцать, товарищи, а у дяди завтра трудный день. Надо три выставки обежать, а вечером премьеры в театре...

Гости поднимаются и начинают расходиться. Женщина из 115-й квартиры задерживается в дверях.

— Можно я к вам завтра приду? Я как раз пирог собираюсь испечь. Какой интересный человек ваш дядя. Столько всего видел.

— Приходите лучше послезавтра. Завтра он очень устанет.

Меня распирает гордость за дядю.

Диалог с кассиром

За окошком кассы

видела миловидная девушка и глядела на меня большими карими глазами.

— Здравствуйте, девушка! — сказал я. — Представьте себе, уезжаю в отпуск. А ну-ка, выдайте одинокому, но не старому еще человеку билет до синего моря... На третье число... Южное побережье Крыма меня вполне устроит. Целый месяц, подумать только, ничего не буду делать, а буду лежать кверху пулом и греться на солнышке, — с этими словами я подарил девушке одну из самых лучших своих улыбок, которую держу про запас для особо важных случаев.

— В Крым нету билетов, — сказала девушка и как-то вдруг пригорюнилась.

— И на третье число нету? — спросил я.

— И на третье число нету, — сказала девушка и пригорюнилась еще больше.

— Ну, стоит ли огорчаться из-за каких-то билетов! — сказал я как можно веселей, чтобы приободрить ее. — Выше голову! Крым — не единственная точка на карте, куда ходят поезда. А я, кстати, не привередлив. Тем более что Кавказ ничуть не уступает Крыму во всех отношениях. Дайте мне поскорее билет на Черноморское побережье Кавказа, на третье число...

— Нету, — прошептала девушка, — нету билетов на Черноморское побережье Кавказа.

— И на третье число нету?

— И на третье число, — едва слышно прошелестела девушка и совсем сникла.

— Ну нельзя, нельзя же все принимать так близко к сердцу, — воскликнул я. — Нет и нет. Ничто не помешает провести мне свой отпуск, ну, скажем, где-нибудь на Азовском море... Будьте любезны, один билет в какой уютно населенный пункт на берегу этого небольшого, но уютного моря... Не забудьте, на третье число...

— Нету билетов на Азовское море, на третье число, — еле-еле донеслось до меня.

— Ну полно, полно! — непринужденно засмеялся я. — Улыбнитесь жизни, и жизнь немедленно улыбнется вам! Оглянитесь вокруг — и вы увидите птиц, и цветы, и голубое небо. А жизнь полна чудес, и на железнодорожной карте сотни увлекательнейших маршрутов... Решено, еду в Прибалтику. Всего один билет, в Прибалтику, разумеется, на третье число, а конечный пункт не имеет значения!..

— Нету в Прибалтику! И на третье число нету! — видимо, из последних сил ответило мне юное существо и зарыдало во весь голос.

— О, я несчастный! — схватился я за голову. — Как могло у меня хватить наглости своими немислимыми требованиями довести вас до слез! Забудем, и забудем немедленно! Скажите только, куда у вас есть билеты, и я последую в указанном направлении. В сущности, какая разница, где отдыхать одинокому, но еще не очень старому человеку, если уже несколько лет подряд он никуда не заезжал дальше Маляховки...

— В Ташкент есть! — прорыдала девушка. — Два билета! Мне совершенно случайно достали!..

— Да здравствует Ташкент! — сказал я. — И пусть слезы навсегда высохнут на ваших глазах!

— Я боюсь, что вас не устроит, — всхлипнула она.

— Почему не устроит?

— Места неудобные, — ее крохотный носовой платочек впору было выжимать.

— Какие такие неудобные?

— С краю, седьмой ряд, — всхлипнула она. — На восемнадцать часов.

— Значит, мы потом еще успеем погулять, — сказал я, потому что не мог сказать иначе в данную минуту.

...Забегая вперед, скажу лишь, что когда мы выходили из кинотеатра «Ташкент», после окончания сеанса, я предложил:

— А не махнуть ли нам завтра в «Баку»? Отдыхать так отдыхать!

— Давай! Это как раз рядом с моим домом, — согласилась она, и я порадовался, что мой отпуск складывается настолько удачно.

Диалог с женой

— Костя, ты?

Какими судьбами?!

— Здравствуй, Маша!

— Здравствуй, Костя! Как хорошо, что ты пришел!

— Еле к тебе прорвался, Маша. Секретарша не пускает.

— Ты бы сказал ей, что ты мой муж.

— Я и сказал. Муж, говорю. Никак, говорю, дома не можем встретиться. А она говорит, могу только на последнюю декаду месяца записать. Говорит, ты очень загружена.

— Ну, присаживайся, рассказывай, как ты, как дети.

— У нас все хорошо. Только вот у Мариночки животик недавно болел, но это уже позади. Петя учится, отличник стал. Ходит в секцию плавания. Он всегда был спортивным мальчиком.

— Да-да, как же, помню.

— От твоей мамы тебе большой привет. Мы очень гордимся тобой, следим за твоими научными успехами по прессе. А твое выступление по телевидению вся родня смотрела. Дядя Коля сказал, что ты почти не изменилась за десять лет со дня нашей свадьбы, что он тебя не видел.

— Неужели уже десять лет прошло?

— Да, десять лет.

— Все эти десять лет, Костя, ты был хорошим мужем. А твои завтраки, которые ты мне оставляешь по утрам, — просто прелесть.

— Это когда ты не в командировках.

— Не напоминай мне о них. Ох уж, эти командировки! Костя, может, у тебя какие вопросы ко мне есть, может, помочь чем нужно, ты говори, не стесняйся.

— Собственно, это даже не у меня, Маша, это в школе, где Петя учится, попросили. У вас, говорят, жена крупный ученый, педагог, очень бы хотелось с ней встретиться, услышать ее раздумья о семье, о воспитании детей.

— Ну, раз просят, и тем более Петя там, никуда не денешься. Где-нибудь в конце года, хорошо?

— Ладно, я скажу в школе.

— А теперь, Костя, извини, бежать надо, на самолет опаздываю.

— Еще одну минутку, вот это тебе, подарок к 8 Марта.

— Ой, какой ты милый! Ну-ну, а глаза-то у нашего дурачка на мокром месте. Будь же мужчиной!

— Всё, все, взял себя в руки.

— Бегу, уже в цейтноте.

— Счастливо! Позвони как-нибудь детям по черком, пока они спать не легли. Они будут рады.

— Позвоню-у-у-у! (убегая).

М не надоели упреки

в том, что я гвоздя забить не могу. В конце концов, это унижает мое мужское достоинство. В субботу, когда никого не было дома, я взял и вбил гвоздь в стену. На самом видном месте. Совершив это, я уселся и стал ждать жену, предвкушая, как она удивится и, наверное, не поверит, когда узнает. Я даже начал немного злиться, что время идет, а ее все нет и нет. Наконец, жена пришла, отягощенная сумками и окруженная нашими общими детьми.

— А у меня для тебя сюрприз! — сообщил я.

— Интересно, какой? — заинтригованно спросила она. Я увлек ее в комнату и подвел к гвоздю.

— Вот! — сказал я.

— Юра! Я глазам своим не верю! Неужели это ты?..

— Я! — гордо кивнул я.

— Сам?

— Конечно, сам! — подтвердил я, скрывая, что все-таки четверть гвоздя забил сосед, и пряча за спиной забинтованную левую руку.

— Великолечно! Изумительно! И вы посмотрите, как прямо вбил! — восхитилась жена. Я скромно потупил глаза.

— Да что ж это я так стою! — опомнилась жена. — Нужно сейчас же звонить маме, родственникам. Такая новость. Представляю, как они будут ошеломлены.

Целый час после этого я принимал по телефону поздравления от наших многочисленных родственников и знакомых. Дядя Боря даже сказал, что теперь он верит, что я не совсем пропащий человек и кое на что способен, и что в будущем я, несомненно, совершу такое, что все просто ахнут. Когда поток поздравлений иссяк, я прилег на диван и стал наслаждаться заслуженным отдыхом. За дверью в это время жена шикала на детей: «Тихо, папа отдыхает!»

Еще в течение двух недель, возвращаясь домой, первым делом я подходил к гвоздю и любовался. Приезжали и гости, чтобы своими глазами посмотреть на мою работу. А потом мы купили шкаф, который, к сожалению, никуда нельзя было поставить, кроме как к той стенке, в которой красовался мой гвоздь. Гвоздь пришлось вытащить. Это сделал за три рубля Василий Васильевич, жэковский слесарь.

Когда гвоздь вытягивали, я не мог без слез смотреть на эту экзекуцию и ушел в другую комнату. Я еще не подозревал, какую глупость совершаю, разрешив вытащить гвоздь.

Шкаф поставили к свободной стене, и постепенно все стали забывать о моем подвиге. И то, чего я больше всего боялся, случилось.

— И что же это ты у меня такой! — как-то нырвалось у моей жены. — Гвоздя вбить не можешь...

Я вздрогнул. Кровь прилила к моим щекам. Но я выдержал характер и смолчал. Лучше, ни слова не говоря, взять и вбить! Так вбить, чтобы ни один слесарь не смог вытащить. И в раму его! Золоченную! И пусть кто-нибудь хоть пальцем до него дотронется!

Когда дрессированные кони

с султанами на головах ускакали за кулисы, ударили барабаны, погас свет, и в луче прожектора появился артист в белой чалме и черном фраке. Вслед за ним двое униформистов внесли большой кованный сундук.

— Сейчас перед вами будут продемонстрированы чудеса мнемотехники! — выкрикнул артист. — Желающих из публики попрошу ко мне!

По рядам зрителей пробежал легкий шорох.

— Желающие есть? — повторил артист.

На арену выбралась, поправляя прическу, невысокая женщина в зеленом жакете. Выражение лица у нее было решительное.

— Очень приятно, мадам! Прошу! — Факир галантно взял ее за руку, подвел к сундуку и помог ей ступить в него. Женщина слегка присела, факир захлопнул крышку, несколько раз взмахнул над сундуком палочкой, распахнул крышку — никого в сундуке не было. Грянула овация. Факир раскланялся.

Тут в рядах зрителей произошло беспокойное движение, и на арену выбежал рыжий человечек. Видно было, что он очень возбужден.

— Клоун! Клоун! — пронеслось по рядам. А один зритель сказал своему соседу: «Это у них все подстроено. Они своих среди публики сажают».

— Никакой я не клоун! Я — муж! — обиженно отозвался рыжий.

Цирк дружно зааплодировал. Человек заглянул в сундук и позвал:

— Люся! Ты меня слышишь? Я знаю, что у тебя характер, но у меня тоже характер. Люся, если ты это из-за вчерашнего, так это несерьезно... Ну, хочешь я прощения попрошу?!

В рядах засмеялись.

Человек горестно махнул рукой и сказал:

— А насчет твоей мамы беру свои слова обратно. Хочет — пусть у нас живет. Хотя у нее и своя площадь в Калуге есть.

Это заявление снова вызвало общий смех. Человек огляделся вокруг, потряс в воздухе кулаками и с криком: «Отдай жену, говорю!» — бросился на факира. Двое дюжих униформистов едва успели подхватить рыжего под руки и уволокли за кулисы.

«Браво! Бис!» — неистовствовал цирк. За кулисами какой-то мужчина заключил рыжего в объятия и крепко расцеловал. Со всех сторон к нему тянулись, чтобы пожать руку. Девушка в билетной пачке вручила ему цветы и сделала книксен.

...После представления супруги возвращались домой.

— Федя! А что, если у тебя и вправду талант? — замирая от ужаса и восторга, спросила жена.

— А что... и талант! Я уже давно что-то такое в себе чувствую.

— Тихий, тихий, а поди ж... — сказала жена и крепче прижалась к мужу.

Встреча в лесу

В начале писатель

описал небо с облаками и солнцем, потом траву, стрекотание кузнечиков, лесные шорохи, цветы, которые росли на поляне, и принялся описывать дерево. Дерево было большое, и поэтому описывать его было долго. Правда, писатель умел очень быстро печатать на машинке, всеми десятью пальцами. Он добрался до описания верхушки дерева, когда кусты зашелестели, хрустнула ветка и на поляну вышел человек в резиновых сапогах, клетчатой ковбойке и кепке с пластмассовым козырьком. В руке он держал плетеное лукошко, до половины наполненное грибами.

— Ну, что же вы встали как вкопанный? — спросил писатель. — Проходите, не стесняйтесь. Поляна общая.

Писатель сидел на раскладном стульчике, а его машинка была удобно пристроена на старом, просторном пне.

Человек с лукошком как стоял, так и продолжал стоять с разинутым ртом.

— А, понимаю, — сказал писатель. — Вы удивлены. А между тем ничего особенного нет. Я писатель. Такая у меня профессия. Вот выехал на этюды. Сейчас описываю дерево.

Дело в том... Ну, как бы вам это объяснить... В общем, я привык все описывать с натуры. Траву так

траву. Дерево так дерево. Не правда ли, роскошный вяз!

— Это осина, — сказал человек с лукошком.

— Осина?! Хм, осина. А вы уверены, что осина?

— А что же еще? — пожал плечами человек с лукошком.

— Осина! Осина! — зашевелил губами писатель. — Сейчас, один момент, я все исправлю. — И он забарабанил по клавишам. — Готово! Скажите, а вы случайно не знаете, сегодня будет дождь?

— Не знаю, — сказал человек с лукошком.

— Описание дождя очень бы не помешало, — сказал писатель. — Настоящего, лесного дождя с громыханием грома, с молнией...

— А бумагу не замочит? — спросил человек с лукошком.

— Я все предусмотрел. Вот у меня и зонтик... Прошу прощения, какая-то птица полетела...

— Стриж, — сказал человек с лукошком.

— Стриж! Ах, как интересно! — воскликнул писатель и застучал на машинке. — Слушайте, — сказал он, перестав печатать и внимательно вглядываясь в лицо грибника, — а вы интересный типаж. Давайте я вас опишу.

— Да я как-то не очень одет, — смутился человек с лукошком. — Я в этом только за грибами хожу.

— Какие глупости! Отлично вы одеты. То, что нужно. Я вас попрошу сесть и прислониться к дереву. Небрежно прислониться. Так, хорошо!

— А лукошко? — спросил человек.

— Лукошко поставьте к себе на колени. Головку поверните чуть вправо. Вправо голову, говорю! Улыбнитесь! Прекрасно!

Пальцы писателя запорхали по клавишам. Он действительно очень быстро печатал.

— Достаточно! Теперь можете расслабиться.

Человек с лукошком расслабился.

— Это что, повесть? — спросил он.

— Рассказ, — сказал писатель.

— А можно я жену позову? — спросил человек с лукошком! — Она тут недалеко с сынишкой грибы собирает. Мне бы очень хотелось, чтоб вы нас втроем... На память.

— О чем разговор! Конечно, зовите.

— Я мигом. — Человек с лукошком нырнул в кусты. — Зинаида, ау! — раздался крик. Донеслось ответное слабое «ау».

Потом кусты снова зашевелились. Низкий женский голос совсем рядом произнес:

— И вообще, я сегодня плохо выгляжу... Просто-волосая, не накрасилась...

— Не выдумывай про себя, — ответил мужской голос.

Вместе с грибным человеком и его женой на поляну вышел мальчик.

— Здравствуйте, — поздоровалась женщина. — Ой, а вы знаете, я всегда плохо получаюсь. Намного хуже, чем в жизни...

— Не выдумывай про себя, — сказал муж.

— Я вас попрошу встать напротив солнца, — сказал писатель. — Вы будете смотреть на мужа, муж будет смотреть на вас. Мальчика посадим в ноги.

После того, как все было кончено, женщина спросила:

— А вы нам экземпляры пришлете, когда будет готово? Хотя бы троечку экземпляров. Матери нужно будет послать.

— Брату, — сказал мужчина.

— Обойдется твой брат, — сказала женщина. — Адресочек запишите. Спасибо! Нет, правда, я всегда плохо получаюсь...

— Не волнуйтесь, — успокоил писатель. — Оформим в лучшем виде.

Попрощавшись, семейство скрылось в лесу. Некоторое время было слышно, как они о чем-то спорили. Упала первая дождевая капля. Писатель раскрыл зонт, вставил в машинку чистый лист. Он очень быстро печатал.

Когда мне становится

очень грустно, я на кладбище еду. На Новодевичье, а чаще всего — на Ваганьковское, там зелень погуще. И такой покой на меня снисходит, такое умиротворение, что все неприятности забываются и опять хочется жить.

Вот и вчера поругался я с начальником. Давление поднялось, сердце пошаливать стало, вижу: без кладбища не обойтись. И поехал. Гуляю я по кладбищу, о вечности думаю, слушаю, как соловьи поют. Вдруг навстречу мой начальник по дорожке идет. Глаза опущены, весь в себя погружен. «Вот и у человека, — думаю, — может, умер кто, может, тетю любимую навестить пришел или друга». Хотел я было в сторону отойти, но заметил он меня. Скорбь на лице изобразил. Подходит и говорит:

— Не думал, что встретиться нам придется сегодня. Примите мои искренние и глубочайшие...

— За соболезнования спасибо, — перебил я его, — только у меня все, слава богу, живы, здоровы. А на кладбище я для исцеления ран души хожу.

Просветлело лицо моего начальника, улыбнулся он мне и так, знаете, тихо и проникновенно сказал:

— И я здесь душой и сердцем отхожу от суеты житейской. Какие пустяки все наши раздоры перед лицом вечности. Вот у меня сын мерзавец, жена не любит, камни в почках, а ведь, в сущности, все это суета, тлен.

«Бедный, ты бедный, — подумал я про своего начальника, — и тебе тоже порой несладко приходится». Представил я его себе в гробу, лицо спокойное, суровое, и так мне его жалко стало, что я сказал:

— Не печальтесь, дорогой вы мой. Мы вас все очень ценим и любим. Я как председатель месткома буду для вас газетовый гроб с кистями требовать, первый его понесу.

— Да, — сказал он, — не оценил я вас раньше. С виду вы такой тихий, застенчивый, а внутри — змея подколотная. Смерти моей желаете, — закричал он, — так я вас еще сам переживу и похороню.

После таких слов я даже задохнулся от злости.

— У меня дедушка, — кричу в ответ, — долгожитель, и я тоже долгожителем буду...

А он еще пуще голос возвысил, чтобы перекричать меня:

— Чихать я хотел на вашего дедушку, что вы ко мне с вашим дедушкой прицепились, не мешайте воздухом дышать.

Ну, это стерпеть уже было невозможно.

— Это кто к кому цепляется, — кричу. — На работе никому проходу не дает, так и на кладбище от него житья нет...

В зимний день

— **К**акая все-таки

это прелесть — лыжи, — прихлебывая чай, говорит Иван Семенович жене. — Нет ничего лучше лыжной прогулки!

Утро. Воскресенье. Квартира Ивана Семеновича. За столом Иван Семенович, его жена, сын Сергей.

— Летишь с горы, — продолжает Иван Семенович, — только ветер в ушах посвистывает. Мимо тебя несутся елочки, березки всякие. Но вот спуск кончается, крутой разворот, вихрь снега — и ты оста-навливаешься как вкопанный.

— Еще сделать бутерброд? — спрашивает жена.

— Жаль, жаль, Маша, что ты не умеешь стоять на лыжах, — с сожалением говорит Иван Семенович. — А то бы мы сейчас с тобой вдвоем... Эх!

— Не научилась, — виновато улыбается жена.

— Не научилась, а жаль, — говорит Иван Семенович уже в прихожей, смазывая лыжи. — Сейчас бы мы с тобой вдвоем... Мороз и солнце, день чудесный!

— Физкультпривет! — восклицает Иван Семенович, целует жену, сына и выходит из дома.

На улице он звонит из телефонной будки Михаилу Петровичу.

— Уже все в сборе, — говорит Михаил Петрович. — Тебя только ждем.

— Но только две пульки, не больше, — говорит Иван Семенович.

— Если успеем, три. Купи по дороге пару колод...
Что у тебя там громыхает?

— Лыжи проклятые упали, — отвечает Иван Семенович.

А в это время дома у Ивана Семеновича жена убирает со стола посуду.

— Мама! — говорит сын Сергей. — Папа опять лыжные палки забыл.

— Поставь их в шкаф, сынок! — говорит она и вздыхает.

«Надо, надо Ивану Семеновичу переходить на коньки, — думает она. — А то в его годы уже трудно тащиться с лыжами на другой конец города к Михаилу Петровичу».

Вера в сказку

— Как знаешь, —

сказал брат сестре, — а я считаю, что мы должны рассказать отцу все как есть.

— Жалко, — отозвалась сестра. — Жалко разрушать его веру в сказку. Он так всему радуется.

— Но ведь это же антинаучно! — возмущенно промолвил брат. — В век космоса, медицины, выдающихся достижений науки и техники — и вдруг эти бредни! Ему же, не забывая, уже 38 лет.

— Они все в этом возрасте такие, — возразила сестра. — Наш не исключение. Посмотри на других родителей.

— Мне нет дела до других. Меня волнуют наши. Пусть лучше они узнают все от своих детей, чем услышат где-то на стороне.

— Ладно, — согласилась сестра. — Но только ты сам будешь говорить. У меня язык не повернется.

— Пошли, — скомандовал брат.

Они прошли в комнату, где сидел отец. Они застали его за обычным занятием. Отец включал и выключал разноцветные лампочки, украшавшие новогоднюю елку.

— Папа, — начал сын, — мы с Леной должны тебе кое-что сказать.

— Ну что?

— Папа, как ты думаешь, откуда у тебя под подушкой утром оказался новый галстук и флакон с одеколоном?

— Дед Мороз принес, кто же еще! Прямо из лесу и принес, — отец включил и выключил гирлянду.

— Ну что я тебе говорила, — сказала сестра, повернувшись к брату.

— Ты можешь оставить в покое гирлянду, папа, когда с тобой разговаривают! Так, значит, Дед Мороз... Ладно! А ты и вправду думаешь, что если с последним боем часов в новогоднюю ночь загадать желание, то оно обязательно исполнится?

— А то нет!

— Ты должен знать истину, — ледяным тоном сказал сын. — Галстук и флакон с одеколоном тебе под подушку положили мы с Леной. А что касается желания, то никакие желания не исполняются, если не приложить к этому волю, терпение, труд. Взять, например, меня. Разве б меня послали на математическую олимпиаду, если бы я весь год упорно не занимался? Правда, Лена?

— Правда, Митенька, правда, но нельзя же так сразу все... Ты бы сначала подготовил. Гедненький папочка, — Лена обняла отца за шею и поцеловала.

Когда дети заснули, отец жаловался матери:

— Нет, ты представляешь, входит ко мне и говорит: Дедов Морозов не бывает. Но это еще ладно. Это я и сам, может, и без него знаю. Хотя и сомневаюсь. Но чтобы загаданные в Новый год желания не исполнялись — это уж дудки! Молокосос несчастный! Помнишь, десять лет назад мы собрались у Кокосовых, и я загадал, что у нас родится мальчик. И в другие разы тоже загадывал — и исполнялось! А он говорит, не исполняется.

— Он еще маленький, — сказала мать. — Глупый. Вырастет — все поймет.

Диалог с новогодними пожеланиями

Н аши ладони

сошлись в рукопожатии.

— С наступающим! — сказал я. — Желаю вам успехов в труде и...

— ...Счастья в личной жизни, что ли? — спросил он.

— Да, — несколько опешил я.

— А пооригинальней ничего придумать не могли?

— И здоровья, — сказал я.

— Спасибо, не помешает.

— И еще... и еще долгих лет жизни, — сказал я.

— Конкретно — сколько?

— Сто лет.

— Да уж не скупитесь, чего уж там, — сказал он.

— Двести лет!

— Ого!

— И... и... и... — ничего больше не приходило в голову.

— Вот дочка у меня в институт летом поступать будет, — сказал он.

— Желаю, чтобы она успешно сдала экзамены.

— Только еще не решила в какой.

— Желаю, чтобы она выбрала профессию по сердцу.

— Домик, — сказал он. — Небольшой домик в дачной зоне для полного счастья.

— Будет! — заверил я. — От всей души желаю вам его приобрести.

— И садовый участок, — сказал он.

— И садовый участок.

— Хороший вы человек, — сказал он. — Душев-
ный.

— Ах, что вы!

— У вас, наверное, тоже есть заветные жела-
ния?

— Стоит ли говорить!

— Не стесняйтесь! В моем лице вы имеете доб-
рожелателя.

— Девушка у меня, невеста, — признался я.

— Дорогой мой! В добрый час! Живите друж-
но и счастливо! Неужели это все?

— Правое крыло для «Москвича», — сказал я.

— О чем речи! Пусть удача сопутствует вам в
поисках этой необходимой запчастей! Ну, про-
должайте!..

— Не знаю, право, как и сказать, — замялся я.

— Смелее, мой друг!

— Такой, честное слово, пустяк, что не-
удобно и беспокоить.

— Беспокойте, я заклиная вас, беспокойте
меня!

— Короче, — сказал я, — не могли бы вы
выпустить мою ладонь из своей.

И тут только он заметил, что уже минут
десять сжимает мою ладонь.

— Тысяча извинений! — воскликнул он.

— Ничего, бывает, — сказал я, шевеля
мизинцами пальцами и думая, что некото-
рые наши желания сбываются порой на
удивление быстро.

Доктор физико-математических наук

профессор Ким Владимирович совершил открытие. Он открыл, что за окном стоит апрель. Ким Владимирович страшно удивился. Ведь только что был февраль со своими метелями, и вот вам, пожалуйста, — вдруг апрель. Ким Владимирович взглянул на календарь: на календаре стоял февраль. Ким Владимирович посмотрел в окно: там был апрель. Одно из двух: или врал календарь, или в окне что-то было не так. А поскольку любое научное открытие нуждается в строгой и тщательной проверке, то Ким Владимирович решил поставить на себе эксперимент — выйти на улицу и там все установить в точности.

Первое, что отважный ученый увидел во дворе, была девочка, которая прыгала через какую-то странную веревочку. Девочка была такая рыжая, что, если бы профессору раньше рассказали, что такие девочки существуют на свете, он бы ни за что не поверил. Но тут приходилось верить, девочка была самая настоящая.

— Чего это ты делаешь? — спросил профессор. Он был очень любопытный.

— Прыгаю через прыгалки, — сказала девочка.

— Странное слово какое — прыгалки, — сказал профессор. — Надо будет запомнить.

— И ничего не странное, обыкновенное слово, — сказала девочка. — А вы, дядя, разные ботинки надели: один коричневый, другой черный.

— Действительно, — сказал профессор, посмотрев на свои ноги. — А все потому, что я профессор. Все профессора вообще рассеянные. Ой, что это они делают? Хулиганы, они ломают деревья.

— Они не ломают, — успокоила профессора девочка. — Это рабочие из треста зеленых насаждений. Они просто подрезают тополя, чтобы они пышнее разрастались. Тополя каждую весну подрезают.

— А ты меня не обманываешь, девочка? — подозрительно спросил профессор. — Действительно их подрезают?

— Конечно... Это каждый ребенок знает.

— Ну ладно, — сказал профессор. — Тогда я пошел. Пойду, пожалуй, по улице пройдуся.

Надо заметить, что по улице профессор не ходил примерно уже лет десять. Обычно за ним приезжала машина и отвозила его в Академию наук или еще куда, на какой-нибудь симпозиум. И обратно отвозила тоже машина.

На улице профессор обнаружил киоск с мороженым, очень обрадовался и направился напрямик к нему, продавщица протянула профессору пломбир и вернула внушительную сумму сдачи.

— Не может быть, чтобы мороженое столько стоило, — сказал он. — Вы, наверное, ошиблись.

— Я, гражданин, никогда не ошибаюсь, — обиделась продавщица. — Можете проверить. Там ровно четыре восемьдесят.

— Тогда я еще две порции возьму, раз так, — обрадовался профессор и взял еще две порции.

— Чудак какой-то, — пробормотала ему вслед продавщица.

Через полчаса профессор встретил на улице своего коллегу профессора Венедиктова. Профессор Венедиктов был в разных перчатках: одной шерстяной и одной кожаной, и шляпа у него была надета задом наперед.

— Апрель, коллега, апрель! — закричал Венедиктов, увидав Кима Владимировича.

Ким Владимирович хотел сказать, что про апрель он первый открыл, но потом решил не спорить. Какая в сущности разница! Главное — их открытие принадлежало всем людям.

Новая секретарша

Директор и замдиректора

сидели в кабинете, время от времени с надеждой и страхом поглядывая на дверь. Замдиректора посмотрел на часы и сказал:

— Что-то она опаздывает.

— Тсс! — зашипел директор, прижав палец к губам. — Не опаздывает, а задерживается.

Замдиректора вздрогнул:

— А я что? Я и говорю — задерживается.

Они помолчали.

— Ты что-нибудь слышал о ней? — спросил директор.

— Слышал, — прошептал замдиректора. — Трифонов, монтажный трест, с нею работал, пока его не уволили. Говорит, строгая — ужас! При ней никто и шикнуть не смел.

— Ох, хоть бы скорей уже! Все лучше, чем неизвестность! — перевел дух директор.

Дверь открылась, и в комнату вошла рыжая, ярко накрашенная женщина. Директор и замдиректора вскочили одновременно со стульев и вытянулись в струнку.

— Агния Степановна! — представилась женщина.

— Бочкин! — сказал директор.

— Парфенов! — сказал замдиректора.

— Что ж, будем работать вместе, — сказала новая секретарша. — А вы садитесь, товарищи! В ногах, как говорится, правды нет.

Директор и замдиректора осторожно опустились на краешки стульев.

— Для начала мне бы хотелось ознакомить вас с распорядком моего дня. С 11 до 12 у меня — чай. С 1 до 3 — обед. С 4 до 5 — легкий ужин. Ну и там по магазинам когда, смотря по необходимости.

Директор и замдиректора понимающе кивнули.

— Кто-нибудь из вас на машинке умеет печатать? — спросила секретарша.

— У нас главный инженер хорошо печатает, — первым ответил замдиректора.

— Вот и отлично! — сказала секретарша. — У меня все! Приступайте, товарищи!

Через полчаса директор осторожно выглянул в приемную.

— Агния Степановна, вас там какая-то Магда спрашивает. Говорит, по срочному делу. Соединить?

— Соедините!

И новая секретарша, растопырив пальцы со свеженакрашенными ногтями, сняла трубку.

Диалог с матерью

— М^{ама!}

— Что, Сереженька?

— Зачем ты это сделала?

— Не понимаю, о чем ты, сынок?

— Не притворяйся, ты все прекрасно понимаешь. Зачем ты позвонила министру?

— Ах, министру! Может быть, для тебя он министр, а для меня просто Витька Тарасов, я его еще вот таким знала. Помню, сидит у нас на кухне, на табуретке, ноги до пола не достают, и пирог с яблоками уписывает. Уж больно он мои пироги любил.

— Мама, это было сто лет назад, а сейчас он мой непосредственный начальник.

— Очень рада за него, я всегда верила, что он далеко шагнет.

— Ты не увиливай от вопроса, зачем ты ему звонила?

— Хорошо. Раз ты настаиваешь, я скажу. Я его попросила, чтобы он не загружал тебя до такой степени. День и ночь ты пропадаешь на своем ненаглядном заводе, ты посмотри, на кого ты стал похож, на тебе же лица нет.

— Мама, ты понимаешь, что это не твое дело?

— Нет, не понимаю.

— Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Ну хорошо, а о чем ты говорила с Евгением Петровичем?

— С каким таким Евгением Петровичем?

— Не делай вид, что ты не знаешь с каким. С моим шофером.

— Ах, с Евгением Петровичем! Так бы сразу и сказал.

— Так о чем ты с ним говорила?

— Я его попросила, чтобы он не возил на такой бешеной скорости. Я вчера специально наблюдала из окна и должна тебе сказать, что это чудовищно. У меня сердце в пятки ушло, когда ваша машина сорвалась с места.

— Мама, я тебе раз и навсегда запрещаю вмешиваться в мои дела. Я уже давно не ребенок. Слышишь: за-пре-ща-ю! Иначе я не знаю, что я сделаю!!!

— Слышу, слышу, Сереженька! Я больше не буду.

— Дай слово.

— Честное слово, не буду.

— Ну, если хоть один только раз...

— Ни разу. Честное слово. А теперь открой ротик...

— Это еще что?

— Это микстурка. Совсем не горькая. От кашля. Я слышала, ты сегодня два раза кашлянул. Ну!.. вот и хорошо, вот и умник. А теперь пойдем баиньки.

— Мама!

— Что, Сереженька!

— Расскажи сказку.

— Какую же сказку рассказать нашему мальчику?

— Про двух дровосеков.

— Ну слушай: жили на свете два дровосека...

Кое-что по поводу передачи мыслей на расстоянии

Если вы еще сомневаетесь,

возможна ли передача мыслей на расстоянии, или, говоря по-научному, телепатия, то послушайте, что я вам расскажу.

Один мой знакомый мальчик Витя Кукушкин, ученик 6-го класса, решил передать на расстоянии мысль своим родителям, чтобы они купили ему касетный магнитофон. Этот самый Витя Кукушкин прочел в научном журнале статью про телепатию и тоже, значит, захотел попробовать себя в этом деле.

Вот сидят они за столом, мать, отец и Витя, обедают, а Витя со страшной силой мысленно передает: «Купите магнитофон... купите магнитофон...»

И что же вы думаете. Мальчик видит, как его мама откладывает в сторону ложку и как-то так очень странно смотрит на сына. Известное дело, женщины легче всего поддаются внушению.

Витя собрал всю свою волю и снова: «Купите магнитофон, купите магнитофон».

И тут он чувствует, что мать телепатировала ему в ответ:

«Вот сейчас прямо все брошу и побегу тебе купить магнитофон».

«Ну не сейчас, а позже, — мысленно передает Витя. — Когда пообедаем».

«А за какие такие заслуги?» — посылает ответный импульс мать.

«Ну Косте Отверткину же купили, и Вадику, и Лешке», — изо всех сил сигналил Витя.

А от матери к сыну идут лучи:

«Они без троек полугодие закончили. А Костя Отверткин даже на математической Олимпиаде первое место занял».

А от сына к матери еще более сильное излучение:

«Костя Отверткин — зубрила и ябеда!»

А от матери — к сыну:

«А ты просто-напросто лентяй».

«А вам мне магнитофона жалко».

«Ты еще и нахал...»

В общем, неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы внезапно Витя не почувствовал сильные помехи. Какое-то постороннее магнитное поле вмешалось. И сквозь шум и свист Витя различил слова:

— Давно я что-то у него дневника не проверял... совсем сыном не занимаюсь... нехорошо...

Витя спешно переключил свой мозг в другом направлении и стал отчаянно сигнализировать:

— Не надо проверять дневника, не надо проверять дневника... А не посмотреть ли тебе телевизор...

Но тут отец встал из-за стола и сказал:

— Спасибо! Все было очень вкусно. А не посмотреть ли нам сейчас твой дневник, сынок. Давненько что-то ты нас не радовал...

Что произошло дальше, вы, вероятно, и сами догадываетесь. Теперь вы убедились, что телепатия действительно существует.

Звезды и люди

Весной девушкам

принято дарить звезды.

Вообще-то звезды можно дарить в любое время года, но весной, тем более в мае, они особенно крупные. Звезда — лучший подарок.

Желательно дарить те звезды, которые поближе к Земле, но где их возьмешь, близкие? Вот и приходится некоторым нерасторопным молодым людям удовольствоваться звездами средней удаленности, дальше же идут в ход и совсем далекие, до которых несколько миллионов световых лет. В придачу к этим звездам необходимо дарить мощный бинокль или телескоп, потому что никакая девушка, какие бы у нее красивые глаза ни были, не сможет увидеть эти звезды так просто, невооруженным взглядом.

И, наконец, закоренелым неудачникам достаются всякие пустяки — астероиды, болиды, метеориты и звездная пыль.

Я считаю, что в стихийный процесс дарения майских звезд необходимо внести хоть какой-то порядок. Есть еще, знаете, у нас отдельные граждане, которые сегодня подарили звезду одной девушке, завтра — другой, а послезавтра, глядишь, он и уже на третьей тянется. Так, извините, никакой галактики не хватит. Пора, товарищи, покончить с разбазариванием звездного неба.

Я предлагаю вызывать этих не в меру щедрых граждан для объяснения на специальный астроно-

мический совет, составленный из компетентных лиц.

Заседание совета я представляю следующим образом. Допустим, говорит председательствующий:

— Итак, товарищи, 20 апреля сего года гражданин Щукин преподнес гражданке Ивановой звезду из созвездия Большой Медведицы и поклялся вышеуказанной гражданке в вечной любви. Ровно через два дня, гуляя по парку уже с другой гражданкой, Смирновой, гражданин Щукин подарил ей звезду из созвездия Лебедя и пообещал жениться сразу же, как только закончит институт. Спустя неделю после этого, выйдя из кинотеатра под руку с гражданкой Трубицыной...

Голос с места:

— Хватит, можно не продолжать!

Председательствующий:

— Что вы на это скажете, гражданин Щукин?

Щукин плачущим голосом:

— А что делать, если мне и Танька нравится, и Люська, и Элеонора...

Со своего места вскакивает какой-то взволнованный астроном:

— Для них, понимаешь, целыми ночами телескопом по небу шарить, глаза себе портишь, открываешь новые созвездия, а они вон что делают.

Председательствующий звонит в колокольчик:

— Спокойно, товарищи, без лишних эмоций. Предлагаю считать акт дарения гражданином Щукиным звезд недействительным.

Щукин плачущим голосом:

— А если мне и Танька нравится, и Люська, и...

Председательствующий:

— Спокойно, гражданин Щукин... Кто за то, чтобы считать акт дарения гражданином Щукиным звезд недействительными? Единогласно. Против

Читать я начал в 4 года. К книгам до сих пор отношусь трепетно

Моя семья: отец Юрий Михайлович,
мама Анна Григорьевна, дедушка
Михаил Моисеевич...

...отчим Евгений Георгиевич Курочкин, жена Марина,
дочь Саша

Литературная молодость. Свои рассказы в 70-х мы читали с эстрады...

...а также коллегам

Была еще такая форма творческого общения —
сообщения молодых писателей.
Проходили обычно где-нибудь в Подмоскowie

Кабинет в "Московском комсомольце" в эпоху, когда в нем заседали авторы полосы "Сатиры и юмора"

А вот одни из лучших — Витя Коклюшкин и Миша Генин

В таком составе — Алик Вайнштейн, Витя Коклюшкин, Андрей Кучаев — 15 лет назад мы проводили на Старом Арбате первый Московский праздник юмора

С дочкой Сашей...

..которая, как и положено детям, выросла быстро

С женой Мариной — в гостях...

.и дома

Путешествуем.

,по свету

И снова дома.

В очках и с бородой — брат Миша. Перед ним сидит наш дядя — Вилен Михайлович

Пришло время "Времечка"

Первые ведущие народных новостей: Игорь Воеводин, Алексей Эйбоженко, Ирина Ефремова, Ольга Журавлева

один только гражданин Шукин. Заседание считаю закрытым.

Шукин понуро выходит из зала. А я считаю, и поделом ему! Будет теперь знать. Потому что звезду можно дарить только один раз и только одному человеку.

Рыбацкие рассказы

Мне жаль вас,

если вы равнодушны к рыбной ловле. Нет, правда, вы никогда не сидели с удочкой на берегу реки, думая о том о сем? Не поглядывали с волнением на поплавок? Не испытывали миг счастья, когда на крючке бьется серебристый улов?

А вечером после волнений рыбацкого дня присаживались ли вы у костра послушать рассказы своих друзей о их фантастических приключениях? Тоже нет? Тогда мне жаль вас, искренне жаль. Представьте: уютно булькает котелок на огне, вы примостились рядышком в самой непринужденной позе, и тут кто-нибудь начинает:

— Нет, что ни говори, важно не только умение ловить, нужно еще и место знать, где можно поймать.

— И место, и время, — уточняет кто-нибудь другой.

— Лучше всего на утренней зорьке, — продолжает третий.

— Это когда как, — возражают ему... — Иногда и вечером повезет. Вот я однажды поймал... И если бы вы знали где... И именно вечером.

— Ну где, где?

— На проспекте Мира! — выпаливает рассказчик.

— На проспекте Мира! — раздается общий вздох изумления.

— Ну это уж ты, брат, загнул, — осаживают хвастуна.

— Это уж фантастика!

— На проспекте Мира не может быть. Да еще вечером!

— Хотите верьте, хотите нет, — продолжает упрямо настаивать рассказчик, — а выхожу я однажды вечером на проспект Мира и начинаю ловить. Ловлю час, ловлю другой, наконец, смотрю, идет.

— Неужели с зеленым огоньком? — перебивают рассказчика.

— Да, с зеленым огоньком. Ну, думаю, уж ты, голубчик, мой! Поднимаю руку, он подруливает к тротуару, останавливается. Смотрю, сидит весь такой из себя видный, ну, примерно вот такой, — рассказчик растопыривает руки.

— Не может быть, чтобы такой, — урезонивают рыбака друзья.

— Ну не такой, может, чуть-чуть поменьше, — уступает он.

— Чуть-чуть поменьше еще куда ни шло, — соглашается общество.

— Ну, говорю, мне к Университету.

— Подсекаешь, значит.

— Ага, подсекаю. А он говорит: «Мне в парк».

— Хочет уйти, значит?

— Да. А я говорю: «Как же в парк, когда у тебя время работы еще не кончилось». И сажусь в машину.

— А дальше, дальше-то что?

— Ну, поехали мы с ним, правда, еще на три вокзала завернули, потом он на заправку заехал, а потом еще домой пообедать.

— Да, бывают же случаи, — качали головами рыбаки. — Если уж повезет, так повезет.

— Ну что, братцы, пора и на боковую, — говорит кто-то.

И все начинают устраиваться на ночлег.

В жизни каждого человека

наступает в конце концов такой момент, когда ему впервые в жизни уступают место в общественном транспорте. Конечно, я знал, что когда-нибудь это случится и со мной, но думал об этом как о чем-то отдаленном, что произойдет не так скоро. И вдруг мне уступают место! А ведь еще утром я смотрелся в зеркало и с удовольствием отмечал, что я еще ничего себе, молодцом, и даже жениться могу, если захочу. И вообще начать все сначала. А тут какой-то мальчишка вмиг рушит все мои заблуждения буквально двумя словами:

— Садитесь, пожалуйста!

«А может, это не ко мне, — с надеждой оглянулся я. — Может, это вон к тому мужчине. Ну конечно же, к нему!» И я с легкой улыбкой на устах, радуясь тому, как все просто разрешилось, говорю:

— Садитесь, гражданин, видите, вам место уступают!

— Да это разве мне? — обижается гражданин, а сам-то года на три с гаком меня обогнал. — Это не мне. Здесь есть люди и постарше меня.

Я окидываю трамвай взглядом и с облегчением обнаруживаю еще одного субъекта, которому могло предназначаться уступленное место.

— Ах да! — восклицаю я. — Как же это я сразу не заметил! Садитесь, пожалуйста, папаша!

— Это вы мне? — переспрашивает он, а сам стоит — еле держится.

— Вам, вам! Смотрите, мальчик вам место уступил.

— Это почему же вы решили, что именно мне?! — взрывается этот тип. — И я вам не папаша! У меня еще ни одного седого волоса нет. И вообще я стометровку за 50 минут пробегаю. У меня значок «Турист СССР» есть!

— Успокойтесь, успокойтесь! Никто вас насильно не сажает, — говорю я, а сам озираюсь в поисках какой-нибудь жертвы. Но все отворачиваются от меня, делая вид, что их весь этот инцидент не касается. И я остаюсь один на один с этим мальчишкой, которому вдруг взбрело в голову уступать место. Эх, жаль, что я ему не отец!

— Вот что, мальчик! — говорю я ему. — Веди себя прилично в общественном транспорте. Сел и сиди смирно! Вспоминай таблицу умножения! И куда только родители и педагогический коллектив смотрят!

Отец взрослой дочери

С то ни говори,

а хлопотно быть отцом взрослой дочери.

Каждый вечер, возвращаясь откуда-нибудь, она еще с порога кричит:

— Папочка, кто мне звонил?

— Сейчас, сейчас, дочка, — отзываюсь я. — Только очки найду. У меня здесь все записано. Вот нашел. Разрешите доложить?

— Докладывайте.

— Значит, так. Тебе звонили: Алик, Женья, Альберт, Виктор Михайлович, Арсений, Автанцил, Костя, Семен, Гелий Терентьевич, Игорь Тимофеевич, Кирилл, четыре Андрея, пять Владимиров — уф! Дай дух переведу, — Макар, Юрий, Геннадий, Лазик, Борис, еще раз Борис, Вениамин, Аркаша, Григорий, Максим, потом какой-то Вербилкин, имени не назвал, и еще трое, но они в трубку не отозвались, а просто дышали.

— Кто дышал, ты не установил?

— Двоих установил. Один — это Артем, второй — Виталик. Третий же кто-то незнакомый, видимо, в первый раз звонит.

— А про первых двоих ты уверен, что это они дышали?

— Помилуй, доченька, конечно, уверен. Кстати, скажи Виталику, чтобы сходил к терапевту, у него, по-моему, простуда. Дыхание тяжелое, прерывистое, есть хрипы.

— Какие еще происшествия?

— Еще двое тут под окнами паслись, — докладываю я.

— Папочка, что за выражения?

— Ну не паслись — дежурили, — спешу я поправиться. — Я высунулся и крикнул, чтобы они не ждали, потому что ты сегодня будешь поздно.

— А они что?

— Один крикнул мне, что уходит на полгода простым матросом на рыболовном судне и что ты еще пожалеешь о нем.

— Так, дальше!

— В большой комнате окно разбито запиской.

— Как запиской?

— В записку был камень завернут. Очень трогательно написана. Стиль хороший. И автор симпатичный молодой человек. Ужасно извинялся, а потом привел стекольщика, стекло вставили.

— Еще что-нибудь есть? — спрашивает моя дочь.

— Больше ничего, доченька.

— Продолжайте наблюдения!

— Есть продолжать!

Трудно, ох трудно быть отцом взрослой дочери.

С асто Кукирев

заходит к Евгению Ивановичу, и тогда они садятся за шахматы.

— Кажется, в прошлый раз я играл белыми, — говорит Евгений Иванович. — Теперь мои — черные... Маша, Маша, ты не видела, куда подевался слон?

На этот зов из кухни появляется жена Маша.

— Тебе, когда ты подметала, слон случайно не попадался? — спрашивает Евгений Иванович.

— Нет, не попадался.

— Куда же подевался слон? — шепчет себе под нос Евгений Иванович. — Ну, ничего, мы его заменим спичечным коробком. Вот так. Это будет слон.

— А коня чем мы заменим? — интересуется Кукирев.

— Коня? Неужели и коня нет? Ладно, вместо коня мы поставим вот эту катушку для ниток.

— Тут еще нету двух пешек, — замечает Кукирев.

— Двух пешек, двух пешек, — озирается Евгений Иванович в поисках подходящих предметов, которые могли бы заменить недостающие фигуры. — Вместо пешек будет это. — И он ставит на пустые клетки крышку от пузырька с чернилами и пуговицу от своего зимнего пальто.

— Я вижу, что у вас, Евгений Иванович, еще ладья отсутствует, — говорит Кукирев.

— Ладья? — приходит в замешательство Евгений Иванович. — Да, действительно, нет ладьи. Маша, Маша!

- Что еще? — спрашивает жена, выходя из кухни.
- Ты не находила ладью?
- А что это такое?
- Это такая шахматная фигура. Такая кругленькая, похожа на башенку.
- Нет, не находила.
- Ладно, мы сейчас что-нибудь придумаем. Вместо ладьи будет это. — И Евгений Иванович ставит на доску круглую ручку от радиоприемника, которую никак не соберется приспособить на место. — Начнем?
- Начнем, — говорит Кукирев и делает первый ход.
- ...Когда я на почте служил ямщиком, — затягивает Евгений Иванович и тоже делает ход.
- ...Не кочегары мы, не плотники, — поет Кукирев, двигая фигуру.
- ...Был молод, имел я силенку, — поет Евгений Иванович, тоже двигая фигуру.
- ...И сожалений больше нет, — поет Кукирев.
- Позвольте, позвольте, чем это вы съели моего ферзя? — прерывает пение Евгений Иванович.
- Как это чем, катушкой для ниток.
- Простите, это какая у нас фигура?
- Это у нас, кажется, конь.
- Ах, конь. А я думал, ладья. Ну что ж, играем дальше... И крепко же, братцы, в селенье одном... — поет Евгений Иванович.
- ...А мы монтажники-высотники, — поет Кукирев.
- ...Любил я ля-ля-ля девчонку.
- ...И с высоты вам шлем привет. Вам мат, Евгений Иванович.
- Где мат? Почему мат? Я не вижу никакого мата.
- Нет, вот этой катушкой и вот этой ручкой от радиоприемника.

Так они играют еще долго. Кукирев и Евгений Иванович. А ночью Евгению Ивановичу снится счастливый сон. Будто он выигрывает у Кукирева, эффектно жертвуя кисточку для бритья и делая ход солонкой, которая почему-то ходит буквой «твердый знак». Евгений Иванович улыбается во сне.

Пуговица

Выйдя из дома,

Федот Петрович заметил, что пуговица на пальто еле держится.

«Две недели прошу пуговицу пришить, — думал Федот Петрович, шагая на работу. — Умоляю! Чуть ли не на коленях стою. Ведь не что-нибудь прошу, а пуговицу!»

Федот Петрович вдруг почувствовал себя таким одиноким, заброшенным и несчастным, что ему стало до слез жалко себя.

— Гражданин, пуговицу потеряете! — заметила какая-то женщина и сочувственно посмотрела на Федота Петровича.

«И потеряю! — подумал Федот Петрович с каким-то сладостным и мстительным чувством. — Вот потеряю, узнает тогда! Спыхватится! Но будет уже поздно!»

Придя на службу, Федот Петрович вежливо поздоровался с Еленой Сергеевной и стал аккуратно развешивать на плечиках пальто.

— Федот Петрович! — сказала Елена Сергеевна. — Посмотрите, что же это у вас? Пуговица совсем на честном слове держится. Дайте-ка я вам пришью.

— Право, и не знаю, — застеснялся Федот Петрович. — Не хотелось бы вас затруднять. — Ну уж, какие хлопоты!

— Давайте, давайте, — властно сказала Елена Сергеевна. — Нечего стесняться.

И Федот Петрович сдался. Все было у этой хозяйственной женщины: и наперсток, ножницы, и нитка с иголкой...

— Ох, уж эти мне мужчины! — рассуждала Елена Сергеевна, ловко орудуя иголкой. — Такие беспомощные. Как дети! Оставь их одних без заботливого женского глаза, ведь пропадут!

Федот Петрович смущался и краснел. «Сколько нерастраченной нежности в ней, — думал он, наблюдая за работой Елены Сергеевны. — Как трогательно упала на лоб эта прядка волос. И очки совсем не портят ее лица. Совсем даже наоборот...»

Домой Федот Петрович возвращался в сентиментальном расположении духа и все вспоминал этот маленький эпизод рабочего дня.

Открывая дверь, Федот Петрович услышал стук молотка и голос жены:

— Чуть-чуть повыше, Иван Иванович. Вот так хорошо! А то мужа не допросишься прибить вешалку. И потом, он у меня такой неловкий. Начнет прибивать, по руке тяпнет. И не знаю, что бы я делала без такого соседа, как вы.

Федот Петрович остолбенел.

Бабочка в метро

Каким-то чудом

в вагон метро залетела бабочка. Она облетела схему движения поездов и присела отдохнуть на лацкан пиджака к гражданину, читавшему «Советский спорт». На лацкане она тут же стала похожа на орден Бабочки, только что учрежденный.

Это было так неожиданно — бабочка в метро, что сначала все раскрыли рты, наблюдали за необычной пассажиркой, а потом вдруг заговорили разом:

— Смотрите, бабочка!

— Бабочка?

— Да, бабочка!

— Где?

— Да вы не туда смотрите. Вон там!

— Действительно! Как же она здесь оказалась?

Гражданин, читавший «Советский спорт», тоже завертел головой, но на него зашикали:

— Сидите спокойно!

— Не вертитесь!

— Ой, он сейчас ее спугнет!

— Вот неловкий! Ведь это же бабочка!

Гражданин наконец обнаружил бабочку у себя на лацкане и замер в напряженной позе.

— Так и сидите. Дайте ваш «Спорт», мы поддержим.

— Мне выходить на следующей, — робко сказал гражданин.

— Еще чего не хватало, — зашумели на него. — Дальше поедете, а после вернетесь.

Гражданин смирился и затих.

— Лето, братцы, в самом разгаре! — вздохнул кто-то.

— А какое сегодня число?

— Второе августа.

— Уже второе?!

— Каждую субботу собираемся в лес и все откладываем. Я ей сегодня так и скажу: «Лето пройдет, а мы на природе еще не были. Дела, дела! Всех дел не переделаешь!»

— А у меня отпуск только в сентябре.

— А чем плохо в сентябре? В сентябре тоже отлично. Грибы пойдут.

— Интересно, далеко она едет? — вдруг заговорил гражданин, на которого села бабочка, у него от неудобного положения затекла шея.

— Кто?

— Бабочка!

— Наверное, до конечной.

— Вы так думаете?

— Я читал в «Науке и жизни», они умные. Инстинкт у них...

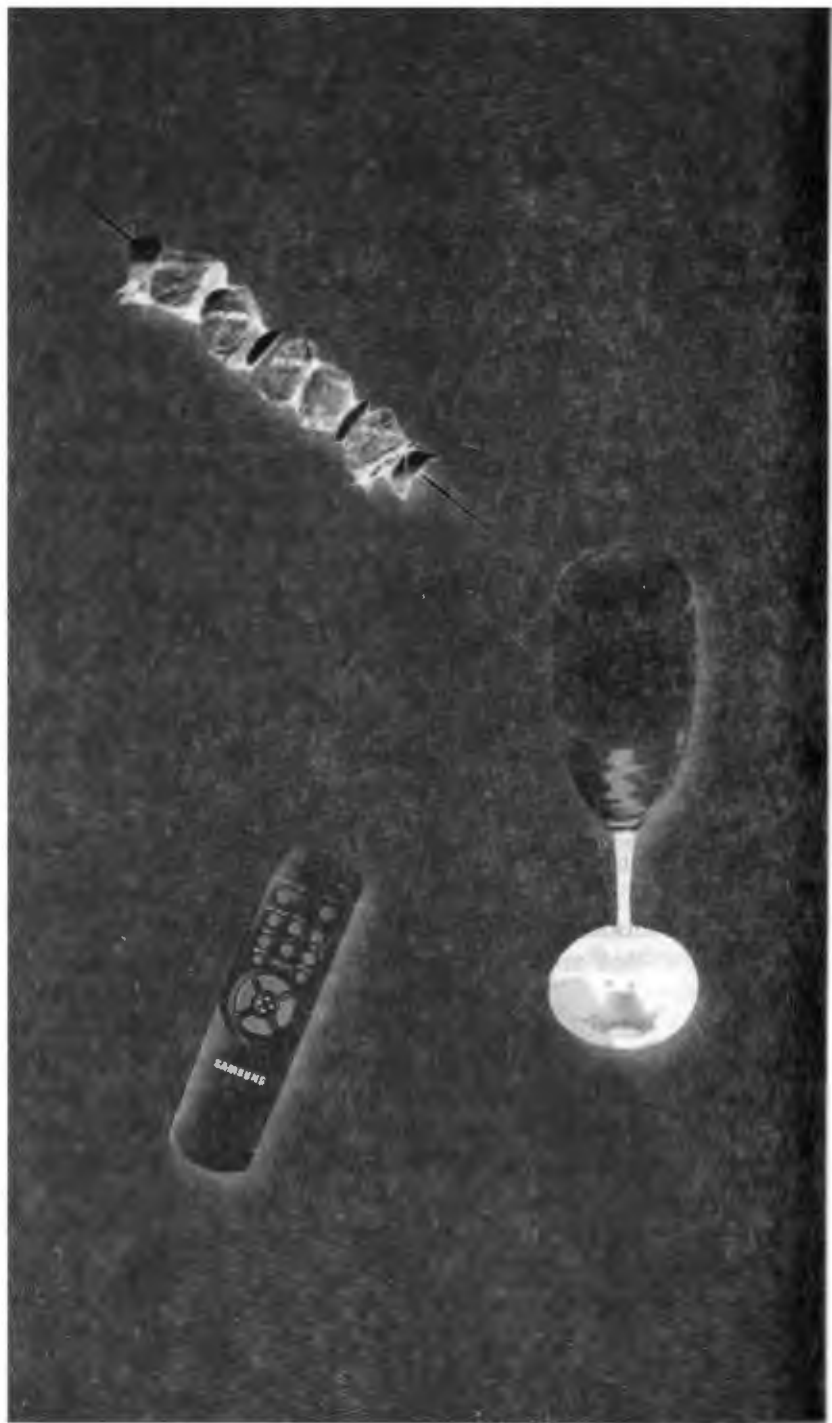
— Станция метро «Беляево», — объявили по радио. — Конечная. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны.

Бабочка вспорхнула и вылетела в дверь. И все пассажиры тоже вышли. А гражданин, которому вернули «Советский спорт», перешел на другую сторону платформы и стал дожидаться поезда, чтобы ехать обратно.

Три эпохи в одной газете

«МК», 1980 — 1993

С начала подхватил

свое колесо и ушел владелец 408-го «Москвича». За ним отпали «Жигули» предпоследней модели. Перед окошком приемщика, за которым происходили таинственные процессы вулканизации резины, осталось всего трое. Возле ног каждого, как хорошо обученный пес, стояло по автомобильному колесу. Впрочем, это не относилось к третьему, замыкавшему очередь. Он держал свое колесо в руке, маленькое колесо от детского велосипеда, и остро ощущал собственную неполноценность. Он чувствовал примерно то, что чувствует человек, досаждающий своими маленькими, игрушечными проблемами в то время, как другие озабочены вещами действительно важными и серьезными. Он старался выглядеть так, как будто у него где-то есть машина, но с ней-то все в полном порядке, а сейчас он пришел просто с колесом от детского велосипеда. Очень мнительный человек.

— Коль! — сказал приемщик куда-то в глубь мастерской. — Кажется, на сегодня все. Последние идут. Еще два-три сделаешь — и топай. Тут уже Сергей и без тебя управится.

— Ага! Я пойду. — отозвался голос. — А то у жены день рождения сегодня.

— Еще два-три, — сказал приемщик. — И отправляйся.

В конце концов, подумал человек, и он мог бы приобрести себе машину. Если откладывать в месяц по сорок рублей — в год это получается почти пять тысяч. Ну, там подзанять еще — вот тебе и машина.

— А сбалансировать колесо нельзя? — спросил тот, кто был первым в очереди, ему принадлежала 21-я «Волга».

— Нет, мы не балансируем. Это на станции техобслуживания, — ответил приемщик.

Человек с маленьким колесом представил, как он придет и поставит колесо на велосипед сына. Он виделся с ним раз в неделю. Сын был от бывшей жены. Она все время придумывала какие-нибудь задания. То устроить ребенка в пионерский лагерь. То шубку достать. То добиться приема у медицинского профессора. Угадать очередную просьбу почти было невозможно.

— А колодки вы делаете? — спросил владелец «Волги».

— И колодки не делаем, — ответил приемщик.

Вот и колодки они не делают, подумал человек. С этой машиной хлопот не оберешься. И правильно сделал, что не купил. Если накопить пять тысяч, то на эти деньги...

— Минуточек двадцать подождите, — сказал приемщик.

— Двадцать? — спросил хозяин «Волги».

— Ну, тридцать. Не больше тридцати.

Владелец «Волги» взял квитанцию и вышел на улицу.

Теперь к окошку подошел следующий.

— Мне только демонтировать, — сказал он. — У меня новая камера.

Все-таки машина — стоящая вещь, подумал человек. Куда хочешь, туда и поедешь, и отношение к тебе совсем другое. Кто ты ни будь — если есть ма-

шина, уже по-другому относятся. Хоть бы ее замуж кто взял! — Это он про жену так подумал.

— У вас что? — спросил приемщик. Человек с маленьким колесом не сразу понял, что к нему обращаются.

— У меня?

— У вас, у вас.

Он стыдливо протянул свое маленькое колесо.

— Не надувается что-то.

— Как это, не надувается? — снисходительно сказал приемщик.

— Прокол, наверное.

— Дед, поди сюда! — окликнул приемщик. Откуда-то из недр мастерской появился старик в очках, державшихся на самом кончике его носа. Сатиновый халат старика был весь в пестрых пятнах.

— Займись.

В этом тоже было что-то обидное для человека с маленьким колесом. Старик, наверное, был здесь на вторых или третьих ролях. Видимо, работа по его силам и возможностям выпадала на его долю нечасто. Он, как долгожданную добычу, схватил колесо и унес его в дальний угол мастерской.

— Сколько подождать? — спросил человек.

— Да немного! — сказал приемщик. — Сейчас дед сделает.

Человек вышел на улицу и закурил. Хозяин «Волги» сидел в своей машине и сосредоточенно крутил ручку приемника. На соседнем сиденье чему-то смеялась красивая женщина. Другой автомобилист тоже укрылся в своей машине.

Когда человек освободился от своего маленького колеса, он почувствовал себя намного раскованнее. Как будто избавился от признака своей непричастности к миру высоких скоростей и современной автомобильной техники. Он представил себе, что его

машина стоит неподалеку, а он сам ожидает, когда мастера сделают свое дело.

Постояв несколько минут, он отшвырнул сигарету и вернулся в мастерскую. В окошко приемщика было видно, как сушится на верстаке маленькая камера с новенькой заплаткой. Он посмотрел на нее, как на вещь какого-то другого человека, у которого где-то был сын с детским велосипедом.

Дверь мастерской отворилась, и вкатилось колесо от «Запорожца». За ним появился его владелец.

— Работают еще? — испуганно спросил он. — Слава богу! А то на Даниловском уже закрылись.

— Работают, но уже заканчивают, — сказал человек. — Вы вовремя, еще бы чуть-чуть — и не успели.

— Прокололи, хулиганье! — сказал «Запорожец». — Утром пришел на стоянку — колесо проколото. А гаража нет.

— У меня почти аналогичная история, — сказал человек и покраснел.

— Вы тоже на стоянке держите? — спросил «Запорожец».

— На стоянке. Между прочим, они не балансируют, — добавил он вдруг. — Не берут балансировать. Только вулканизация. Могли бы балансировать заодно, а они не балансируют.

— Коля! — окликнул приемщик. — Еще одно сделаешь от «Запорожца» — и все.

— Ладно, — отозвался Коля. — Еще одно и пойду. А то у жены сегодня день рождения.

Все в доме знали Людку.

Это была та самая девочка, которая однажды зимой принесла с улицы голубя. Она жила с мамой на четвертом этаже. Мама у нее работала главным инженером.

Людка принесла с улицы голубя, поставила его на пол и сказала:

— Он будет жить у нас.

Голубь сделал несколько шажков, оставляя на паркете грязные, маленькие следы, а потом взлетел и сел на книжный шкаф.

— Чтоб духу его сейчас же здесь не было! — закричала мама и побежала на кухню за тряпкой. Когда она вернулась, Людка уже стояла лицом к стене и собиралась заплакать.

— Это еще что за концерт? — сдавленно спросила мама. — Что еще за номера такие?

— Да-а! — сказала Людка противным голосом. Голос у нее становился ужасно противным, когда она этого хотела. — А если он замерзнет! Бедный, бедный голубь! Он замерз, потому что кто-то испугался за свой дурацкий паркет.

— Скорей бы ты выросла, — сказала мама. — Выросла и выходила бы замуж.

Ну, конечно, голубь остался жить в квартире. Конечно, убирать за ним приходилось маме. А весной, когда раскрыли окна, голубь улетел.

Потом Людка привела домой собаку. Собака была большая, раза в два больше Людки, и черная. Нарушал эту черноту только алый язык.

— Знакомься, его зовут Бэби! — отрекомендовала пса Людка, она, между прочим, училась в английской спецшколе.

— Но ведь на нем ошейник! — попробовала запротестовать мама. — Значит, у него есть хозяева! Ну, все! Ты увела чужую собаку, — и мама тихо присела на стул.

— Ничего не чужую! — задребезжала своим противным голосом Людка. — Она была одна, совершенно одна. Какие-то ужасные люди бросили его, потому что он перестал им быть нужен.

Короче, они стали жить втроем: мама, Людка и собака. Вскоре к ним присоединились новые квартиранты: два волнистых попугайчика, бродячий хомяк и кошка Мэри.

— Не квартира, а прямо уголок Дурова! — цедила сквозь зубы мама, волоча домой две набитые провизией сумки.

А через некоторое время у собаки нашлись хозяева. Случилось это, когда мама выгуливала Бэби в парке. Маме пришлось пережить несколько неприятных минут, объясняясь с владельцами пса, а потом еще выдержать настоящую сцену, которую закатила ей Людка.

Вскоре вслед за этим покинул их хомяк. Все из-за мамы, которая выносила мусор в мусоропровод и оставила открытой дверь. Мама пыталась внушить Людке, что дело не в открытой двери, а что такова бродячая натура хомяка, но где там! Людкино горе не имело границ.

Теперь представляете, каково пришлось маме, когда кошка Мэри съела двух волнистых попугайчиков.

Все это произошло в отсутствие Людки. Но еще хуже было то, что кошка, видимо, страхась наказания, сбежала через форточку. Мама просто не знала, как она все объяснит Людке. Но объяснила. За это пришлось расплачиваться неделями молчания и видом надутой Людкиной физиономии. Вдобавок девочка нахватала троек по английскому.

Однако пережили и это горе.

...Было воскресенье. Людка уже давно отправилась гулять, а мама находилась в ванной комнате и как раз собиралась снять бигуди, когда открылась входная дверь и Людкин голос гостеприимно произнес:

— Входи, входи, нечего на пороге стоять.

Мама, испытывая в груди недобрые предчувствия, запахнула халат и поспешила навстречу неизвестности.

В первую минуту мама лишилась дара речи. Она хотела что-то сказать, но вместо этого слабо пискнула и только беспомощно взмахнула рукой.

— Знакомься, это Евгений Михайлович, — сказала Людка.

— Евгений Михайлович! — представился Евгений Михайлович.

— Он очень хороший, — продолжала Людка, — и у него никого-никого нет. Он совсем один на свете. Кроме того, он все умеет, даже может починить кран на кухне, чтобы он не протекал.

Одно бигуди упало с маминой головы и покатилося по паркету.

— Могу, — скромно сказал Евгений Михайлович, поднял бигуди и галантно протянул маме.

— Он что, слесарь-сантехник? — спросила мама, к которой наконец-то вернулась речь.

— Да нет! — отвергла это предложение Людка. — Он просто человек.

— Ага, просто человек, — подтвердил Евгений Михайлович.

...В общем, с того дня прошли осень, зима, весна, лето, а потом еще одна осень и половина зимы. Была хорошая погода, мама с Людкой ходили гулять и заодно прошвырнулись по магазинам. Они накупили много всякой всячины, в том числе галстук для Евгения Михайловича и носки.

Первой в квартиру прошмыгнула Людка, за ней вошла мама.

— Евгений Михайлович! — позвала мама.

Ответа не было.

— Евгений Михайлович! — еще раз позвала мама. Она шагнула в комнату и увидела Людку, та стояла, отвернувшись к стене. Потом мама увидела раскрытый шкаф и пустые плечики, на которых обычно висели костюмы Евгения Михайловича. И все поняла.

Каким ты стал, мой мальчик

И вовсе он не страдал

сентиментальностью, этот Семенов. И, конечно, не собирался предаваться воспоминаниям: слишком он был занят для подобных вещей. Просто захотел выиграть время, свернул в переулки, где, как он знал, меньше светофоров, и вдруг увидел этот дом. «А ведь его, пожалуй, скоро сломают. Вон уже вокруг все поносили. Зайти, что ли. А как же дела? — подумал Семенов. — А черт с ними, с делами! Всех дел не переделаешь».

Короче, жил он когда-то здесь, в этой двухэтажной развалюхе, и теперь топчется перед дверью, из которой ключьями лезет пакля, топчется, размышляя, входить или не входить. Постойте, а сколько ему тогда было? Смешно сказать, лет девять-десять. А сейчас сколько? Ну ладно, об этом лучше не будем...

И решив все-таки не входить, он дергает за медную ручку и входит. И оказывается на кухне. На кухне, а где же еще, черный ход ведет именно на кухню, а парадное по-прежнему заколочено. В этих старых домах вечно заколочено парадное.

Но что его удивило в первый момент, это то, что они почти совсем не изменились. Они стояли возле газовой плиты, Ксения Михайловна и Роза, и о чем-то разговаривали. О чем-то таком простом, о чем обычно разговаривают женщины. «Где вы брали эту

чудную рыбу, Роза?» — «Да в ажурном, Ксения Михайловна. Если сейчас пойдете, то успеете...»

— Здравствуйте! — сказал Семенов, но они на него не отреагировали, может, не заметили. Не квартира, а проходной двор. Дверь открыта. Входи, кто пожелает.

Он не стал здесь задерживаться, миновал кухню и попал в полутемный коридор, длинный, как переулок. В глубине коридора на полу играл с большой железной машиной мальчик в спущенных чулках.

— Привет! — бодро поздоровался Семенов, и мальчик поднял голову.

И тут Семенову страшно захотелось повернуть назад. Ему захотелось быть где-нибудь подальше отсюда, в своих «Жигулях», закурить, настроиться на «Маяк» и ни о чем не думать или думать о пустяках. Ну, на кой черт нужно было затевать этот визит в прошлое!

— А, это ты, — протянул мальчик, как будто он и не ожидал увидеть здесь никого другого, как только Семенова. — Я так и знал, что ты придешь. Какой ты стал старый!

«Какой же я старый», — чуть не возразил Семенов, но вспомнил, что у детей совсем иные представления о возрасте.

— Даже не верится, — сказал мальчик. — Не верится, что ты — это я через тридцать лет. А я — это ты тридцать лет назад. Или больше?

— Чуть меньше, — ответил Семенов.

— Ну, и как там у вас? — поинтересовался мальчик. — Чем ты занимаешься? Ты стал путешественником, как я хотел? Вернее, ты хотел?

— Да ведь нет такой профессии, — не очень уверенно объяснил Семенов. — Это скорее отдых, развлечение, но не профессия...

— Когда ты был мной, ты так не думал, — огорченно заметил мальчик. — А кем же ты работаешь?

— Да там, в одной конторе... То есть я хотел сказать, в одном учреждении. Ничего особенного, печки-лавочки, не это главное.

— Очень жаль, — произнес мальчик. — Мне совсем не хотелось бы работать в «одной конторе»... Мне совсем не хочется становиться тобой.

— Никуда не денешься, придется. Только для тебя это будущее, а для меня настоящее. Кстати, а где наша мама?

— В институте. Она сегодня защищает диплом.

— А Виктор Николаевич? — вопрос вырвался у Семенова нечаянно.

— Кто это — Виктор Николаевич?

Деваться было некуда, и Семенов ответил:

— Мамин муж.

— Мамин муж — наш папа, — голос мальчика прозвучал строго.

— Они потом разведутся, — нехотя сказал Семенов. — И маминим мужем станет Виктор Николаевич. Вообще еще многое случится. Да ты не расстраивайся. Быть мною не так уж и плохо. У меня есть машина. Настоящая. Марки «Жигули».

— Таких машин не бывает, — улыбнулся мальчик. — Есть «Москвич», «Победа», «ЗИМ», а таких, как ты говоришь, не бывает.

— Будут. Ты даже не представляешь, что будет. Цветной телевизор, например, стереомагнитофон... Это не то, что старый патефон с иголками, какой у тебя сейчас. Впрочем, сам увидишь...

В эту минуту одна из дверей, выходящих в коридор, отворилась, и мимо Семенова пробежал старик Полозов в сатиновых шароварах, в майке, с полотенцем через плечо. «Господи, сколько же ему сейчас должно быть...» — подумал Семенов.

Мальчик снова занялся игрушкой.

— Ах да, меня ведь ждут в одном месте! — спохватился Семенов. — Я не собирался надолго, проез-

жал, дай, думаю, загляну, пока дом не сломали. Скоро этого переулка и не узнаешь.

Но мальчик уже не обращал на Семенова никакого внимания.

— Ладно, не буду мешать, пойду, — сказал Семенов, преодолевая внезапно возникшую неловкость.

И тем же путем, через кухню, выбрался на улицу.

Была осень, какой-то молодой человек в джинсах сметал в кучу опавшие листья с тротуара.

Семенов подошел к машине и оглянулся на дом.

— Скоро сломают, не в курсе? — спросил он у молодого человека.

— А кто ж его знает, — буркнул тот, не переставая мести. — Наверное, скоро. Месяц уже, как всех жильцов выселяли.

— Ну да, конечно, архитектурной ценности не представляет, — сказал Семенов.

— Никакой ценности не представляет, — уточнил молодой человек. — Одно слово — клоповник.

Семенов сел в машину и включил зажигание.

Утро после конца света

Ночью, когда наступил

конец света, Федор Федорович Кротов спал особенно крепко. Ему снилась старуха, продающая моченые яблоки на какой-то маленькой станции. Старуха была в телогрейке и резиновых сапогах.

— Зачем вы мне снитесь, бабушка? — спросил Федор Федорович. — У меня двухкомнатная квартира в Москве, полы лаком покрыты, зачем вы мне снитесь?

— А ты купи яблочка, гражданин! — проговорила старуха и захохотала, обнаружив во рту кривой, одинокий зуб.

Так что, можно сказать, Кротов конец света проспал. Ему наутро жена все рассказала.

— Вот тебе и небольшие осадки, — заключила она. — Уже за сутки предсказать ничего не могут. Тебе яйцо всмятку или яичницу?

— Всмятку, — отозвался Федор Федорович.

Покинув квартиру, Федор Федорович первым делом взглянул на электрический счетчик и остался недоволен: свет они в этом месяце жгли почему зря. Выполнив тем самым свой долг ответственного квартиросъемщика, Кротов продолжил шествие. Во дворе его окликнули:

— Федору Федоровичу — привет!

Это был Евгений Петрович Тю, занимавшийся по утрам оздоровительным бегом. Евгений Петрович собирался дожить до девяноста пяти лет, так как

был записан в очередь на садовый участок, которая продвигалась медленно, очень медленно, гораздо быстрее шли годы, но Евгений Петрович был полон решимости.

— Привет, привет! — поздоровался Кротов.

— Рыбку когда поедем ловить? — подбежав, спросил Тю. — Мы в прошлое воскресенье с Фуфлыгиным ездили — он ничего, а я — пять окуней.

— Угу, — неопределенно ответил Федор Федорович.

— Ночью-то — слышал? — спросил Тю.

— Слышал, — сказал Федор Федорович.

— Как думаешь?

— Поживем — увидим, — сказал Федор Федорович.

На том они и разошлись.

Федор Федорович работал недалеко от дома: через мост перейти — и на месте. На улице было оживленно. Народ ел мороженое и тащил ковры. Некоторые ели мороженое и тащили ковры одновременно.

На мосту у перил стояли двое и глядели вниз, на воду. Часть их беседы Федор Федорович слышал.

— Ты за пятьдесят рублей прыгнул бы вниз? — спрашивал один.

— Нет, за пятьдесят не прыгнул бы, — признался другой.

— А за сто?

— И за сто не прыгнул.

— А за сто пятьдесят?

— За сто пятьдесят? — отвечавший задумался. — Нет, за сто пятьдесят тоже бы не прыгнул.

Естественно, Кротову было бы любопытно узнать, на какой сумме они могли бы сговориться, но дела увлекали его вперед.

Рабочий день в конторе уже начался. Контора располагалась в подвальном помещении, из ее окон были видны только ноги прохожих. Сейчас ноги были обуты по-весеннему.

Кротов руководил инспекцией по охране зеленых насаждений. В этом деле он ничего не понимал, так как прежде возглавлял банно-прачечное хозяйство. Впрочем, и в нем Кротов был мало сведущ. Кротов вообще ничего ни в чем не понимал и поэтому мог заниматься чем угодно.

Едва Федор Федорович занял место в своем кабинете, вошел заместитель и положил на стол стопку бумаг, нуждавшихся в подписи.

Кротов углубился в первую.

— Да что ж это делается, товарищи дорогие! — воскликнул он через пять минут внимательного изучения. — Что ж вы мне подкладываете?

— Так ведь это, Федор Федорович, — замялся заместитель. — Сами знаете...

— Нет, нет и нет. — Кротов категорически отодвинул от себя стопку. — Сколько раз можно говорить! Поля, братцы мои милые, поля отступайте, как полагается — четыре сантиметра от края страницы, а без этого и на глаза мне не показывайтесь.

Заместитель забрал бумаги и двинулся из кабинета. Спина его выражала крайнюю степень вины.

Оставшись один, Кротов взглянул в окно. Там чьи-то брюки остановились напротив выразительных женских ног.

Дверь снова отворилась, и голова заместителя сообщила:

— Федор Федорович, зарплату привезли.

Кротов, сохраняя приличия, посидел немного за столом, пожевал губами и поднялся.

Конец света концом света, а зарплату получать надо.

Алексей Егорович

сидел у окна у себя на первом этаже, когда в переулок вкатили автобусы с киношниками. Из автобусов повыскакивали люди, стали вытаскивать аппаратуру, разматывать кабель, устанавливать большие прожектора — юпитеры называются, — в общем, переулок сразу преобразился из тихого в оживленный.

Признаться, Алексей Егорович обрадовался такому неожиданному развлечению. Он уже два часа скучал, сидя у окна. По телевизору ничего такого, что могло бы занять его, не шло, читать — глаза болят.

Самым главным среди киношников — и Алексей Егорович сразу это сообразил — был среднего роста человек в клетчатой кепке. Куда он тыкал пальцем, туда и устремлялись люди. Это был режиссер. Алексей Егорович еще почему его моментально раскусил: их, режиссеров, всегда в клетчатых кепках изображают в фильмах про кино. Такие фильмы, между прочим, тоже есть.

И режиссер вел себя в точном соответствии с подобными фильмами, просмотренными в разное время Алексеем Егоровичем. Он захлопал в ладоши и закричал: «Внимание! Все по местам!»

В одно мгновение суета прекратилась. Человек в кепке скомандовал: «Начали!»

Вспыхнули прожектора и осветили молоденького красноармейца и девушку в белом платочке, туго стянутом сзади на затылке. Красноармеец шагнул к девушке и взял ее за руку. Видно было, что им обоим очень грустно. Так грустно бывает, когда любишь, а надо уходить, расставаться. Молодые люди смотрели друг на друга, словно хотели наглядеться на всю оставшуюся жизнь.

«Мальчишка совсем, — подумал Алексей Егорович. — Может, еще и восемнадцати нет. А ничего не поделаешь, надо. Надо прощаться».

Но тут режиссер захлопал в ладоши и заорал: «Стоп, стоп, стоп!» Красноармеец с девушкой оглянулись в его сторону.

— Олег! — раздраженно крикнул режиссер. — Я же просил, побольше чувства. Ведь вы же расстаетесь. Возможно, не увидите никогда. Так проникнитесь же, черт возьми, этой мыслью! Разлука у вас! Расставанье! Поняли?! Давайте по новой!

И снова все повторилось, как может повторяться только в кино. Снова сошлись в ярком свете двое.

«Тяжело прощаться, — думал Алексей Егорович. — Но приказ есть приказ. А она, бедная, одна остается. Может, у нее и родных-то совсем нет...»

— Перерыв! — прервал своим криком режиссер размышления Алексея Егоровича. Прожектора погасли, люди разбрелись по переулку.

Красноармеец примостился как раз возле окна, у которого с другой стороны сидел Алексей Егорович, и закурил.

— Что загрустил, сынок? — спросил Алексей Егорович.

— Загрустишь тут, — ответил красноармеец, — совсем замотал, дьявол!

— Ты не грусти, — сказал Алексей Егорович. — Мы вот на женщин напраслину часто возводим, и

такие они, и сякие, а вот моя, например, ждала. Четыре года ждала. В госпиталь приезжала.

Красноармеец удивленно посмотрел на Алексея Егоровича.

— Да, такие, брат, дела, — сказал старик.

— По местам! — закричал режиссер, и красноармеец встал и побрел к своим.

Воскресным днем

мастер мужской стрижки Василий Петрович Трубников со своей женой Людмилой оказались на художественной выставке. Вообще-то они собирались в кино, но вокруг шли фильмы, которые они уже видели, и тогда возникла мысль посетить выставку. Для общего культурного развития.

Значит, пришли они на выставку и стали смотреть. Людмила все больше интересовалась живописью, а Василий Петрович тяготел к жанру скульптуры. Особенно привлекал его скульптурный портрет.

У одного такого портрета Василий Петрович и задержался несколько дольше. Какое-то время он изучал произведение искусства в одиночестве, пока к нему не подскочила женщина в пестрой шали с кистями, что-то черкнула в блокнот и воскликнула:

— Не правда ли, великолепная голова!

Василий Петрович решил, что промолчать было бы невежливо, и тоже высказал собственное суждение:

— Трудная голова.

— Ах, как верно подмечено! — всплеснула руками женщина. — Именно трудная! Простите, вы случайно не скульптор?

— Мм, — промычал в ответ Василий Петрович. Ему почему-то вдруг показалось неудобным признать, что он не скульптор.

— Это, наверное, замечательно — быть скульптором! — пришла в восторг женщина.

— В нашем деле главное — не снять лишку, — уклончиво ответил Василий Петрович.

— Скажите, а где вы находите модели для своих работ? — не унималась собеседница.

Василий Петрович оглянулся по сторонам и промямлил:

— В гуще жизни... Там, знаете, и нахожу.

— Жить для искусства, для творчества, испытывать вдохновение — что может быть прекраснее! — энергично встряхнула блокнотом женщина.

— А как же без вдохновения, — нашелся Василий Петрович. — Без вдохновения никак нельзя... Без него только людям праздник испортить... А у человека, может, свадьба или там день рождения...

— Вот-вот, искусство — это праздник, — закивала женщина. — Но и будни, напряженные будни. Сколько, наверное, проблем встает перед вами.

— Перво-наперво — ощущай форму, — ответил Василий Петрович. — Некоторым, например, затылок не дается, некоторым виски. А если форму чувствуешь, тогда все легко. Ну и, конечно, инструмент содержи в порядке. Хорошего мастера сразу по инструменту видать...

Тут Василий Петрович начал замечать, что разговор привлек любопытных. Несколько человек стояло рядом и прислушивалось.

— Очень, очень приятно было познакомиться, — проговорила женщина. — А теперь, на прощанье, позвольте узнать вашу фамилию.

— Трубников я, Василий Петрович.

— Разрешите пожать вашу руку, Василий Петрович.

Они обменялись рукопожатием, и женщина, приговаривая: «Очень приятно, очень приятно...», исчезла в толпе.

Трубникова кто-то дернул за рукав. Василий Петрович посмотрел вниз и увидел мальчика в вельветовой курточке.

— Дяденька, дай автограф! — строго попросил мальчик. За юным поклонником выстроился еще народ, видно, с той же просьбой.

— Иди, иди, мальчик, нечего тут! — сказал Трубников и отправился на поиски жены.

Когда возвращались домой, Василий Петрович чувствовал себя не в духе. Как будто был самозванцем каким-то.

— Вася, а что это за люди к тебе на выставке подходили? — спросила жена.

— Клиентов своих встретил, — ответил Василий Петрович.

— Уважают тебя, Вася, — сказала Людмила и прижалась к мужу.

— Хорошего мастера всегда уважают. Хороший мастер — это художник... скульптор, можно сказать...

И еще долго Василий Петрович размахивал руками, что-то кому-то доказывая. И прохожие оборачивались.

Иностранная машина

Вот тут мы и живем.

Район, правда, отдаленный — из тех, что в бюллетенях по обмену жилплощади обычно просят не предлагать. Зато воздух хороший! Воздух у нас просто замечательный! Ну, что еще? Кинотеатр, универсам, прачечная, химчистка, две парикмахерских... Шум электрички, гомон ребятни во дворе, скрип качелей, глухой звук, который хозяйки палками извлекают из огромных, пыльных ковров...

Возвращаясь из булочной, Напраслин Ф. Я. обнаружил мираж. Мираж выбрал для себя не самое лучшее место — пространство между мусорными контейнерами и трансформаторной будкой. Напраслину он явился в виде «Бьюика» цвета пережатой стали. Машина было длинной, почти плоской и красивой, как коробка шоколадных конфет. Иностранная машина. Иностранная, если не считать номер. Номер на ней был наш.

Напраслин подошел к миражу и дотронулся до него рукой. Ладонь ощутила прохладное прикосновение металла. Нет, пожалуй, она была красива, как яркая почтовая марка, напоминающая о чужих далеких землях, об экзотических городах, о людях, не похожих на нас с вами.

Дома Напраслин выложил хлеб и объявил:

— Сейчас шел и вижу: иностранная машина стоит. Возле трансформаторной будки.

— Да? — равнодушно спросила жена.

— Марки «Бьюик», — сказал Напраслин.

— Постоит, постоит и уедет, — сказала жена и спрятала хлеб в большую эмалированную кастрюлю.

Напраслин подошел к окну. Прямо под ним, совсем близко, росла рябина. Напраслин высунулся из окна и сорвал гроздь ягод. Каждая из них была снабжена черным крестиком, словно пуговица, пришитая к черенку суровыми нитками. Напраслин положил ягоду в рот и сейчас же выплюнул. «А вдруг Борькина машина? — пронзила его неожиданная и неприятная мысль. — Взял втихаря и купил».

Напраслин измерил в уме расстояние от машины до Борькиного дома. Метров восемьсот будет. Однако это еще ни о чем не говорило. Предположение, на первый взгляд выглядевшее нелепым, даже уже вопреки воле Напраслина начинало приобретать черты реальности. Был он человеком мнительным.

«А деньги? Где он такую прорву деньжищ достал?» — подумал Ф. Я. И воображение немедленно нарисовало богатого родственника, оставившего наследство.

«Неужели обскакал, черт! Вот это номер! Ай да Борька!»

Надо сказать, что между Напраслиным и его приятелем существовало негласное жизненное соревнование. К успехам друг друга они относились, что называется, ревниво. Оба были одного года рождения, и до сих пор никому не удавалось вырваться далеко вперед.

«Да что ж так сидеть и мучиться! — разозлился на себя Ф. Я. — Надо немедленно все выяснить и успокоиться. Скорей всего, это одни мои фантазии, а все же...» Он подошел к телефону и набрал номер. Трубку подняла Борькина Нинка. Голос у нее был веселый. Напраслин сглотнул комок, образовавшийся в горле, и начал издали:

— Ну что, вас можно поздравить?

— Ты про что это? — спросила Нинка.

— Будто не знаешь, — игриво сказал Напраслин.

— Понятия не имею.

— Ну, с приобретением, — Ф. Я. делал над собой страшные усилия, чтобы казаться непринужденным.

— А-а, ты, наверное, про кухонный комбайн! Тебе Вера уже доложила!

«Кухонный комбайн — еще куда ни шло», — отлегло от сердца.

— Про него, Ниночка, про него! — засмеялся Напраслин. — Как работает?

— Зверь, а не агрегат!

— Ты смотри Борьку-то не закорми. Он и так уже в двери не пролезает. Кстати, сам дома?

— Какой! Умотал. Ты ж его знаешь, на месте не посидит. Передать что, когда вернется?

— Да нет, ничего не надо. Я просто так. — Ф. Я. повесил трубку.

— Пойду прогуляюсь, — бросил жене.

Иностранная машина находилась на прежнем месте и праздно лоснилась в лучах заходящего солнца. Целый табун лошадей скрывался под лакированной крышкой ее капота. Возле машины ошивалось несколько подростков.

— А руками-то зачем трогать! — сделал замечание Ф. Я.

Подростки отодвинулись от машины.

— Дядь, а чего она такая низкая? Спортивная, да? — спросил один из них, рыжий.

— Да, спортивная! И если увижу еще раз, что кто из вас трогает, уши оборву!

Ф. Я. неодобрительно глянул в сторону мусорных контейнеров, повернулся на каблуках и зашагал к дому. Спинай он чувствовал завистливые взгляды подростков, видимо, признавших в нем сурового владельца транспортного средства.

— Вер, а она все стоит, — сказал, входя в квартиру.

— Кто? — спросила жена.

— Машина. Иностранная.

— Далась тебе эта машина, — жена широко зевнула. — Кто-то звонит. Подойди к телефону.

Звонил Борька.

— Здорово, старик! Ты меня разыскивал? — И не дожидаясь ответа: — Видал «Бьюик»? Жар-птица!

— Слушай, — сказал Напраслин, — ты, когда проходил мимо, не заметил случайно, там пацаны не шалят? Покрытие, понимаешь, поцарапать ничего не стоит, а потом мучайся. Где такой лак достанешь?

Ф. Я. одним духом произнес эти слова и сам удивился тому, что произнес. Буквально секунду назад ничего подобного у него на языке не было. Ах, не знает себя еще человек как следует.

— А тебе-то что? — подозрительно спросил Борька. — Твоя машина, что ли? Пусть у хозяина голова болит.

— Ладно, чего в прятки играть, — продолжая изумлять себя, сказал Ф. Я. — Помнишь, я тебе про своего дядьку рассказывал. Чудной экземпляр! Его машина. В свое время купил, а теперь глаза слабеют стали, водить не может, да и куда старику ездить! Близких никого. Переписал колымагу на меня, владей, говорит. Я по глупости согласился. Обуза, признаться.

— А водительские права? — прошелестел Борька.

— Права у меня уже сто лет. Ты что, не знал?

— Не знал, — голос у Борьки был тусклый-тусклый. — Нин, а Нин! Слышишь, какая новость у нашего друга! — Борька что-то там такое объяснял своей Нинке.

— Напраслин! — закричала она, выхватив у мужа трубку. — Мы тебя поздравляем, Напраслин! Я так рада, ты себе не представляешь! Когда на пикник поедем?

— Да хоть завтра, — пробормотал Ф. Я., мысленно проклиная себя: «Ну что ты, дурак, мелешь? Совсем с ума спятил!..»

— Замечательно! — прокричала Нинка. — Продовольствие берем на себя, горячее ваше. Сбор в семь часов прямо у машины.

— В семь рано, — заикаясь, возразил Ф. Я. — Давайте в девять? — земля уходила из-под ног.

— Договорились! Умница ты, Напраслин! Я всегда в тебя верила. До свидания, родной!

«Признаваться жене или не признаваться, каких дров наломал, — раздумывал Ф. Я., кружа по квартире. — И если не ей, то кому же? По крайней мере, хоть на душе полегчает». И он, краснея и бледнея, выложил ей всю эту идиотскую историю, не переставая повторять, что сам диву дается, как оно так получилось.

— Ничтожество! — сказала жена.

— И это за мою откровенность, — пошатнулся Ф. Я.

— Надо позвонить Борьке и объяснить все как есть. Сказать, что пошутил. Глупо пошутил.

— Невозможно! Это просто невозможно! — Ф. Я. живо вообразил себе злорадное лицо приятеля. А какая неисчерпаемая тема для Нинкиных издевательских острот! Ей на полгода хватит. Язычок у нее — ой-ой-ой!

— Выкручивайся, как знаешь! — сказала жена.

«Подруга жизни, — горько подумал Ф. Я. — Семь лет женаты, а как чужие. Чуть что — сразу в сторону».

Здесь нет нужды описывать душевные переживания Напраслина Ф. Я., его бессонницу, вкус настойки пустырника, которую, морщась, глотал он в 2 часа ночи на кухне, шлепанье босых ног по коридору (и куда провалились эти чертовы тапочки!) и прочее.

Рассвет застал Ф. Я. на ногах. А уже в половине девятого утра он лежал под иностранной машиной.

гремел гаечными ключами и замирал от страха, что в любую минуту может подойти ее истинный владелец и потребовать объяснений.

В 9 часов, минута в минуту, Ф. Я. услышал над головой оживленные голоса. Разговор сменился глухой паузой. Надо полагать, говорившие изучали представшую перед ними картину.

— Что, стоп-машина? — первым нарушил молчание Борька.

— А ты сам не видишь? — сказал из-под машины Ф. Я.

— Что-нибудь серьезное? — с деланной тревогой в голосе поинтересовалась Нинка.

— Карданный вал, — вкладывая в эти слова все запасы скорби, сообщил Ф. Я. — Серьезней не бывает. Колымага уже двести тысяч прошла. Дядя ее не очень-то щадил.

— Двести тысяч! — ужаснулась Нинка.

— М-да, вот они какие пироги! — совершенно не к месту промямлил Борька.

— Мам, ну когда мы поедем! — заканючил их малолетний отпрыск.

— Замолчи! — прикрикнули на него. — Не видишь, машина сломалась, ее ремонтируют!

— Ты бы предложил ему свою помощь! — набросилась Нинка на мужа. — Стоишь как столб.

— Тебе помочь? — спросил Борька.

— А чем ты мне поможешь? Ты же в автомобилях не разбираешься.

— Не разбираюсь, — как эхо повторил Борька.

— Только мешать будешь. А я вам и так все планы спутал. Идите лучше домой. И не обижайтесь на меня.

— Что ты, Напраслин! — сказала Нинка, и голос ее зазвенел благородством. — Это ты нас извини. Навязались со своим пикником. Ну, ничего, как-ни-

будь в другой раз. Не расстраивайся, все будет в порядке. Мы пойдем, не будем у тебя над душой стоять.

— Спасибо, ребята! — отозвался Ф. Я. — Конечно, идите. Я уж тут один.

Он видел их удаляющиеся ноги. Потом плыли кучевые облака, ничего не подозревавшие о страданиях Напраслина Ф. Я.

Дома он долго стоял под душем и шептал: «Уезжай, машина, отсюда! Ну, чего тебе здесь делать? Уезжай, а! Совсем уезжай!»

Но она не уехала ни назавтра, ни на послезавтра. В понедельник утром Напраслин встретился с Борькой на платформе: они ездили каждый на свою службу к одному часу, и на электричке было удобней всего.

Первый Борькин вопрос, разумеется, был о машине.

— Сам знаешь, как с запчастями. Тем более это тебе не «Жигули».

— Да, да, — закивал головой Борька. Тут подошел поезд, толпа подхватила их, швырнула в двери и разнесла в разные стороны. — Созвонимся! — крикнул через головы друг и соперник.

Машина уехала в воскресенье вечером. Услышаны были заклинания Напраслина Ф. Я. Он как раз рыскал вокруг, гипнотизируя автомобиль иностранной марки, когда к машине подошел мужчина и вставил ключ в замочную скважину дверцы. Лицом мужчина напоминал какого-нибудь герцога в изгнании, а может, Ф. Я. так просто показалось, уж больно необузданным воображением обладал он.

— Уезжаете? — спросил Ф. Я. робко.

— А вам-то что? — спросил мужчина, он уже сидел в кресло и взглянул на Ф. Я. подозрительно.

— Ничего, — сказал Ф. Я. без обиды. — Я просто так. Очень у вас машина красивая.

— Красивая! — фыркнул мужчина. — Не верьте красоте. Красота — обман! — Мужчина включил зажигание и отжал сцепление, но машина не завелась.

— Значит, уезжаете? — повторил Ф. Я., забыв, что он уже задавал этот вопрос, в сущности довольно бессмысленный в данной ситуации. Но мужчина не рассердился на этот раз.

— Не то слово уезжаю, — сказал он, — уношу ноги.

— А когда приедете? — спросил Ф. Я.

— А уж от этого прошу уволить, — сказал мужчина. — Сыт по горло! Хватит! — При этих словах машина завелась. — Не верьте красоте, уважаемый! — Герцог вдруг как-то потерял к Ф. Я. последние остатки интереса и захлопнул дверцу, даже не попрощавшись. Машина зашипела шинами по асфальту, как яичница, и исчезла.

Напраслину сделалось грустно. Почти две недели владел он машиной, и теперь у него ничего не было. Он двинулся, не думая куда идет, и вышел к зданию кинотеатра. Перед ним было безлюдно, последний сеанс уже начался. Рабочие меняли щит с рекламой фильма минувшей недели на новый. Его вытащили из огромной рамы, обращенной к парку, и сквозь пустой четырехугольник смотрели обнаженные деревья. Они извещали, что завтра опять будет осень.

Мои уехали на дачу,

а я остался в городе. Пустая квартира, стул, стол, пишущая машина и где-то на улице — треск отбойных молотков. Жарко. Даже очень жарко. Так жарко, что я чувствую, как постепенно становлюсь латиноамериканским писателем. Становлюсь и становлюсь. И ничего не могу с собой поделать.

...— Несомненно, вы правы, сеньор, — трудные времена! Инфляция, коррупция, дестабилизация! Дела приходят в полный упадок. Взять хоть дону Педро-Хуана-Марию дель Эспинозу. Как?! Его имя вам ни о чем не говорит?! Значит, вы не из местных, сеньор? Дон Педро разбогател на торговле маисом, но настоящей его страстью был футбол. Большой футбол, сеньор! Дон Педро скупал как целые футбольные клубы, так и отдельных игроков. И каких игроков, сеньор! Пальчики оближешь! А выбросить кругленькую сумму за матч с predetermined исходом — это ему было вообще раз плюнуть.

И что же, сеньор?! Наступил момент, когда дон Педро вынужден был расстаться сперва с одним клубом, потом — с другим, третьим, четвертым, пятым... Инфляция, черт ее побери! От былого процветания у дона Педро остался единственный полузащитник, да и тем он владел на паях с компаньоном. Причем дону Педро принадлежала не лучшая половина — левая, правда, справедливости ради следует сказать, что полузащитник неплохо бил с обеих ног.

Ума не приложу, сеньор, как они делили голову. Кажется, по четным числам голова приносила доход дону Педро, по нечетным — его компаньону.

Финансовая пропасть — самая глубокая, сеньор, не правда ли! В итоге весь полузащитник отошел компаньону. Бедный, бедный дон Педро. Теперь он не в состоянии заплатить не то что за какую-то заставляющую игру в третьей лиге, а едва наскреб денег на штрафной удар в завтрашнем матче с «Голубыми львами». Мелочь, пустяки, сеньор! На пятнадцатой минуте первого тайма, сеньор! А кто ж этого не знает! У нас маленький городок, сеньор, здесь ничего не скроешь. Мяч ударится о верхнюю перекладину и от седьмого номера уйдет на угловой. Угловой финансировал барон Перес. Старик просто помешан на угловых. Затем острое положение у ворот «Гладиатора» — извините, сеньор, я очень волнуюсь! Удар! Еще удар! Великолепно играет вратарь! На этот бросок скинулась вся наша местная интеллигенция: нотариус, зубной врач, директор школы.

Следующие тридцать две минуты скупили на корню люди из мафии, контролирующие прачечные самообслуживания по всему побережью. Почему только тридцать две минуты?! Борьба монополий, сеньор, кризис, прямо-таки сумасшедший рост цен на положения вне игры, проходы по краю, длинные передачи и прочие штуки.

Второй тайм будет еще интереснее, сеньор. Советую сходить, получите удовольствие. Множество голевых моментов. Два удаления. Несколько травм. В конце пенальти в ворота «Голубых львов». Вы спрашиваете, кто платил, сеньор? Не все можно купить за деньги. Да, да, сеньор, не все! Дело в том, что арбитр завтрашнего матча приходится шурином начальнику городской полиции, а у сына начальника завтра день рождения. Отличный подарок мальчуга-

ну к шестнадцатилетию, провалиться мне на этом месте! У нас кровные узы превыше всего, сеньор!

Остановить сразу же за светофором? Нет ничего проще, сеньор! О, сеньор, боюсь, у меня не найдется сдачи, я недавно выехал. Вы слишком щедры, сеньор! Спасибо, и да хранит вас святая мадонна!

Что, что, сеньор? С каким счетом мы завтра выиграли? 7:0, сеньор! Разнесли их в пух и прах! Очень, очень интересная игра!

...Ужасная жара стоит в Москве. И почему это как лето — так всегда стучат отбойные молотки?

Утреннее чувство вины.

Легкий щелчок ложечкой по вареному яйцу — чмок.

— Кофе или чай?

— Чай.

Молчание.

— Ты что, обиделась на меня?

— Ты не стоишь того, чтобы на тебя обижались.

Хочешь совет? Купи ей наконец приличные духи, а то когда ты возвращаешься в два часа ночи, от тебя такой дрянью несет.

— Папа, почему мама плачет?

— Ах, ты еще здесь! Живо выметайся в школу! Бей, бей посуду! Хочешь, еще вот эту тарелочку разбей. У меня сейчас нет времени выяснять с тобой отношения. Зарплата — на пианино. Пока!

— ...Опять мы с вами в лифте, Вячеслав Николаевич! Как здоровье супруги?

— В лифте, в лифте... Ничего.

«Список злостных неплательщиков по ЖК «Московский дизайнер»: Васильев В. Н. — апрель, май, июнь, июль».

— «Спортик» мне оставили? О, и «Неделю»! Не знаю, как вас благодарить!

— «Англию» не желаете?

— Давайте и «Англию». Не знаю, как вас благодарить.

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Профсоюзная».

— На следующей выходите?

— ...Общий привет! Кто видел, как вчера сыграли?

— Вячеслав Николаевич! Мне в двенадцать уйти надо.

— А работать за тебя, старичок, кто будет?

— Вячеслав Николаевич, я все сделаю. Честное слово, сделаю. Я в субботу выйду, Вячеслав Николаевич!

— Иди. Но если спросят — отбрехивайся, как знаешь.

— А, привет! Хорошо слышно. Да. Да. Нет. Угу. Ни в коем случае. Попробую вырваться. А ты хоть видел ее подругу? Отвечаешь?? Смотри, чтоб потом руками не разводил.

— ...Половинку рассольника. Гуляш. Два кусочка черного.

— Нету рассольника.

— Как нету, здесь написано?!

— Вычеркиваю.

— Тогда половинку борща.

— Нету борща. Вычеркиваю.

— А что есть?

— Читать умеете?

— Вячеслав, зайди после обеда ко мне.

— Можно, Прохор Матвеевич?

— А, да! Тут нам три ковра выделили. Надо подумывать, кому можно дать. Учти, только самым достойным.

— Я подумаю, Прохор Матвеевич.

— Ну, добре, добре, ступай!

— ...Вячеслав! Я тебя по всем кабинетам разыскиваю.

— Что тебе?

— Ты будешь?

— А не рано?

- Да мы не сейчас, попозже.
- Только самую малость.
- Конечно. Я сегодня много тоже не хочу.
- Минеральной заодно купите.
- Если будет. Пора оставлять барские привычки.
- ... — Ну, поехали!
- Ваше!
- Ух, славно огорчила!
- Нет, я больше не буду.
- Вячеслав, нарушаешь компанию.
- Сказал, не буду — и не буду. У меня встреча.
- Ну, ты проказник, Вячеслав!
- «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — метро «Пушкинская».
- Выходите?
- «Моя студенческая келья, доселе чуждая веселья, вдруг озарилась — Муза в ней открыла пир своих за-тей...»
- А я уже давно здесь. Со стороны за тобой наблюдала. У тебя такой вид забавный. Пошли?
- Нет, туда больше нельзя. Накрылось.
- Что будете заказывать?
- Два мороженных и бутылочку минеральной.
- Воды нет. Напиток. Фирменный.
- Давайте напиток.
- Вячеслав, посмотри, небо какое интересное, звезды.
- Угу. Небо.
- Почему ты никогда больше не говоришь мне никаких ласковых слов? Раньше говорил.
- Как не говорю. Говорю. Ты сегодня отлично выглядишь.
- Это не то.
- Слушай, у тебя не найдется двух рублей? А то у меня, кажется, на такси не хватает.
- Найдется.
- Созвонимся, ладно? Эй, такси! В Бибирево!

— Пять!

— Четыре!

— Пешком ходить надо!

«Список злостных неплательщиков по ЖСК «Московский дизайнер»: Васильев В. Н. — апрель, май, июнь, июль, август».

«Товарищ Васильев, срочно зайдите в бухгалтерию ЖСК. Нина Ивановна».

«Продается лодочный мотор «Вихрь». В отличном состоянии. Звонить после 8 вечера».

«Меняю однокомнатную квартиру 20 кв. м на двухкомнатную. Возможны варианты».

«Ты окончательно потерял совесть. Ужин на плите. Прошу тебя, не стряхивай пепел в горшки с цветами. Звонили из правления ЖСК. Не вздумай будить меня!»

М ел бенефис.

Чествовали театрального гардеробщика Трофимова. Смущенный и взволнованный, виновник торжества стоял посреди сцены, не зная от волнения, куда девать руки.

Вначале выступил главный режиссер театра.

— Дорогой Сергей Иванович! — сказал он. — Позволь от имени всего коллектива театра, зрительской общественности поздравить тебя с трехсоттысячным пальто. Нельзя без волнения подумать, сколько их прошло через твои руки. И в каждое ты вложил частичку своей души и своего, не побоюсь сказать, незаурядного человеческого таланта. Театр начинается с вешалки. Наш театр начинается с тебя!

Под гром рукоплесканий главный режиссер вручил Трофимову огромный букет цветов.

Затем на сцену вышел ветеран театра, исполнитель множества главных ролей, артист Неведомский.

— Ваня! — произнес он срывающимся голосом. — А я ведь тебя еще в «Гамлете» помню. Первое представление.

Толпа у театрального подъезда. И ты — за гардеробной перегородкой, в этом костюме с галунами... Спасибо тебе за твое святое искусство, старый товарищ! Дай я тебя расцелую!

Потом наступила очередь актрисы Семичастновой.

— Дорогой дядя Ваня! Никогда не забыть мне, как я пришла в театр совсем еще девчонкой. И как плакала в твоей гардеробной, уткнувшись в чью-то

шубу, когда мне не досталась роль Джульетты. И как ты утешал меня, а потом напоил чаем... И твои слова: «Не плачь, девочка, ты еще вытащишь свой счастливый номерок!»

— Уважаемый Иван Трофимович! — с такими словами обратился к юбиляру зав постановочной частью. — Мне бы хотелось особо остановиться на твоей роли в воспитании молодого поколения. Десятки талантливых учеников и учениц прошли у тебя замечательную школу. Теперь они работают в гардеробах многих театров страны и несут по жизни твой девиз: «Каждому зрителю — его пальто!»

Зав постановочной частью сменил представитель публики.

— А мне почему-то особенно врезался в память «Вишневый сад». Хватился я после спектакля — а номерка от пальто у меня и нет. А Иван Трофимович мне и говорит: «Поищите, говорит, внимательней по всем карманам, не может он никуда подеваться». И сколько терпения, вы бы слышали, было в его словах, сколько неподдельного, искреннего сочувствия... А номерок потом нашелся...

В заключение выступил сам Иван Трофимович.

— Дорогие! Родные мои! Тронули вы меня вашими словами! Хочется работать, работать и работать. Радость охватывает меня, когда я вижу, что у меня на вешалке аншлаг. Значит, спектакль удался, идет на него зритель. Теперь о своих творческих планах... Мечтаю о новой трактовке образа простого работника гардероба, хочу углубить его, по-новому как-то высветить... В общем, работы непочатый край. А вам хочу пожелать, чтобы одеваний у вас всегда было столько же, сколько раздеваний.

Иногда удивительные

бывают встречи. Вот недавно Виктор Петрович увидел на улице знакомое лицо. Он увидел гардеробщика из своей бывшей школы Михеича. Виктор Петрович и думать не думал о нем все двадцать лет, что закончил школу. А тут вдруг, поди ж ты, обрадовался, как отцу родному.

— Михеич! — окликнул гардеробщика через головы прохожих Виктор Петрович. — Подожди, Михеич!

Расталкивая людей, Виктор Петрович пробирался к старику. И вдруг, словно по волшебству, сразу вспомнилось все: и школьный дребезжащий звонок, и сутулая фигура в синем халате, пьющая за гардеробной перегородкой чай, и запах сырых пальто в раздевалке.

— Узнаешь меня, Михеич? — запыхавшись, сказал Виктор Петрович.

Гардеробщик посмотрел в располневшее, хорошо бритое лицо Виктора Петровича и сказал:

— Леденцов Виктор. Вечно у тебя вешалка была оборвана.

— Точно! — засмеялся Виктор Петрович. — А потом мне мама новую пришила, из цепочки. Ах, золотые были времена!

— Да! — вздохнул Михеич.

— А помнишь, помнишь, — взволнованно продолжал Виктор Петрович, — как ребята моей шапкой в футбол гоняли, а я смотрел и плакал, и как они

все разбежались, когда ты появился. И как потом мы вдвоем за перегородкой пили вприкуску чай.

— Сорванцы! — неожиданно строго сказал Михеич. — Ни своих вещей не умели беречь, ни чужих. Родители на вас, сорванцов, деньги тратют, а вы...

— Ты прав, Михеич, ты прав, — сказал Виктор Петрович. — Где теперь эти сорванцы? Двадцать лет прошло. Никого не вижу, ни с кем не встречаюсь. Где Юрка Климов?

— Который в школу раз в одной галоше пришел, — уточнил Михеич.

— ...Где Генка Титов?

— Завсегда за брата вещи донашивал.

— ...Где Сема Капустин?

— ...Пальто с цигейковым воротником.

— Где?..

— Наташа Сушилова? — задумчиво добавил Михеич.

— Это моя жена, — испуганно сказал Леденцов.

— Аккуратная была девочка, — сказал Михеич. — Ах, аккуратная! В беличьей шубке все ходила.

Михеич помолчал, посмотрел на Леденцова и добавил:

— А пуговицу пришить тебе не догадается. Вон пуговица-то на честном слове держится. Ай-яй, стыдно!

— Да это она... — пробормотал Виктор Петрович. — Это у нее времени все нет... Кафедра, диссертация.

— Сам знаю, что кафедра, — сурово произнес Михеич. — А мужа своего содержи как следует Муж не виноватый, что у тебя кафедра.. Ох, сорванцы!

Они взглянули друг другу в глаза, молодой и старик. Леденцов вздохнул.

— Ну а как там сейчас наша школа? — спросил Леденцов. — Стоит?

Михеич отвел глаза.

— Ушел я из школы, Вить. В «Гвоздике» я сейчас.

— В какой «Гвоздике»? — удивленно спросил Леденцов.

— Узбекская кухня. Плов, лагман. Оркестрио. Гардероб на двести номерков.

— Так, так, — сказал Леденцов. — Оркестр, значит. Лагман.

Михеич шмыгнул носом.

— Ты не подумай чего, Вить. Я школу-голубушку не забыл. Бывает, за барьером задремлешь — все первое сентября снится. Ребята, девушки. А недавно физик Викентий Михайлович привиделся. Красивый, в ратиновом пальто. . Эх, жизнь!

— И мне иногда школа снится, — сказал Леденцов.

— Слушай, Вить, — робко сказал старик. — Зайдем ко мне, а? Я тут недалеко обретаюсь. Чайку заварим... И пуговицу я тебе пришью по старой памяти. Зайдем, Вить!

— А что, пошли! — решительно заявил Виктор Петрович. И они рука об руку двинулись по улице.

Нужна квартира рядом с цирком

Когда родители ушли

на работу, Шура решил заняться обменом квартиры. Эта квартира ему не нравилась. Он сел и написал объявление. Такое: «Меняю квартиру с разными удобствами. Удобства: свет, газ, вода, тилифон, тиливизор, радио, аквариумсрыбками, ковер на стене, двадивана, стол, стулья. Неудобства: далеко от цирка. Нужна квартира как можно ближе».

Затем указывался номер телефона и было написано: «Спросить Шуру».

Оставалось только переписать текст на отдельных листочках и расклеить объявления. Что и было сделано.

Несколько объявлений Шура прилепил с помощью резинового клея к уличным столбам, одно — к дверям булочной, еще одно — к стеклянным дверям кинотеатра и последнее, пожалуй наиболее удачно, — к запыленному боку автобуса, когда тот, покорно подставив двери, впускал пассажиров. Автобус устало вздохнул и уехал. Шура с нежностью посмотрел ему вслед. На это последнее объявление Шура особенно рассчитывал.

Полный радужных надежд, он вернулся домой, намазал булку шоколадным маслом, взял любимую книгу с приключениями отважного пограничника Герасюты и его верной собаки Динки, пристроил на диване рядом с собой телефон и стал ждать.

Не успел он откусить от булки два раза, как затренькал звонок.

— Говорит водитель автобуса, — зазвучало в телефоне, — соедините меня с Шурой.

— Шура — это я, — сказал Шура. — Здравствуйте! Вы живете рядом с цирком?

— Ты мальчик или девочка? — спросил водитель.

— Мальчик, — сказал Шура.

— Дети! — сказал водитель. — Я понимаю... Я сам был когда-то ребенком, но нельзя же так. Раз это автобус, так, значит, делай с ним что хочешь... Клей на него объявления, почему зря, плюй на него, обгоняй, да? Даже на велосипеде!

— Я не плевал на него и не обгонял на велосипеде.

— Не ты, так другие, — с тоской сказал водитель. — Это же унижает идею движения, разве не ясно?

— Ясно, почему не ясно. Просто я хочу жить рядом с цирком.

— Я понимаю. Каждому что-то хочется. Слушай, а я бы его немножечко расширил.

— Автобус?! — изумился Шура.

— Зачем автобус. Объявление расширил. Я бы написал: «Нужна квартира рядом с цирком или зоопарком. Желательно как можно ближе». Представляешь, выходишь на балкон — и все видно. Во всяком случае, крупных зверей. Жирафа и слона уж наверняка.

С каждым словом водитель заметно увлекался.

— Тут такие соображения: во-первых, зоопарк ничуть не хуже цирка. Во-вторых, шансы круто поднимаются. Улавливаешь?

— Улавливаю, — сказал Шура.

— А ты молодец, здорово придумал: объявление — к автобусу. Это же все равно, что, например, сто неподвижно расклеенных по всему городу объяв-

лений. Запросто заменяет. Так я допишу, если не возражаешь.

— Спасибо, — сказал Шура. — Допишите, пожалуйста.

Шофер повесил трубку, и Шура повесил. На половине булки с шоколадным маслом телефон зазвонил опять.

— Здравствуйте, Шура. Меня зовут Наташа, — представилась какая-то Наташа. — Мы с вами соседи по одному столбу. Наше с мамой объявление чуть-чуть ниже. Мы потеряли брошь и теперь ищем. Брошь называется «Голова лошади».

— Я не находил. Если найду, то обязательно сообщу, — пообещал Шура.

— Будем вам очень признательны, но мы с мамой уже почти примирились с потерей. Просто нам очень понравилось ваше объявление. Мы будем за вас переживать.

Потом позвонил кто-то и спросил, какая у Шуры площадь. Шура ответил, что никакой площади поблизости нет, а есть только улицы и один тупик. Потом позвонил человек, который предложил половину дома в Кратове. Шура отказался, но всю четверть булки с шоколадным маслом ему представлялась половина дома. Шура ясно увидел половину газовой плиты, полтелевизора, половину двери, и только пол-лампочки ему никак не представлялись. Скорее всего, они должны быть похожи на половинку яблока с косточками, коричневеющими в сердцевине. Такие симпатичные пол-лампочки.

Время было ноль булки без одного кусочка, когда телефон вновь ожил.

— Вы — Шура? — спросили где-то вдали.

— Я — Шура, — честно ответил Шура.

— Алексей Петрович Сбруев, пенсионер местного значения, — отрекомендовалась даль. — Проживаю рядом с цирком. А у вас что?

— У нас рядом лес.

— А еще удобства какие? В домино во дворах играют?

Шура выглянул в окно и ответил:

— Играют.

— А изготовление ключей далеко? А то я, знаете, часто ключи теряю. Я их столько потерял, что не приведи господь! Если их все сдать в металлолом, то можно выполнить план целой школы по сбору металлолома.

— Целой школы! — не поверил Шура.

— Ну не школы, а одного класса...

— У нас дома есть несколько комплектов ключей, — сказал Шура. — Вам на первое время продержаться хватит.

— А мороженое у вас где продают? Потому что если ехать, то мне, извините, это не подходит.

— И мороженое у нас повсюду продают, — успокоил Сбруева Шура.

Еще старик спросил, какие снятся сны в Шуриной квартире, часто ли показывают в местном кино-театре киножурнал «Фитиль» и есть ли рядом садовая скамейка. Шура же, в свою очередь, поинтересовался наличием у Сбруева балкона, высотой этажа и не ругается ли сосед, если, допустим, пускаешь бу-мажного голубя и он залетает на чужой балкон; заодно выяснил ширину перил в парадном: Шура, между нами говоря, любил иной раз съехать по перилам, хотя никогда не злоупотреблял этим.

В общем, обе стороны остались довольны.

— Так что, махнемся? — спросил пенсионер.

— Надо родителей предупредить, — вдруг вспомнил о родителях Шура. — И тогда сразу махнемся.

— А они не будут возражать? — забеспокоился Сбруев.

— Нет, они у меня добрые, — солидно заверил Шура.

— Значит, как скажете родителям, так и переезжаем.

— Ага, — сказал Шура.

Вечером, когда пришли родители, Шура им все и объяснил.

— Вот! — сказала мама. — Оставляй его одного дома. Надо было на третью смену отправить в пионерский лагерь.

— Пожалел, — оправдывался отец, — думал, он уже взрослый. Думал что уютно, но только не это. А ты хоть задал вопрос, шалопай, какая в цирке программа, или, может, он вообще на гастроли уехал?!

— Не задал, забыл, — признался Шура.

— Ну вы полюбуйте на него! — Отец красноречиво простер руки в сторону Шуры. — Удивительное легкомыслие! Удивительное! Верх легкомыслия! Он меняется, даже не зная, какая в цирке программа. Да, может, мы ее уже видели тыщу раз!

— Ладно! — изрекла мама. — Что сделано, то сделано. Но уж от цирка я никуда не поеду. А то потом он заявит, что любит пончики, так что же, давайте, родители, переезжайте поближе к пончиковой!

— ...Или... или... — отец не сразу нашел нужные слова, — он скажет, что любит... я даже не знаю, что... баобабы, например!

— Вот именно! — поддержала мама.

...Короче, теперь все семейство живет рядом с цирком. Дом, доложу я вам, очень и очень неплохой. Восьмой, между прочим, этаж. Так что если пускаешь бумажного голубя, то парит он в воздухе достаточно долго, чтобы успеть насладиться его полетом. И перила в парадном — широкие, удобные, просто замечательные перила. Мне бы такие перила!

Есть и добавочные плюсы, о которых Сбруев не упоминал. Например, сосед сверху. Собственно, не сосед, а его пластинки и магнитофонные записи современной музыки — закачаешься, какие записи!

Сосед включает свою технику нарочно громко, чтобы те, у кого нет таких хороших записей, тоже могли послушать.

И все это — не считая того, что цирк, понимаете, цирк — буквально рядом, через дорогу! Вот что, по-моему, главное.

Может быть,

вы тоже смотрели этот фильм. Там у одной женщины есть собака. И они вместе приезжают отдыхать, кажется, в Ялту. И женщина встречает мужчину, к которому у нее возникает большое человеческое чувство.

Так вот, она в нашем подъезде жила, тремя этажами выше. Я имею в виду не женщину, а собаку. Жила со своими хозяевами. После дебюта их собаки в кинематографе никто в подъезде у нас иначе не говорил, как «те самые, у которых собака в кино снималась».

Мы с женой, конечно, на этот фильм сходили. Нам понравился. И если раньше мы с хозяевами собаки только здоровались, то, снова столкнувшись с ними в подъезде, я что-то такое похвальное сказал насчет их животного. Мол, как хорошо играет, и вообще. А они что-то такое ответили в том духе, что, мол, очень приятно слышать. А жена моя возьми и пригласи их на пирог вечером. А они возьми и согласись.

В общем, симпатичные оказались люди. И совсем незаносчивые. Несмотря на то, что все-таки их собака в кино снималась. Нет, простые, нормальные люди. Правда, собачкина хозяйка оказалась довольно разговорчивая, но я еще не встречал женщин, которые не любят поболтать.

— Кто бы мог подумать, что у нашей Герды вдруг обнаружится талант, — работала она языком. — Мы с мужем никогда не страдали тщеславием и ни к чему такому не стремились. Просто один знакомый режиссер...

— Эра, ну кому интересны эти подробности, — смущался супруг хозяйки.

Но ее было не остановить.

— А Федор — так вообще был с самого начала против. Он считал, что съемки отрицательно повлияют на здоровье бедной псины. Ведь, правда, Федор?

— Эра, ну людям, может, скучно все это выслушивать... — смущался он. Куда там!

— Вы еще не знаете, какой он у меня, Федор. Как он любит все живое. Как боготворит Герду. Не приведи, чтобы хоть волос упал у нее с головы. Правда ведь, Федор?

— Эра, ну зачем ты так! — стонал он.

Мы, конечно, со своей стороны, тоже вставили пару слов. Я, например, сказал, что мы смотрели фильм дважды, хотя, если честно, мы смотрели его один раз. Уж очень хотелось доставить удовольствие нашим симпатичным соседям.

А они, между прочим, сообщили, что сейчас у них много предложений со студии, чтобы снова снимать Герду, но они еще сто раз подумают, прежде чем пускаться в следующую авантюру. Потому что для них участие в съемках — не главное. Им важна творческая сторона. Насколько, значит, творческие способности Герды смогут раскрыться.

И стали мы дружить.

То я зайду, занесу им косточки для Герды, то они попросят меня с ней погулять. А мне и приятно. Правда, первое время волновался: все-таки собачка, согласитесь, не из простых. Мало ли что. Потом попривык. И другие привыкли меня с ней видеть. Подхо-

дят, спрашивают о творческих планах. Я отвечаю. Так, мол, и так, предложения есть, но хотелось бы что-либо поинтереснее. Потому, видите ли, что главное — не участие, а творческая, так сказать, сторона. Чтоб раскрыться, понимаешь, со всей полнотой.

Иной раз как начнешь говорить, сам себя заслущаешься. И думаешь: неужели это ты? А твой собеседник кивает с задумчивым видом, соглашается.

Как-то наш управдом подошел.

— Ты, — говорит, — Виктор Павлович, с собакой здесь гуляешь, а с собаками здесь нельзя. Вон и табличка висит: «Выгул собак строго воспрещен». Но поскольку собака большого культурного значения, то закрываю глаза... Проведем как работу по эстетическому воспитанию.

Потом помолчал, кашлянул и сказал:

— Тут у меня племянник во ВГИК поступать собрался... Так нету ли каких концов, Виктор Павлович? Я обещал поспрашивать кое-где.

Прошло некоторое время, и наши соседи собрались в отпуск, а Герду вручили нам. Уезжая, они давали множество всяких инструкций, как ее кормить и сколько раз, и чтобы ни в коем случае не подпускать других собак во время выгула. Да я и сам это прекрасно знаю. Я оборудовал в нашей квартире специальный уголок, где Герде спать, и сынишку нашего маленького, Витьку, отправил на месяц к бабушке, потому как дитя по неразумию может собаку обидеть. Кажется, все предусмотрел, все предвидел — одного ни предвидеть, ни предотвратить не мог.

Случилось это во вторник, да, точно, во вторник — жив буду, не забуду. Приходит к нам утром газета, раскрываем мы ее и натываемся на рецензию на фильм с Гердиным участием. И что же мы читаем? Мы читаем, что «сцены с собакой — одни из самых слабых во всей картине. Игра собаки вяла, не-

выразительна, вторична. Где-то мы уже видели таких собак. Она явно не воспользовалась теми богатыми возможностями, что были заложены в литературном первоисточнике. Режиссер же, пошедший у нее на поводу (хотя, казалось бы, должно быть наоборот), ограничился первым попавшимся решением и не дерзнул на поиск».

И это все про нашу Герду написано. Виданное ли дело! Хорошо, что она не умеет читать. А то ведь травма, и, может, на всю жизнь.

А ларчик, оказывается, открывался просто. Когда приехали наши соседи, они нам все отлично объяснили. Эра сказала, что она хорошо знает критика, накропавшего статью, у него, представляете, той-терьер, которого он всячески пытается пропихнуть в кино, и рукой нашего обидчика водила черная зависть. Даже иногда не представляешь, до чего злыми могут быть люди!

А Федор сказал, что судьба Герды — это судьба настоящей творческой личности, вынужденной прокладывать дорогу в атмосфере недоброжелательности, и что своими новыми работами Герда отстоит свою неповторимую художественную манеру и заставит замолчать завистников. Очень он красиво говорил. Я на всю жизнь запомнил.

И начали мы бороться. Вернее, бороться стали наши соседи — мы ждали и волновались. Они ездили по студиям и еще куда-то, и чем больше ездили, тем мрачнее становились. И на вопросы наши отвечали как-то уклончиво.

Раз гуляю я с Гердой, и подходит к нам управдом. И говорит:

— Слышь, Виктор Павлович, кажется, русским языком написано: «Выгул собак строго воспрещен». Ай ты читать не умеешь?

— А как же, — я спрашиваю, — насчет большого культурного значения? Сам говорил... Опять же и племянник...

— Ошибся, — говорит, — я в вашей псине. Занял непринципиальную позицию. А племянник в лесотехнический решил податься. И я его решение приветствую как сугубо правильное.

Вот оно как повернулось. Ну, да ладно.

Миновало еще какое-то время. Отправился я к нашим соседям с вкусными косточками для Герды, занову палец, чтобы нажать кнопку звонка и слышу — сами знаете, какая звукоизоляция в нынешних квартирах, — слышу сквозь дерматин двери голос Федора:

— Куда на мое кресло, холера! С лапами на кресло! Пошла вон на место! Вон твоё место, бездарность! Ах, ты не понимаешь по-хорошему, вторичная ты тварь!

И затем повизгиванье Герды, видать, он ее наказывает.

Клянусь, не хотел подслушивать! Но то, что случайно уловили мои уши, поразило меня в самое сердце. Как он мог так кричать на нее! Как мог поднять руку! На замечательную, прекрасную, неповторимую Герду!

Я не стал звонить в дверь. Я вернулся домой, а косточки по дороге выкинул в мусоропровод, хоть и жаль.

На следующий день к нам заглянул Федор.

— Тут, значит, такое дело, — сказал он, разглядывая свои ногти. — Короче, у Эры открылась аллергия на собачью шерсть. А мы знаем, как вы привязались к Герде. Она для вас сделалась как родная. Хотите, забирайте свое сокровище.

...Мне осталось сказать, что теперь Герда живет с нами. Всякие надежды на то, что ее будут снимать в кино, рухнули. Но нас почему-то это мало тронуло.

Я думаю, может, это вовсе и не собачье дело. Гуляю я с ней на пустыре. Где гуляет и весь остальной псинный народ со своими хозяевами.

В результате мы с Гердой ждем прибавления семейства от славного пса Тихона, помеси дворняжки то ли с эрделем, то ли с фоксом. Кстати, вам случайно не нужны щеночки, задаром отдаем?

Писатель и окружающая его действительность

Жил писатель.

У него была мама, такая очень полная, очень общительная женщина. К ней приходило обычно множество подруг. Новым подругам мама всегда показывала своего сына. Она открывала дверь в его комнату и говорила:

— Знакомьтесь! Мой сын! Писатель!

Писатель привставал из-за письменного стола, раскланивался и краснел.

— Да ну! Настоящий! — хором изумлялись подруги и вытягивались на цыпочках, чтобы через головы стоявших впереди получше рассмотреть писателя.

— А то нет! Конечно, настоящий. Можете потрогать, — предлагала мама.

Самые отважные подходили к писателю и трогали его, убеждаясь, что тут действительно никакого обмана нет.

Писатель на это нисколько не обижался, он, в сущности, был добрый человек.

Только с новым романом у него не очень-то клеилось. И даже не столько со всем романом в целом, сколько с главным героем. Вначале писатель не мог на него нарадоваться: такой это был симпатичный герой. Выполнял план на 119,7 процента, учился в вечернем институте, а по ночам ломал голову над новым изобретением, которое обещало дать значительный экономический эффект, в предвкушении

чего писатель бодро потирал руки. К сожалению, длилось это недолго. Герой вдруг начал заметно сдавать в работе (его показатели упали до 98,8 процента), пропустил несколько занятий в институте без уважительной причины, а так удачно начатый чертеж с изобретением, заброшенный, валялся на шкафу и уже успел покрыться толстым слоем пыли.

Вначале писатель расстраивался, как расстраивается отец за своего непутевого сына; когда же герой познакомился с девицей предосудительного поведения по имени Глория, то тут писатель не на шутку испугался. Он предпринял ряд неудачных попыток вернуть героя на путь истинный, но девица Глория вцепилась в молодого человека мертвой хваткой — видно, та еще была штучка!

От всего этого впору было захандрить. Писатель и захандрил. А когда человеку плохо, само собой, что ему надо попробовать как-то развеяться. Писатель надел пальто, нахлобучил ушанку, заглянул на кухню, где его мама с подругами поедали конфеты из огромной вазы и даже не обратили на него никакого внимания, и вышел на улицу.

Здесь надо сказать, что писатель не любил и боялся переходить двор. Объяснялось это тем, что соседские критики крепко обижали его. Особенно был один озорной критик, весь перемазанный чернилами, в пальто с оторванным хлястиком: этот критик придумал, как пугать писателя особенно подлым образом. Подкрадется незаметно сзади и как сделает голосом: «У!» Писатель вздрогнет, обернется, бросится за обидчиком, да куда там! Критик бегал быстрее и всегда успевал забраться на дерево, откуда принимался ужасно хохотать и дразниться языком.

На этот раз писателю удалось благополучно пересечь двор, не встретив никого, и очутиться на улице. Окружающая действительность со всех сторон окружала его. Она падала с неба в виде осадков, пихалась

локтями, наступала на ноги, курила, перебранивалась в очередях, спрашивала, как пройти к рынку.

С крыши дома свисала огромная сосулька, напоминающая коровье вымя, и писатель подумал, что вот хорошо бы ее съесть. Он обогнул яму, которую вырыли зачем-то давным-давно, и подошел к щиту с объявлениями о найме на работу. Он прочитал все объявления очень внимательно: писатели опять нигде не требовались. Тогда он отправился дальше. Навстречу шло много женщин и девушек, и писатель влюблялся в каждую и тут же разлюблял, влюблялся в следующую. Поэтому ему было то жарко, то холодно, то жарко, то холодно. Но в какой-то момент ему начали попадаться навстречу сплошь мальчики, старики и солдаты — по этой простой причине писатель хранил верность одной, самой последней женщине. К счастью, мальчишки, старики и солдаты вскоре закончились, опять пошли женщины, но разлюбить ту, предыдущую, никак не удавалось. Главное — в ней, кажется, ничего особенного не было, кроме родинки, присевшей на щеке крохотным золотистым паучком. Не мог же серьезный, стареющий уже мужчина влюбиться в одну эту родинку. Однако как же это не мог?! Его состояние говорило как раз об обратном.

Он перебрал в уме все, что в таких случаях делают герои толстых романов: они пишут сумбурные письма, застреливаются, облучаются, уходят в море простыми матросами, открывают новую звезду, пьют горькую, пускаются во все тяжкие — выбор был большой, но все это не подходило обыкновенному писателю. И писатель направил стопы к своему старому приятелю — директору магазина «Дары природы».

Директор «Даров» сидел в своем маленьком кабинетике, подперев подбородок рукой, и смотрел в одну точку.

— А, это ты, — произнес директор, когда точка, в которую он смотрел, была заслонена писателем.

— Да, это я, — сказал писатель.

— Мы не можем ждать милостей от природы, — уныло сказал директор и сменил одну руку под подбородком на другую.

— А что мы можем? — спросил писатель.

— Утром с базы завезли дар предвидения, в неимоверном количестве, и несколько музыкальных даров. Ничего другого предложить не могу, — вяло проговорил директор и сменил под подбородком одну руку на другую.

— Скажи, зачем мне дар предвидения? — спросил писатель.

— Я почему знаю. Не хочешь, не бери, — безразлично сказал директор.

— Слушай, ты ведь в школе учился лучше меня. Так?

— Ну, так, — согласился директор.

— Все говорили, что у тебя блестящие способности, не то что у меня, что в будущем от тебя надо многого ждать, ведь так?

— Так.

— И ты оправдал все надежды, выбился в люди, женился, а из меня, кроме обыкновенного писателя, ничего не получилось. Так или не так?

— Так, так! Дальше что?

— А то, что раз ты такой умный-разумный, скажи, что мне делать?

— С чем?

— Со всем. С самим собой, с Глорией, с моим положительным героем, с мамой, с ее подругами, наконец, с девушкой, у которой родинка на щеке, похожая на паучка. Даже сосулька, которая мне понравилась, — и ту я не могу съесть, потому что она висит слишком высоко.

— А ты ее камнем, — посоветовал директор.

— Я промахнусь камнем, — сказал писатель.

— Слушай, возьми дар предвидения, а! А то ведь потом не будет. Сейчас, знаешь, как все хватают.

— Да ну тебя с твоими дарами! Прощай! — и писатель вышел из комнаты.

Первым, кого он увидел, вступив в свой двор, был критик, пытавшийся привязать консервную банку к хвосту несчастной облезлой кошки. Кошка отчаянно кричала в руках критика и пыталась вырваться. Мучитель был так поглощен своим занятием, что ничего вокруг не замечал. Писатель хладнокровно подошел к нему и сказал прямо в его ухо: «У!»

От неожиданности критик выронил кошку. Писатель спокойно направился к своему подъезду и даже на минуту задержался перед приклеенным к косяку объявлением: «Аспирант с женой снимут комнату», хотя знал его наизусть.

На лестничной площадке писателю повстречался Август Янович из 42-й квартиры, выносивший мусорное ведро.

— Добрый день, сосед! — приветствовал Август Янович. — Собирался зайти к вам. Никак, понимаете, заявление не могу составить. Насчет бачка. Бачок у меня, понимаете, в туалете потек. Думаю, зайду к соседу, он писатель, напишет.

— Напишу, — кратко сказал писатель. — Пойдемте.

Писатель открыл свою квартиру, пропуская вперед Августа Яновича, деликатно прятавшего за спиной мусорное ведро.

Женская беседа на кухне, монотонная, как стук швейной машинки, прервалась на мгновение.

— Пожалуйста, направо, — сказал писатель. Писатель уселся за свою верную «Оптиму», а сосед пристроился так, чтобы заглядывать через плечо.

«Заявление», — отстучал писатель на белом листе.

— В жэк, — подсказал Август Янович. «В ЖЭК» — напечатал писатель.

— Когда потек? — спросил он.

— Вчера вечером.

— Лучше пусть будет ночью, — сказал писатель. «Вчера у меня прорвало бачок. Стояла крошечная ночь. Потоки воды все прибывали и прибывали».

— Потом я перекрыл вентиль, — вспомнил Август Янович.

«С трудностями, которые не поддаются описанию, мне удалось перекрыть вентиль. Всю ночь я боролся с разбушевавшейся стихией и только к утру, измученный, заснул. Заклинаю вас всем, что у вас есть святого, произвести ремонт бачка у меня в квартире».

— И подпись, — сказал Август Янович.

Писатель отстучал фамилию заявителя.

— Это у вас хорошо получилось насчет стихии, — сказал сосед. — Думаю, это их проймет.

— Заходите, если что, — попросту сказал писатель.

— Спасибо, обязательно, — пообещал сосед.

И писатель остался один. Он погладил свою «Оптиму» и подумал: «А все ж таки писатели не зря живут на белом свете». Затем вставил в машинку новый лист и напечатал: «Жил писатель...»

Уже с первого взгляда

на него возникало подозрение, что это плохой человек. Со второго подозрение усиливалось. С третьего становилось окончательно ясно: да, это очень, очень плохой человек.

Правда, стол ему достался неудобный, у двери, на самом проходе, что немного нас удивило: ведь неудобные столы — обычный удел хороших людей, плохие — те умеют устраиваться. Но Ягнюк сказал, что объяснить это простым отсутствием в данный момент удобных столов было бы слишком наивно. Нет, тут что-то есть. Скорей всего, какая-то уловка, призванная расположить нас в свою пользу и усыпить нашу бдительность.

— Ничего, он еще свое возьмет, — пообещал Ягнюк.

И мы принялись настороженно ждать, когда наш сослуживец начнет брать свое.

А уже через две недели после его появления Нина Анатольевна сломала ногу.

По этому поводу Ягнюк высказался так:

— Хорошим людям всегда не везет. То они ногу сломают, то еще что-нибудь. Это плохие ходят себе и хоть бы хны. И живут они, между прочим, значительно дольше, чем хорошие...

Нам сделалось окончательно грустно. Мало того, что порядочным людям и так приходится страдать от разных подлецов, да еще у порядочных и век короче. Что же это делается, братцы!

— А вы заметили, — вдруг сказал Валерий Иванович, — что он все время о чем-то думает, думает, думает...

— И замышляет что-то, — изрек Ягнюк.

— Но что? — спросила Любовь Степановна.

— Эх, если бы знать! — вздохнул Ягнюк.

— Мне страшно, — захныкала в своем углу Светочка.

— Всем страшно, — утешил ее Ягнюк.

Буквально через месяц после разговора от Валерия Ивановича ушла жена.

Мы все очень ему сочувствовали, Ягнюк же сказал:

— Хорошим людям всегда достаются какие-нибудь стервы. А приличные женщины всю жизнь мучаются за всякими негодями. Так уж устроен свет, — и он неодобрительно посмотрел на пустующий в эту минуту стол нашего сослуживца.

Мы все тоже неодобрительно посмотрели на его стол.

Однако это были, как говорится, ягодки. Цветочки ждали впереди. В голове не укладывается, что и через три месяца со дня своего появления новенький еще вынашивал коварные планы. Вот каковы плохие люди! Сначала все хладнокровно рассчитают, а потом уж и обрушат на вас.

Нервы у нас стали сдавать.

— Скорей бы, — повторяла Любовь Степановна. — Пусть лучше самое дурное, чем неизвестность.

Но однажды Ягнюк встал в полный рост и заявил:

— Все, хватит, пора действовать — иначе пропадем. Добро должно быть с кулаками, — и он сжал кулаки, показывая, каким должно быть добро.

— Мы готовы, но скажите, как? — воскликнули мы.

— Надо ударить в колокол справедливости.

— Что это значит: ударить в колокол справедливости? — спросили мы.

— В данном случае это означает просигнализировать куда следует. Например, администрации. Конечно, в письменном виде.

— Но факты, факты, он же еще никак не проявил себя! — воскликнули мы.

На это Ягнюк ответил, что когда проявит, будет уже поздно что-либо предпринимать. И что плохие люди в конце концов все на один лад, и наше знание жизни, наш горький опыт столкновений с ними должны подсказать нам нужные слова.

Вечером мы собрались у Ягнюка и написали письма. Было очень уютно, по-семейному, как бывает, когда собираются только свои. Кто-то остроумно заметил, что наша живописная группа напоминает известную картину «Письмо запорожцев турецкому султану», и все долго смеялись.

Подписали мы письмо коротко и поэтично: «Неравнодушные».

Спустя неделю его уволили по его собственному желанию.

Помню, как он собирал бумаги со своего стола, как обронил «до свиданья» и вышел за дверь.

— Все-таки есть справедливость на свете! — произнес в наступившей тишине Валерий Иванович.

— Ничего, выплывет, — сказал Ягнюк. — Такие не пропадают. Это хороший человек пропадет, а таким хоть бы что.

Я сидел и думал. Я думал о том, что было бы, не прими мы вовремя нужных мер. Просто страшно представить.

Его зовут Игорь.

Ему 35 лет, столько же, сколько и мне. Он приходит раз в неделю, в пятницу, это его день. В пятницу вечером раздается звонок в дверь. Из комнаты в прихожую уже несется десятилетний Митька, я тоже откладываю газету и иду встречать гостя. Он входит, сутуловатый, долговязый, и, как обычно, задевает головой нашу модную лампу в прихожей. При этом он виновато улыбается.

— Как ты вырос! — говорит он, ероша белобрысую Митькину голову. То же самое он говорил неделю назад, в ту пятницу.

— Сорванец! — говорю я то же самое, что и в прошлый раз.

— Что ты мне принес? — спрашивает у него Митька, как обычно.

— Конструктор, — говорит он.

— Опять конструктор, — разочарованно тянет Митька.

— А это торт к чаю, — говорит он, протягивая коробку с тортом.

— Опять торт, — произносит жена и уносит коробку на кухню.

Мы проходим в комнату. Садимся, молчим.

— Ну, покажи мне свой дневник, — говорит он Митьке, хотя все мы знаем, что у Митьки, как обычно, пятерка по труду и тройка по алгебре.

— Иди ищи дневник, — строго говорю я.

Митька уходит в свою комнату, где застрянет надолго, оттягивая момент, когда нужно будет показать отметки.

— Вот так всегда, — говорю я.

— А ты с ним построже, — говорит он.

— Успеем сыграть партию, пока притащит дневник, — как бы между прочим предлагаю я.

— Давай, — как бы равнодушно отвечает он.

Мы разыгрываем испанскую партию. На десятом ходу он проигрывает фигуру. Я перехожу в атаку.

— Дядя Женя, у вас ферзь под боем, — вдруг возникает Митька, он, оказывается, уже давно здесь и наблюдает за игрой. Я злюсь.

— Не мешай играть, умник! — говорю я. — Иди лучше займись чем-нибудь.

Митька, надувшись, отходит. Я проигрываю партию. Собираю фигуры. Потом долго смотрю на Митьку, вспоминая, что же я хотел ему сказать.

— Тебе, кажется, пора спать, — говорю я. — Завтра опять в школу опоздаешь.

Митька отправляется спать, а я показываю Игрю своих рыбок. Он уже видел этих рыбок сто раз, но, как обычно, слушает внимательно, время от времени кивая головой.

— Идите пить чай! — кричит жена.

Мы проходим на кухню. Рассаживаемся, помещиваем ложечками в чашках.

— Это какой, грузинский? — спрашивает он.

— Нет, индийский, — отвечает жена.

— Хороший чай, — одобчительно говорит он.

— А по мне — так все равно какой чай, — вкладываю я в разговор свою лепту.

— Ну, как твоя диссертация? — спрашивает жена как бы заинтересованно.

— Двигается помаленьку, — говорит он, делая вид, что тронут вниманием.

— Еще подлить? — спрашивает жена.

— Нет, спасибо, уже напился, да и ехать пора.

Мы выходим в прихожую, и он опять задевает головой лампу. Мы улыбаемся.

— Да, а дневник я забыл посмотреть, — вспоминает он.

— Митька уже спит, — говорю я.

— Ты с ним поостороже, — говорит он, виновато улыбаясь.

— Строгостью не возьмешь, — говорю я. — Лаской и терпением.

— Ты слишком мягок, — говорит он. — До свидания!

— До свидания! — говорю я.

Жена запирает за ним дверь.

— Как был неудачником, так и остался, — говорит жена.

Мы идем в спальню. Щелкает выключатель. Я моментально засыпаю.

Наступает понедельник. После работы закупаю в «Детский мир», покупаю пистолет с пистонами и мчусь в Чертаново. Поднимаюсь на девятый этаж, звоню в дверь. Вхожу.

Навстречу мне выбегает рыжий мальчишка. Я ерошу ему волосы. Думаю, что сказать, и говорю:

— Как ты вырос!

Понедельник — мой день.

Началось с того,

что в старый переулок въехала киногруппа, развернула свое хозяйство и приступила к съемкам.

Житель переулкa Фролов вернулся домой из магазина, сообщил жене о киношниках и тут же исчез, как будто затем только и появлялся, чтобы объявить жене эту новость.

Впрочем, отсутствовал он недолго.

— Маша, а компотик у нас сегодня есть? — прокричал с порога Фролов.

— Целая кастрюля, — откликнулась жена.

— Я всю кастрюлю заберу, можно? — крикнул Фролов. — Очень жарко, понимаешь. Там они на самом солнцепеке снимают, а газировка далеко.

— Кто — они? — не поняла жена.

— Киношники, — это Фролов уже чуть ли не с лестничной площадки прокричал, унося кастрюлю.

Через некоторое время он возник снова и радостно сообщил:

— Режиссеру очень понравилось. И другим тоже. Спасибо тебе велели передать. Маша, а где у нас клей для пластмассы?

— На антресолях. Ты что это там клеить собрался?

— Да, понимаешь, у одной актрисы каблук полетел, — объяснил Фролов и убежал.

В очередной раз он появился уже не один, а в сопровождении кого-то неизвестного в темных очках.

— Коноплянский! — представился неизвестный. — Директор картины. Можно мне от вас позвонить?

И, получив разрешение, принялся накручивать диск.

У Коноплянского оказался очень громкий голос, которым он кричал в трубку: «Одесса! Вас очень плохо слышно! Але, Одесса!»

Потом Коноплянский и Фролов ушли, но Фролов еще много раз прибежал: то забирал все зонты, какие имелись в доме, потому что пошел дождь, то вдруг возникала нужда в марле и вате: кто-то там обрезал палец.

Затем вроде бы наступило затишье, которым жена поспешила воспользоваться, чтобы провести уборку, как опять щелкнул дверной замок и по коридору протопал Фролов.

«Что это он опять замыслил?!» — подумала жена и пошла посмотреть, и, надо же, — вовремя! Фролов был задержан в тот момент, когда уже выносил из квартиры восьмимесячного Костика.

— Куда с ребенком? — грозно спросила жена.

— Маша, понимаешь, там Иван Павловичу пришел в голову интереснейший эпизод. Мать с младенцем на руках, причем младенец крупным планом.

— Это что еще за Иван Павлович? — жена Фролова уперла руки в бока, что не предвещало ничего хорошего.

— Иван Павлович — режиссер-постановщик фильма.

— Ребенка не дам! Положи на место!

— Маша, но ведь для искусства нужно.

— Ни для искусства, ни для чего другого. Сейчас же положи на место!

— Но ты подумай, что ты делаешь! От этого, может, судьба зависит...

— Какая еще судьба!

— Такая! Он, может, у нас талант. Он вырастет — и, может, как Андрей Миронов станет. Или как Боярский. «Пора-пора-порадуемся на своем веку!..» Его, может, в «Кинопанораме» показывать будут. А ты его в самом начале творческого пути останавливаешь. Об этом ты подумала?

— Ну уж и в «Кинопанораме»!

— А что, запросто! Ты посмотри, какой наш Костик фотогеничный!

— Но чтобы через сорок минут были обратно! Его кормить надо. И чтобы с ребенка глаз не спускал. Только с этим условием.

— Что ты, Маша, конечно! — поклялся Фролов и юркнул за дверь.

Жена Фролова вздохнула и принялась за уборку. За этим занятием она вспомнила, что обещала заглянуть к соседке, а когда вернулась, то ее артисты были уже дома. Она услышала, как из комнаты доносятся воркование сына и голос мужа:

— Костик, ну скажи «дубль»! Скажи «ди-а-фраг-ма». «Ре-пе-ти-ци-я». Эх, ничего ты еще не понимаешь!

Смелые пожарные

Какие смелые люди — пожарные!

Я недавно опять в этом убедился.

Пошли мы с дочерью на пруд смотреть уток. Конец апреля, а холодно — утки сидят на льду, высиживают весну, пытаются своим теплом растопить лед.

Мы немного помогли уткам, отыскиали на берегу две палки, потыкали лед.

Но вскоре замерзли и решили вернуться домой.

Идем по улице, вдруг — сирена! Появляются три красные машины, резко тормозят, из них высыпают пожарные, много их, в касках, и у каждого топорик на боку. Быстро так бегут, как на пожар. Выстраиваются в очередь у киоска с мороженым и начинают мороженое покупать.

Вот я и говорю, какие они все-таки смелые люди! Такая весна холодная, еще сто раз подумаешь, покупать мороженое или нет, а им хоть бы что. Потому что они смелые и закаленные, не боятся простудиться.

А один пожарный оказался самый храбрый: он три порции себе купил.

Так же быстро сели пожарные в машины и уехали. Наверное, в пожарную часть, мороженое кушать.

Семь этажей надежд

Обычно здесь пахнет

вареной капустой, собачьей шерстью, порошком от тараканов. Но по субботам примешиваются и другие запахи. Из квартиры, где живет Соня, высокая белокурая девушка с медленными движениями, тянет пирогами. Этот запах способен свести с ума. Соня начинает пироги яблоками. Еще она начинает их надеждой и ожиданием. Соня ждет мужа. Она еще не знает, каким он будет, знает только, что он любит хорошую кухню и маленьких детей.

Когда я прохожу мимо Сониной двери, мне хочется, чтобы меня наподобие Одиссея привязали к чему-нибудь, иначе я могу ворваться к ней в квартиру и сделать предложение. Я спешу миновать опасное место, ведь я уже женат.

Хорошо, что через несколько ступенек мне приходит на помощь спасительный запах гуталина. Крепкий, мужественный запах. Это Август Янович с шестого этажа опять предается своей страсти. По субботам она просто выходит из берегов, перерастая в настоящую гуталиновую оргию. Вся площадка заставлена обувью всех цветов и размеров. Августу Яновичу мало своей, он еще занимает обувь у соседей. Я застаю его в тот момент, когда он с расстояния вытянутой руки любителю начищенной до зеркального блеска штиблетой.

— Вы думаете, молодой человек, это гуталин? — обращается он ко мне. — Нет, вы ошибаетесь. Ника-

кой гуталин не даст вам такого эффекта! Видите эту бутылочку, — Август Янович подносит прямо к моему носу пузырек с яркой этикеткой. — Запомните, юноша, — полировальная эмульсия «Сочи». Неподражаемо! Уникально! Ничего подобного мир еще не знал!

Я перешагиваю через сомкнутые ряды обуви, оставляя Августа наедине с его любимым делом. Находящему художнику не нужны зрители. Его цель — совершенство.

А на пятом, перед пухлой дверью, стоят Константиновы, муж и жена. На их лицах написано отчаяние.

— Опять ключи потеряли? — спрашиваю я соболезнующе.

— Уже шестые в этом году, — шепчет Константин.

— За слесарем посылали?

— Костя побежал. Как вы считаете, Вячеслав, неужели снова ломать? — спрашивает жена Константинова.

— Ну, почему обязательно ломать? — говорю я. — Слесарь откроет. Вот увидите, он обязательно откроет. Он у нас хороший, слесарь-то.

Супруги смотрят на меня с благодарностью.

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» Дальше я забыл, а ведь помнил когда-то. На четвертом у окна стоит в тапочках Петр. Он курит. Жена гоняет Петра курить на лестницу. А может, это не жена? Может, это архитекторы спроектировали Петра вместе с лестницей, лифтом и мусоропроводом?

Петр встречает меня долгим, продолжительным кашлем. Это он хочет спросить, как мои дела.

— Спасибо, Петр! — говорю я. — Дела ничего себе. Грех жаловаться.

Петр кивает и снова начинает кашлять. Меня охватывает страх, что он сейчас рассыплется.

— Нет, не смотрел, — тороплюсь я ответить. — Ты же знаешь, Петр, я футболом не интересуюсь.

А на третьем Викентий Лазаревич Вахнюк отмыкает свою дверь, позванивая ключами. Ключей много, замков много. Вахнюк поворачивает ключи в замках долго и со вкусом. На какое-то мгновение я получаю возможность заглянуть в приоткрытую дверь. Яркое, ослепительное, как мечта, море плещется у самого порога, едва не задевая резиновый половичок. А там, дальше, виден маленький, уютный необитаемый островок, весь утыканный пальмами, словно именинный пирог свечками.

Вахнюк проскальзывает в квартиру и с треском захлопывает дверь. Я стою перед ней, ошеломленный зрелищем. Дверь приоткрывается снова, в проем высовываются рыжие усы Вахнюка и нос, на котором настороженно поблескивают очки.

— А вам-то что? — говорит Вахнюк. — Может быть, мне это только кажется. Кажется — и все тут! И вообще, имею я право отдохнуть в субботу-воскресенье.

Дверь захлопывается. Уже окончательно. Там, внутри, еще долго щелкают замки и гремит цепочка.

Я выхожу во двор.

Во дворе рабочий продуктового магазина Ильгиз выстраивает башню из пустых деревянных ящиков. Я подозреваю, что Ильгиз хочет построить башню до самого неба. И он построил бы ее, обязательно построил, если бы ящики время от времени не вывозили.

Как я учился читать

Слова, которые я

впервые в жизни прочитал самостоятельно, были: «Лифт не работает». Мне шел седьмой год.

Потом-то я много чего читал — рассказы, романы, повести всякие, но никогда прочитанное не производило на меня такого глубокого впечатления, как эти обыкновенные, даже скучные слова, потому что они были первые, понимаете, самые первые.

До этого я не умел читать, просто складывал отдельные буквы в слоги, а тут меня, что называется, озарило. И я, словно немой, внезапно обретший дар речи, повторил: «Лифт не ра-бо-та-ет. Лифт не ра-бо-та-ет».

Наши близкие иногда бывают удивительно глухи к нашим чувствам и переживаниям. Моя бабушка, находившаяся рядом в этот исторический момент, не оценив, видно, всей значимости происшедшего, наградила меня подзатыльником и сказала:

— Да что ты заладил, как попугай: «Лифт не работает!» Он уже третий день как не работает. На вот лучше авоську, помоги на пятый этаж взойти...

Но это была мелочь, ерунда по сравнению с главным — тайна чтения поддалась мне. Все вокруг приобрело новый, значительный смысл, дома и улицы заговорили наперебой вывесками, плакатами, объявлениями и чуть не оглушили меня.

Теперь, будучи уже не маленьким мальчиком, я понимаю, почему дети так любят смотреть в окно, а

взрослые охотно уступают им эту привилегию. Стали бы взрослые от чего-нибудь отказываться, если бы им самим было интересно! Как бы не так! А просто им не интересно, все уже порядком надоело, и смотрят они в основном внутрь себя, стараясь что-то там такое разглядеть. Дети же — наоборот, им наш мир еще в диковинку, и глаза их поэтому широко раскрыты.

Я ехал в трамвае, смотрел в окно и читал надписи.

— Га-стро-ном, — читал я. — Пли-ссе, го-фре... Све-жа-я ры-ба...

Пассажиры в трамвае одобрительно посмеивались. И это еще больше раззадоривало меня и вдохновляло.

— Па-рик-ма-хер-ска-я, — осилил я длинное слово.

— А ты молодец! — похвалил меня мужчина в велюровой шляпе. — Небось, уже в первый класс пошел.

— Нет, — сказал я, — только еще пойду.

— И уже так хорошо умеешь читать!

— За-кры-то на ре-мо-нт, — продемонстрировал я.

— Ишь ты, глазастый, углядел! — сказал мужчина.

— Проход вос-пре-щен, — продолжал я в том же духе.

— Да ты не читай разную ерунду, — сказал мужчина. — Ты чего-нибудь хорошее прочитай. Для души. Вон что там написано?

— Ре-сто-ран, — прочитал я.

— Вот это другое дело! Молоток! — одобрил мужчина.

— Ме-ст нет, — прочитал я.

— А ты вредный, — сказал мужчина и как-то вдруг поскуцнел.

— А-те-лье не ра-бо-та-ет, — шпарил я дальше, не замечая, что происходит вокруг. А вокруг уже никто не посмеивался. — Пе-ре-у-чет, — выдавал я. — Нет та-ры.

— До чего же бывают невоспитанные дети, — проговорила одна женщина. — А родители сидят: ноль внимания! У меня уже голова от этого ребенка раскалывается.

— Ничего хорошего нет, когда у детей слишком раннее развитие, — сказала другая женщина. — Они растут психически неуравновешенными и часто очень печально заканчивают.

Я думал, что мужчина в велюровой шляпе вступится за меня, но он отрешенно смотрел в сторону и всем своим видом как бы скреплял сказанное. И только моя бабушка, всегда и во всем стоявшая на страже нашей семейной чести, ответила:

— Еще неизвестно, какие у вас дети! А мы своими детьми довольны.

И она сдернула меня с сиденья и потащила к выходу.

На улице бабушка опять крепко встряхнула меня и сказала:

— Читатель!

Я был мал и глуп тогда.

Я случайно встретил

своего приятеля с сыном, мальчиком лет шести. Мы обменялись приветствиями и, как водится, принялись сетовать, что так редко видимся друг с другом. Последний раз это было, когда мой приятель только-только стал счастливым отцом, а погляди, какой сын уже взрослый, как время-то быстро бежит, а?!

— Ну здравствуй, богатырь! Как тебя зовут? — обратился я к мальчику, но в ответ услышал пыхтенье и какие-то странные звуки.

— Ты не обращай внимания, — сказал приятель. — Это он поезд изображает.

— Какой еще поезд?

— Обычно скорый поезд «Москва — Харьков». Он на нем летом ездит к бабушке. Но может и какой-нибудь другой. Например, «Москва — Симферополь», «Москва — Сочи», фирменный поезд «Верховина»...

— И долго он будет так пыхтеть? — спросил я как человек, не очень искушенный в детской психологии.

— До очередной станции, — объяснил приятель и посмотрел на часы. — Сейчас он находится где-то между Орлом и Курском. В Курске стоянка десять минут.

— А потом что же, опять?

Приятель кивнул и подавил вздох.

— Да, упорный мальчик, — сказал я.

— Не то слово.

— А нельзя как-нибудь сделать, чтобы он прекратил? — Признаться, я уже начал беспокоиться, как бы мальчик не лопнул у меня на глазах.

— Невозможно! Да говорю тебе, не обращай внимания. Все же это не отбойный молоток и даже не летающая тарелка. Поезд — еще не худший вариант...

— А что, летающей тарелкой он тоже... — Я с еще большим интересом взглянул на чудо-ребенка.

— Все было, — как-то меланхолично заметил приятель. — И летающая тарелка была, и экскаватор, и газонокосилка, и кофемолка... Чего только не было. Запертым домиком, и тем был...

— Запертым домиком?!

— Причем ключ от которого утерян. Это ему взбрело в голову, когда микстуру надо было принимать. Не открывает — и все тут! Пришлось слесаря вызывать. — И приятель мрачно посмотрел на сына. — Ну, кажется, к станции подходит, наконец-то... А помню, как он несколько дней дерево изображал. Вот когда мы с женой отдохнули! Покой, тишина. Растет себе и растет. Только птички на ветвях чирикают. Это тебе не поезд!

— 127! 127! — вдруг заговорил мальчик. — Разрешите взлет, разрешите взлет! — И сам себе ответил: — Взлет разрешаю.

— Ну теперь держись, — сказал приятель. — Это он на вертолет пересел. Что сейчас будет!

— Ну, как-нибудь увидимся, — заторопился я. — Ты звони!

— И ты тоже звони! — закричал мой приятель, перекрывая шум двигателя. — Редко видимся!..

Дальнейших слов разобрать я уже не мог.

Его величество,

несмотря на свой почтенный возраст, любил играть в прятки. На этот раз он спрятался за портьерой. «Пусть ищут, голубчики! — хихикнул он про себя, слушая, какой переполох поднялся там, по другую сторону портьеры. — Пусть побегают! Пусть поволнуются!»

За портьерой пахло пылью и было уютно. Конечно, не бог весть какое хитрое место, но, как всегда, гениальность идеи заключалась в ее простоте. Король с удовольствием вспомнил, как однажды прятался целый день и сколько было шуму из-за него, пока лишь к вечеру он позволил себя найти. А захотел бы, до сих пор искали бы.

Он прислушался.

— Ну куда же он, черт возьми, мог запропасться! — возмущался мужской голос.

«Ай-ай, как непочтительно! — отметил король. — Вот за это вы меня еще дольше поищете!»

— Да ты не кипятись, — посоветовал другой мужской голос. — Ты присядь, сосредоточься и подумай, где он еще может быть.

«Как же, как же, — усмехнулся король. — Так я вам и дался. Нашли простачка!»

— Под креслами мы уже смотрели, под диваном смотрели, под столом его тоже нет. Может быть, на кухне? — высказал предположение первый мужской голос.

— С какой стати он окажется на кухне? — засомневался другой. — Что ему там делать?

«А я тут, а я тут!» — мысленно пропел его величество.

Но в эту минуту он почувствовал, как какая-то сила выталкивает его из-за портьеры. «Барсик, брысь!» — зашипел король, но было уже поздно, он выкатился на свет божий.

— Ага, вот он, проказник! — воскликнул первый мужской голос.

Человек поднял короля с пола, сдул с него пыль и сказал:

— Кажется, сегодня моя очередь играть белыми.

Из записных книжек

Один раз я шел по улице

и вдруг увидел надпись на киоске «Союзпечати»:

«Киоскер болен».

Это было так просто и трогательно, что я остановился. Я представил себе больного киоскера в постели, обложенного подушками. В изголовье — жена киоскера. Рядом — дети киоскера. Чуть поодаль — друзья киоскера.

Картина, исполненная печали.

Весь день я ходил как в воду опущенный: что-то случилось в мире. Киоскер болен! Но не будем терять надежды, думал я. Скоро, скоро опять зацветут деревья, запоют птицы и воспрянувший киоскер бодрым шагом зашагает к своему киоску.

* * *

Запись в дневнике: «Не забыть купить автомобиль».

* * *

Шел «Отелло».

На задних рядах все время разговаривали двое.

Он шипел злым шепотом:

«Опять сахару не купила».

* * *

В 9-м классе моим любимым предметом была
Алевтина Владимировна.

* * *

Будильник одноразового использования. Одного будильника хватает на сутки.

* * *

Маленькое государство, которое живет сдачей пустых бутылок.

* * *

Сколько сил и времени уходит на то, чтобы быть приятным человеком.

* * *

На усах у него было двадцать минут шестого.

* * *

Щедрость определяется не тем, сколько человек дал, а сколько у него после этого осталось.

* * *

В автобусе:

— Мелочь не опускайте!

А никто и не опустил. Все так и проехали, не опуская, бесплатно.

* * *

Театр. Уехал на гастроли и не вернулся.

* * *

Двое приятелей-анекдотов идут по улице. Мимо, в большой лакированной машине, проезжает толстый роман.

— А ведь я его знал, — говорит приятель приятелю, — простым анекдотом.

* * *

Что посеешь, то и пожрешь!

* * *

Уже есть поколение, которое думает, что проспект Калинина был всегда.

* * *

Человека делает несчастным не отсутствие у него каких-то благ, а наличие их у других.

* * *

Я заметил, что ночью я почему-то умнее, чем днем.

* * *

Старый опытный ребенок.

* * *

Современная пьеса о футболе. Входит слуга и говорит:

— Угловой подан!

* * *

Люди делятся на тех, кто придерживает за собой дверь, и на тех, кто не придерживает.

* * *

Переход Суворова со станции «Белорусская»-кольцевая на станцию «Белорусская»-радиальная.

* * *

Телефон от первого брака.

* * *

Настоящая суббота — это пятница.

* * *

Я хотел бы, чтобы мне не было шестнадцати и чтобы меня не пустили на этот фильм.

. * * *

А во дворе Иван Иванович ласкает свой автомобиль.

* * *

— После работы не пью, — объяснял дегустатор.

* * *

Ему достали по большому блату такой календарь, в котором на три дня больше, чем в обычном.

* * *

Всего одна ставка. Но зато какая! Верховного главнокомандующего!

* * *

Посмотрела — как будто рубль отобрала.

* * *

Признак старости: это когда волосы в ушах начинают расти.

* * *

Профессия у него была самая что ни на есть прозаическая: прозаик.

* * *

Если я когда-нибудь напишу кулинарную книгу, она будет начинаться словами:

— Если от вас неожиданно ушли гости...

* * *

Отношение к мужу: вроде ни за чем не нужен, а выбрасывать жалко.

* * *

Никто не может объяснить мне, почему туалетная бумага продается в магазине «Досуг».

* * *

Юмор, он как капитан корабля. Должен покидать человека последним.

* * *

Мечта ребенка — батон с четырьмя горбушками.

* * *

Красивая девушка. Очень красивая. Хочется подойти к ней и спросить:

— Ну и что?

* * *

Ярлык. Написано: «Шапка-невидимка. 200 руб.». Самой шапки не видно.

* * *

Некоторые пишут кровью сердца, а лично я —
желудочным соком.

* * *

Состояние легкого телевизионного отравления.

* * *

Книга отзвуков и предположений.

* * *

Все люди находятся в разной степени бодрствования.

* * *

Что такое писательская техника? Это кратчайший путь от мысли к форме ее выражения. И больше ничего.

* * *

Земля круглая. Поэтому если сесть на станции «Белорусская»-кольцевая и все ехать и ехать, то обязательно вернешься на то же место.

* * *

Женщины, которых любят, как правило, не ведают цен на цветы.

* * *

Опечатка в кулинарной книге может привести к массовому отравлению.

* * *

Сказка про людоеда, который любил ковырять в носу.

* * *

Мы действительно народ Иванов Сусаниных.
У нас любят посылать «не в ту» сторону.

* * *

Искусство руководить заключается в том,
чтобы руководить как можно меньше.

* * *

Отреставрированный Арбат похож на рас-
крашенного покойника.

Дом, в котором я пишу

Дом этот построили

лет семьдесят назад, когда меня еще и в проекте не было. Большой-большой дом. Большой-пребольшой. Наверное, где-то есть дома, в которых люди живут получше: открывается какой-нибудь потрясающий вид, и просто аккуратные, чистенькие дома: все прибрано, настурция в каждом окне или герань, но такого большого дома, такого большого-пребольшого в целом свете не сыскать.

И даже когда он стал разваливаться, по стенам пошли трещины, крыша прохудилась, по подъездам беспрепятственно гуляли сквозняки, даже тогда как-то грело и утешало, что все-таки дом большой, такой большой, что шапку приходится удерживать на голове, когда, стоя у самого подножия дома, пытаешься увидеть край его крыши.

Карниз дома украшают две статуи — рабочий и колхозница. Впрочем, что это рабочий и колхозница, догадаться теперь довольно трудно: лет десять назад рабочий выронил из своих рук отбойный молоток, который, приземлившись, разбился на мелкие кусочки, чуть не убив при падении проходящую старушку, а чем держит свой сноп колхозница — одному богу известно: рук-то ведь у нее давно нет. Однако старожилы настаивают, что эти две фигуры — именно рабочий и колхозница, а не кто иной, — ну да им, старожилам, видней.

Что касается меня, то застал я на своем веку шесть управдомов. Правда, первый покинул сей бренный мир, когда я еще под стол пешком ходил. Он оставил по себе странную память: говорят, ужас какой строгий был, как что не по нем — сразу из дома выселял. Все трепетали перед ним, но когда он умер, пролилось целое море слез. Нет-нет и сейчас кто-то с тоской вздохнет по тем временам, по хозяйну, по его плетке: характер у жителей нашего дома, что называется, буйный, привольный, сами они не надеются, что сумеют себя в рамках дозволенного удержать.

А у второго управдома бзик был еще интересней: считал он, что в условиях нашего микрорайона душистый горошек очень хорошо произрастает, буквально помешался он на душистом горошке, заставил всех завести ящички с землей на балконах и высаживать в них его любимую культуру, будь она неладна!

Поклонник душистого горошка в одночасье сорвался с пожарной лестницы при очередном осмотре нашего дома, и его неутомная душа отлетела туда, где нет ни печали, ни воздыхания, ни строптивых квартиросъемщиков.

Третий всему на свете предпочитал говорение речей. В последние годы своего управдомства он чуть ли не по каждому поводу собирал жильцов и произносил долгие, туманные речи.

Четвертый и пятый вихрем пронеслись по нашей жизни и почти никак не запомнились, не успели запомниться.

Зато шестой... Шестой сразу, как пришел, заявил, что дом построен неправильно. То есть фундамент заложен правильно, но вот стены... Стены никуда не годятся, перестраивать нужно. А как перестраивать? С выселением или без выселения? И если с выселением, то куда выселять? То-то же, что неку-

да! Значит, без выселения. Перестраивать — да, но без выселения.

И стали мы ждать строителей. Каких строителей, никто не знал, — каменщиков, наверное, раз стены перестраивать. Так мы думали. Но вместо каменщиков пришли маляры и начали все перекрашивать. Между перекраской и перестройкой, конечно, разница есть, однако есть и нечто общее: и там и там — «пере».

...А дом-то в еще более худшее состояние начал приходить. Жильцы подъезда № 6, видя такие дела, сказали, что отделяются от нашего дома и заводят у себя местное самоуправление. А наш управдом сказал, что если они отделятся от нашего дома, то мы им газ перекроем и воду отключим. А жильцы подъезда № 6 сказали: «Ну и отключайте!.. Мы на колонку будем ходить за водой, а есть всухомятку, не нужно нам вашего газа».

...Да, вот. Такие вот дела.

Но я люблю наш дом. Несмотря на помойку под самыми окнами. На вечные перебои с горячей водой. И лифт постоянно ломается. И в подъезде постоянная лужа мочи. И распивают прямо на подоконниках, пахнет перегаром и блевотиной.

Некоторые выезжают из нашего дома, переселяются в другие дома, в другие квартиры, где комфортабельней, чище, уютней.

А я не решаюсь. И даже, когда бываю в гостях, начинаю скучать по нему. Даже в таких гостях, где всего в достатке, я начинаю скучать по нашему бедному, запущенному дому. Мама говорит: «Ну пойдешь развейся, развлекись, что ты все дома и дома?!» А я говорю: «Да нет, мама, куда я пойду, не хочу никуда идти, мне и здесь хорошо».

Родился я здесь. В школу отсюда бегал. И из школы — сюда. Впервые поцеловался в этом подъезде. Помню, двери хлопали и от каждого хлопка мы

вздрагивали. Съезжал по этим перилам. И надписи на стенах все наизусть знаю. Например, эту: «Рейган козел». А под ней другую: «Сам козел. Рейган».

В окнах нашего дома по вечерам зажигается свет, распахиваются рамы, и все видно и слышно. Из одного окна пьяные голоса слышны, из другого: «Говорит радио «Свобода». Прослушайте сводку последних известий», из третьего: «Мань!.. А Мань!.. Ну будь человеком!», в пятом на скрипке пиликают, какой-то, возможно, гениальный мальчик. В шестом — стариковская голова на улицу выглядывает... Дом мой, дом! Устоишь ли ты?

Несколько мыслей по национальному вопросу

С первым делом хочу заявить,

что Новоженев — это не псевдоним. Новоженев — это настоящая фамилия. И папа у меня тоже Новоженев. И дедушка — Новоженев. А вот за прадедушку уже не ручаюсь. Может, он уже не Новоженев. Может, он Рабинович. Чего не знаю, того не знаю. Одно мне доподлинно известно, что прадедушка был сельским почтальоном. Именно сельским. Отчего, вероятно, я испытываю безотчетную симпатию к почтальонам. Казалось бы, она должна проявляться только по отношению к сельским почтальонам, однако проявляется ко всем почтальонам вообще, без исключения. Сердце! Ему не прикажешь!

Теперь что касается пятого пункта. Пятый пункт у меня — того... То есть предвижу, что некоторые, увидев мой пятый пункт, плюнут и не станут читать заметку, написанную человеком, у которого такой пятый пункт. Сердце! Ему не прикажешь.

Интересно, что, когда в доме пожар, никто ни у кого не спрашивает про пятый пункт. Никто не спрашивает паспорт у пожарного, подставившего лестницу к твоему пылающему окну.

Интересно также, что всем абсолютно безразлично, на каком языке будет написан рецепт, содержащий тайну бессмертия. Главное — чтобы он был действенным.

Но это к делу не относится. Тут я немного отвлекся.

Так вот, я — за дружбу народов. К чему и клоню. Конечно, понимаю, я лицо заинтересованное. Еще бы я не был за дружбу народов. Посмотрел бы я на себя, если бы я не был за дружбу народов. Но так или иначе, я — за нее.

Что я понимаю под дружбой народов? Сказать, что это когда один народ дружит с другим народом, было бы крайне неудовлетворительно. Главный бухгалтер еще, чего доброго, опротестовал бы мой гоно-рар.

Ну, это когда... Ну, например, есть у меня друг Ильгиз. Он башкир. Дружба между мной и ним и есть дружба между двумя нашими, не побоюсь сказать, великими народами. Потому что не великих народов не бывает. Я лично не знаю ни одного не великого народа. Все народы великие, все пленумы исторические, каждое время судьбоносное. Договорились?

Но просто сказать, что наши народы дружат, — ничего не сказать. Между нашими народами установились тесные экономические и культурные связи. То Ильгиз ссудит меня десяткой-другой до получки, то я ему подкину десятку-другую. Было бы неверным утверждать, что его народ совсем лишен каких бы то ни было недостатков. А кто у меня взял лыжные ботинки всего на два дня и три месяца не отдавал? Кто? Он, Ильгиз. С другой стороны, мой народ мог бы быть и повеликодушнее. Так нет, вспомнил. Лыжные ботинки, видите ли, ему не отдали. Все-таки правильно говорят, что мой народ — мелочный народ. По ходу дела прошу отметить ту суровую самокритичность, которую способен проявить мой народ, давая оценку случаю с лыжными ботинками.

Но хватит о дружбе между народами. Поговорим лучше о любви между народами. Ведь если есть дружба, то где-то рядом должна быть и любовь. Любовь к другим народам я испытывал не раз, пока не

женился. Правда, и теперь нет-нет, а провожаю неравнодушным взглядом другие народы, проходящие по улице. Есть очень и очень симпатичные. Но — жена, дети. Ничто так не привязывает один народ к другому, как наличие общих детей.

Дети... За них страшно! Черт с нами!.. А вот они... Неужели они кинутся измерять линейками черепа у друг друга и приставлять антропологические лекала к носам, показавшимся им подозрительными. Было уже, дети, было! И чем кончилось?

Плохому танцору, дети, всегда что-то мешает... Поэтому надо научиться танцевать. Конечно, можно выбежать на футбольное поле с автоматом Калашникова, перестрелять всех игроков и самому забить гол. Но это не футбол, дети! Это что-то другое, но не футбол. Вам не будут аплодировать трибуны, нет, не будут!

И вас что интересует прежде всего в Осипе Мандельштаме — его фамилия или какие он стихи писал? И какая разница — русскоязычный он поэт или его можно назвать русским поэтом, каковым он считал себя сам и некоторые другие поэты, например Блок А. А. и Маяковский В. В. Главное ведь — что он был Поэтом с большой буквы. Так или не так?

Ну, Шекспир даже ведь и не русскоязычный, так что же — нашему слуху его не постигнуть никогда? Нашему сердцу?

Ай, дети, бросьте! Неужели нет у вас дел поважней? Землю надо пахать! Сапоги шить. Больных лечить. Нужно хоть на малую толику прибавить добра в этом страшном и больном мире, и никто тебе в этом не сможет помешать, если ты сам себе не помешаешь.

АПОЛОГИЯ СОВКА

* * *

С любимое блюдо совка —

это колбаса. Совок исповедует самое передовое в мире, единственно верное и всепобеждающее учение — марксизм-колбасизм.

* * *

Три святыни существуют для совка — Ленин, партия и «Богатые тоже плачут».

* * *

Совок все время ищет, с кем бы пойти в разведку. Зачем ему это? — одному богу известно. Ищет и никогда не находит. «Нет, — говорит совок, — с этим бы я в разведку не пошел».

* * *

В архитектуре совок больше всего ценит двери. Двери, двери, двери. Здания, им созданные, всегда полны дверей. Но пользуется он всегда одной, самой маленькой и неудобной. Остальные закрыты и никогда не отпираются. Таков уж он, совок.

* * *

Из всех искусств для совка важнейшим является балет. Вероятно, поэтому совок часто любит повторять: «Ну, вы у меня еще повертитесь!»

* * *

Заграницу совок делит на ближнее и дальнее зарубежье. Ближнее зарубежье, в представлении совка, населяют урюки, чурки и вообще черножопые. Татарину совок любит показывать так называемое «свиное ухо». Или говорит: «Эй, князь!» (полузабыт.). Грузины, в представлении совка, — это такая нация, которая населяет Центральный рынок и торгует цветами.

* * *

В представлении совка все брюнеты — евреи.

* * *

Совок ощущает себя центром мира. Да что там мира! Вселенной! Там, где находится совок в данную минуту, и есть центр. В глубине души совок считает, что с его смертью исчезнет и все сущее.

* * *

Совок обращается к богу, как к врачу, — когда ему, совку, плохо. Он верит, как говорится, на всякий пожарный: а вдруг что-то такое там на небе есть.

* * *

Совок считает, что человек в шляпе не может совершить ничего предосудительного. Высшим выражением неодобрения для совка служат слова: «А еще шляпу надел!»

* * *

Совок думает, что все люди в очках — умные.

* * *

Совок больше предпочитает запрещать, чем разрешать. Самое употребительное слово в совковом языке — «нет».

* * *

Совок очень удивляется, когда обнаруживает, что кто-то его вдруг не любит. Он искренне обескуражен, что может не быть желанным гостем ни в Восточной Европе, ни в Прибалтике, ни в Молдове. Ему невдомек, что даже самое огромное чувство благодарности все-таки может иметь свои пределы.

* * *

Совок любит разоблачать. Выводить на чистую воду. Выволакивать за ушко да на солнышко.

* * *

Любимая книга совка — жалобная. Совок обожает жаловаться. Коронная фраза совка в магазине: «Где у вас тут директор сидит?»

* * *

Совок любит своих мертвых поэтов. Причем чем раньше, чем более молодыми они умерли, тем он их больше любит. И смерть чтоб мученическая была. Тогда он делает из этих поэтов объект культа. Он засыпает могилы этих поэтов цветами. Совок не может простить Вознесенскому и Евтушенко, что они до сих пор не вскрыли себе вены.

* * *

Совок — большой патриот. Он любит березы. Он считает, что береза нигде больше не растет, кроме России. Он считает, что любить Родину — значит разглагольствовать об этом на каждом углу.

* * *

Совок искренне удивлен, что за медицину и обучение, оказывается, надо платить. Он думал, что это так от начала мира устроено, что бесплатно. С неба свалилось.

* * *

Каждое правительство у совка плохое. Он убежден, что в отсутствии хлеба виновато правительство. Не то, что он, совок, не посеял хлеб и не убрал его, а именно — правительство.

* * *

Совок аполитичен и политичен одновременно. Он пассивен во время выборов и если голосует, то обычно закрыв глаза, а потом просто-душно удивляется, что в парламенте так много дураков.

* * *

Терпение в характере совка сочетается с жутким нетерпением. Нетерпение стоять в очереди к прилавку с потрясающим историческим терпением.

* * *

Совок — он и есть совок.

Раньше «Агдам»

был просто маркой дешевого портвейна, а теперь Агдам — горячая точка, одна «из»... География, мать ее!

Спроси я лет десять назад еще у любого из моих соотечественников, что такое Герцеговина, он бы не колеблясь ответил: «Ну, папиросы такие... «Герцеговина флор» называются».

А теперь черно-зеленая пачка «Герцеговины», попадаясь на глаза, напоминает о войне в Югославии, только о войне в Югославии, и всякая охота сорвать с красотки ее целлофановую рубашечку в страстном курильщицком порыве пропадает ко всем чертям.

И врачи говорят: «Надо бросить курить». Надо, говорят врачи, а то, мол, помрете раньше времени.

А день без сигареты кажется одной унылой пустыней без единого оазиса.

О, поэзия курения, утренняя, первая, самая сладкая затяжка после завтрака — что вы можете знать об этом, вы, не курившие никогда?!

Даже приговоренному к смерти не смели отказывать в том, чтобы затянуться напоследок горьким дымом.

«Кальян в устах его дымился». Пушкин.

Хемингуэй непредставим без своей трубки.

«Тринадцать трубок» Эрэнбурга — почитайте, пацаны, не пожалеете!

Сталин высасывал из табачного мундштука исторические по последствиям государственные реше-

ния, в результате одного из них появился Беломорканал, а потом уж и папиросы «Беломор» — нетленный памятник ГУЛАГу.

Существует анекдот о том, как летчики потеряли летную карту, так они по пачке «Беломора» ориентировались и — ничего, добрались до места благополучно.

И недаром, ох, недаром существует священное для каждого работяги понятие «перекур», в конце каждого часа — предоставь, будь любезен.

Сигарета должна быть заработана, заслужена, как награда, а не так, как некоторые, одну за одной, одну за одной.

Правда и то, что, пожалуй, только удалой русский человек в состоянии махать кувалдой, одновременно попыхивая сигаркой, приклеенной к нижней губе.

Известная картина Непринцева «Теркин на привале», он же там, ежели изволите помнить, самокрутку сворачивает, и с каким смаком, ежели изволите помнить! Нет, нет, как же бросить курить, нет, нет, никогда!

Смена политического курса, как правило, сопровождалась сменой сортов табака, помню, куда-то исчезали в одночасье албанские сигареты, пошли сплошняком болгарские «Шипка», «Солнце».

Первое крупное объяснение с матерью по поводу моего курения (в четырнадцать лет!). Место выбрано крайне неудачно — в скверике на Ильинских воротах, аккурат напротив памятника русским гренадерам, павшим в боях под Плевной. Как подниму глаза на памятник, сразу курить хочется: Плевна — это же где-то рядом с Шипкой.

Дым Отечества: сигареты «Прима», «Памир» (в просторечии «Горный воздух»), папиросы «Север», «Казбек» (там сейчас тоже беспокойно, в этом рай-

оне), «Ароматные», «Бокс», «Аврора» и так далее, и так далее...

Эпоха была продымлена, прокурена насквозь.

А помните, еще такие «Дукат» были, самые дешевые, 7 коп. пачка, студенческими их называли в народе, потому что самые доступные для студентов по цене, пачечка такая симпатичная, аккуратненькая, узенькая, желтая — потом тоже вдруг куда-то пропали, другая эпоха началась.

Л. И. Брежнев всем сортам предпочитал «Краснопресненские».

(Не могу больше, курить — умираю!)

Афоризм моего приятеля Сергея: «Сигарету нужно размять, как женщину».

Кстати, только советские сигареты нужно было разминать, западные, особенно американские, в этом не нуждались, а насчет ихних женщин — чего не знаю, того не знаю.

Были еще такие «Южные», коротенькие, для мундштука, пальмы и беседки на фоне моря; пытаюсь заболеть, чтобы не пойти в школу, выкурил подряд штук пятнадцать, сильно мутило, но не заболел.

Клавдия Шульженко: «Давай закурим, товарищ, по одной! Давай закурим, товарищ мой».

И это потом уже, много лет спустя: «Минздрав предупреждает...» Лучше бы сигареты делали лучше.

И, что у нас была только одна правящая партия?! Две партии у нас были: те, кто курил явскую «Яву», и те, кто дукатовскую. Летом, обычно летом, все переходили на дукатовскую, летом «Ява» закрывалась на ремонт — событие всесоюзного значения.

Сигареты с фильтром пришли к нам позже, чем ко всем остальным. Как все. Как телевидение, как шариковые ручки, как СПИД, как парламент.

А как кто бросает курить — это тоже особая тема. Когда я один раз бросал, мне ночью приснился Ленин на коммунистическом субботнике. Только вме-

сто бревна он нес на плече огромную «мальборину» (право использования сна для рекламы «Мальборо» целиком остается за мной).

И как кто у кого «стреляет», когда у него нет, тоже особая тема.

У нас всегда на улице начинают с просьбы: «Друг, у тебя закурить не найдется?» И только после этого бить начинают. А так сразу начинать неудобно. Неловко как-то.

И неужели же я когда-нибудь брошу курить? И никогда никому не скажу: «Браток, дай огоньку!»

Больше всего меня страшит в этом вот словечко «никогда».

Эти гады на «Мерседесах»

Сказать, кто виноват,

что Ирак напал на Кувейт? Сказать? Американцы виноваты. Изначально. Они наводнили мир автомобилями, от них это пошло. А если бы не прожорливый двигатель внутреннего сгорания, кому б сейчас нужна была нефть? В таком количестве. А если б нефть не нужна была б, Кувейт не сделался бы так сказочно богат. И несчастный нищий Ирак не напал бы на эту страну, буквально ослепляющую соседей своей роскошью. Скромней надо быть. И тогда никто на тебя нападать не будет.

Вот ты идешь в милицию и горько жалуешься, что твою квартиру ограбили. А ты зачем себе видеомагнитофон купил? Зачем дразнишь людей, у которых нет видеошника? Думаешь, им не хочется смотреть западные фильмы?

Окна у тебя на даче, видишь ли, повыбивали. Понимаю, неприятно. А каково тем, кто не в состоянии дачу приобрести?! Им же тоже неприятно мимо твоей дачи ходить. Они, может, твою дачу вообще сжечь хотели, но сдержались, одними окнами ограничились, скажи спасибо.

Ах, ты улыбаешься! У тебя хорошее настроение, да? Интересно, почему бы это? У всех плохое, а у тебя хорошее. Может, ты кооператор? Может, ты участвуешь в теневой экономике? Ну ничего, мы сейчас быстренько твоё настроение испортим.

Поэтому, если хочешь жить спокойно, ходи в телогрейке. Телогрейку никто не снимет. Женись на некрасивой: некрасивую не уведут. Жалуйся на жизнь, на здоровье, на сплошные неудачи, не возбуждай зависти. Наоборот — еще и помогут. А здорово-му, смелому, удачливому зачем помогать? Ему хочется ножку подставить. Проверить, так ли уж он удачлив. Упадет или не упадет. Хочется, конечно, чтоб упал. Чтоб мы с ним сравнялись в невезении.

Мудрость простая, а как эффективно действует. Знакомому позвонишь, спросишь, как дела, в ответ слышишь: «Хуже некуда!» И сразу на душе теплее, значит, и у него тоже плохо. Чтобы разговор поддерживать, побранишь погоду. Он в ответ, что и правительство у нас ни к черту. Это очень тонус повышает. И правительство, и погода — один к одному.

На улицу выйдешь — прямо душа радуется. Идут хмурые толпы, народ вялый, скучный, у всех все плохо, как и у меня. И вдруг — как по сердцу нож полоснет. Какой-то гад на «Мерседесе» едет. Весь расфуфыренный, а рядом красотка сидит, зубы показывает.

И, естественно, рука сама собой тянется за булыжником, который, как известно, оружие пролетариата. Взять бы этот булыжник и по окнам — бзынь! Да нельзя, кругом люди, время еще не пришло, чтобы вот так, среди бела дня, булыжником по окнам. А вот вечером можно. Вечером, пожалуй, народ еще и отвернется, чтоб не смущать, когда ты — булыжником.

А милиция... Милиция — что ж. Они тоже вялые, скучные. У них ни дач, ни машин в личном пользовании. Почему они должны чужие дачи и машины охранять? Вяло как-то, скучно рассказывают они по телевизору, что вот, мол, уровень преступности растет и не все преступления раскрываются... Отстань-

те, мол... Сами виноваты, мол, что растет. Скромней надо быть, тогда бы он и не рос.

И волей-неволей вспоминаются те золотые времена, когда мы все так спокойно жили: ни телевизоров, ни холодильников, ни автомобилей не было в таком количестве, ну, часы с кого-нибудь снимут, поговорят, поговорят и — опять тихо до следующих часов.

Ах, как мы все тогда любили друг друга, просто души друг в друге не чаяли, ни у кого ничего, и уровень преступности — самый нормальный.

И милиция молодцом ходила, все больше пьяными занималась, и какие замечательные детективы про нее нам показывали!

Придет ли снова то времечко?

Бог весты!

Предновогоднее «Ф». Немного грустное

Когда я был маленьким,

я думал, что по радио передают одни только аплодисменты, а в газетах печатают всего одну фразу: «...Лучше надо работать, товарищи!»

Взрослые приходили домой очень поздно, потому что задерживались на собраниях. Они приходили с опухшими от бурных и продолжительных оваций ладонями.

Может быть, потому у нас сейчас руки и не лежат к делу, что в свое время мы отбили их аплодисментами?

В детстве я думал, что заграница — это одна большая страна.

Что если долго морщить лоб, то будешь очень умным. Что дружба народов — это просто такой фонтан на Выставке достижений народного хозяйства СССР, и ровным счетом ничего больше. Что каждый человек в берете и с фотоаппаратом — американский шпион.

Мы спали и видели, как поймаем каждый по шпиону, а один мой знакомый мальчик уже был на пороге осуществления своего заветного желания: он подозревал в шпионаже — кого бы вы думали? — собственного папашу. Справедливые подозрения вызывало то, что батяня моего приятеля по вечерам что-то писал, и причем допоздна. Еще бы не шпион! Слава богу не успел заложить своего предка.

Со словом «финка» я познакомился раньше, чем с женщиной одноименной национальности. У нас во дворе никто не мечтал быть ни учителем, ни врачом, ни космонавтом. Все мечтали попасть в тюрьму. И, надо сказать, многим это удалось.

Очень хорошо помню — мне было тогда семь лет, — как умер Сталин. То есть я, конечно, при этом не присутствовал. Я имею в виду то настроение, которое сопровождало уход из жизни вождя. Помню, как плакала навзрыд наша многолюдная коммуналная квартира. Мы в буквальном смысле сиротели. Кто же теперь будет нами руководить? Кто защитит, согреет светом своей мудрой улыбки, укажет правильный путь? Помню, утешало сознание, что еще есть люди, которые не оставят нас в нашем сиротстве... Могучие люди!.. Соратники! Буденный. Ворошилов... И слезы как-то сами собой высыхали при мысли о них. И на душе становилось легче.

Помню песенку, петую в детстве: «Берия, Берия потерял доверие, а товарищ Маленков дал нам хлеба и блинков».

В школе мы вымарывали его портрет карандашами, бывший товарищ Берия стоял на трибуне Мавзолея с безжалостно затушеванным лицом.

А наручные часы были только у богатых.

И авторучки у богатых.

А Юрий Гагарин и Герман Титов летали в космос и никакого там бога не видели.

А при коммунизме денег не будет: чего хочешь, то и бери.

А один русский пятерых японцев — только так, «одной левой».

И если долго держать тесемки шапки-ушанки во рту, то они намокают и превращаются в сосульку, и эта сосулька бывает очень вкусной.

Про телевизор я и не говорю: телевизоры только у баснословно богатых.

Висят рекламные плакаты: «Покупайте крабы!» Их никто не покупает. В витринах пирамиды из крабных консервов. Картошечки бы с селедочкой! Ничего больше не нужно!

И надо скрыть горы, повернуть реки вспять, растопить полюс и всех негров сделать счастливыми.

В институте, помню, на перилах вырезано перочинным ножом: «Обожаем Кешу Смока. Люда П., Вера К., Алла М.». Это они про Иннокентия Смоктуновского.

Очереди за билетами на американский фильм «Великолепная семерка». Юл Бриннер в главной роли. Впоследствии умер от рака легких. Перед смертью завещал нам всем не курить. Он-то выкуривал по две пачки в день...

На Смоленке еврей-портной по фамилии Иванов шьет нам джинсы из материала «техас», первые в нашей жизни джинсы. Работа — червонец, матерьяльчик — семь.

Хрущев стучит ботинком в ООН.

Брежнев трясет орденами.

При Андропове на дневном киносеансе поголовно у всех проверяют документы: почему в рабочее время не на работе?

Черненко, который удивил тем, что буквально ничем не удивил. Только и успели узнать, что служил на погранзаставе и работал в Доме политпросвещения.

И вот уже электричкой накатили перестройка, Горбачев, съезды Советов, первый, второй.

Почти целая жизнь уложилась в эти имена, события, даты.

Новый год. Век кончается. Немножко осталось. Хочется почему-то дотянуть до XXI. Хотя глупость, конечно. Какая разница — XX, XXI?! Там хорошо, где нас нет.

Но — хочется, хочется. Хочется, чтобы не кончились вода в кране, свет в окне, воздух в груди.

Кукушка, а кукушка, скажи, сколько еще жить буду? Но, сколько бы ни пообещала, хочется, чтобы и потом, после тебя, жили люди... А после них — еще... И еще... И еще...

Потому что так не интересно: вот ты, а потом — никого. Скучно сразу. Тогда сразу ничего делать не хочется. Нет, так мы не договаривались.

С Новым годом, дорогие товарищи!

Письма в редакцию

«Уважаемая редакция! —

пишет вам читательница Вероника С. — Существует примета, что если оторвешь в транспорте счастливый билет, то обязательно повезет. Такой билет достался мне, когда я ехала в 76-м автобусе. Сумма первых трех цифр в нем равнялась сумме трех последних. Но вот уже прошло полгода, а счастья все нет».

Дорогая Вероника! С вашим письмом мы обратились в управление пассажирского транспорта. Меры приняты. Директору автобусного парка поставлено на вид. Водитель переведен в слесари сроком на месяц. Маршрут № 76 ликвидирован.

А вот другое письмо:

«Прочитал в вашей газете прогноз погоды на неделю. Что вы пишете? Дожди, похолодание... А мы всей семьей собрались на дачу...»

Дорогой товарищ! А у нашего редактора как раз накопилось много дел в городе. Подумайте, каково ему работать в жару! Погодите немного, скоро он пойдет в отпуск, вот тогда...

А это нам пишет некто Анатолий К.:

«Говорят: победи в себе лентяя. А если лентяев в тебе сидят двое или трое. Что тогда?»

Трое на одного! Толик, беги!

«Дорогая редакция! Я женился, а мой начальник не хочет давать мне положенный трехдневный отпуск после свадьбы, мотивируя это тем, что я уже гулял три дня, когда женился в прошлом году».

Уважаемый Леонид! А стоит ли беспокоиться из-за каких-то трех дней. Накопится недельки три, тогда разом и отгуляете.

Слово прощания

У моих коллег — юмористов

глубокий траур: безвременно уходит со своего поста глава российских коммунистов Иван Кузьмич Полозков. Вместе с ним уходят в небытие с десятка полтора безотказных анекдотов, неизменным персонажем которых он был, анекдотов, многократно проверенных на публике, исправно кормивших целый отряд мастеров веселого цеха. А сколько реприз потеряют свою убойную силу, сколько забавных рисунков, недавно задуманных, так и останутся невоплощенными! Эх, Иван Кузьмич, Иван Кузьмич, что же вы наделали! А если уж так приспичило уходить, не могли чуток подождать, что ли?! Я бы вот угловой диванчик на кухню себе купил, еще бы кое-какие дыры в хозяйстве залатал, тогда бы и с богом! На кого покидаешь, кормилец? На никому пока что не известного Купцова? Но потянет ли он? Что нам про него известно, кроме того, что он из семьи вологодского крестьянина, закончил политехнический институт, а затем высшую партийную школу? Что тут, скажите, смешного, кроме высшей партийной школы? А у меня семья — пять душ, есть-пить хотят, с ними-то как?

В эти скорбные минуты горячо молюсь за здоровье премьер-министра Павлова, полковника Алкиса, лидера либеральных демократов Жириновского, непревзойденной Нины Андреевой, иже с ними певца ОМОНа Александра Невзорова. Ах, золотой

народ! Что ни слово — сокровище, что ни заявление — пародия. Дай бог им, как говорится, побольше пленумов и брифингов, презентаций и деклараций, всяческих платформ и открытых писем! Им — удовольствие, а нам — прибыль. Они высказываются, душу облегчают, мы честно записываем, а народ хочет. Народ хохочет, нам с голоду пропасть не дает.

Не хочу быть голословным, спешу, спешу предъявить примеры.

Ну, скажем, поехал бы я в этом году на юг, не заяви еще весной Валентин Павлов, что швейцарские банки скупали наши сторублевки прежнего образца, чтобы подорвать нашу же экономику? Дудки куда бы я поехал. Сидел бы в Подмосковье, сосал бы лапу. А так — целый монолог, шутка там, шутка здесь, бешеный успех, аплодисменты, всюду приглашают, артисты исполняют, авторские капают. До сих пор ведь не выдохлась тема! До сих пор! К тому же и сам, так сказать, виновник перла не дает потускнеть ему, нет-нет, а сморозит что-нибудь в развитие своей бессмертной мысли, и, глядишь, она и засверкала новыми гранями, вострепелась, обрела второе дыхание.

Больше того, уж если до конца быть откровенным, эти ребята падают на Хазанова с Задорновым буквально как папы Карло. Да! Как крепостные крестьяне, честное слово! А то, что со стола наших прославленных звезд падает, меньшие их собраты подбирают, и, представьте, им тоже хватает. Я бы уж, по справедливости, бросил бы клич юмористам всех мастей скинуться и сделать отчисления тем, кому мы по сути столь многим обязаны, надо же и их материально заинтересовывать. Не могу здесь удержаться и от горьких слов упрека. Да, да, это к вам относится, Егор Кузьмич Лигачев, не делайте вид, что не понимаете. Что-то давно вас не было слышно. Резко снизили активность. Ну и что, что пенсион-

Работа на телевидении дает потрясающую возможность
— говорить с выдающимися
деятелями культуры, политики, экономики

С Майей Плисецкой после эфира
"Старого телевизора"

**Со Святославом Бэлзой и Олегом Новиковым
(генеральным директором издательства "ЭКСМО")
в Центральном Доме литераторов**

Дневной эфир передачи "Сегоднячко". В студии сам Михаил Жванецкий

А уж какой собеседник Григорий Явлинский!

Валентин Лавров, автор детективных бестселлеров, считает, что идею криминальных сериалов подал ему я, еще работая в "МК". Вот теперь обмываем очередную книгу. Слева — Валентина Толкунова

С сыновьями патриарха отечественного юмора Виктора Ефимовича Ардова — Борисом и Михаилом

С хрупкой сильной женщиной
Людмилой Гурченко

Коллеги по цеху — Виктор Шендерович
и Дмитрий Быков

Царственным особам соответствовать трудно.
Но надо к этому хотя бы стремиться.
Галина Вишневская после ночного эфира передачи
"Времечко"

Клара Новикова — моя давняя любовь

Ах, Белла Ахатовна! В центре — автор проекта
«Антологии сатиры и юмора» писатель Юрий Кушак.

Коллеги
и помощники по эфиру
"Времечка":
Андрей Максимов
и Марина Швыдкая.

Одна из последних фотографий отца, тоже коллеги —
журналиста, писателя.

Дима Дибров — здесь он уже телевизионный
"О, счастливчик!", а двадцать лет назад приносил мне в
"МК" отличные рассказы

А теперь и я «О, счастливец!». На вручении "Золотого Остапа" с блестящими ведущими церемонии А. Ширвиндтом и М. Державиным.

Я очень люблю этот питерский фестиваль юмора вне зависимости от того, причитается мне награда или нет

Работа на телевидении
учит быстро есть,
параллельно делать
несколько дел,
а также играть
самые разные роли —
от Деда Мороза
(во время
командировки
в Финляндию)...

...до матроса на барке
(остров Сардиния)

ный возраст?! А по силе возможности? Никто ведь и не ждет от вас, что вы из кожи лезть будете, но иной раз всего-то отрывок-другой из ваших воспоминаний — это же вас не убудет? И на заслуженном отдыхе можно еще приносить пользу людям.

Итак, друзья, в этот тяжелый для всего нашего юмористического цеха час закликаем вас: сомкните ваши поредевшие ряды усталых бойцов! Ужель склоните головы перед гидрой приватизации? Ужель будете праздновать труса перед рынком окаянным? Ужель поступитесь принципами?

Прощай, Иван Кузьмич Полозков! Прощай, старый товарищ! Мы не забудем тебя.

Запад не такой большой, как нам кажется

И почему всегда хорошо там,

где нас нет? И почему, как мы только появляемся там, где нас нет, там сразу становится как-то не совсем хорошо? Например, было чисто, стало наплевано. Не воровали — воруют. Никому раньше в голову не приходило бензин водой разбавлять, а тут словно с цепи сорвались — разбавляют без всякого зазрения совести.

И вот наш человек скребет в затылке у земного глобуса в рассуждении, куда бы рвануть, где еще осталось хорошо. Говорят, в Австралии кучеряво живут. В Новой Зеландии тоже недурственно. В Объединенных Арабских Эмиратах... На Сейшельских островах... Да мало ли мест, где пока еще отсутствуют следы нашей цивилизаторской деятельности. Где никому невдомек, что водяру можно глотать стаканами, что «дворники», выходя из машины, следует прятать куда подальше, что кружку следует приковыривать цепями к питьевому баку, что в каждый газон должна быть воткнута табличка «По газонам не ходить!», а к каждому цветку привязана бирочка «Не рвать», желательно на трех языках, включая, разумеется, и русский, иначе вытопчут и вырвут, а впрочем, и так вырвут, главное — пример показать.

Я, кажется, начинаю понимать, почему мировое сообщество проявляет столь горячую заинтересованность в том, чтобы дела у нас тут, на территории

бывшего Советского Союза, приняли благоприятный оборот. Я даже согласен с теми, кто считает, что здесь просматривается заговор определенных сил. Конечно же, заговор! С целью не допустить дальнейшего роста эмиграции на Запад. Ну ладно, пять лет назад количество отъезжающих исчислялось десятками тысяч, сегодня счет пошел на сотни, а если завтра будут миллионы? Запад же не выдержит. Запад же не такой большой, как нам кажется. Он, в общем-то, довольно маленький, он же перевернется, как утлая лодчонка, в которую прыгнул гигант.

А представьте — завтра новый коммунистический путч! Сколько народу двинет отсюда, спасаясь от новых пятилеток, беломорканалов и БАМов? Вон и Руцкой! Уже запасаемся чемоданами, и не двумя-тремя, а одиннадцатью, молодец мужик! А что у вас делается на антресолях? Не пора ли разобрать хлам? А то в последнюю минуту окажется, что из-за старого велосипеда, лыжных палок и сломанного проигрывателя «Ригонда» к чемоданам не подберешься!

Сначала уехали академики, балерины, виолончелисты. Затем с мест снялись младшие научные сотрудники, цирковые фокусники и люди, отбывшие различные сроки заключения по хозяйственным делам. Снялись, не дожидаясь, пока Верховный Совет даст землю и волю. Потом начал все больше задумываться народ, просто знающий четыре правила арифметики. С четырьмя-то правилами арифметики, да неужто же там пропадем, где нас нет?! Так примерно рассуждали они. Но, кажется, схиляли и эти. Сужу по тому, как трудно считают продавцы коммерческих киосков, давая сдачу. Морщат лбы, шевелят губами. Зловещий, знаете ли, признак. Теперь очередь за теми, кто элементарно умеет расписываться в платежной ведомости. И картина будет выглядеть за-

вершенной. Темные улицы. Толпы народа с кумачовыми знаменами. Объясняются друг с другом уже не словами, а жестами. Мычат что-то, хлопают друг друга по плечам.

К этому идет. И непременно придет, если политика проволочек, компромиссов, изматывающих полумер останется доминирующей. Если нам всем по-прежнему будет нечего терять, кроме своих цепей. Ведь остатки этих цепей в экономике и в политике и не дают, собственно, развернуться. Начать устраиваться так, чтобы было хорошо там, где мы есть.

Упершись рогом в плетень

— А учшим ответом на митинги

23 февраля был праздничный финал Белой Олимпиады вечером того же дня, но в Альбервиле.

Такая вот мысль.

Все перепуталось, и много людей разучилось смеяться.

Темное, злое большинство утратило чувство юмора, просто перестало владеть им.

Отсутствие чувства юмора связано напрямую с потерей представлений о добре и зле, нравственном и безнравственном, полезном и вредном, хорошем и дурном, теплом и холодном, полосатом и в крапинку.

И зима — какая-то не зима, а то ли поздняя осень, то ли ранняя весна, не разберешь.

И либерально-демократическая партия совсем не либеральная и уж, конечно, не демократическая, а, извините, черт-те что и сбоку бантик.

И женщины как-то не очень женщины и мужчины — не полностью мужчины.

И на каждой газете, как ни посмотришь, обязательно написано, что она и независимая, и непременно народная, что совершенно не означает, что народ торопится ее покупать.

И что такое народ — тоже не совсем понятно. Это как йети, снежный человек: все говорят о нем, вон

даже и следы, но никто ни разу его не видел, так сказать, полностью.

Демократы выходят на улицу, и думаешь, что вот это уже точно народ. Не может быть, чтобы не народ, как пить дать — народ. Но не успеешь укрепиться в своем убеждении, как тебе тут же и разобъяснят, что какой же это народ, вы что, народов не видели, это еще не народ, а вот погодите, как будет народ, так мы вас сразу и предупредим.

Выходят коммунисты, и — опять не народ. Ах ты, боже мой, и где же ты таишься, миленький, появившись на минуточку, дай на тебя хоть глазком-то глянуть!

А один публицист все наскაკивает на КГБ и наскაკивает, разоблачим, мол, всех, кто работал в КГБ, и уж тогда заживем, так заживем, что уж надо бы лучше, да некуда.

А я думаю, что проще перепись населения произвести: как раз то самое оно и будет. Я думаю, что оба эти списка совпадут. Или почти совпадут. Тысяча туда, тысяча сюда, какая, собственно говоря, разница! Ну, не тысяча, а десяток тысяч, ну, ладно, сотня. Сотня тысяч! Все равно ведь и эта сотня тысяч тоже будет не народ.

А другой зарубежный, но русский писатель признался в своем публичном выступлении, что вернулся на родину не просто так, а чтобы поучаствовать в гражданской войне, не мог, знаете, пропустить столь замечательный шанс. Правда, он так и не пояснил, в качестве кого собирается участвовать. Как писатель? С целью насобирать материал на новую книгу? Или как боевик? Или как тот и другой одновременно? Такой современный вариант Хемингуэя, чтобы не сказать больше — Дмитрия Фурманова.

Писатель худ, еще не лыс, и от всей его фигуры веет решительностью человека, сильно недоигравшего в детстве в «казаки-разбойники».

Их сейчас ужасно много, недоигравших в «казаки-разбойники».

Их в детстве, что ли, родители рано загоняли домой, черт его знает.

И вот сейчас они торопятся взять свое, и мы с ними как-то не совпадаем по амплитуде, что весьма обидно.

Нам хочется детей уже своих воспитывать, а им еще — в «казаки-разбойники».

На иного посмотришь, взрослый же дядька, и брюхо уже, и двойной подбородок, а туда же: гимнастерку напялит, ремнями перетянется, портупелями всякими и ну давай маршировать взад-вперед.

Между прочим, тот русский, но зарубежный писатель жалуется на скуку, которая царит в комфортабельной Западной Европе, откуда он прибыл сюда и где, надо полагать, набрался сил и как следует отдохнул, чтобы уж полноценно, с максимальной отдачей принять участие в гражданской войне.

Не сомневаюсь, что в результате участия писателя в гражданской войне из-под его пера выйдут разные яркие, захватывающие произведения, написанные сочным, образным языком, как он это умеет, и тут уж, как говорится, ничего не жалко, пускай и гражданская война.

Я всегда подозревал, что в России лучше всего жить вахтовым методом, как это заведено у нефтяников.

Для тех, кто незнаком с вахтовым методом, поясню, метод сей заключается в том, что бригаду нефтяников забрасывают на буровую, в тайгу, к комам, в нечеловеческие условия жизни, забрасывают на месяц или на два, а потом, по истечении срока, меняют на другую, свежую бригаду, возвращая измотанных людей в цивилизацию, в нормальную среду, пока снова не придет их черед отправляться в

тайгу. Очень, говорят, повышает производительность труда и вообще способствует.

Повторяю, вот так бы и в России жить, вахтовым методом.

Марк Аврелий из рода Антонинов, император и мудрый человек, сказал однажды: «Я — Антонин, но я и человек. Для Антонина отечество — Рим, для человека — весь мир».

С тех пор телевидение и разные другие штуки типа орбитальных станций и сверхзвуковых истребителей сделали земной шар еще меньше, чуть ли не размером с яблоко.

Хотя, конечно, можно притвориться, что ничего этого нет, можно просто не замечать этого еще какое-то время, просуществовать, упершись рогами в родной плетень.

Эй, что мы там еще не пробовали! Коммунизм уже пробовали, демократию — тоже, осталось попробовать фашизм.

Ах, вам не нравится это слово, ну замените его на какое-нибудь другое, мало ли в нашем языке благопристойных терминов!

И давайте, давайте возвращать все обратно. Молдавию, Украину, Азербайджан, Грузию, Армению, Прибалтику, а там, дальше, страны Восточной Европы, а дальше, дальше — война, но уже не гражданская, увы, уже не гражданская.

Неужели еще надо пережить и это?

Не трогайте армию. Она болит

Не знаю, о чем напишу

И напишу ли.

И надо ли писать? Разве что для того, чтобы слова были постоянно в употреблении и не ржавели. Сегодня для тренировки постарался вспомнить слово «эксклюзивный». Слово, смысл которого мне еще не до конца понятен. А спросить неудобно. А в словаре нет. Словари не успевают.

Вообще же совершенно нет досуга думать, потому что постоянно приходится разговаривать. Люди же стали до ужаса жадными и не хотят даже делиться мыслями. В конце концов, кто такие писатели? Писатели — это доноры мысли. Какие-то малокровные пошли доноры. Литература из живительного источника идей превратилась в наемного убийцу времени и не претендует больше чем на то, чтобы угробить часок-другой. Как будто жизнь — это всего лишь очередь к зубному врачу.

И тем не менее писать надо. Домна не должна остывать, иначе потом ее не раскочегаришь. Или хотя бы потому, что, если ты не напишешь, напишет Александр Минкин. Проснешься так однажды утром, а везде Минкин, Минкин, Минкин...

Чтобы сегодня быть интересным, надо ругать правительство.

Также пользуются спросом скверные предчувствия и грозные прогнозы.

Будет очень плохо.

Нет, будет не просто плохо, а еще хуже.

Слабо, слишком слабо. Будет не просто хуже, а просто ужасно!

Дикторы, политологи, астрологи, экономисты словно сговорились устроить соревнование — кто сильнее напугает свою аудиторию. Правда, все возрастающая шикажность галстуков и роскошь костюмов на появляющихся в кадрах прогнозистах не вяжется с нарастающей апокалиптичностью прогнозов. (Апокалиптичность — проверить в словаре, может, уже внесли.) Уж если предсказываешь катастрофы и потрясения, так уж будь любезен быть органичным до конца. где язвы и струнья? где рубище и вериги? — это бы впечатляло еще больше. И раз говоришь о голоде, то не мешало бы похудеть и куда-то спрятать этот неуместный румянец, совсем не похожий на туберкулезный.

Мрачные прогнозы имеют то преимущество, что, когда они не оправдываются, общество вздыхает с облегчением. Еще никого не притягивали к ответу за то, что обещанный голод не состоялся. И, наоборот, сколько упреков обрушилось на головы тех, кто сулил изобилие.

Зима будет трудной — обещает правительство.

И, действительно, так посмотришь, трудная зима, хотя могла быть и еще труднее. Но эту промашку хочется великодушно простить.

Придется потуже затянуть пояса, божится вице-премьер, а вслед за ним госсекретарь, а вслед за ним хор всевозможных консультантов, и так это идет по цепочке вплоть до Хрюши и Степашки, а что они, рыжие, что ли?!

Хорошо, проверчиваешь заранее две дырки в ремне на всякий случай, плюс-минус одна дырка — вполне нормальный допуск.

Но народ, говорят со вкусом дикторы и экономисты, больше не желает терпеть.

Да, не повезло демократам. На коммунистах терпение народа закончилось. На Сталина хватало, на Брежнева тоже. На Бурбулиса с Гайдаром уже не хватает. Не успел Хасбулатов еще новой дубленки износить, а широкие массы уже вопят: «Долой!»

Чем хороша демократия? Тем, что совершенно свободно можно проявлять нетерпение.

Все же мне больше по душе организованное профсоюзное движение. Авиадиспетчеры требуют повышения оплаты труда и две недели дополнительных к отпуску. Это понятно. Это вызывает уважение. Или шахтеры. Шахтеры не желают спускаться в забой меньше чем за 17 тысяч в месяц. Ни у кого не возникает никаких вопросов, кроме как — где достать эти 17 тысяч.

Но когда бесформенная толпа, называющая себя трудящимися, выходит на площадь повозмущаться, хочется спросить наугад взятого человека из толпы: «Ты кто? Ну, кто ты? Ну, по профессии? Ну, может, ты хотя бы парикмахер? Или столяр ты? И почему ты тогда не идешь и не зарабатываешь? Ведь можно же пойти и заработать. Можно же! Ведь куда ж ни посмотри, везде требуются, требуются, требуются руки и головы».

Но нет у меня уверенности, что у человека, выдернутого наугад из толпы, руки правильно растут. Ох, нет такой уверенности... И вряд ли голова — Дом Союзов...

Да, пенсионеры, я понимаю. К пенсионерам нет вопросов. Да, инвалиды. Да, дети.

И еще вот армия...

Но армию лучше сейчас не трогать. Она болит.

Портфели без министров

Ничто так не укрепляет семью,

как супружеские измены.

Уйти можно от кого и откуда хошь.

От слежки, от жены, от любовницы, от бабушки, с уроков, из кино, наконец, с Конституционного совещания (это вообще раз плюнуть). Но уйти из «Московского комсомольца» невозможно. То есть почти невозможно. То есть уходить-то уходи на здоровье, но еще долго какая-то важная часть твоего существа будет возвращаться в прежние места обитания, стелая и бия себя в грудь наподобие призрака самоубийцы и, видимо, я так думаю, пугая в пустынных коридорах редакции молодых припозднившихся сотрудников.

Короче, ушел я. Еще короче — на телевидение. И уж короче некуда — на 4-й канал. Почему? Сам не знаю. Вон Лев Николаевич тоже ушел из Ясной Поляны. А я что — лысый? Сколько себя помню, откуда-нибудь да уходил. Из дома мальчонкой бегал постоянно. Ей-богу, ребята, есть во мне что-то от Толстого. Ну и от меня, конечно, уходили. Немерено. Ноги имеются, вот все и уходит друг от друга.

Короче, поманили электронные средства массовой информации. Уж как ни будь тверд человек, как ни кичись своей стойкостью, а насчет того, чтобы мелькнуть на экране, не выдерживает, слабину дает.

Что меня больше всего поражало всегда в «Останкино»? Это то, что оно большое. Такое большое-пре-

большое. И вот такое огромное «Останкино» рождает то маленькое-премаленькое, что называется у нас телевидением. Попросту говоря, гора ежедневно рождает мышь. Много мышей. Есть среди них и симпатичные. А есть — ни рожи ни кожи. И ежедневно в процессе предварительного вынашивания и последующего рождения участвуют тысячи людей. Плюс еще РТВ. Плюс, не забывайте, «Шаболовка». Всегда удивительно, когда что-то большое рождает что-то маленькое. Также и наоборот. Смотришь, крохотная женщина, а какого гигантского мужика произвела на свет. Где же он там у нее помещался? Когда что-то маленькое рождает что-то большое — это, как мне кажется, более удивительно и достойно восхищения.

Но поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Ушел так ушел. Из рядов критикующих перебрался в лагерь критикуемых. И теперь в качестве лица, оголенного со всех сторон для всякого рода наскоков, заявляю, что критиковать несравненно легче, чем... В общем, вы сами, сами попробуйте. Покажите, как надо. Кто вам мешает сделать телевидение таким, о каком вы мечтаете? Или правительство. Не нравится вам правительство, станьте министром, хотя бы и без портфеля, и — вперед! Так нет же, вы предпочитаете критиковать. Это, мол, не так, и то не эдак. Тут, мол, надо чуток правей, а здесь — слегка вбок и наискосок. Эх вы! Ну, так и жуйте то, что есть. Иного вы недостойны.

И вот бродят и бродят окрест лохматые, заспанные люди с серьгами в ушах. И вздыхают, и жалуются, и клянут судьбу. Нам бы, говорят, деньжат, уж мы бы тогда... Ладно, появляются деньги. Откуда-то появляются, не суть важно. Казалось бы, иди и делай. Нет, опять вздохи. Что деньги, говорят люди в серьгах? Что на них купишь в наше-то время, на эти са-

мые деньги? Работать-то на чем? Где необходимые условия? Где оборудование? Ну, мать их итить! Ладно, вот вам условия. Вот вам оборудование. Не знаю откуда. Может быть, гуманитарная помощь с Запада. Главное — есть. И опять все не слава богу. Выясняется полное отсутствие рук, которые можно было бы приложить в этих неплохих, в сущности, условиях, с этим неплохим оборудованием и с этими неплохими деньгами. Ну нету рук. И соответственно мозгов. Воистину по Булгакову получается. Чего нихватишься, ничего у нас нет. Какой-то вселенский вакуум. И все-таки, несмотря на это, что-то у кого-то вытанцовывается, что-то помаленьку выползает. Жизнь если не бьет ключом, то теплится. Кто-то бессонный не дает ей загаснуть. Значит, есть надежда. Надеждочка. А также — Любочка. Верочка. Светочка. Оленька. И другие девчонки.

Проверка на вшивость

Многоуважаемые

господа судьи!

Господин прокурор! Господа присяжные! В этот опять судьбоносный для нашей Родины час позвольте обратиться к вам с небольшой речью. Пройдет некоторое время, и вы, взвесив все обстоятельства дела, произнесете свой суровый, но справедливый приговор участникам антиконституционного переворота. Надеюсь, что весы у вас отрегулированы как следует и гири на них правильные и вообще никаких фокусов при взвешивании не будет, а не как у нас в соседнем гастрономе. Да, бесспорно, вина подсудимых чрезвычайно тяжка, последствия их поступков не укладываются ни в какие рамки, да что там говорить, они просто козлы, но, господа судьи, господин прокурор и вы, господа присяжные, нельзя не обратить внимание и на смягчающие обстоятельства. Если бы не идиотические действия подсудимых в памятные дни августа, вы бы, господа, и сейчас грели в своих нагрудных карманах партийные билеты, Михаил Сергеевич метался бы по-прежнему между правыми, левыми и народом, а нам бы оставалось только гадать, до каких же пор этот цирк может продолжаться. И разве посмел бы я сейчас называть вас господами? И разве освободилось бы с такой волшебной быстротой известное здание на Старой площади? И разве проявилась бы с такой определенностью неспособность прежних структур к руководству

страной? Нет, нет и еще раз нет! Лишь вступление Янаева и его компании в заговор против законно существующей власти позволило перевести вялотекущий процесс построения социализма в одной отдельно взятой стране в состояние бурного обострения, за которым, надеемся, наступит, как выражаются медики, ремиссия и, наконец, выздоровление.

Ну, разве не свидетельствует все это в пользу подсудимых?

Нельзя не отметить также и особые, выдающиеся заслуги президента М. С. Горбачева.

Вот говорят, где были его глаза, когда он назначал своих бывших теперь уже друзей и соратников на ключевые посты?

А где надо, там и были!

Может, он это нарочно. Может, он как раз оказался дальновиднее, чем мы все, вместе взятые. Дай, думает, назначу их, а они, конечно, государственный переворот затеют, я же их как облупленных знаю, а государственный переворот у них, конечно же, не получится, у них и раньше ничего не получалось, и тут уже ни у кого не останется сомнений в необходимости реформ. И мы все дружно как навалимся! И пойдет у нас дело, пойдет! И еще Запад в благодарность за то, что пронесло, деньжат нам подбросит. Ничто так не стимулирует щедрость, как чувство только что миновавшей опасности.

Я и раньше не сомневался в незаурядных политических качествах Михаила Сергеевича, а тут — просто дьявольская прозорливость. Куда там Владимир Ильич! Ильичу и не снилось ничего подобного.

В общем, господа, так скажу: это была натуральная проверка на вшивость, извините за выражение. Легонькая такая проверочка. И скажите еще «спасибо», господа! Могло бы быть и покруче. Теперь мы хоть приблизительно представляем, кто и как себя поведет в жесткой ситуации. И застрахованы от

обольщений на этот счет. А то — расслабились. Думали, игрушки все это. Решили, что Верховный Совет — это театр, а люди в нем актеры, и что ничего страшней клюквенного киселя в буфете Дворца Съездов в перерыве между дебатами не прольется. Оказалось, нет, не так. Оказалось, что за слова надо отвечать. Иногда — ценой жизни, а не то что свободы, которая и сейчас для некоторых — пустой звук. Пришлось и Москве подтвердить, что она — город-герой, наравне с Вильнюсом, Ригой, Тбилиси. Не стыдно стало жить в Первопрестольной.

Впрочем, не будем перебарщивать по поводу народного энтузиазма: очередь в «Макдоналдс» не редела все эти три августовских дня. Неплохая, в общем-то, реклама для заведения. «Наши чизбургеры так вкусны, что никакому путчу за уши не оторвать тех, кто утоляет голод в «Макдоналдсе»!» Смех смехом, но как вспомнишь, что и судьба «Макдоналдса» решалась на других кухнях, где очень сильно пахло жареным, то призадумаетесь над склонностью злодейки-истории шутить шутки в духе Эдгара По, Амброза Бирса и других апологетов черного юмора.

Но, простите, господа, кажется, я отвлекся, а время, отпущенное для произнесения моей речи, истекает. И вам скоро предстоит вынести ваш вердикт. Прошу учесть, что обвиняемые прежде всего жертвы исторического процесса. Роли заранее были распределены, господа. Сам Христос не состоялся бы без Иуды, и не забывают, апостол Петр отрекся от своего учителя. «Истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от меня трижды».

Господи, и где же они до сих пор петухов находят?!

Фельдфебеля в Вольтеры!

Настала пора

положить предел очернительству армии, попыткам бросить тень на высший офицерский состав, скопрометировать саму идею службы в Вооруженных силах. Особенно поднаторели в этом деле разного рода писаки, которые за грошовый гонорар не пожалуют, как говорится, ни матери, ни отца. Зачем, например, понадобилось некоему А. С. Грибоедову в своей пьеске под явно издевательским названием «Горе от ума» выводить опытного, заслуженного полковника Скалозуба? Ясно же, для чего... для того, чтобы ослабить обороноспособность страны. Причем характерно, что у данного автора почему-то не находится слов, чтобы показать боевую учебу войск, рассказать о трудном и почетном долге солдата, зато он не жалеет красок для всего негативного и отрицательного, что, безусловно, еще кое-где есть в армии. Читаешь Грибоедова и думаешь: неужели наших офицеров ничего больше, кроме карьеры, не заботит?

«Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы».

Тогда спрашивается, кто выиграл войну 12-го года, кто и сейчас стоит на страже рубежей нашей Родины?

Хочется спросить у Грибоедова: а нюхал ли он сам пороху, не отсиживался ли он в тылу, пока другие рисковали жизнью?

Но, видно, чего только не сделаешь ради того, чтобы снискать дешевую популярность и отхватить вознаграждение за публикацию. На ту же стезю очернительства вступал и небезызвестный Александр Пушкин, кстати, не лишенный некоторых литературных способностей. Но на что он предпочитает их тратить? На то, чтобы показать саперного офицера Германа за карточным столом, в компании разгульных друзей, в помыслах о наживе. А где же сама служба?.. Где многосуточные дежурства?.. Где маневры, учения в максимально приближенной к боевой обстановке? Об этом сочинитель предпочитает умалчивать.

Ну, ладно, Пушкин, сознательно, как нам стало известно, укрывшийся от военной службы!.. Но Толстой!.. Стыдно!.. И если покопаться, у него можно найти неплохие страницы, посвященные военным. Так как же вас, господин хороший, утوراзило скатиться в такой пасквиль на армию, каким, не побоюсь сказать, является ваш рассказ «После бала»?.. Зачем понадобилось смаковать сцену экзекуции над рядовым составом? Да, отдельные факты подобного рода имеются. Но в этот трудный период, переживаемый страной, зачем разжигать страсти, зачем вбивать клин между армией и народом? Почему было не обратиться к славным страницам недавнего прошлого? К освобождению Балкан от османского ига, допустим? Я думаю, что у вас получилось бы. И слог недурен, и знание войскового быта имеется.

Эх, Лев Николаевич, Лев Николаевич!.. Какой вы пример молодежи показываете?.. Вот, глядя на вас, подающий надежды Куприн — туда же!.. Взял и тиснул свой «Поединок». И чего он там только не напечатал!.. И будто бы офицеры только и делают, что

пьют и занимаются бессмысленной шагистикой... И уводят чужих жен. И не брезгают рукоприкладством. И в довершение всего убивают друг друга на дуэли.

И все-таки мне бы не хотелось заканчивать свой обзор литературы об армии на столь пессимистической ноте. Не все так мрачно. Необходимо отметить прекрасное произведение барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», отразившего слаженные действия войск по усмирению восстания 14 декабря 1825 года. Эти славные традиции сегодня продолжают в своем творчестве Юрий Бондарев, Александр Проханов и многие другие. Нельзя в данном ряду не назвать и страстное выступление певца и актера Михаила Ножкина в день митинга на Манежной площади, посвященного 23 февраля.

Еще ждут своего отражения в художественной литературе недавняя блистательная операция армии по захвату телевидения в Вильнюсе и более ранние действия в Тбилиси и Баку. В общем, материала хватает. За дело, мастера литературы и искусства!

Свобода или колбаса?

Вновь перечитал заголовок

и вдруг заметил, что звучит он почти так же угрожающе, как «кошелек или жизнь!».

Будто приставил нож к горлу — или-или. Десять секунд на размышление. Иначе отберут и то и другое. Этот второй смысл обнаружился совершенно случайно и теперь маячит перед глазами, мешая перу спокойно двигаться дальше. Можно, конечно, сделать вид, что он как бы не существует, этот второй смысл, но тогда как же быть с философской добросовестностью? Нет, философская добросовестность превыше всего!

Хорошо, ответим. Жизнь, конечно, жизнь! Бог с ним, с кошельком! Кошелек — дело наживное. А с другой стороны... С другой стороны — что же это, скажите на милость, за жизнь без кошелька?!. Одно прозябание, да и только... Стоп! Стоп! Стоп!.. Десять секунд истекли!.. Вы уже лежите с перерезанным горлом... Быстрее надо думать, батенька, быстрее...

Ладно, будем считать, что со вторым смыслом мы разобрались. Пришли к выводу, что ценней жизни ничего нет. И теперь спокойно можем рассмотреть альтернативу, обозначенную в заголовке.

Прежде всего почему нельзя совместить и свободу, и колбасу вместе, чтобы они, так сказать, мирно шагали рука об руку?

Историческая практика показывает, что отчего-то нельзя. Именно отчего-то в наших отечествен-

ных условиях нельзя. Историческая практика показывает, что, как только у нас оказывается больше свободы, количество колбасы сразу резко уменьшается.

Это дает в руки сторонникам теории первичности колбасы довольно сильный козырь. Сторонники теории первичности ссылаются на времена, когда никому и пикнуть не давали, а колбасы тем не менее везде было навалом.

Теперь посмотрите, что делается сейчас вокруг, говорят апологеты данной теории. Свобода? Свобода!.. А колбаса?.. А сахар?.. А мыло?.. То-то же!..

Певцы теории первичности настаивают на том, что никак нельзя одновременно и выдавливать из себя раба, и добросовестно работать у колбасного конвейера. По их теории получается, что человек, выдавивший из себя раба, сразу бросает колбасный конвейер и бежит на митинг. В результате чего конвейер останавливается и перестает выдавать на-гора ценный калорийный продукт.

Эх, тройка, птица-тройка! В какой уже раз приходится наваливаться всем миром, чтобы вытянуть тебя из трясины, где — спасибо лихим ямщикам! — завязла ты по самые ступицы.

И главное, что тройка оказалась не тройкой, которая — потянул вожжу влево — и поехала влево, потянул вправо — вправо, сказал «тпру!» — остановилась, ударил кнутом — помчалась вскачь. Птица-тройка сказочно преобразилась в неимоверной сложности компьютер: какие-то лампочки мигают, дрожат стрелки каких-то непонятных индикаторов — и оказалось, что владеть мы им в совершенстве пока еще не умеем. Компьютер, если его колошматить кнутом, и сломаться ведь может.

Давайте наконец учиться обращаться с ним, никак в XXI век входим!..

Попробуем построить следующий семантический ряд: свобода — культура — творчество.

Культура дает освободившемуся человеку сознание внутренних обязательств перед своим временем и перед самим собой лично.

Без культуры освободившийся человек всего лишь нерадивый школьник, который с криком «Ура! Учителька заболела!» съезжает по перилам.

Хватит рвать друг у друга микрофон, когда сказать ну абсолютно нечего и уста способны издавать только злобное, невнятное бормотание.

Признаемся себе, что мы в большинстве своем не умеем ни читать, ни писать, ни говорить, ни слушать, ни смотреть (в абсолютном, а не в низменном, сугобо прикладном — получить сдачу в магазине, справиться у прохожего, как пройти на такую-то улицу, расписаться в ведомости — значении этих слов). И — как следствие — не способны к адекватным с конкретными обстоятельствами выводам.

И хотя бы для начала сделаем хороший русский язык государственным у себя в РСФСР, распространив требования свободного владения им и на ответственных правительственных деятелей.

Истинно: кто ясно думает, тот ясно и говорит.

...Сдается мне, что сторонники первичности колбасы путают (кто добросовестно, кто не без умысла) причины со следствиями и — наоборот.

Так, маленькие дети считают, что молния появилась потому, что прогремел гром. Да и гром прогремел-то давно, а мужик, вопреки старинной пословице, только-только начал креститься.

Условия для исчезновения такой приятной вещи, как колбаса, сложились в обстановке хронической несвободы, в которой слишком долго существовало наше общество. И сегодня мы, как говорится, вкушаем плоды.

Жить в несвободе и лжи — все равно что спать на сырых простынях. Со временем притерпеваешься, но окончательно привыкнуть все-таки невозможно.

И что колбаса! Свободная творческая личность способна создать кое-что и поинтересней. Дай только ей развернуться!

О здоровье президента, о прямом эфире и кой о чем еще

О смелюсь предположить,

что прообразом телевидения послужило окно. Да, да, самое обыкновенное окно в самом обыкновенном доме. Я очень отчетливо вижу, как сидит у такого окна с геранью и ситцевыми занавесочками какая-нибудь баба Маня, может быть, семечки лузгает, смотрит на улицу и все-все подмечает. Вон соседка тащит мимо авоську, нагруженную продуктами, а из авоськи торчат рыбы хвосты, завернутые в просаленную бумагу: ага, значит, в магазине и селедку дают. А вон солдаты прошли, у каждого под мышкой по березовому венику, лица распаренные, красные: суббота сегодня, из бани идут. А вон Митрич выпимши. А вон Люська из дома напротив с хахалями хороводится.

Но прогресс, как говорится, не стоял на месте. И бабу Маню из ее вросшей в землю халупы переселили в дом повышенной этажности. А оттуда, с этой верхотуры, не очень-то и рассмотришь, что там внизу, на земле творится. Так возникла, по моей личной версии, необходимость в изобретении телевидения. И словно в память об окошке с геранью и занавесочками украсился бабушкин телеприемник узорчатой салфеточкой, придавленной всяческой дребеденью, мещанскими слониками, не раз высмеянными в прогрессивной литературе, хрустальной конфетницей и прочим разным.

Ну и разговоры тут, конечно, пошли другие. Что-то Татьяна Миткова сегодня как будто не в духе. И Александра Гурнова давно не видно. А Молчанов — душка. А Борис Ноткин такое намедни сказал, что хоть стой, хоть падай.

Хотя почему другие? В общем, те же самые по сути разговоры.

Не знаю, не знаю, может, у кого и подымется рука бросить камень в бабу Маню, у меня лично не поднимается. И совершенно не хочется упрекать ее в отсутствии социально значимых интересов. Нормальные у нее интересы. Чисто житейские. И не собираюсь я заставлять бабу Маню читать Джойса или тащить на концерт Спивакова в консерваторию. На Спивакова и так по всей Никитской лишние билетчики спрашивают.

Не собираюсь еще и потому, что жалельщиков народа, плакальчиков по поводу забвения его насущных нужд и без меня наберется в избытке. Сейчас это самая распространенная сфера деятельности — убиваться насчет народа. Тут и наш президент Борис Николаевич, и наш спикер Руслан Имранович, и огромная толпа Робеспьеров и Маратов, друзей народа, разного ранга и калибра. Послушать их, так они бы уже давно ушли на покой, оставив свои чины и звания, если б не забота о благе народном. Ну ладно Борис Николаевич с Русланом Имрановичем, но даже обычная газетная заметуля о телевизионных делах-делишках не обходится без того, чтобы не упомянуть всуе имя народное.

Раскрываем «Независимую газету» и читаем: «Говорят, что каждый народ имеет то ТВ, которое он заслуживает. Наверное, в этом высказывании есть доля правды. Но есть в нем и величайшая несправедливость: именно наш издерганный народ больше, чем любой другой, заслуживает нормального ТВ, осознающего свою ответственность за психическое

здоровье своих зрителей». (Ирина Петровская. «Непроверенные слухи могут привести к катастрофе». 07.08.93 г.)

Действительно, несчастен наш народ, если приходится говорить о нем, как о ребенке, наконец-то заслужившем конфетку. А плохие дяди, настоящие буки и бяки, ему эту конфетку не дают. Ну не расстраивайся, народ, подойди ко мне, я, Ирина Петровская, тебя хоть по головке поглажу.

Жаль, что не говорится в статье, откуда оно возьмется, это нормальное телевидение. Его, что ли, дядя с собой в чемодане из-за океана привезет? В качестве гостинца.

Но не только сожаления о народе являются главным содержанием этой во многих отношениях любопытной статьи. Речь там в основном идет о так называемом «слухе» по поводу болезни президента, прошедшем в прямой эфир. И о том, как с подобными «слухами» бороться.

Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика. Что-то знакомое еще с приснопамятных времен. Что-то тут пахнет «провокаторами и шпионами», сеющими панику в сплоченных рядах. Ну да, ну да, конечно, глухие известия о приближающемся нападении Германии на Советский Союз тоже ведь объявлялись слухами. Целых две недели мы питались слухами об аварии на Чернобыльской АЭС. Тридцать лет сплетнями о Новочеркасской трагедии. И так далее и тому подобное.

Но спокойно, спокойно давайте попробуем разобраться. Если пересуды о нездоровье Бориса Николаевича — результат вздорных, не имеющих под собой никаких оснований слухов, то почему же их так до сих пор никто по-настоящему не опроверг? В самом деле, не считать же опровержением телефонный разговор с пресс-службой президента, в котором было заявлено, что Ельцин провел обычный рабочий

день? Или заявление самого Бориса Николаевича, что он прекрасно себя чувствует? Почему бы не дать, например, высказаться врачам, как это делается во всех цивилизованных государствах (прости, господа, мне эту фразу, то тут, то там мелькающую).

И почему Бориса Николаевича не видно почти нигде, а Руслана Имрановича видно везде? Вот Руслан Имранович явно в отличнейшей форме, судя по его бурной деятельности.

Нет, здоровье президента слишком важная вещь, чтобы от вопросов о нем, нормальных вопросов, отмахиваться, как от назойливых мух. Случись чего, вы получите на свою шею, мы то есть получим, наиздоровейшего Александра Владимировича, и тогда вы сами знаете что. По Конституции, на три месяца. Но и трех месяцев достаточно, чтобы дров тут таких наломать!

Слухи, госпожа Петровская, тоже факты, хотя они и слухи.

А народ давно уже надо перестать трогать. Дайте ему спокойно жить и развиваться, как он хочет, в разные стороны. Прямой эфир — это и есть способ выявления народной воли, один из способов. И без всяких цензоров и редакторов на телефонах, отсеивающих звонки. Так, по-моему.

Моржество бездарности

Деньги, выкачанные из народа

хищным кооператором, возвращаются в народ путями неисповедимыми — среди которых, например, не последнее место занимает починка туалетного бачка, вставка застёжки «молнии», лечение зубов и тому подобная житейская дребедень.

Он, гад, с вас три шкуры дерет в своем коммерческом ларьке, вы с него — полторы, обучая его дочь навыкам игры на фортепьяно; остальное, не беспокойтесь, додерут за ближайшим углом, так что в конце концов никто внакладе не остается. Таким образом осуществляется справедливое распределение доходов. Вы скажете, закон джунглей? Да, закон джунглей. Но в джунглях совсем не обязательно быть львом, чтобы держать верх в своем территориальном округе. На льва в конце концов есть комары, для которых грозный царь зверей — всего лишь донор-доброволец.

Когда размышляешь о существующем порядке вещей, нельзя не склонить чело перед столь дивным его строением.

Вот гордый президент товарно-сырьевой биржи: и «Мерседес» у него самых чистых кровей, и любовница — «мисс грудь», и дом, как говорится, полная чаша. Но не завидуйте. На каждого президента товарно-сырьевой биржи найдется свой геморрой. А если и вправду геморрой, в прямом, а не перенос-

ном смысле? Да попадите вы в руки врачей-проктологов, будь вы хоть распрезидент, они вам карманы-то порастрясут! Недаром в народе специалиста по этим самым болезням метко кличут «золотая жопка».

Но и врач-проктолог будет ликовать до первого же гаишника, намереваясь порадовать свою супругу новым кухонным гарнитуром. Гарнитуры нынче кусаются, гаишники тоже, все есть-пить хотят, все люди, все человеки. Но и гаишник под богом ходит, и с него взыщется, не так, так эдак, и пока там правительство ломает голову над уровнем цен, над социальной защитой от инфляции, вливаниями и дотациями, народ свою жизнь сам обустроивает как может.

И простим народу его маленькие слабости. Ну любит он за бутылкой почесать язык по поводу того, что-де и президент Центрального банка ему плох, и милиция восемь лет Фишера найти не могла, и мэр совершенно мышей не ловит. Народ это не со зла. Народ прекрасно понимает, что не то что хорошего президента Центрального банка непросто найти, но и хорошего слесаря по ремонту унитазов, хотя, казалось бы, унитазов гораздо больше, чем банков. Пока, во всяком случае.

Жить вполне можно, если не сравнивать уровень жизни с Америкой, Японией, Объединенными Арабскими Эмиратами. Весь корень зла в сравнениях. Это смотря к чему прикладывать. Если к Зимбабве, совсем даже приличный результат получается. Главное — принахотиться к собственной бездарности и не открывать форточку ни в коем случае. Сократить импорт. Оставить только монгольский. Свернуть до предела гастроли известных зарубежных артистов. Пропускать к нам через кордон только с треском там провалившихся. К черту международные выставки в

«Экспоцентре»! Долой фестивали, симпозиумы и конгрессы! И вы сразу увидите, как полегчает на сердце. Как наполнится оно гордостью за наши мясорубки, за наш кинематограф, за нашу передовую медицину, за наше все.

Голод и тетка

Говорят, скоро голод наступит.

ну, я и решил себе новые зубы не вставлять. А вдруг он и вправду наступит? А я, как дурак, с новыми зубами. Что я ими жевать буду? Не разумней ли зубные деньги вложить в приобретение мягкой пищи длительного хранения, пока ее еще можно добыть?

Жена моя тоже начала готовиться к надвигающемуся голоду. По-своему. Достала с антресолей старые платья, которые не нелезают на нее лет уже десять, и принялась их примерять. Пока они ей все еще малы. Пока. Значит, до голода еще далеко, так я рассуждаю.

Слухи о вероятности голода невероятно повысили накал страстей в продовольственных очередях. При попытке пролезть к прилавку незаконным путем была даже задавлена одна тетка в одном колбасном магазине, из чего я делаю вывод, что народ наш еще не настолько истощен, чтобы не суметь постоять за себя. Он еще удерживает слабеющими руками кровную колбасу, и не так просто ее у него вырвать.

Ничем другим, как предчувствием близкого голода, не объясняю я и недавнюю ситуацию в Верховном Совете РСФСР, когда тот вознамерился скушать премьер-министра союзного правительства, но союзное правительство отстояло этот деликатес от грубых посягательств. Я сначала удивлялся, жалко, что ли, однако теперь до меня дошло, что премьер

оставлен про черный день, в качестве неприкосновенного запаса, и если его пока не разрешают трогать, значит, действительно, до голода еще далеко, и просьба — сохранять спокойствие, товарищи!

Кроме того, чтобы окончательно утихомирить общественное мнение, хочу напомнить, что кроме премьера там еще куча народу в правительстве, а есть еще и планирующие органы, и различные комитеты, и составляет их контингент в массе своей довольно упитанный — так что неужели не прорвемся, имея такие запасы продовольствия? Я думаю, что прорвемся.

Но — чувствую, мои слова как об стенку горох. Голод, конечно, не тетка, а что-то вроде троюродного племянника, появление которого гипотетически вероятно. И мы уже испытываем к нему что-то вроде теплых родственных чувств. Причем о нем больше всего любят распространяться те, кто и в глаза не видел, как он в натуре выглядит. Молодое мордатое поколение — современники кабачковой икры и рыбных палочек.

Голод еще не наступил, но модель нашего поведения все больше напоминает нравы гарнизона осажденной крепости, употребившего в суп последнюю пару сапог. И что характерно, признаки, отличающие человека от животного, исчезают со скоростью, намного превышающей темпы исчезновения провианта. Зачем же спешить-то так? Зачем же отсутствие свинины замещать всеобщим освинением? Хотелось бы, чтобы оба эти процесса шли, по крайней мере, нога в ногу, я уж и не помышляю о проявлении чудес благородства и рыцарства, до того ли?

Я тут недавно сказочно разбогател и решил, что наконец в состоянии заказать форточки в оконные рамы — мечта всей моей жизни. Но оказалось, что и

всего моего богатства не хватит на то, чтобы сделать форточки. Ну одну форточку я еще кое-как потяну, ну две от силы, но пять форточек по числу окон — тут надо мне еще трудиться и трудиться в поте лица,

— Ну как же так, — говорю мастеру, — товарищ дорогой, почему же так дорого?

— Так ведь к рынку переходим, — говорит мастер.

— Так ведь не перешли еще, — говорю я.

— Так ведь уже идем, — говорит мастер.

— Так ведь где рынок, а где мы? — говорю.

— Так ведь вон и голод уже скоро, а вы говорите, — говорит мастер жирным, послеобеденным голосом.

— Нет, — говорю, — я так шибко к рынку идти не могу, курю много, отдышка и силы уже не те. За вами не угонишься. Жил без форточек, поживу еще, чай, недолго мучиться осталось. Тем более что и голод скоро.

И ушел мастер. И еще долго я смотрел из своего обезфорточенного окна на его удаляющуюся спину, пока она не скрылась за поворотом. Надо полагать, за поворотом к рынку.

...А интересно, у Михаила Сергеевича

отключают горячую воду?.. И к кому он тогда мыться ездит?.. К Лукьянову?..

Жарко, душно, липко... Мужчины перестают глядеть на женщин, женщины — на мужчин, пробегают мимо... Напиться негде... Стаканов, как всегда, оказывается меньше, чем населения... В такую жару любой закон может пройти — никто и не заметит... Ну, кто там опять просит дополнительных полномочий?.. Дайте ему скорее полномочий, пусть только отвяжется, сил нет больше, надоел!.. Кому еще полномочий?.. Кто попросит, тем и дайте!.. Это стаканов у нас нет, а полномочий сколько угодно.

В такую жару страшно подумать, что кто-то сидит в душном танке, броня нагрелась: можно яичницу жарить... Фу-у!

В такую жару хорошо находиться где-нибудь в теничке, гадая на ромашке — будет в этом году урожай — не будет, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет...

Конечно, в итоге, несмотря на нехватку механизмов, рабочих рук, горюче-смазочных материалов, как всегда... фу-у!

А этот паразит канадец в своем «кэтерпиллере» с кондиционером...

У нас тоже кое-где есть кондиционеры, но в жару они выходят из строя, что является любопытной особенностью наших кондиционеров.

Фу-у, жарко!.. Написать, что ли, письмо на радио с просьбой передать в концерте по заявкам песню «В той степи глухой замерзал ямщик». Может, легче станет...

При какой температуре кипит наш разум возмущенный? — хорошенький вопрос на вступительном экзамене в МГУ, вот до чего мы дошли, физика и та политизировалась.

Но и в жару продолжают сниматься фильмы, потому что жара когда-нибудь спадет, — и людям захочется в кино, и не будет им никакого дела до того, что у режиссера буквально плавились мозги, оператор был на грани солнечного удара, а у актрисы поплыл грим...

Ледовое побоище в «Александре Невском» Эйзенштейна снималось в июле, кажется, на Чистых прудах, когда смотришь — мороз по коже подирает.

Пивка бы холодненького!

В 2000 году каждый советский человек будет пить пиво — чем не лозунг в жару?

Советскому человеку, как буриданову ослу охапка сена, нужна какая-нибудь приманка: то ли коммунизм, то ли квартира, то ли рыночная экономика, иначе он упрется и не стронется с места.

А ребята — увы, уже не моего года рождения — поехали в Серебряный Бор купаться... Ах, Серебряный Бор, Татарово, пляж № 3, волейбол, сливочный пломбир, девушки; бывает, что до двадцати телефонов за день записываешь, телефонов, которыми так никогда и не воспользуешься, бесполезных и красивых, как древнегреческий язык...

Жарко! Впадаешь в маразм, словно Волга в Каспийское море...

Но и лето когда-нибудь кончается, вон уже на исходе июнь, и опять еще ничего не сделано для бессмертия...

Впрочем, и в бессмертии хорошего мало, состоя-
ние, наверное, вроде бессонницы, в этом смысле бо-
гу не позавидуешь...

«Бог, а бог, нельзя ли чуть поубавить градусов?»

«Нельзя!» — отвечает бог.

«Терпи, — говорит он, — все терпят: и часовые у
Мавзолея, и служащие «Макдоналдса», и без пяти
минут миллионер, вышедший на финишную пря-
мую своего первого миллиона, и транзитный пас-
сажир, прикорнувший на вчерашней «Рабочей
трибуне» на кафеле Ярославского, Казанского
и Ленинградского, и танкист в душном танке,
все...»

Терплю. И пусть нам общим памятником бу-
дет тройной биг-мак.

Иначе будет поздно

Спасибо родной цензуре:

если б она не давила в свое время, не запрещала, не чикала без устали ножницами, сегодня б просто нечего было читать, мужики!

Представляю, что бы сейчас печатали толстые журналы! Черт-те что печатали бы. Да и тонкие, как пить дать, сосали бы лапу.

А так — и тебе Платонов, и тебе Лимонов, а хочешь — Ницше, Бердяев, Розанов, Вишневский... сколько их!

А все она, она, цензура матушка, голубушка... Ведь надо же, озаботилась, чем нам сегодня мозги свои растренированные, незагруженные занять, дала пищи уму и сердцу. Некоторые даже свихнулись с привычки.

Ну, за предстоящие десять лет я не беспокоюсь, на десятилетие, может, и хватит. А дальше, дальше-то что? Ведь все можно, все разрешено! «В стол» никто не пишет. Только подумал — уже напечатано. В ход пошли записные книжки, замыслы, письма и телефонные звонки. Скоро начнут публиковать квитанции из прачечных. Хоть бы один фильм положили бы на полку, хоть бы одну книгу запретили, подумали бы о будущем. Разбаловали художника, творца, инженера человеческих душ... Ходят, маются... А нет бы сейчас пару-тройку посадить во имя грядущих произведений, потому как ничто так не стимулирует талант, как бодрящий таежный воздух. Не кажется ли вам, что уже настала пора?

Боже ты мой, это до чего надо было дойти, что скоро школьникам начнут ставить двойки за невыученный отрывок из Набокова!..

На «Сладкую жизнь» Фелини зрителя надо силком заманивать.

А давно ли мы по десятому разу смотрели «Семнадцать мгновений» и приговаривали: «Еще давай!»

Рок-музыка, некогда представляемая анафеме со всех государственных амвонов, стала дежурным блюдом на ЦТ, и под нее старушки преспокойно носки вяжут и никто за сердце не хватается.

Эротика... Кого удивишь сейчас эротикой?!

Тайны потустороннего, экстрасенсорные контакты, мистическое восприятие, жизнь после жизни, барабашка — спрос катастрофически падает.

В общем, надо что-то делать, друзья!

Значит, так, завтра, в крайнем случае послезавтра, иначе будет поздно, все запрещаем. Авангардизм, модернизм — ни под каким видом. Андерграунд — поганой метлой, Шнитке, Эдисона Денисова, группу «Аквариум» — к ногтю, пока они свой талант окончательно не загубили.

Из писателей отобрать самых достойных — и на Колыму, немедленно, пусть обдумывают будущие романы.

Художников — опять в подвалы, причем чем сырее, тем лучше. Есть же у нас еще, черт возьми, подвалы!

За анекдот — и слушателей, и рассказчика хватать и в кутузку! Сразу много новых анекдотов появится, а то их что-то совсем не стало.

И — верьте слову — культурная жизнь начнет оживать мало-помалу. Самиздат начнет расцветать. На кухнях начнем собираться, чай распивать, разговаривать, спрашивать друг друга: а это вы читали, а это смотрели? Художники вовсю рисуют, писатели в лагерях замыслы обдумывают...

Надо, братцы, и о потомках побеспокоиться, а то что же это — только себе и себе.

Еще один способ накормить народ

Правительство существует.

чтобы народу было кого ругать. Причем ходить за поводами далеко не нужно. Стоит споткнуться о камень, чтобы от правительства мокрого места не осталось. Разбросали камни, так что нормальному человеку пройти нельзя. Ну, и правительство!

Поэтому правительство, если оно, конечно, не любит, когда его ругают, должно сменяться в среднем каждые три месяца. Первые три месяца всегда можно сваливать все на предыдущее правительство. Якобы это все оно. Но по истечении трех месяцев уже можно начинать ругать текущее правительство. Три месяца — вполне нормальный срок. За три-то месяца такого наворотить можно, что только держись!

И вот что меня удивляет, как это еще находятся люди, которые отваживаются по нынешним беспокойным временам братья руководить государством. Меня хоть озолоти!.. При этом дачу себе не купи, спецбольницей не пользуйся, детей на тепленькие места не смей пристраивать!.. Да с какой тогда стати я должен руководить вашим государством?! Я понимаю, было бы нормальное государство!.. Швейцария, например. Швейцарией я бы еще взялся поручивать. Складенькая такая, компактная страна. Ни хлопот, ни забот. Народ смирный. Они даже, на-

верное, и не знают, кто ими руководит, и руководит ли вообще. Живут себе, в ус не дуют. А тут!.. То им не так, это не так. А я, значит, руководи!.. Ну, по телевизору меня будут показывать. Ну, с почетным эскортом в аэропорт проводят. Ну, обед в Кремле!.. Нет, нет и еще раз нет. И не уговаривайте.

Наше правительство чем-то напоминает шуструю сороку из всем известной присказки, которая кашку варила, деток кормила, этому дала и этому дала, а этому, видите ль, не дала. И сразу шум, гам. Как это не дала?! По какому такому праву не дала?! А ну дать — и немедленно!..

Конечно, оно само себя в такой тупик загнало. Пытается накормить народ. Во всем мире народ сам себя кормит, а у нас правительство. Ясно же, что никакому правительству, как бы оно ни шустило, с эдакой задачищей не справиться. А что, если взять и попробовать зайти с другой стороны? Понимаю, смело. Где-то даже дерзко. Но — попробовать. Один раз за всю историю КПСС. Взять и предоставить народу возможность... просто страшно выговорить... накормить себя самому. Без поминутного заглядывания к нему в тарелку. Без мелочной регламентации, какого размера должна быть ложка и на какую ширину рот раскрывать. Без подсаживания нахлебников, которым только свистни, они враз набегут. Ну а вдруг получится?.. Вдруг народ сам себя обеспечит и еще правительству что-нибудь откинет? Вдруг он еще не разучился жить без няньки? Ну а если не получится, тогда что ж... Плохой народ. Дурной народ. Остолоп народ. Тогда ему не правительство, а самого себя критиковать нужно. Что ж это он такой уродился, что у него все из рук валится?

Но я почему-то думаю, что получится! Должно получиться. Но вот этого и боятся те, кто сегодня ус-

танавливает размеры ложки и определяет, на какую ширину рот раскрывать. Потому что в случае успеха эксперимента они без работы останутся. А ведь они больше ничего не умеют, кроме как над душой стоять.

Где же, когда же?

В начале было Слово.
Евангелие от Иоанна

Удивительно,

как наша житейская практика умудряется скомпрометировать слова и даже целые понятия, которые до недавнего времени пользовались высочайшей репутацией в лексиконе всего, не побоюсь сказать, прогрессивного человечества.

Взять, к примеру, слово «парламент». Какое хорошее было словечко! Как его ни поворачивай, не придерешься. Сразу представлялась старая добрая Англия, какие-то люди в овечьих париках представлялись и, уж не знаю почему, — камин. Но стоило этому слову попасть в наш политический оборот, как от его возвышенного смысла остались одни рожки да ножки. И уже другие картины вызывает оно, ничего общего с каминами и париками не имеющие. Какие к черту каминьки! В лучшем случае — родная российская очередь в винный магазин за пятнадцать минут до закрытия, когда становится окончательно ясно, что до заветного прилавка не достояться.

Ладно, изгваздали мы слово «парламент», сразу же взялись за «спикера». «Спикер»-то чем виноват был? Пользовались же раньше прежним наименованием — Председатель Президиума Верховного Совета, от которого никто ничего хорошего не ждал, ну и продолжали бы пользоваться. Так нет, нам «спикера» надо было замарать. И — прости-прощай та романтическая дымка, которая раньше окутывала «спикера».

Я прежде, признаюсь, ничего такого о спикерах предосудительного не знал. Ну, знал, что сидит такой тип в английском парламенте и время от време-

ни стучит молотком по столу. Как чего ему не понравится, он сразу стучит. Знал я еще, что сидит он на мешке с шерстью, бараньей, кажется. Почему с бараньей? Думаю, потому, что у них, у англичан, овцеводство искони считалось главным средством приращения национального богатства. И они, видимо, овцеводством страшно гордятся. Вот они на том и сидят, чем гордятся. А наш спикер попростежки сидит на своем заднем месте; выходит, что и гордиться ему больше нечем.

«Спикер», «парламент» — этого нам на один зуб хватило, а вот со словом «демократия» пришлось-таки попотеть. Уж больно огромным оно оказалось. Какие традиции за ним! Какая история! Древняя Греция, Рим, восемнадцатый век, Франция, энциклопедисты, Великая революция. Декларация независимости. Но дело, как говорится, мастера боится, и уж если чего надо испохабить... Особенно если наши ребята берутся. И, глядишь, уже «демократия» заняла в русском, именно в русском языке прочное место в ряду бранных слов где-то между словом «профурсетка» и словом «козел».

Родные мои, дорогие, хорошие!

Не надо дальше! Не тяните руки, если не уверены, что в ваших руках слово сохранит первоначальную силу. Не вы его этой силой наполняли, а только и умели, что ее растрчивать. Не так уж много и слов симпатичных осталось. Давайте подумаем о будущих поколениях. Чем они пользоваться будут, если мы все разбабахаем?

С тревогой смотрю, как начальник стал повсеместно превращаться в менеджера, конференсье в шоумена, а обыкновенная пьянка — в презентацию. Что-то дальше будет.

Не будем говорить о веревке...

О чем бы таком написать,

чтобы никому сегодня не испортить настроения? Нет, не так говорю. Чтобы не испортить его еще больше.

Во-первых, категорически нельзя упоминать названия некоторых продуктов, практически всех. Люди, может, в данную минуту отвлеклись чем-нибудь, забылись, а ты неосторожно скажешь, например, «сыр» — и всколыхнешь. И пойдет, пойдет кругами. И понесется. И неизвестно, чем закончится. А все от неосторожно оброненного слова.

Во-вторых, не дай бог, ляпнуть чего-нибудь про партию. Это уж вообще. Тут вообще туши свет. Ни под каким видом. В такой-то праздник. Тут такое может начаться, что и в полгода не расхлебаешь. Господи, сохрани и обереги!

В-третьих... в-третьих... Но это даже мысленно... Даже во сне... Ни-ни... И так, знаете, нездоровые страсти... Зачем разжигать?.. Еще не пришло время... А когда придет, нам непременно доложат. И тогда уже будет можно... А пока нельзя... Ну уж потерпите как-нибудь...

В-четвертых... я даже и не знаю, как сказать... Знаю, что об этом в принципе можно, но только не сегодня... Пожалуйста — в любой другой день, но сегодня-то зачем?.. Вы что, не видите, что вокруг творится?! Так что с этим тоже придется погодить...

В-пятых... Но, в-пятых, у меня тоже, знаете, жена, дети... И это, если на то пошло, даже во-первых... И если кто хочет «в-пятых», то и на здоровье, но только без меня...

В-шестых... в-седьмых... в-восьмых... Конечно, в-восьмых — еще туда-сюда, если пораскинуть мозгами, если рискнуть, но разумно рискнуть, взвешенно, представить все «за» и «против», а не так — шашки наголо и — вперед!.. С другой стороны — зачем дразнить гусей?.. Зачем?.. Пардон, я имел в виду не битых гусей, не в качестве пищи, в метафорическом смысле я имел в виду, прошу понять меня правильно.

В-девярых... Одну минуту, сейчас пойду проверю, плотно ли у меня закрыта дверь, вчера как раз предупреждали — дверь проверять, замки и ни в коем случае не открывать кому попало... Только не подумайте, что я бросаю камень в огород правоохранительных органов... Что вы, что вы!.. Я же понимаю, что у них тоже праздник...

Ах, черт!.. Совсем забыл!.. Насчет огорода — это я зря!.. Слово «огород» рождает цепь нежелательных ассоциаций... Ненужных ассоциаций... Может, на ум кому сразу пришло то, что я не хотел, чтобы приходило, так вы выкиньте это из головы... Немедленно!.. Я не хочу отвечать за то, что вам там приходит...

В-десярых... — сразу отпадает.

В-одиннадцатых... — отпадает категорически.

В-двенадцатых... — поищите сумасшедшего, чтобы он вам об этом рассказал.

В-тринадцатых — ха-ха-ха!..

В-четырнадцатых — а это вы видели?!

В-пятнадцатых — раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять!..

В-шестнадцатых...

А в-шестнадцатых, знаете что?.. Возьмите мое перо и пишите сами, если вы такие умные-разумные.

В общем, с праздником вас, дорогие товарищи!..

Я не хочу, чтобы
как в психушке!

М ут болит, там болит,

здесь болит. Собственно говоря, болит везде, до чего ни дотронешься. Один сплошной синяк. До финансов дотронешься: «Ай!» — кричат финансы. Внутренних органов коснешься: «Ой!» — кричат внутренние органы. Премьер-министра ненароком задели, премьер чуть не в слезы. В обществе развилась страшная обидчивость. Общество хочет положительных эмоций. «Хватит заниматься критиканством! Нам нужен позитив! Дайте нам позитив!» — требуют отцы отечества от журналистов. «Дайте нам другую действительность!» — отвечают журналисты. — И мы дадим вам позитив».

И, как всегда, оказываются не правы. Потому что, если нет другой действительности, ее надо выдумать. Если мотор не тянет и неприятно смотреть на спидометр, что вам стоит нарисовать стрелку, которая всегда будет показывать вполне приличную скорость. И любуйтесь себе на здоровье. А в окошко можно не смотреть.

Что стоит, в конце концов, для любителей позитивного издавать специальную газету (и название подходящее есть, к примеру, «Правда-правда!»), в которой бы рассказывалось, как, что ни день, пускаются новые домны, и какой небывалый урожай помидоров заколосился на полях Смоленщины, и о том, как пионер Вася Пупкин в который уже раз нашел

кошелек и вернул его по принадлежности, замечательная у нас с вами, товарищи, растет смена! Ведь издавалось же подобное в прошлом, почему бы снова не вернуться к проверенной годами практике?! А действительность, глядишь, устыдившись самое себя, не выдержит и подтянется к печатному слову. Печатное слово должно вдохновлять, направлять, указывать светлые горизонты, а не вносить сумятицу в умы, в которых и так полная каша — единственный у нас вид каши, не охваченный дефицитом.

Только объясните мне, ради бога, наш диагноз, он что, так безнадежен? Если безнадежен, тогда говорите, говорите нам приятное, говорите, как мы все прекрасно выглядим, какой у нас замечательный цвет лица и румянец, ого, во всю щеку! Скрасьте последние дни.

Но если шансы на выздоровление все же имеются, то уж, будьте любезны, выкладывайте все как оно есть. Выдержим. Выдержим все и широкую, ясную... Не впервой. И если кто из руководителей вдруг забьется в истерику — сразу нашатырного спирта ему. Как у нас там с нашатырем? Тоже плохо? Тогда найдите руководителя с нервами покрепче, раз и с нашатырем тоже.

«Для веселия планета наша мало оборудована», — обронил как-то великий пролетарский поэт. Как в воду глядел. Особенно здесь, на одной шестой.

Мир тревожен. Это, пожалуй, его главная особенность. Так он и всегда был тревожен. И будет тревожен. Ну и что? Удавиться теперь, что ли? Боязнь тревоги — признак старческой расслабленности. Любое цивилизованное общество живет в состоянии тревоги, и только там, где царит тоталитарный режим, — тишина и спокойствие, как в хорошем сумасшедшем доме. В хорошем сумасшедшем доме всегда тишина и спокойствие. У диктаторов и психиатров не забалуешься.

А я не хочу снова в брежневскую и андроповскую психушку. Я не хочу, чтобы мне ежеутренне и ежевечерне вкачивали лошадиную дозу успокоительного в форме газетно-телевизионных инъекций, подкожно и внутривенно, что вот, мол, несмотря на отдельные недостатки, и т. д. и т. п.

Недостатки никогда не бывают отдельными. Отдельными бывают колбаса и успехи, а недостатки — в порядке вещей, и не надо себя обманывать на этот счет.

Сейчас трудно, а будет еще трудней. Но зато будет интересно. Очень интересно будет. Я уже приготовился в предвкушении. Жду.

А зло — что ж. Зло на то и существует в мире, чтобы добро могло проявляться. Зло — точка приложения добра. И уж чему-чему, а добру никогда не сидеть сложа руки.

Легкое обаяние жулья

Жулики всегда обаятельны.

Ну почти всегда.

Вы когда-нибудь видели необаятельного жулика?
Мне лично не приходилось.

Обаятельность необходима жулику, как длинные пальцы пианисту. Необаятельный жулик — это все равно что некрасивая проститутка. Что она может заработать, бедная?

Вы же понимаете, для того чтобы выйти из доверия у кого-нибудь, нужно сначала войти в него. Вот так они и живут, жулики: вошел — вышел, вошел — вышел.

Жуликам также присущи легкость нрава, веселость, общительность, жулик обычно — душа любой компании. Он вам и анекдот расскажет, и на расческе сыграет, и покажет карточный фокус, и в заключение, конечно, надует. Непременно надует. Это уж будьте покойны. Но даже уже после того, как надули, жертва не сразу отходит от наркоза обаяния, а еще некоторое время покручивает головой и приговаривает: «Экий ведь черт, а! Ведь надул, шельма! Ну надо же!»

Честные же люди необыкновенно тяжеловесны и вспыльчивы. Они постоянно колют глаза окружающим своей честностью. Они все время подозревают, что честность их недостаточно оценена обществом, что им как-то недодано в уважении. От честности за версту пахнет скукой и скандалом. Поэтому с чест-

ными людьми никто не хочет дружить. Все хотят дружить с жуликами.

Это по-человечески понятно. В них, что там ни говори, очень сильно творческое начало. Даже в самом мелком жульничестве присутствует элемент вдохновения. Жулик постоянно вынужден изобретать что-то новенькое, в то время как честность по своей природе неподвижна и одномерна. Писатели и режиссеры давно обнаружили, что из честности много не выжмешь. Хоть ты тресни, а про честного человека ни порядочного романа не напишешь, ни мало-мальски увлекательного фильма или спектакля не создашь. С честными никогда ничего не происходит. Они рано ложатся спать, уходя гасят свет, моют руки перед едой и пересекают улицу только на зеленый свет. Ну, сами посудите, какой уж тут роман! То-щища одна!

Наша беда, наверное, заключается в том, что мы еще не учились как следует использовать энергию жульничества в мирных целях. Направлять ее на нужды народного хозяйства. Извлекать из нее качества, необходимые для решения государственных задач, а опасные свойства жульничества как-нибудь нейтрализовать. Ток ведь тоже и убить может, однако умные люди заставили его крутить моторы и освещать дома. Сдается мне, что эти люди были немножечко жуликами.

Мы создали государство, где, по сути дела, нельзя и шагу ступить, чтобы не нарушить закона. Уже фактом своего существования мы чего-нибудь да нарушаем. Чтобы выжить в наших условиях, нужно ежесекундно проявлять дьявольскую хитрость и изворотливость, почти как во времена охоты на мамонтов. Так мы же горы своротим, если нам хоть маленькую послабку сделают. Нужно только провести приводные ремни от наших хитрости и изворотли-

ности к каким-нибудь ценным турбинам. Они же будут вращаться как бешеные.

Но тут уж я умолкаю. Тут уж пускай ломают голову знатоки по устройству всех этих социальных систем. Как, чего, откуда и куда — они в курсе должны быть. А мое дело предложить. Чао!

Валюту хочу!

И почему, собственно говоря,

мы так любим иностранцев? Думаю, что мы любим иностранцев все-таки не самих по себе. Думаю, что в иностранцах мы любим нашу веру в то, что хоть где-то на земле есть разумные существа. Верую, господи, верую!..

Вот они идут по нашему родному метрополитену, стайка иностранных стариков и старушек, откормленных и моложавых, заставляя нас с особой пристальностью всматриваться в них, с надеждой, что ли, обнаружить наконец давно искомые анатомические различия: может, у них руки как-то не так приделаны к туловищу?.. Тогда почему они этими самыми руками?.. А мы — нет!..

А что, если взять какого-нибудь одного иностранца и просветить лучами: может, у него мозги как-то не так повернуты? Тогда почему они этими же самыми мозгами?.. А мы — нет!..

И почему их деньги называются валютой, а наши даже уже и деньгами не называются?

Или, например, возьмем ту же Италию... Италия почему-то особенно не дает покоя... Боже мой!.. 67-й кабинет министров меняется!.. В общем, какой-то там такой по счету... Как перчатки...

Впрочем, чувствую, сравнение безнадежно устарело. Я как потерял перчатки прошлой зимой, так и до сих пор купить не могу, нету. Так что они министров меняют гораздо чаще. А мы своих — ох, с таким скрипом. Конечно, жалко же нашего министра! Куда

же он после пойдет?.. Профессии — никакой! Жена, дети... Жалко же министра!..

Или вот Япония... У меня приятель в Японию в круиз съездил. И купил там автомобиль за сто рублей... То есть не за сто рублей, а за сколько-то там йен, которые ему здесь выменяли на сто рублей... Так я ему чуть в морду не дал... Ну не могу я ничего больше слушать про Японию... Не могу!.. Съездил в Японию — молчи!.. Не расслабляй меня! Мне сейчас в прачечную идти, белье сдавать! Я сейчас собранным должен быть, как минер... А из прачечной на почту, они мне уже неделю газет не приносят, а ты мне про Японию!.. А после почты — в военкомат, вспомнили про меня на 44-м году жизни, приказывают явиться, так и пишут в повестке: «приказываю явиться», а у меня язва и все тело после программы «Время» начинает чесаться, а ты мне про Японию!

И очень хочется выйти на каком-нибудь иностранном языке. Чтобы малопонятными буквами. Чтобы поднести жене к носу иностранную газету: видишь, тут я... Вот в этом вот углу!.. Да не в этом вот, дура, а вот в этом!.. Карандашом же отчеркнуто!.. Про что я тут написал?.. Да не помню, перевели, черти, надо бы дать кому-нибудь обратно перевести... Оценили, значит!.. Там оценили!.. Не хухры-мухры!.. Это тебе, брат, не в «Блокноте агитатора» тиснуться!..

Художникам завидую какой-то нехорошей завистью. Художник, он, еще масло на картине не просохло, а уже волокет свою картину за бутор. Ежели там понравится, здесь как пить дать с руками оторвут.

Опять же — эмигранты... Человек как бы вырастает в цене, если он эмигрант... Его здесь и встречают уже по-иному. А не будь он эмигрантом!.. С той же песенкой, с теми же самыми стишками!.. Да кому он тут нужен и чем он от десятков тысяч отличается?!

Мальчик, кем хочешь быть, а, мальчик?.. Космонавтом, наверное... Нет?.. Тогда врачом?.. Тоже нет?..

Тогда, наверное, шофером?.. Как я в детстве... Би-би!.. И не шофером?.. Тогда кем же, мальчик?.. Как дядя певец Вилли Токарев!.. Ух, ты какой, мальчик!.. Маленький, маленький, а башка соображает!

Телевидение нет-нет, а порадует.

Диктор, во всем импортном, по телевизору с южно-корейской трубкой, путаясь в русских удадениях, сообщает, что-де открылось, мол, совместное предприятие, которое не сегодня-завтра начнет выдавать продукцию, которая с успехом сможет соперничать на международном рынке и принесет нам, страждущим, валюту, на которую мы, чуем мое сердце, накупим много новых южнокорейских трубок и кой-какой одежды наших дикторов, чтоб они смотрелись не хуже, чем у людей.

На соседней улице открылась чудо-рем-контора, набитая строительными материалами и сантехникой. Тут тебе и «елочки», и самоклеящиеся обои, и кафель-изразец, который только в тюремном сне может присниться. Но — на валюту!

Есть потрясающее кафе, где готовят — пальчики оближешь, и цыгане в кумачовых рубахах пиликают на скрипочках «Не сыпь мне соль на рану». Но — на валюту!

Есть у меня знакомая, 20 лет от роду, ноги от шеи, знает пять языков, тонка, нежна, умна, говорит на любые темы... Но — за валюту!

Пожалуй, я и сам бы мог бы и получше написать эту заметулю, побойчей, позабористей, но... Ну, вы меня понимаете...

Но за наши деревянные?.. Счас!.. Разбежался!..

Фауна и флора

Как сказал поэт:

Между фауной и флорой
Есть таинственная связь,
За обедом о которой
Догадался я вчерась.

Нет, я не Пришвин, я другой...

Путаю пионы с астрами, гончую с борзой, а из всех деревьев могу распознать только дуб, потому что на нем желуди.

Связь моя с природой окончательно подорвана разнеженной городской жизнью.

На месте Робинзона Крузо я бы уже на третий день отдал концы, будучи не в силах даже развести элементарный костер. Нет, раньше отдал бы...

И все же и я, и я не чужд склонности к созерцанию таинственной флоры и не менее таинственной фауны.

Бреясь ежедневно перед зеркалом в ванной комнате, я меланхолически, самым углом глаза наблюдаю, как целеустремленно торопится куда-то целый караван рыжих муравьев по стене с облупившейся от постоянных протечек масляной краской.

И так ежедневно!

И все по одному и тому же курсу!

Муравьи?! В городской-то квартире?!

Откуда и куда держат они свой неуклонный путь?

Какой биологический компас позволяет им не сбиться с невидимой тропы?

А может, они, как древние мореходы, ориентируются по электрическому шестидесятисвечовому солнцу, подвешенному под потолком на пыльном, витом шнуре.

Обитают в моей квартире и мыши.

Жена и теща не дают утаснуть во мне первобытному охотничьему инстинкту.

Периодически заряжаю я тугую мышеловку.

Жена боится мышей ужасно, а теща как бывший патологоанатом берет на себя хлопоты, которые в нашем быту стыдливо именуются ритуальными услугами.

Такое вот распределение труда.

А тараканы!!!

Я здоровье чуть ли не положил в борьбе с ними...

Однажды едва не отравился хлорофосом... (или дихлофосом? Дьявол его возьми!).

Представляю, как хохотали надо мной тараканы!..

(Готов безвозмездно подарить вам замечательное название для эффективного дезодоранта против тараканов, только изобретите его, — «А паразиты — никогда!».)

Говорят, что тараканы более счастливые современники вымерших начисто динозавров...

Потрясающая приспособляемость к превратностям окружающей среды при абсолютной, прямо-таки чудовищной бесполезности.

Только бы жрать да жрать!

Интересно, почему эта потрясающая приспособляемость так часто идет рука об руку с чудовищной бесполезностью?

(Подумать об этом как-нибудь на досуге.)

Однако не пытается ли человек, в данном случае я, как-то оправдать свою неприязнь к тараканам, подвести под нее идеологическую базу?

Не скрывается ли за внешней бесполезностью их образа жизни какое-то высшее, не известное нам предназначение?

И, может, оно как раз именно в том и заключается, чтобы сигнализировать нам о неблагоприятной санитарной обстановке в доме — не дремли, мол, хозяйская чистоплотность!

Опять же крысы и мыши...

Крысы бегут с корабля?.. Да здравствуют крысы!.. Они первыми дают знать, что в корабле образовалась течь...

Метафора, которая поучительно соотносится с фактами массовой эмиграции в некоторых странах...

Голубей не люблю... Особенно после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году.

Официальная птица.

Непременная участница шоу-программ.

Убогая режиссерская фантазия не идет дальше того, чтобы выпустить под финал стадионного зрелища голубей...

Голубь Пикассо был хорош, потому что он был первым.

Казенное мышление превратило голубя в банальность, в общее место.

Жизнь голубей — убедительный пример того, как талант, поставив себя на службу официальной, непременно должен померкнуть.

Кошек уважаю, собак уважаю...

Нет, город совсем не такая уж пустыня из бетона и стекла, как иногда принято думать.

В соседнем доме сиамская кошка прыгнула со второго этажа на голову лифтерше (чем ее привлек этот объект? заговорили тигриные рефлексы?).

Бедную лифтершу отвезли в 1-ю Градскую с сотрясением мозга...

А не теряй бдительности, не расслабляйся!

Все мы в конце концов вышли из леса.

Кстати, любовь к собакам часто обозначает нашу тоску по беспрекословной покорности. Собака предана беззаветно, как бы ничего не требуя взамен.

С людьми трудней, общение с ними — бесконечный ряд взаимных усилий, уступок, компромиссов. Любовь к людям — это самая тяжелая, самая неблагодарная работа.

Лебеди на Царицынских прудах, в Останкине, на Чистых, на Патриарших, в маленьком, как чайное блюдце, водоеме на улице Дружбы, где китайское посольство.

Рыбаки на Москве-реке там и сям...

Хочется выскочить из троллейбуса и спросить: «Ну как, клюет?»

Раз ловят, значит, пока еще клюет.

Значит, не окончательно все еще погублено. Едва бьется, но бьется же пульс органического существования, бьется, как у обитателя реанимационной палаты, тонкая-претонкая ниточка между жизнью и смертью, чуть — и нету.

Фауна!

А флора?

Худосочная квартирная зелень в интерьерах сберегательных касс.

И неприщипанные ручки на столах, ручки из времен моего детства, из уроков чистописания с ученическим пером № 7.

Астрономические цифры денежных сумм в соседстве с удручающей бедностью.

Мне не нужно заглядывать в бюллетень официального курса иностранных валют, чтобы осведомиться о теперешнем самочувствии рубля... По этой поломанной мебели, по злым и усталым женщинам за окошечками касс, по раздраженным очередям вкладчиков я прекрасно осведомлен.

Иностранцы покупают у нас счеты с деревянными костяшками и везут, везут к себе домой этот удивительный сувенир из России. А мы везем от них компьютеры.

Вот примерно такой сегодня расклад.

Однако с какого боку здесь флора и фауна?

Ну я же сказал, что я не Пришвин.

Я другой...

Девочка, девушка, женщина

А «товарища»

и «гражданочку» уже никто не откликается.

«Мадам» не привилось в связи с некоторыми изъянами Закона о собственности и недопоставками четырех миллионов бутылок шампанского в год на наш праздничный стол.

«Сударыня» переводится разве что со словарем. В ходу военно-грузинское «женщина» с разбросом по возрастному признаку: «девочка», «девушка», «маша».

— Женщина, вы на следующей сходите?.. А там впереди вас сходят?

Не беспокойтесь, она «сходит». И не только из этого трамвая, но и с этого земного шара вообще. Там, впереди нее, уже сошли в воспоминания, в пустой звук ценные породы птиц, зверей, рыб, бабочек и цветов.

Я не знаю, что ей помешало сойти раньше. Может быть, замешкавшееся в проходе Аральское море?

Клянусь всей парфюмерией Франции и лекалами Вячеслава Зайцева, отступать больше некуда. Женщина — последний оборонительный рубеж природы. И она тоже сегодня — зона экологической катастрофы.

Если не вернуть их к домашнему очагу, в спальню, к «три девицы под окном пряли поздно вечером», завтра уж действительно будет поздно!

Такое количество женщин, играющих в шахматы в силу гроссмейстера и заседающих в Верховном Совете, какой еще вам сигнал бедствия нужен?

Мало быть самым читающим народом в мире, надо, чтобы в детских садах водилась хотя бы одна Арина Родионовна, иначе прочесть чего-нибудь новенького будет просто нечего.

Только, пожалуйста, не вешайте на шею женщины табличку «Охраняется государством».

Государством хорошо охраняются только тюрьмы.

Спасение женщины — дело частной инициативы.

Начните с того, что ей не надо ходить на работу. Не женитесь, если вы не в состоянии прокормить женщину и ее ребенка: способность содержать семью — вот признак гражданской зрелости, а совсем не гербовая бумага, украшенная печатью.

Вы разве не видите, что они уже разучились падать в обморок.

Что их уделом окончательно стало «коня на скаку» и в «горящую избу», а вот сидеть на подоконнике, обхватив колени, как Наташа Ростова, — уже так, как она, ни за что на свете.

Что если натуральный облик Ивана Грозного восстановим по черепу, то! «ах!» Анны Карениной утрачено безвозвратно наряду с полным исчезновением условий для этого «ах!».

Но зато есть «маленькая Вера», совсем крохотная надежда и такая ничтожная любовь, что ее нужно рассматривать в микроскоп, словно лесковскую блоху, в кунсткамере, всем обществом, установив строгую очередность, дабы не забыть, как она вообще, любовь, выглядит.

Международный женский день завтра с первыми лучами солнца придет в наши дома.

Средства массовой информации сообщают, что в Армении, например, согласно решению Верховного

Совета республики, 8 Марта — обыкновенный рабочий день.

Возможно, что женщины там и так не работают, как и во все остальные дни недели. Тогда — правильно! Во всяком случае, раз это женский праздник, то почему к привилегиям слабого пола примазываются мужчины? Пусть идут и вкалывают. А то ведь завтра они начнут претендовать на орден «Отец-герой» трех степеней, на декретный отпуск и на пенсию в 55 лет.

И тогда начатый в октябре 17-го года процесс завершится.

Одинокое правительство охотно
познакомится с симпатичным,
работающим народом

Сталин был убийца,

но рядовые коммунисты не виноваты... Берия был
скотиной, но рядовые коммунисты не виноваты...
Брежнев — маразматик, но рядовые коммунисты не
виноваты... Черненко — олух, но рядовые коммуни-
сты не виноваты...

* * *

Большевизм и микроэлектроника несовместимы.

* * *

Из Хазанова, Жванецкого, Задорнова больше
всех мне нравится Жириновский.

* * *

Когда общество не усваивает уроков истории,
оно неизбежно остается на второй год. Великовозра-
стный дебил, у которого бурный рост национального
самосознания намного опережает темпы умственно-
го развития.

* * *

...А рай есть? И кто туда попадает? Кто хочет или
опять одни евреи?

* * *

Когда выпьешь, то немного получше. Когда выпьешь побольше, то еще больше и лучше. Примиряет. Улицы уже не кажутся такими некрасивыми. Зачем архитектура, когда можно просто выпускать больше водки?

* * *

Дулевский фарфоровый завод. Бывший парторг теперь заместитель директора по бартеру. «Мы вам — фарфор, вы нам — колготки». Его теперь называют барторг.

* * *

Кто виноват? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно взглянуть на себя в зеркало. Как в песне поется: я, ты, он, она — вместе целая страна.

* * *

Сейчас нельзя кончать с собой. Сейчас никак нельзя кончать с собой. А то подумают, что тоже участвовал в путче.

* * *

Я еще когда не родился, еще у мамки в животе, а уже в очереди стоял. Третьим. Сначала Виктор, за ним Светка, а потом уж я...

* * *

Мы так долго стояли в очереди, что у нас уже лиц нет, одни затылки.

* * *

Какое завтра число?

— Сейчас такое время, что завтра какое угодно может быть число. Может 6-е, а может сразу 15-е.

Хорошо быть жадным, злым и здоровым!

* * *

* * *

В доме живет зам Лужкова. Горячую воду в доме отключают, когда он уезжает в отпуск. Все в доме знают это и участливо интересуются, не собирается ли он ехать отдыхать. А он, наверное, умиляется тому, какой чуткий народ живет вокруг.

* * *

Нищие возле «Макдоналдса». Стыдят, если не подаешь. Мол, сам жрать идешь в «Макдоналдс», а нищему подать жалко. Нищие веселые и пьяные. Особенно пристают к иностранцам.

* * *

Красота не спасет мир.

* * *

В голодающей стране отдельно взятая голодовка совершенно теряет смысл.

* * *

Торт «Мавзолей». С шоколадным Лениным внутри.

* * *

Кукиш — оружие пролетариата.

* * *

Сколько евреев уехало! Ведь насколько здесь жизнь должна была сделаться легче. А нет, все тяжелее и тяжелее.

* * *

Самоубийство: ну как бы человек подал заявление по собственному желанию!

* * *

Леонид Ильич Брежнев целуется с Тодором Живковым в подъезде. Ужас!

* * *

Главное захватить телевидение. И банк. А мосты и телеграф нам и на фиг не нужны!

* * *

У каждого советского человека как бы две матери: одна родная, кровная, другая — та, к которой его постоянно посылают и куда он никогда не идет.

* * *

...И зачем же мне мчаться со скоростью звука в Новосибирск, если и там то же самое?

* * *

... — А теперь докажите, что вы не верблюд.

И тут он не выдержал и плюнул. Записали: «Верблюд, хотя и склонен утверждать, что им не является».

* * *

И наступило Царство Добра и Справедливости. Во всем городе, во всей стране остался только один плохой человек. Его забрали ночью.

Ночью его забрали...

Увольнительная в Италию

Командировкой это не назовешь,

туристической поездкой — с большим натягом, а вот увольнительной — можно. Именно что увольнительной, но, правда, в Италию. Пошлялся, поглазел на витрины, газированной водички попил — и обратно, в родную казарму. Чем не увольнительная?

Римского папу не видел. Папа в это время был в Африке, разминулись, выходит.

Зато Ватикан, Пизанская башня, спагетти, капитализм итальянский — все на месте. На том самом.

Наиболее яркие итальянские впечатления — от соотечественников, с которыми убыл в увольнительную.

Обыкновенная, привычная неприязнь друг к другу, испытываемая изо дня в день дома, за границей почему-то перерастает в полную психологическую несовместимость, как будто мы не по Риму вместе гуляли, а находились на длительном боевом дежурстве в атомной подводной лодке.

Наша группа называлась журналистской. Почему журналистской, я так и не понял. С таким же успехом она могла бы называться и группой японских самураев. Хотя если толковать понятие «журналист» в расширительном смысле — тогда, конечно... В какой-то степени все люди на свете где-то как-то журналисты, а почему бы и нет?!

Группа даже побывала на традиционном празднике газеты «Унита», где итальянские коллеги орга-

низовали то ли обоюдную пресс-конференцию, то ли просто встречу, никак я не мог взять в толк. Но какая-то вялая была пресс-конференция. Или все-таки это была встреча? Вялая какая-то!.. Такие вопросы задают отличники в классе во время инспекции из гороно. Ты, Вовочка, поднимешь руку и спросишь то-то и то-то, а ты, Петенька, спросишь то-то и то-то. Вопросы, чтобы, не дай бог, не поставить отвечающего в тупик.

Во время поездки не обошлось и без милых домашних недоразумений.

Одна женщина из нашей группы вознамерилась, просто страшно себе представить, отклониться от расписания, намеченного «Интуристом», и встретиться со своей дочерью, проживающей в городе Милане, причем на четыре дня раньше, чем там окажется вся остальная группа. Так с этой несчастной уполномоченная «Интуриста» что-то вроде объяснительной потребовала. Что-то вроде расписки, что в Милане эта женщина обязательно присоединится к группе. Шагу наш человек не может ступить без расписок и объяснительных, вечно трепещет от любой самой малой ответственности, не верит ни в устное слово, ни в естественные душевные порывы. Порывы порывами, а в родной казарме за порывы-то и по шапке дать могут.

Ну купили мы по буржуазному двухкассетнику и — домой, в Москву, с промежуточной посадкой в Киеве.

Типун мне на язык, но слово «посадка» в нашем отечестве звучит двусмысленно.

В Киеве мы сели так, что потом долго не могли взлететь.

Летчики объяснили, что сломался грузовой контейнер, из-за чего самолет не может освободиться от транзитного груза, в пассажирской же среде пронесся слух, будто бы ждут местного министра, решив-

шего смотаться в Москву на денек-другой, и то ли у министра совещание затягивается, то ли он никак с женой не простится, в общем, штучки административно-командной системы, вы меня понимаете.

Верую, господа, верую! Верую и в министра, и в штучки, но особенно в сломанный грузовой контейнер. Контейнер — это, братцы, такая вещь, что он всегда ломается. В одно никак не могу поверить — в победу здравого смысла и деловитости на этой одной шестой.

Наверное, господа, когда ты заправлял свою небесную авторучку, рука у тебя дрогнула и посадил ты огромную кляксу, расплывшуюся всеобщим маразмом от Москвы до самых до окраин.

Родина встречала туманом, самыми невероятными слухами, неласковыми и бестолковыми пограничниками.

Туманом — потому, что природа, слухами — в силу недостатка газетной бумаги, а бестолковыми пограничниками — тоже понятно почему. Они же все время границу охраняют, нет возможности отлучиться с поста, глянуть, как там, допустим, в Италии пограничники работают, смотришь, бестолковости бы и поубавилось.

Граница у нас на большом заржавленном замке, вроде амбарного, правда, его недавно начали смазывать, но как он себя поведет в следующий раз, все еще предугадать невозможно: откроете или опять его заклинит?..

И вот сижу дома и радуюсь, что я не итальянец. Если бы я был итальянцем, разве бы я в Италию-то съездил?! Я бы жил в Италии и думал бы, что все это в порядке вещей.

Любит?.. Не любит?..
Плюнет?.. Поцелует?..

«Слишком много умников

развелось» — это, конечно, точка зрения идиота. А потом — где же слишком? Лично я не ощущаю ни по себе, ни по состоянию общества, чтобы мы страдали от перепроизводства умников. Скорее, наоборот.

Лучшие минуты трибунного времени проходят в выяснении вопроса, кто действительно имеет право говорить от имени народа, а кто этого права не имеет. Кто — от кучки профессоров, а кто — от многомиллионного отряда рабочего класса.

Во времена холерных бунтов при царе Алексее Михайловиче, кажется (если я ошибаюсь, пусть меня поправят), били врачей как главных виновников распространения заразы. Нынче, похоже, примутся поколачивать экономистов. Неужели ничего не меняется?

Ну мне хорошо! Про себя-то я точно знаю, что я не народ. И даже не класс согласно общественно-политической теории. Я и успокоился. Про себя мне известно, пожизненно вдолблено в голову, что я представитель прослойки, тактично, чтобы не обидеть, именуемой интеллигенцией. Которая навроде масла сдобривает бутерброд. В общем, что-то такое, без чего можно обойтись, когда решается, что же выбрать из трех — хлеба, масла и куска колбасы. Так что к своей участи я приготовился вполне.

Но детей, детей жалко! Мы-то свое отбарабанили, а им еще жить. Не хочется, чтобы они, выбирая профессии врачей, социологов, философов или, не дай бог, журналистов, тем самым противопоставили себя широким массам трудящихся.

Если государственный организм уподобить организму человеческому, то чем тогда будет интеллигенция? Мочкой уха? Локтем? Правой почкой? И возможно ли представить себе такую ситуацию, когда взбесившееся тело вдруг начнет выяснять само с собой, что в нем важнее — глотательные рефлексы или функция желчевыводящих путей?

А между тем дискуссии, которые сегодня ведутся в нашем обществе, порой до жути напоминают нечто подобное.

Ну что же, зададимся тогда вопросом, принадлежала ли к народу та обезьяна, которая первая спустилась с дерева и взяла в руки палку? Или она была гнилой интеллигенткой?

И в конце-то концов какое право имел Сократ идти наперекор афинскому большинству? Ведь большинство, судя по нашему Съезду, всегда праведно. Присудили Сократа к чаше с цикутой? И правильно сделали, что присудили! Не народом, конечно, был и Пушкин, потому что до обеда валялся в постели, стишки писал. А писать, как известно, — не пахать. «Бывало, он еще в постели, к нему записочки несут...» — это же автобиографическое. А, черт побери!..

Ну еще туда-сюда графу Льву Николаевичу многое простить можно. Борода лопатой и привычка ходить босиком как-то с ним примиряют. К тому же бывший артиллерии поручик. Офицер. А армия, как нам тут недавно вновь напомнили, — детище народа. И КГБ — детище народа, его щит и меч. И мили-

ция — детище народа. Критиковать их — значит критиковать сам народ.

Вот Минздрав СССР критикуй сколько душе угодно, потому как не детище народа, а просто с Луны к нам свалилось. И работников прилавка можно: они не детище. И кооператоров: уж совсем не детище. А милицию, армию, КГБ — ни-ни, не смей!

И вновь, вновь хочется со вздохом повторить вслед за булгаковским Мышлаевским (см. роман «Белая гвардия»): «Да-с... вот-с писатель был граф Лев Николаевич Толстой, артиллерии поручик... Жалко, что бросил служить... до генерала бы дослужился...»

Возможно (имею такое предчувствие), в скором времени нас ждут новые потрясающие открытия... Например, что Сталин, Ежов, Берия, Вышинский и прочие никакого отношения к народу не имели, что они (а почему бы и нет?) на самом деле пришельцы, посланные к нам враждебной инопланетной цивилизацией...

И что... нет, воображение отказывается рисовать столь ужасные картины.

Когда человек всходит на трибуну и говорит: «Товарищи! За мной стоит пятимиллионная армия железнодорожников! И от их имени я хочу сказать, что советские железнодорожники головы свои готовы положить за дело перестройки!» — мне сразу делается нестерпимо тоскливо. Ну не могу я представить себе многомиллионную армию железнодорожников. Отдельных людей — могу, армию — нет, хоть убей. Могу и очень даже хорошо представить ту золотозубую проводницу с поезда «Новороссийск — Москва», обвинившую меня в краже полотенца. Заплеванный вагон — могу. Загаженный туалет. Могу себе представить наши ужасные вокзалы, где ни напиться, ни голову приклонить. Но народ здесь, конечно, ни при

чем. Это, конечно, все устроила кучка зарвавшихся бюрократов, окруживших себя привилегиями.

А бюрократы, ребенку известно, никакого отношения к народу не имеют. Так откуда же они? Они что, дворянского происхождения? В именьях гувернерами воспитывались?

Нет, воля ваша, а тут что-то не то. Тут разбираться и разбираться. Может быть, даже и не с нашим слабым умишком.

А пока такой ум еще зреет, давайте для начала попробуем говорить сами от себя. И отвечать за себя. За свои поступки. За свое дело. За результаты. Изобрел, например, человек средства от СПИДа, значит, он народ! Построил хороший дом — народ. Лед сколотил, снег расчистил — народ. Сапоги сшил отличные — народ. Песню сочинил, которая за душу берет, — тоже народ. А если ни то, ни другое, ни пятое, ни десятое — уж извини, никакой ты не народ. Если даже у тебя руки в мазуте и спецовка рваная, и взгляд плакатный — уж извини!.. Завтра изобретешь, построишь, расчистишь, сошьешь, сочинишь?.. Завтра и назовем!.. И не надо ссылаться на позавчерашние заслуги!.. Вчера ты еще был народом, а сегодня — не народ. Такие дела!..

Давайте для начала хотя бы это и примем за точку отсчета. А там посмотрим.

И тпру ни ну

И у давайте уже

наконец туда или сюда.

Выберите уже наконец «тпру!» или «но, поехали!».

Нельзя же постоянно жить с оглядкой на занесенную для отцовского «ата-та» руку.

Вон, уже даже предприниматели всполошились и собрались на свой чрезвычайный, внеочередной съезд.

А они, говорят, представляют у нас 43 миллиона человек.

А у них еще жены, дети, бабушки, дедушки.

Предприниматели всполошились и не понимают, кто они: то ли еще предприниматели, то ли уже спекулянты и саботажники.

И хотя здравый смысл подсказывает, что 43 миллиона не может ходить в спекулянтах, опыт, исторический опыт последних семидесяти трех с чем-то лет, твердит: может, очень даже может.

У нас весь народ может быть завтра объявлен врагом народа. А что? Запросто! Было же уже.

В атмосфере повального склероза сегодня можно говорить о приоритете общечеловеческих ценностей и построении правового государства, а завтра давать «добро» несанкционированным обыскам и отнимать деньги, глазом не моргнув, будто ни в чем не бывало.

Утвердить Закон о печати, а завтра предлагать приостановить его действие.

Провозгласить право на суверенитет, а потом этот суверенитет душить всячески.

Одной рукой указывать на социализм с человеческим лицом, подозрительно смахивающим теперь на лицо Павлова, другой любовно покручивать пуговицу на маршальском мундире, третьей устраивать провокации по рецептам «поджога рейхстага», вспомнить штурм Литовского телецентра и рижские события.

И ведь что интересно, власть наша никогда, ни в жизнь, не признается в ошибках. В ошибках предыдущей власти — то да. Ну, на худой конец, когда припрут к стене, выдавит, что не знала, не ведала, была не в курсе. Но почему незнание рядовым гражданином закона не освобождает его от ответственности, а незнание властью того, что ей знать положено, ее как бы и извиняет?

Не понимаю. Убей меня бог, не понимаю.

Вот и получается: вместо правового государства — вечно правое.

Похоже, общество снова погружается в апатию.

Главный врач решил, что, поскольку исцеление невозможно, больному показаны успокоительные.

Старшая медсестра из Гостелерадио А. Кравченко, теперь уже глава Телерадиовещательной компании (что в лоб, что по лбу), кормит нас своим амином в лошадиных дозах, чтобы мы могли спать спокойно и безо всяких, главное, снов о том, как бы мы могли жить, если бы не были такими остолопами.

«Радио России» сослано на третью программу, как декабристы в Сибирь.

Отпущенные цены на бумагу (так отпускают цепных псов) душат свободу прессы.

Им изо всех сил в том деле помогает Министерство связи, которое у нас вроде Бермудского треуголь-

ника, где гибнут без следа выписанные нами газеты и журналы. И посреди ежедневных прорух, там и сям возникающих, нет уже ни сил, ни времени спросить, чего же драли с нас семь шкур за доставку корреспонденции те, кто до небес взвинтил цены на подписку.

Ох, Книга Гиннесса, Книга Гиннесса!..

Что ты там все выискиваешь, высматриваешь, вынюхиваешь по мелочи, когда тут целая страна к тебе на страницы просится, страна небывалых рекордов и небывалых людей. Иль боишься, что расползешься по швам?!

Каждая пресса достойна своего читателя

Каждую утру сизифов камень газеты

вновь окажется у подножия, и вновь, кряхтя и отдуваясь, его нужно будет толкать в гору, чтобы завтра, в тот же самый час, обнаружить его на прежнем месте, как будто к нему и не прикасался никто.

А ну, ребята, поплевали на ладони, навалились дружной, раз-два, взяли!

Тянем-потянем, порой даже в совершенно разные стороны, а гляди-ка, баржа не стоит на месте, идет в заданном направлении, просто даже удивительно!

И если вы думаете, что какие-то особенные люди, какие-то богом отмеченные или семи пядей во лбу, так вот и нет, самые что ни на есть обыкновенные, а на вид — так даже и вовсе. Один пьет, у другого в семье нелады, третий в разладе с самим собой, четвертый еще что-нибудь. Солидные мальчишки и легкомысленные старцы, хвастуны, самолюбцы, неудачники, недоучки или наоборот — переучившиеся. И все-то вместе — редакция.

Полегче, полегче, друг читатель! Поосторожнее на поворотах! Ты коришь нас, что мы опять чего-то там не то понаписали, а ты сам на себя посмотри! Какие ты булки испек, то мы и понаписали. Как ты дома строишь, как ты лечишь, как борщ варишь, так мы и пишем. Не хуже и не лучше. Говорят, каждый народ достоин своего правительства. Но и пресса

достойна той публики, которая есть на данный исторический момент. А что? Неплохая публика, по-моему.

И еще раздражает читателя разность оценок. В прежние-то времена его раздражало единообразие оценок, теперь разность. И ладно бы еще в разных изданиях, а то порой буквально в пределах одного и того же печатного органа. Да что там органа, а то ведь в пределах одной статьи! Начато бывает за здравие, а кончено за упокой. Кому верить, спрашивает читатель. Бедный, бедный! Он, видите ли, привык верить печатному слову. А никому не надо верить, дурачок. Никому не верить, кроме как себе самому. Верить в свою способность размышлять, сопоставлять, делать выводы. А уж пищу для размышления и сопоставления мы дадим, за нами не заржавеет, наше это дело, наше.

Что такое метеопатия, знаете? Ну, это когда человеческий организм начинает особенно болезненно реагировать на капризы погоды. Здоровому человеку что дождь, что вёдро, — все нипочем, а вот метеопату малейшие перепады атмосферного давления — нож острый. Но есть особого рода метеопатия — на изменения политического климата. Все мы в какой-то степени метеопаты в том смысле, а журналисты тем более. Настоящие журналисты, не самозванцы. Вот тут, в боку что-то закололо, хватаешь газету — ну, точно, опять волнения в Южно-Африканской Республике. Вот сюда что-то вступило, сюда вот, в ногу, и здесь как стрельнет, аж в глазах темно — включаешь телевизор, как сердце чуяло: опять на армяно-азербайджанской границе закрутилась кровавая мясорубка. Заныло, зазудило плечо — можно не проверять, опять, значит, в мире где-то неспокойно. Простой читатель, тот хоть может прибегнуть к простейшим средствам профилактики — отложить газету или вырубить телевизор, этого домашнего су-

масшедшего. А что делать журналисту, профессиональный долг которого повелевает ему испить до дна всю желчь и весь уксус, что приготовили за день глупость и злоба человеческие. С утра до вечера стучат телетайпы, стрекочут пишущие машинки, надрываются телефоны — и все для того, чтобы сообщить, по сути, одну и ту же новость: люди и сегодня ни на йоту не стали лучше, они по-прежнему грабят, убивают, насилюют, берут взятки и лгут, лгут без конца.

И вот когда после рабочего дня, на который выпало штук шесть автокатастроф, парочка самоубийств, два правительственных кризиса и одно землетрясение, пусть не в районе Малаховки, пусть в Лос-Анджелесе, от этого ведь не легче, когда после такого дня возвращаешься домой бензиновым городом и взгляд случайно цепляет лоточника, продающего молодую картошку, теплеет, не может не потеплеть на сердце. Жизнь продолжается, раз и в этом году есть молодая картошечка, как и в прошлом. И кто-то может позволить ее себе с маслицем, с малосольным огурчиком.

А мужики у ларька, как и раньше, как и в прежние, стародавние времена, пьют пиво.

И какой-то паренек щиплет девчонку, и девчонка смеется и дает пареньку по шее, не сильно так дает, в шутку, понятно. Жизнь продолжается. Нормальная жизнь.

Если слон с китом поборется...

Достаточно понаблюдать,

из-за чего возникает самая обыкновенная драка, чтобы понять, откуда берутся войны. Очень мало здравого смысла и очень много самолюбия... Кто-то на кого-то неправильно посмотрел. Кто-то кого-то задел локтем и не извинился.

Но даже если война началась по ничтожному поводу или вообще без всякого повода, достаточно затеять войну, чтобы причины, по которым необходимо ее продолжать, начали множиться с сумасшедшей быстротой. Самый веский аргумент в пользу любой войны: «Ах, ты так?! Тогда и я так!» В какой-то момент война становится справедливой с обеих сторон. Ведь с обеих сторон гибнут женщины и дети. Или несправедливой с обеих сторон. Ведь с обеих сторон гибнут женщины и дети.

Интересно разобраться также в роли так называемой третьей стороны, разнимающей дерущихся, иначе — миротворца. Прежде всего ему требуется хладнокровие, хладнокровие и еще раз хладнокровие. Однако после того, как в пылу схватки миротворец сам получает по шее, он часто становится одним из дерущихся. Примеры у нас перед глазами: российский вертолетный полк в Цхинвал, 14-я армия в Приднестровье. Не знаю, может быть, кому-нибудь и был до конца ясен правовой статус 14-й армии, для меня он долгое время оставался загадкой. Пока в печати не промелькнула информация о том, что боль-

шинство офицеров этой армии имеют квартиры в Тирасполе. То есть на левом берегу. И тут пелена спала с моих глаз. Трудно сохранить нейтралитет, когда снаряды то и дело норовят угодить в твой телевизор или тещин сервиз. Вывод: армия, признанная выполнять миротворческую миссию, должна иметь квартиры как можно дальше от того места, где идет схватка.

Теперь некоторые соображения о том, что нужно делать, чтобы война закончилась. Чтобы война закончилась, нужно, чтобы одна из сторон выиграла войну, а другая — проиграла. Войну, как правило, выигрывают генералы. Простой солдат всегда в проигрыше. Даже если он сражался на победоносной стороне. Иногда, чтобы проиграть войну, необходимо больше гражданской смелости, чем для того, чтобы ее выиграть. Проигравший войну проявляет в данном случае больше воли к миру.

И вообще, кто знает наверняка, что такое победа? В истории известно множество случаев, когда из плодов победы наибольшую пользу для себя извлекали как раз побежденные, а не победители. Во всяком случае, победа — весьма скоропортящийся продукт. Ее нельзя хранить слишком долго. Иначе она начинает подозрительно пахнуть поражением. Кто победил в борьбе за власть в августе прошлого года? Демократы. Что осталось у них от власти на сегодняшний день? Какой-то жалкий обмылок, готовый выскользнуть из рук. Так что, собираясь победить, вы должны точно знать, как собираетесь распорядиться своей победой, в противном случае она бессмысленна.

После Бородина Кутузов считал, что победа в сражении осталась за ним. Наполеон — что за ним. В итоге Кутузов, как известно, вынужден был оставить Москву, а еще через три месяца началось великое бегство французской армии из России. Причем

никто особенно не побуждал ее к этому. Не было человека, который бы так неохотно шел на соприкосновение с противником, как Кутузов. Его тактика оказалась на деле самой продуктивной. Сегодняшним генералам не хватает именно кутузовской гибкости. Им, кажется, незнакомо само понятие жертвы, в конечном счете ведущей к эффектному выигрышу. Они плохие дипломаты, чего не может позволить себе военный человек, особенно крупного ранга, особенно в наше время. Они лезут только напролом, набивая себе бесчисленные шишки.

Сегодня к третьей мировой войне лежит множество путей, и один из самых скорых — через Молдову. Помните детскую присказку: «Если слон с китом поборется, кто победит?» А если Россия с Молдовой?.. А если победит Россия, то что она потом будет делать со своей победой?

Прапорщик с женой и детьми

День — это маленькая

действующая модель жизни.

Как там?.. Жизнь прожить — не поле перейти?.. А день?.. Так, чтобы по-настоящему, с полной отдачей, без мелочного вранья, без суеты, с широко раскрытыми глазами... Тоже, знаете, не лужайку пересечь...

Рано утром покупал телевизор. Накануне выдали талончик. Цветной телевизор теперь — по талончику, обзавестись которым большая, между прочим, удача. ГУМ. Серенький рассвет. Без пяти минут восемь. Стоим у дверей в ожидании, когда они распахнутся. Толпа не маленькая и не большая, а так, человек в сто. Открывают — и, бог ты мой, что начинается. Люди на глазах превращаются в стадо обезумевших бизонов. Натиск толпы во много раз превышает пропускную способность дверей. Толчки, ругань. Чей-то крик. «Здесь дети! Вы сейчас раздавите детей!» Неужели такое с нами сделал дефицит? А если что страшней случится? Не приведи господь, новое землетрясение? Или... Нет, язык не поворачивается выговорить...

Не знаю почему, но вдруг вспомнился Иван Иванович из деревни, что рядом с нашим садовым товариществом, местная знаменитость. Иван Иваныч на все руки, юморной старик. Сам про себя шутит: «Иван Иваныч! Сними портки на ночь, а как день, так опять надень!» У Ивана Иваныча железные зубы.

И вообще он производит впечатление чего-то железного, негнувшегося. Долго не хотел жениться. Наконец, сильно на склоне лет нашел какую-то старушку. Прожили 7 лет. Раз она ему возьми и скажи: «Иван Иванович! Ты деньги-то, восемь тысяч, с книжки-то сними, а то вдруг, не ровен час, война начнется, так пусть они лучше дома будут».

Иван Иванович послушался. А она с этими деньгами в один прекрасный день и сбегала. Теперь Иван Иваныч с другой старушкой, но уже осторожничает. Скупой сделался. Масло не разрешает в картошку класть. Говорит «картошка и так хороша. Нечего масло переводить».

...А мы тем временем уже под сводами торгового центра, разбегаемся по секциям и отделам, кому куда нужно. Толпа, она и есть толпа. Интересно, что так же точно она ведет себя и после театра, разбирая вещи из гардероба. Как быстро, однако, проходит наркоз искусства! Буквально за минуту до этого в зрительном зале у тебя слезы у самых глаз стояли, до того пронимало происходящее на сцене, а возле гардероба ты — ну прямо чистый зверь!

Телевизор, на удивление, куплен быстро, без помех. Тут же нашелся и транспорт: пожилой мужчина, оказавшийся таксистом, предложил свои услуги, и «всего за 15 рублей».

Таксист подхватил с другой стороны коробку, и мы ее потащили. Почему людей — в поезде ли, в самолете ли, в автомобиле — так и тянет на откровенность, на исповедь, на внезапные признания?

Через 20 минут — вся дорога — я узнал, что ему через два года на пенсию, но к такси так привык, что приходится крутиться, хотя он и не из тех, что нарушают закон, так, «тротуарные дела», не более того, правда, продавщицы в телевизионной секции гоняют, чтоб не отбивали хлеб у местной транспортной службы, правда, не очень чтобы настойчиво гоня-

ют... Ну и, естественно, дети — дочь и сын, внуки, на ногах нетвердо стоят, помогать надо...

Да, дети... Вот они своими слабыми ручонками и подталкивают нас, чтобы мы крутились, вертелись, ловчили, изворачивались, хватались за любую халтуру, чтобы в доме и пианино, и стерео-шмерео, видео-шмидео, и учитель трудного зарубежного языка, который мы сами не осилили ни в школе, ни в институте, и чтобы джинсы из варенки, «выстиранные в камнях», со специфическими разводами, и чтобы, отводя в школу, с тайной придирчивостью оглядеть других и удовлетворенно сказать себе: «А что?.. Мои не хуже, чем у других... Да-с, милостивые государи, не хуже!»

Не выходит никак из головы прапорщик с женой и детьми, встреченный как-то однажды в дачной электричке. Строг был прапорщик, не ленился детей учить, двое мальчиков у него, и, видать, шаловные. Как только поезд тронулся, он сразу принялся за воспитание своих отпрысков, приковав к себе внимание вагона.

— Сидеть, как положено! Встать! Я кому сказал: встать! Отвернуться друг от друга! Стоять! Ты меня знаешь! Если я рукой случайно задену, у тебя губы лопнут!

— Пап, а драконы бывают с 15 головами?

— Нет, не бывают. Только 3, 9 и 12.

— А кто сильнее, мамонт или ястреб?

— Мамонт. Если мамонт ногой наступит, от ястреба только мокрое место останется.

— А кто такой мамонт?

— Это слон, только покрытый шерстью.

— А что на Луне за темные пятнышки?

— Это ямки на Луне. (Милиционер прошел по вагону.)

— Пап, а это кто?

— Сержант милиции.

— А почему он без пистолета?

— У него пистолет под плащом.

— А у него есть такая форма, в которой ты к нам на праздник приходил?

— У него нет такой формы, как у папки.

Жена прапорщика:

— Ну, попроси у папочки прощения. Скажи: «Папочка, я больше не буду».

Мальчик:

— А Луна, как голландский сыр.

Прапорщик:

— Ты почему сел? Я тебе разрешал садиться? Не умеешь вести себя, как положено, стой, как положено...

Стучит, стучит электричка колесами, поздний вечер, тускло светят лампочки, задремываешь, проваливаешься в забытие... Какой прапорщик! Какая жена! Какие еще дети!.. Ах да, и у нас был прапорщик, один на всех, был, да весь вышел... Осиротели мы! И не у кого теперь спросить, сколько голов у дракона, и не у кого получить абсолютно точный ответ...

«По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит. Колокольчик однозвучный утомительно гремит. Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска...»

Случай в подземном переходе

А как сказал на днях

всесоюзный диктор, оттепель кончилась, наступают крещенские морозы.

Имея в виду, если я правильно понял, не столько температуру окружающего воздуха, сколько окружающий политический климат.

Действительно, что-то стало холодать.

А от последних событий в Литве просто бьет колотун.

Я даже начал понимать наших ревнителей общественной нравственности в их стремлении одеть всю обнаженную натуру вокруг, готовых уже, кажется, и на Венеру из музея изобразительных искусств набросить телогрейку.

Холодно же!

Ладно, допустим, все эти исполнители стриптиза сами ничего не чувствуют, они, может, закаленные, но нам-то каково на них смотреть, когда и так зуб на зуб не попадает?!

Одеть, немедленно одеть!

Тем более что другого способа согреться в магазины уже который день не завозят.

А тут, прости господи, нагишом некоторые.

Вот, к примеру, какую леденящую душу картину рисует журналист Татьяна Сергеева из «Московской правды» в своей статье «Пляски на балу у Эроса и Танатоса»:

«Выхожу утром из метро «Площадь Ногина» в подземный переход. И первое, что бросается в глаза, огромная фотография на стене — красotka в мини-бикини обнажается, стягивая через голову нечто прозрачное. Ну зачем, скажите, демонстрируют уличные торговцы нам этот фотостриптиз в рабочее утро в центре Москвы?»

И хотя на этот вопрос ответа в дальнейших рассуждениях не дается, он как бы подразумевается всем содержанием статьи.

Конечно же, затем смущают нас красотками в подземных переходах, чтобы перебить наш трудовой энтузиазм, чтобы проектировщик, придя на работу, запорол чертежи, токарь — деталь, а каменщик весь день потом, глядя на кирпичи, думал о бабах.

Ах, скверनावцы! Нет, чтобы торговать лозунгами «Слава передовому рабочему классу!» или там на худой конец конверсионным чугунным литьем «Женщина в забое» — копией с шедевра отечественной изобразительной школы. Они, вишь, чего удумали! Трясти перед нами прозрачным.

Ужо постоит! Достанется вам на орехи. Равно как и прочим растлителям нашей морали. В число коих, да, представь себе, читатель, попал и «Московский комсомолец».

«Из него, — сообщает миру автор, — я почерпнула массу сведений: о контрацепции (жаль, что врачи предпочитают эти знания скрывать от пациентов), о том, что все женские болезни, в частности, варикозное расширение вен, не от вечных неподъемных сумок, не от стояния в очередях, не от непосильных нагрузок и психических перегрузок, а оттого, что не получали партнерши сексуального удовлетворения. Нисколько не отрицаю важность последнего в жизни, но не стоит все-таки путать божий дар с чем бы то ни было еще».

Ну, слава богу, все-таки еще сексуального удовлетворения не отрицают. Еще до того не дошло! Веселей гляди, ребята, жить пока можно! Раз «Московская правда» разрешает, валяй на всю катушку. А то ведь, когда в одночасье наложат запрет, локти кусать будем, что даром время теряли. Так однажды раскроешь этот орган, а он уже опять, как в прошлые времена, стал директивным. И там черным по белому написано, что, «идя навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся», решено сексуальное удовлетворение запретить раз и навсегда. И я вполне допускаю, что эти времена очень даже наступить могут, когда это дело, так скрашивающее наше полное бурь и треволнений бытие, поставят под государственный надзор и назовут...

Да мало ли как назвать его можно! Например, воспроизводством бойцов за чьи-нибудь еще великие идеи.

Воспроизвел, выполнил долг и — хорошо! Нечего растрачивать пыл, столь необходимый для страны. Работать нужно, а не заниматься сексуальным удовлетворением.

...Холодно, холодно!

Эй, голые красотки, неужто вы еще не почувствовали, что пора одеваться!

Флаг восстания над квартирой № 95

А произошло вот что.

Антонова Галина Антоновна, проживающая по Гончарному проезду в доме № 6, квартира № 95, Пролетарский район города Москвы, не пустила в свою квартиру слесарей из ДЭЗа № 1 того же Пролетарского района.

Фу-у!.. Верите ль, написал эту фразу и сразу как-то устал. Сразу захотелось лечь на диван и смежить веки. Какая-то неподъемная тяжесть есть в этой фразе. Свинцовость какая-то. Ну почему я не писатель?! Почему мне приходится работать в газете?! Почему вместо того, чтобы создать какое-нибудь яркое, праздничное полотно, я должен выводить эти бесцветные слова: Антонова Галина Антоновна не пустила в квартиру слесарей?

Однако надо. Надо продолжать. Водопроводная труба зовет. Надо сейчас же и немедленно разъяснить читателю, почему не пустила, на каком таком основании не пустила, пускала ли раньше и будет ли пускать впредь.

А дело все в том, что в травмпункте, расположенном этажом ниже квартиры № 95, произошла протечка. И подозрение по поводу причин протечки пало на стояк, проходящий через квартиру № 95. И слесаря пришли долбить дыру в полу квартиры № 95.

Нет, все-таки сейчас лягу на диван и смежу веки.

А Галина Антоновна Антонова их не пускает, потому что требует гарантий, что слесаря, после того как продолбят дыру и устранят причину протечки, дыру заделают обратно. А слесаря никаких гарантий не дают.

Лечь или не лечь? Смежить веки или не смежить?

Тогда Галина Антоновна Антонова спрашивает их, почему нельзя долбить дыру и устранять причины протечки со стороны травмпункта, то есть снизу. А слесаря в ответ отвечают, что снизу они не могут, потому что сверху им, слесарям, в глаза будет известка сыпаться и запорошивать им, слесарям, глаза.

Все-таки лягу, ей-богу, лягу!

Тогда Галина Антоновна опять требует гарантий. А слесаря опять гарантий не дают. Вместо гарантий из диспетчерской ДЭЗа поступает звонок с угрозами в случае дальнейшего сопротивления отключить стояк от водоснабжения.

А Галина Антоновна Антонова говорит: «Ну и отключайте!»

А из ДЭЗа говорят, что не только отключат стояк в подъезде, а и вообще во всем доме отопление вырубят.

А Галина Антоновна говорит: «Ну и вырубайте!»

А в ДЭЗе говорят, что не только отопление вырубят, но и всем жильцам дома будут сообщать телефон квартиры № 95 и натравят жильцов на эту мятежную квартиру.

И не только говорят, но и приводят угрозы в исполнение.

Но квартира № 95 высоко держит знамя восстания. Она не сдается, эта гордая квартира. Как будут дальше развиваться события, предсказать трудно. Возможно, коллектив не менее гордого, чем квартира № 95, ДЭЗа № 1 добьется отключения отопления не только в одном-единственном доме, но и во всем Пролетарском районе, дабы поставить на колени

квартиру № 95. А возможно, санкции распространятся и на всю столицу. И если в ваши квартиры вдруг перестанет поступать горячая вода и вообще вода, знайте, что во всем виновата пресловутая квартира № 95. Телефон квартиры можно получить в ДЭЗе № 1. Там его охотно дают.

Ну а если и в этом случае Галина Антоновна Антонова не пустит в квартиру слесарей? Что бы мы посоветовали ДЭЗу № 1? Склонить выю? Выкинуть белый флаг и наконец дать гарантии? Ни в коем разе флаг не выкидывать и никаких гарантий не давать! В этом случае мы бы посоветовали ДЭЗу № 1 добиться отключения всей столицы от энергоснабжения. Не поступимся принципами! Но пассаран! А если и это не заставит квартиру № 95 упасть на колени, в запасе есть еще много эффективных средств борьбы. Например, железнодорожная блокада. Прекращение воздушных сообщений. Отделение всей РСФСР от квартиры № 95. Да мало ли еще что!

И не надо нам ля-ля про Карабах, про СВА-ПО и сикхских сепаратистов. Мы сами с усами! Мы тут у себя из-за любой ерунды такой Карабах устроим, что они там у себя все от зависти помирают.

Деньги ли наше время?

Вот говорят:

«Рубль подешевел! Рубль подешевел!» Говорят, что в одном рубле всего лишь 18 копеек обеспечено товаром. Ахают, охают. А час разве не подешевел?! Сколько минут в часе обеспечено реальным, конкретным делом? Боюсь, что еще меньше, чем в рубле. Идет страшная, катастрофическая инфляция времени. Времени человеческой жизни. Такой неповторимой. Не только за пятью копейками, упавшими в грязь, теперь никто не нагнется, но и за пятью минутами. Часы без циферблата уже выпускают? Выпускают. Скоро без стрелок будут. А зачем они, стрелки?!

Мы, взявшиеся построить прекрасное будущее, обыкновенный детский сад строим три года. И почему как что-то прекрасное, так обязательно будущее? Давайте строить прекрасное настоящее.

Точность — вежливость королей. Неужели мы вместе с самодержавием свергли всякую точность, обязательность, пунктуальность? Неужели у нас, чтобы дожить до чего-нибудь хорошего, нужно обязательно быть кавказским долгожителем? До получения отдельной квартиры, до выхода отдельной книги, до того, когда подойдет автобус и очередь на дачный участок.

Почему у нас ничего никогда не начинается вовремя?

Почему наши руководители так безобразно неряшливы в отношении со временем, словно девушки, назначающие первое свидание?

Почему у нас всегда семеро ждут одного, вопреки известной поговорке?

Почему? Почему?

Потому что кончается на «у».

А так посмотришь — нет более торопливого народа, чем мы. Все спешат. Просто с ног друг друга сбивают. Машины куда-то мчатся со скоростью, превышающей всякое разумение. И куда они мчатся? Любое дело носит следы дикой спешки. Некогда, некогда. Некогда подумать, рассудить, остановиться, оглянуться. Ничего некогда. Схватил, побежал, дунул, плюнул — готово. Вещи, сработанные нашими умельцами, рассыпаются прямо в руках, фильмы забываются через полчаса. Мосты рушатся, как только на них ступила нога человека. Долговечность? Нет, это тоже не по нашей части.

И что же удивляться, что у нас самые старые в мире молодые поэты. И что от изобретения до внедрения проходит два инсульта и одна реанимация. И что яму у нас копают от забора до обеда, и это уже давно не воспринимается как шутка, вполне серьезно.

...Бегут спортсмены. Один бежит быстро, другой медленно. Один по второму кругу пошел, а другой никак первый одолеть не может. Но в какой-то момент тот, что бежит быстро, оказывается позади того, кто бежит медленно. В затылок ему дышит, и если вы пришли на стадион, допустим, не к самому началу забега, вам может показаться, что тот, кто бежит медленно, и есть настоящий лидер. Сейчас как раз такой момент, когда непонятно кто кого обогнал, мы Америку или она нас. В Америке забастовки, а у нас что, разве нет? У них СПИД, а мы что, рыжие? У них там доллар все падает и падает, и наш рубль тоже не хуже! У них дубинки, и у нас дубинки. У них проституция, но простите, наши девушки когда в грязь лицом ударяли? И не надо, не надо мне совать в нос ваш секундомер! Я чему должен верить:

вашему секундомеру или своим собственным глазам? Я же вижу, один спортсмен бежит впереди, хотя, может быть, он бежит не так, чтобы шибко, а другой позади, хотя, может быть, он ногами и быстрее перебирает. Перебирает-то он быстрее, а бежит все равно позади.

Время, время, время... Не осталось времени на дружбу, на долгие чаепития, на полночные разговоры, на любовь не осталось, особенно без взаимности, на медленное ухаживание. Ты мне скажи: да или нет! Нет! — тогда я пошел, у меня нет времени, надо бежать к другой девушке, к другой — «да» или «нет». Не осталось времени на такие, например, слова, как «спасибо», «пожалуйста», «извините». А «будьте добры» так и вообще выговариваете целую вечность. Не осталось времени на серьезные книги, мы, самая читающая страна в мире, читаем в метро, на эскалаторах, и в вагонах, на автобусных остановках, и в очередях за стиральным порошком, и создана специальная литература, которая позволяет коротать время ожидания и пути. Недостаток бумаги восполняется тем, что можно читать через плечо соседа, в час пик хорошо идет Пиккуль, а в застрявшем лифте неплохо иметь под рукой легкий детективчик, не японскую же пейзажную лирику читать в застрявшем лифте.

Так кто-нибудь, черт возьми, скажет мне наконец, в чем заключается смысл жизни?

«...Ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа...»

Караул устал!

Все-таки что ни говори,

кадры решают все.

Ну если не все, то очень многое.

Вы заметили, что стоило лишь сменить прежнего руководителя ЦТ на нового, как с телеэкрана сразу же зазвучали хорошие новости?

Там, смотришь, коровник новый выстроили, здесь, глядишь, какую-то хитрую, бог ее знает, установку пустили, и космонавты, оказывается, летают, а не одни лишь Литва да Карабах.

При новом даже сводка погоды подтянулась, до минус 30 ночью доходит, а не то что все плюс два да плюс два...

Видать, прежний-то от нас хорошие новости в долгий ящик прятал, а новый, простая душа, достал их оттуда и рассыпал перед нами.

Только вот что-то дикторы отводить глаза стали, а ведущий, почти совсем еще мальчонка, когда про коровник закончил рассказывать, никак пальцем в кнопку не мог попасть, чтобы отключиться от эфира. Палец у него дрожал, что ли? Или мне просто так показалось? И вообще, что-то я все злобствую и злобствую?!. Чем меня хорошие новости не устраивают? Что я имею против коровников?

...Ей-богу, ничего!.. Только ведь они и раньше все открывались и открывались, полистайте старые газеты! А толку-то, что они открывались?

Нет уж, увольте, об открытии коровников я согласен узнавать с запозданием на год — на два, и пусть эта новость придет ко мне в виде говяжьей печенки или супового набора, а репортажами о коровниках я уже в свое время объелся так, что до сих пор живот болит.

Ну?.. Так что же мне надо?.. Может, я против того, чтобы каждый день узнавать, что уровень преступности у нас все падает и падает, и наконец совсем упал?

Что вы, что вы?! Обеими руками — «за».

Но, извините, мне также небезынтересно, какой ценой будут достигнуты столь выдающиеся результаты.

Сколько бэтэров для этого потребуется? Будет ли подключена авиация? Предполагается ли высадка парашютного десанта на Рижский рынок и в другие криминогенные точки нашей столицы?

Знаете, как ни странно, но при Гитлере уголовная преступность была сведена на нет, хотя он и сам был бандит хороший.

А при Муссолини в Италии график движения поездов выполнялся с высочайшей пунктуальностью.

Никогда, нигде подписчики не получали газет с такой аккуратностью, как во времена Наполеона во Франции, в бытность его императором, правда, газета выходила всего одна.

А в борьбе за чистоту нравов выдающихся результатов добивались на Востоке, там, если ты чужую жену уводил, тебе и ей сразу головы отрубали. И, представьте себе, никаких разводов.

Вы знаете, но случаи, когда хорошо вооруженные люди теряли терпение, наподобие десантных подразделений в Литве и ОМОНа в Латвии, тоже уже не раз бывали в истории.

Уже при разгоне Учредительного собрания проносились знаменитая фраза: «Караул устал»

И были люди, которые брали чрезвычайные полномочия, просто коллекционировали эти чрезвычайные полномочия, например Керенский.

И был проект «О введении единомыслия в России». И что из того, что автором его являлся Козьма Прутков?! Наши государственные деятели — полное ощущение! — буквально куски из того проекта цитируют. И ведь на предельном серьезе!

И крепостное право отменялось, и этому, представьте себе, сопротивлялись старые аппаратные структуры. Видно, хорошо сопротивлялись, раз следы его и сейчас повсюду отчетливо видны в нашей общественной жизни.

Похоже, заело пластинку. Или это игла старая, и все попадает и попадает в одну и ту же бороздку, и патефон хрипит, и задыхается, будто удушенник, и, глядишь, так еще прохрипит лет сто.

И что ж это мы так держимся за эту рухлядь, что же это не хватает нас выкинуть ее на свалку, где, по сути, ей самое место и есть?

Страшный грех воздержания

До недавнего времени

наше государство считало незазорным для себя заглядывать во все уголки частной жизни граждан, не брезгуя приподнимать даже супружеские одеяла на предмет проверки того, правильно ли граждане занимаются сексом.

Некоторые виды секса и сейчас повергают государственную власть в ужас: например, любовь мужчины к мужчине, тут уж, как говорится, тюрьма. Что касается любви женщины к женщине, о том закон стыдливо умалчивает, из чего сразу видно, что его составляли мужчины, не решавшиеся вторгаться в область, где они, что называется, не Копенгаген. Мало ли чем там бабы занимаются друг с другом, дело это, братцы, темное, лучше не трогать, а то еще дров наломаешь.

Зато насчет мужиков с мужиками — закон однозначно: ни-ни! Правда, некоторое время приходилось смотреть сквозь пальцы на отдельные случаи противоестественной близости: новые, знаете, веяния, новые настроения, сильно потянуло из окна в Европу, прорубленного — и кто только его за руку дергал — Петром, тут кого хочешь оторопь возьмет. Но веяния мало-помалу улеглись, оторопь прошла — и вот уже первые ласточки — сначала иск против газет «Московский комсомолец» и «Частая жизнь», а недавно — еще и против петербургского еженедельни-

ка «Реклама-шанс», относительно последнего в том числе и по статье, карающей за мужеложство.

Ура, приехали! По чистой, вероятно, случайности из Уголовного кодекса выпали статьи, карающие за ведьмовство и наведение сглаза на домашний скот, с последующим аутодафе, но еще ведь не вечер и что стоит законодателям наверстать упущенное? Вперед, ребята, к средневековью! Не все ж у испанской инквизиции было так плохо, кое-что полезное можно и позаимствовать.

Но если уж начистоту... Если начистоту, то и в самой фразе «прокуратурой возбуждено уголовное дело» таится намек на совершение неких развратных действий. Как это так возбудила, каким способом возбудила и долго ли это самое дело будет находиться в возбужденном состоянии? И пусть, пусть тоже поделятся своим сексуальным опытом. Потому что такие нынче времена пошли, что возбудить уголовное дело, оказывается, значительно проще, чем возбудить партнера по интимной близости.

Призрак импотенции бродит по Восточной Европе, Сибири и Дальнему Востоку и пока не отданным Курилам. Этот страшный недуг настигает не только отдельно взятого индивидуума, но и целые государственные институты. Вот наш Верховный Совет тоже многого хочет, а не может. Хочет, допустим, продолжать реформы, и так и сяк пробует и — ничего. То есть ну совсем ничего. Только свой верховный орган совершенно измучил.

В подобных случаях любой сексопатолог посоветует вам организовать благоприятные условия для интимной близости: музычку соответствующую, освещение или на худой конец сменить партнера. И что же мы видим? От музыки уже с души воротит, на улицах темень хоть глаз выколи, Гайдара сменили на Черномырдина, а приближения приятного возбуждения что-то как-то не чувствуется.

Та же сексопатология гласит, что половая энергия, не находя естественного выхода, способна до неузнаваемости изуродовать поведение человека. И точно. Уродует. Группа импотентов нападает на «МК», вменяя ему в вину объявления о знакомствах (сводничестве!), присовокупляя (господи, никуда от этой лексики не денешься) действия такого же смешотворного свойства с точки зрения здравого смысла, конечно, а не обветшавшего права.

Я имею сейчас в виду импотенцию не в биологическом смысле, а в смысле неспособности ни к каким плодотворным действиям, что и демонстрирует московский депутатский корпус постоянно, за редким исключением.

Понять их, разумеется, можно. Это ж смерть, когда сам не в состоянии, а кто-то нагло, чуть ли не на глазах, вызывающим образом — завидно же! Пусть даже и не на глазах, а над потолком, при нашей-то звукоизоляции, да еще если молодожены, да еще если кровать скрипучая! Это ж хоть из дому беги!

Характерно также, что претензии не к авторам объявлений, а против публикаторов. Если б против авторов объявлений, городами пришлось бы сажать. Ну что ж делать, не придумало еще человечество другого способа размножения, как вот существующий, ни делением, ни опылением не получается пока, к большой досаде депутатов.

И последнее, что хотелось бы не обойти вниманием. Говорят, некоторые статьи в «Московском комсомольце» сильно развращают маленьких детей. Хотелось бы посмотреть на ребенка, читающего не книжку с картинками, а газету, пусть и такую развеселую, как «МК»! На этого вундеркинда! На эту малютку! Может, ему место уже не в школе первой ступени, а в Академии наук.

Лично мне приходилось до сих пор иметь дело с заурядными, обыкновенными детьми. Им лишь бы

меч погонять, их газету и силком не заставишь взять в руки.

Но если ваш ребенок настолько развит, что видит толк в чтении газеты, то никакие откровения о сексе ему не страшны. Значит, он — вполне зрелый человек. Побеседуйте с ним! Может, еще и чего новенького для себя узнаете.

Привет с большого бодуна!

Давайте выпьем!

Давайте махнем по маленькой, заложим за воротник, чекалдыкнем, дербалызнем, клюкнем, пропустим, смочим горло, кирнем, шандарахнем, вздрогнем!

За дальнейшее углубление реформ! За всеобщую приватизацию! За укрепление курса рубля! За фермеризацию на основе инвестиций!

Ах, хорошо пошла! И быстренько, быстренько закусили! Ну а теперь и поговорить можно.

Едва себя начинаю помнить, она уже тут как тут. Сначала как неременная принадлежность взрослого мира. В стройном прозрачном сосуде, запечатанная сургучом, словно пакет с важнейшим государственным донесением. Отец, когда ее пьет, сразу становится добрей, а мать почему-то, наоборот, сердитей. И еще одна странность: заливая себе вовнутрь содержимое бутылки, взрослые морщатся, начинают хватать ртом воздух, но через короткий промежуток времени забывают, как им было плохо, и снова пьют. Также совсем непонятно, почему вдруг им внезапно приспичивает прямо тут же, немедленно выяснять, уважают ли они друг друга? Оказывается, ужасно уважают. Там вообще что в этой бутылке-то находится? Уважение, что ли? В жидком виде? Значит, взрослые, как только оно начинает иссякать, вот таким образом его пополняют? И как тогда понимать слова учительницы насчет того, что самое страш-

ное — это потерять уважение к кому-то? Я не знаю, как у нее, но в нашем доме уважение никогда не переводится, одна-две бутылки в кухонном шкафчике, которые отец называет стратегическими запасами. Эту добрую традицию суждено продолжить и мне. Яблочко, как говорится, от яблони... Ну, мало ли, вдруг кто неожиданно на огонек забежит, да и самому порой необходимо снять стресс. Кроме того, водка удобная форма расплаты: рубль может падать, как ему заблагорассудится, может совсем превратиться в труху, что же касается сорокаградусной, она не подвержена инфляции, всегда конвертируема в любую сторону, и слесаря-сантехники как брали гонорар бутылками, так и продолжают брать.

Ну, первая крылом махнула, вторую позвала! Сия бессмертная фраза принадлежит Андрею Кучаеву, нам чужого не надо. Выпили и быстренько-быстренько закусили!

И тут я склоняю голову перед безбрежностью темы. Где тот Гоголь, который бы только еще и мог ее осилить? И Венечки Ерофеева тоже уже нет. Это какой же славный путь прошла российская словесность от Евгения Онегина до Павки Корчагина! Здесь отдохнула немножко и зашагала дальше. Куда? А прямоиком к Курскому вокзалу, от которого отходит электричка «Москва — Петушки», где в одном из вагонов мыкается с похмелья герой именно нашего времени.

Ловко найденную формулировочку — «эпоха застоя» моментально переделали в «эпоху застолья». И до чего же удачно! Одни уходили в диссиденты, другие в алкоголики. Что тоже являлось как бы легальной формой диссидентства. Уходили от уколов совести, от карьеры, которую трудно было сделать без того, чтобы не голосовать против Сахарова и Солженицына, уходили вообще от участия в жизни. Уходили, как на фронт. И, как с фронта, часто не

возвращались. А знаете, тоже ведь своего рода героизм. Своего рода подвиг. Подвиг неучастия. Подвиг, правда, облегченный тем, что совершался под сильным наркозом. Но хоть и под наркозом, а — подвиг.

И кто сказал, что мы, дети «той земли, рожденные под этим не очень-то веселым небом», не ценим и не понимаем свободу? Враки! Очень даже ценим. Мы к ней инстинктивно тянемся. Только свобода на трезвую голову нам трудно дается. Это же миллиметр за миллиметром отвоевывать свободу у несвободы. Это выдавливать из себя по капле раба три раза в день после еды. Это чапать на избирательный участок, чтобы проголосовать на референдуме, когда как раз магазин на полпути. Зачем свобода слова, политических партий и собраний? Ты выпей, выпей! И такая сразу свобода слова появляется, что твоему Робеспьеру и не снилось! Ты меня уважаешь? И я тебя! И все мы здесь друг друга уважаем. А если мало мы этого уважения взяли, кто нам мешает снова за ним гонца послать?

Ну, быстренько по махонькой! И закусили, закусили.

Мысли, навеянные выставкой Анри Матисса

В прошлое воскресенье

в Москве закрывалась выставка французского художника Анри Матисса (1869 — 1954). Ну и я как культурный человек тоже решил сходить посмотреть. Больше всего в картинах Матисса меня поразили даты жизни и смерти этого выдающегося мастера. Долго прожил человек. Вот что значат хорошее французское питание и положительные эмоции. Матисс родился за год до рождения Владимира Ильича Ленина, а умер намного позже него. Ведь и Ленин вполне мог прожить по крайней мере столько же, а при благоприятном стечении обстоятельств еще и больше. Во всяком случае, если бы не злодейский выстрел эсерки Каплан, Ленин запросто мог бы дотянуть до 30-х годов. Да, 30-е годы... Их, конечно, Ильичу перескочить было бы трудно. Скорей всего, его бы судили как заговорщика и предателя дела Ленина — Сталина. И наверное бы расстреляли. Но давайте представим на минуточку, что и тут бы удача не отвернулась от вождя мирового пролетариата. Понимаю, что представить такое непросто, может быть, даже невозможно, но давайте попробуем. Дали бы ему, допустим, пятнадцать лет и еще пять по рокам, отбыл бы Ильич лагеря и вышел бы на свободу. Случалось же подобное со многими, почему с ним не могло случиться? Очень даже могло.

А там не за горами уже и оттепель, разоблачение культа личности, фестиваль молодежи и студентов, искусственный спутник Земли. И мы вполне вправе допустить, что наш гениальный учитель своими бы глазами увидел, как из его мавзолея выносят тело сатрапа Сталина, и вместе с нами порадовался бы. Сколько тогда было бы Ленину? Ну, там под девяносто. Не такой уж невозможный возраст. Многие доживают. А если учесть, что детство Ленина прошло в более благоприятной экологической обстановке, чем у нас, а я думаю, вы согласитесь, что именно в детстве закладываются основы долголетия, то и во все не вижу в этом ничего фантастического.

А недавно в одной газете я прочитал, что пять тысяч японцев отметили свое столетие. Ну чем Ленин хуже какого-нибудь японца? И он мог бы как-нибудь докряхтеть до своего столетия. И вместе с нами принял бы участие в торжествах по случаю 100-летия В. И. Ленина. И поднял бы бокал шампанского за нашего гениального вождя и учителя. И, может быть, хватило бы у него сил съездить на БАМ посмотреть, как там идут дела. И, наверное, нет, не наверное, а точно, на аэродроме бы его провожали члены партии и правительства. И Леонид Ильич Брежнев не наверное, а точно обнял бы Владимира Ильича и крепко бы расцеловал. А мне кажется, что Ленин целоваться не любил, особенно с мужиками, но, наверное, стерпел бы, потому что обычай такой среди высших партийных деятелей — целоваться. Традиция.

Хотя до афганской войны и до перестройки Ленин, скорей всего, бы не дожил. Хотя чем черт не шутит! Сто десять, сто пятнадцать лет не предел человеческому долголетию. Наука знает и более удивительные случаи. Интересно, как бы Ильич отнесся к теперешней ситуации? Я думаю, он бы быстро задал

Руслану Имрановичу шороху. Владимир Ильич — это вам не Борис Николаевич.

Вот какие мысли навеяла на меня выставка Анри Матисса. А художник он ничего, хороший. Мастер цвета. Жаль, если вы не были на этой выставке.

Ложь всегда прекрасна

и округла, правда уродлива и кривонога.

Нет ничего более неприятного в сексуальном отношении, чем голая правда. Оставьте на ней хоть какую-нибудь часть туалета, не раздевайте ее до конца, иначе на нее невозможно смотреть!

Ложь я всегда узнаю по удивительной гармонии ее форм, лгущий человек всегда действует, как художник: где надо убавит, где надо прибавит.

Правда выглядит неубедительно, ложь смотрит на все честными глазами, не мигая.

Кто сказал, что у лжи короткие ноги? Это неправда. У лжи длинные, стройные ноги, она вылитая «Мисс Вселенная-93», девушка нашей мечты с глянцевого обложки журнала.

Итак, да здравствует ложь! Если б не она, сколько семей было бы разрушено, друзья бы отвернулись от нас, начальство бы возненавидело, родственники разбежались бы в разные стороны, потому что, если говорить честно, нет больших сволочей, чем родственники.

В результате правды рассыпаются в прах не только семьи, но и государства.

Самый близкий пример — наш бывший Советский Союз, который распался совсем не по причине, конечно же, Беловежского соглашения, это бы он еще выдержал, как выдерживал и многое другое, а

по причине говорения правды. От ее небольших доз он, в общем-то, и скончался.

Интересно, что газета в самой лживой стране мира непременно должна была называться «Правда» (Оруэлл в своем романе ничего не придумывал, он элементарно списал все с натуры).

Смехотворна сама по себе даже претензия, которая содержится в имени этой газеты: кто же не знает, как трудна техника настоящей, подлинной правды, как трудно, почти невозможно ее донести.

Недаром же было сказано, что мысль изреченная есть ложь. Читатели часто спрашивают нас, журналистов, почему по поводу одного и того же события в разных газетах появляются часто совершенно разные и даже противоречивые сообщения?

Наш читатель за многие годы привык к тому, что все средства массовой информации как бы вторят в унисон друг другу, что бы они ни освещали: что в «Правде», то точь-в-точь и в других органах?

Наш читатель не привык к разбросу мнений и взглядов.

Фактически в жизнь Страны Советов был внедрен шизофренический проект Козьмы Пруткова «О введении единомыслия в России». То, что было шуткой в XIX веке, брошенной как бы мимоходом генеральными братьями Жемчужниковыми и А. Н. Толстым, было воплощено в государственную практику в XX веке. То, над чем хохотала добродушная либеральная интеллигенция, ее же и проглотило. Никому еще не удавалось строить здания не по строгим чертежам, а по карикатурам, по детским наивным рисункам. Только нашим дерзким вождям удалось, и еще долго до нас будет доходить, что жили мы не внутри домов со стенами и окнами, а внутри вымысла, порожденного горячечным бредом идиотов.

Не люди, фантомы бродят среди нас. Жириновский, Анпилов, Бабурин, Стерлигов, Невзоров, Хас-

булатов, Васильев!.. Персонажи из страшных сказок. Изобретатели вечных двигателей, авторы головокружительных социальных концепций по спасению человечества. Становится душно от того эстрадного дыма, который они нагнали вокруг. Тут противогаз не поможет. Тут, чтобы уберечься, надо ухватиться взглядом за простые, ясные вещи: за стакан воды на гладком столе, за авторучку, за милое асимметричное лицо женщины, и не отпускать, не отпускать!

Помните: правда всегда асимметрична! Она всегда ускользает, и в постоянном ее поиске, в постоянном стремлении достичь ее и овладеть ею, может быть, и заключается смысл этого странного земного существования.

Человечество победило рак, но не смогло победить маразм

(Фантастический репортаж из XXI века)

Сегодня, 6-го бурбулиса 57 года

от начала перестройки, исполняется ровно полста лет со дня начала самого долгого в мировой истории судебного слушания — процесса по так называемому «делу КПСС». Никто в мире, за исключением узких специалистов, уже не в состоянии расшифровать эту странную аббревиатуру — КПСС, но ваш корреспондент специально заглянул в старинный словарь, и вот что он там вычитал: «Революционная партия российского пролетариата; оставаясь партией рабочего класса, КПСС в результате победы социализма в СССР и укрепления социального и идейно-политического единства сообщества стала партией всего сов. народа».

Выяснять, что такое «СССР», «социализм» и «сов. общество», я уже не стал, это завело бы нас в такие дебри, из которых бы мы вряд ли выбрались.

Итак, «дело КПСС». Несмотря на то, что сегодня всем до него как до лампочки, процесс продолжается. Ход его значительно затруднен тем, что все его участники пребывают в глубоком склерозе. Да, человечество смогло победить рак, СПИД и другие страшные болезни, но оно не смогло победить маразм. Достоин удивления факт, что все до единого участники процесса как с той, так и с другой стороны оказались долгожителями. Вчера в зал Конституционного суда вкатили инвалидную коляску со свидетелем, представляющим интересы КПСС, депутатом Б. Тарасо-

вым, которому идет сто пятнадцатый год. Стояла буквально мертвая тишина, когда этот Мафусаил партии заявил: «Помню, как лет семьдесят тому назад ходил я к стоматологу зуб себе дергать. Страшно было. Тогда я себе сказал: «Ты же коммунист, Тарасов!» После чего бесстрашно сел в зубоврачебное кресло и открыл рот». А вы говорите, что якобы КПСС неконституционна.

— Повторите, что вы только что сказали, свидетель, — обратился к свидетелю Тарасову председатель суда Валерий Зорькин, но слуховой аппарат выпал из его слабеющего уха. От стука, произведенного падением, проснулся другой свидетель — космонавт В. Севастьянов.

— Вы говорите, что партия завела страну в тупик, — сказал он. — Какой же тупик, если мы первые в свое время создали баллистическую ракету, первыми вывели на орбиту спутник, первыми послали человека в космос. И послали бы еще дальше, если бы не преступная политика реформ небезызвестного Ельцина.

После выступления свидетеля Севастьянова заседание было прервано, так как свидетель Е. Лигаев от имени доброй половины участников процесса обратился к высокому суду с просьбой выйти по малой нужде.

В перерыве я подошел к председателю Конституционного суда Валерию Зорькину.

— Как, по-вашему, каким будет окончательный исход процесса?

— Ну до окончательного исхода еще далеко, — ответил он, давая санитарам уложить себя на носилки. — И мы ни в коем случае не имеем права предпринимать его. Должны быть заслушаны все заинтересованные лица. И вынесено единственно правильное, беспристрастное и объективное решение.

Уже слабеющим голосом он продолжал:

— Возможно, мы до этого уже не доживем... Значит, внуки доживут... Не внуки, так правнуки. Не правнуки, так праправнуки...

В кулуарах суда мне удалось получить короткое интервью у представителя президента Сергея Шахрая:

— На днях мы собираемся опубликовать ряд совершенно неизвестных документов, проливающих новый свет на вмешательство КПСС во все сферы государственного управления, политической и хозяйственной жизни общества... Среди них я бы мог назвать, например, обнаруженные нами недавно бумаги с грифом «Совершенно секретно», неопровержимо доказывающие, что партия финансировала коммунистическое движение среди папуасов Новой Гвинеи и пингвинов Гренландии... Ничто не могло ускользнуть от недреманного ока партии... Даже дети в роддомах рождались по ее указке... И кто должен был родиться, мальчик или девочка, тоже решала она... Проблема лишь — где хранить материалы дела о противозаконной деятельности партии. Мы собираемся поставить перед президентом вопрос о выселении Государственной публичной библиотеки, бывшей «Ленинки», и предоставлении помещения нам.

— Как бы вы могли в двух словах охарактеризовать этот судебный процесс?

— Он должен явиться как бы очистительной клизмой для нашего общества. Да, очистительной клизмой!.. — заявил Сергей Шахрай, после чего, извинившись, что вынужден прервать нашу беседу, отдался в руки санитарной бригады.

Зал суда уже почти полностью опустел. Уборщицы начинали выметить из-под кресел песок и вставные челюсти.

Дума о дураках

Раньше дураков было больше.

Во всяком случае, их присутствие постоянно ощущалось, внушая умным людям спокойствие и уверенность в завтрашнем дне: не будь дураков, что бы делали в конце концов умные люди!

Дурак то и дело находил клад (дуракам, как известно, везет), работал на одну зарплату, думал, что дважды два три, и позволял себя кормить одними обещаниями, вполне удовлетворяясь таким скромным рационом, еще при этом спасибо говорил.

Где то славное золотое времечко?

Дурак частью поумнел, частью подался в полудурки или, в крайнем случае, позволяет облапошивать себя более хитрым, изощренным способом.

Раньше, например, чтобы рассмешить дурака, достаточно было показать палец, а теперь даже на выступлении известного специалиста по убойному смеху дурак способен хранить гробовое молчание.

Досут прежнего классического дурака допотопного образца вполне заполняло лузгание семечек и разглядывание улицы в плохо вымытое окно, нынче же ему подавай заморскую сладкоголосую знаменитость, а он еще и нос воротить будет, ворча, что вместо подлинного живого звучания ему подсунули фонограмму.

Люди, что происходит?

Дурак стал разбираться в технологии изготовления колбасы, способен отличить белое от черного,

заговорил об экологии, свободе духа, плюрализме мнений.

Дураку талдычат, что в его плохом житье-бытье виноваты кооператоры, приводят примеры их чудовищных злоупотреблений, «на яблоках», как говорится, объясняют, что стоит скрутить гадов кооператоров в бараний рог, и все сделается тип-топ, а дурак, со свойственным ему простодушием, кивает на не менее чудовищные злоупотребления в таких зонах хозяйственной жизни, которые целиком и полностью — прерогатива государства; кивает и спрашивает: так, что ли, и их закрывать надо? «Все закрывать надо?» — спрашивает дурак.

Беда с ним, да и только.

Дураку русским языком объясняют, что нужно сохранять дисциплину на рабочих местах, прекратить митинговать, перейти от слов к делу, а он требует эффективного здравоохранения, товаров на прилавках, чистого воздуха.

Дурак спрашивает, почему это там митингуют — и все есть, а у нас и митингуют и не митингуют — и ничего нет?

«Мы предупреждали! — говорят умные люди. — Не надо было дуракам волю давать! Не надо было их, дураков, просвещать. Вот теперь вам все эти Живаги, «Огоньки», Ростроповичи боком и выходят».

«Прежде, — вспоминают умные люди, — когда дворники еще не слушали «Голоса Америки», а почтальоны по складам только умели читать — и улицы убирались чище, и почта вовремя доставлялась».

«Прежде, — вздыхают умные люди, — дурак верил одному самому умному, самому великому, самому прозорливому человеку, а нынче верит своим глазам, да и то все на ощупь попробовать норовит».

Умные-то они умные, но почему до них никак не дойдет, что если перед мордой буриданова осла постоянно держать охапку сена на расстоянии запаха,

но наступит же в итоге момент, когда и осел остановится как вкопанный, будучи уже не в состоянии открывать и открывать в себе способность увлекаться столь эфемерной целью.

И закрадывается подозрение: а может, умные — не такие и умные, а дураки — вовсе не дураки?

Ностальгия по прошлым временам — что это, как не тоска по терпеливому ослу и вечной, неистребляемой охапке сена?

Ее бы все равно бы не хватило на всех, а нетронутая — она мощный стимул движения.

Но и некоторым стимулам свойственно истощать свою энергию.

Однако, чувствую, меня начинает уводить в сторону и надо снова возвращаться к нашим баранам, то есть к дуракам.

И чувствуя это, вижу, что возвращаться к ним придется окольной дорогой, путем не близким, через детские впечатления, иначе, уж не обессудьте, ничего у меня не получится.

Детство, детство, пора беззаботная памятливая!..

Сквозь магический кристалл различаю захолустный городок, в котором пришлось провести несколько лет на заре жизни, его несколько церквушек, превращенных в клубы, тюрьму почти в центре города, деревянные домишки вперемешку с редкими еще каменными, овраги, рынок, речку...

В ту пору украшением почти каждого, или почти каждого, захолустья был дурак, не условный, среднестатистический бытовой дурень, а настоящий, клинический дурачина, или, как тогда выражались, городской сумасшедший.

В соответствии с административным делением на районы водились и дураки районного подчинения и помельче, но городской был самым главным и, пожалуй, самым ярким...

Наш городской дурак промышлял себе на пропитание способом, которому нельзя отказать в оригинальности и — что самое главное — безотказности... подойдет, скажем, к обывателю, а лучше к двум-трем, чтобы свидетели были — и споет популярную патриотическую песню с обязательным набором из вождя всех народов, колосьев, земного шара и серпа с молотом... Врасплох брал. Дурак-дурак, а понимал... И конечно, ему подавали... Времена стояли крутые, правда, крутизна их уже шла на убыль, но еще крутые — попробуй не подай... Так мы тогда считали... Глупея от страха... Не слыша, как начинали над нами звенеть бубенчики невидимого дурацкого колпака...

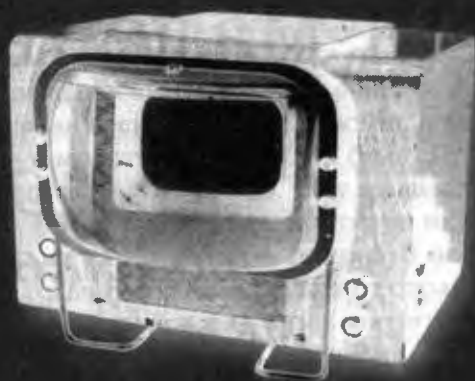
И вот чем я, кроме всего прочего, благодарен сегодняшнему дню, что могу и не подавать любому дураку (или умному? или все-таки дураку?) за его старую, набившую оскомину песенку — не страшно уже... Могу не подать, а могу подать. А если и подаю, то из жалости, не пропадать же с голоду человеку, если у него нет другого ремесла... А скоро, думаю, и вовсе не буду... Пусть работать идет...

Патриотизм — это еще не профессия.

Когда дедушка был маленьким

*Опыты
родственных
мемуаров, 1984*

Когда наш дедушка

был еще маленьким, ему подарили галифе. Их подарил дедушке его родной дядя Савелий, вернувшийся из Красной Армии.

Трудно вообразить, что какой-нибудь нынешний мальчик сильно обрадуется, получив в подарок обыкновенные солдатские штаны, да еще со взрослого человека. Но тогда другое время было. С вещами было плохо. И люди умели радоваться подаркам, которые сейчас нам кажутся более чем скромными.

Ушить галифе до необходимого размера взялась дедушкина мама. Она целый вечер просидела за швейной машинкой, а дедушка вертелся рядом и наблюдал за работой. Как он признался впоследствии, его волновал не столько сам процесс переделки, сколько вопрос, не утратят ли галифе своей первоначальной особенной формы, отличающей их от всех остальных штанов на свете. Но, к счастью, все обошлось.

И вот, на следующий день дедушка надел галифе и отправился в школу. Тут необходимо заметить, что дедушка был новичком в классе. Он перевелся сюда из другой школы совсем недавно. И возможно, с точки зрения естественного вживания в коллектив, дедушке не следовало являться вот так, сразу в галифе. Возможно, разумней было бы подождать, пока к нему приглядятся, попривыкнут. А уж тогда и надевать галифе. Но эти здравые соображения пришли к дедушке много лет спустя, когда он стал взрослым.

Короче, галифе произвели сильное впечатление на дедушкиных соучеников. Может быть, даже более сильное, чем дедушке хотелось бы. Класс обступил его и замер в молчании, видимо, пораженный столь неслыханным щегольством. Откуда-то прибывали все новые желающие посмотреть на галифе, задние напирали на передних, кольцо вокруг дедушки становилось все теснее.

И тут кто-то дернул за галифе. За ним дернул другой, третий, четвертый... И началось.

Позже дедушка объяснил нам, что такая уж у галифе конструкция: за них очень удобно дергать. В какой-то мере, говорил дедушка, понимание причин происходящего помогали ему терпеливо переносить все тяготы. А набраться терпения действительно пришлось, потому что дергать галифе стало в школе одним из любимых развлечений.

И вдруг на дедушкину долю выпадает очередная удача, ему достается талон на приобретение галош. Не будь дедушка новичком, вполне вероятно, что ему бы даже достался талон на ботинки. А так — только галоши. Причем и талоном на галоши он был обязан вмешательству определенных могущественных сил, а именно Юлии Евгеньевне, учительнице русского языка и литературы, которая — сейчас уже можно открыть эту тайну — приходилась дедушке дальней родственницей.

Галоши, именно галоши сыграли роль последней капли, переполнившей чашу общественного мнения. Галоши — новичку! Ну нет, это уже слишком! И решено было дедушку проучить. Когда дедушка, рассказывая нам эту историю, произносит слово проучить, он делает рукой характерный жест, не оставляющий сомнений в том, что плоды обучения были бы достаточно горькими для него. И мы понимаем, что меры предосторожности, к которым он вынужден был прибегнуть, если и не очень согласовывались с понятием о мужественности, то выглядели, во

всяком случае, далеко не лишними. В общем, попросил Юлию Евгеньевну проводить его домой.

Провожанье повторилось и на следующий день, и продолжалось две недели, пока недоброжелатели окончательно не потеряли интереса к дедушкиным галошам и галифе. Дедушка называет это эффектом привыкания. Галифе и галоши, объясняет он, постепенно вписались в общую жизнь класса и школы. Иными словами, дедушка перестал быть новичком.

Я всегда вспоминаю эту историю каждый раз, когда у меня в душе зарождается смутное недовольство моим гардеробом, что случается время от времени. Тогда я открываю платяной шкаф и произвожу смотр вещам. Сколько их у меня! Пиджак, брюки, пальто, шапка, шарф, ботинки да еще зимние сапоги! А кажется, что не хватает. Может быть, для того чтобы ощущать себя хорошо одетым, мне как раз и не хватает, чтобы у меня в детстве были бы галифе, какие посчастливилось получить в подарок дедушке от дяди Савелия?

Шарманка

С то правда, то правда —

музыкальным вундеркиндом дедушка так и не стал, хотя музыкальные способности проявились у него довольно рано, ему не было и трех лет. Каким совершенно необычным оригинальным образом они у него проявились — об этом речь пойдет ниже, но прежде следует признаться, что дедушка был очень живым, непоседливым ребенком.

Бывают живые, непоседливые дети, однако дедушка, по его собственным словам, был очень уж живым и непоседливым. Ясное дело, что взрослые вынуждены были бороться с дедушкиной непоседли-

востью, грозившей повергнуть все вокруг в прах и запустение.

Легко сказать — бороться. Но как? По этому вопросу у взрослых не существовало единого мнения. Дедушкин отец, например, стоял за крутые, наступательные меры, мать занимала примирительную позицию. Что касается бабушки, то она грозила вообще отказаться смотреть за ребенком — пусть творит что хочет.

К мнению дедушкиной бабушки в данном случае прислушивались особенно внимательно. Потому что днем, когда другие находились на работе, она одна держала круговую оборону по всему дому. Стоит ли говорить, что пожилой женщине приходилось несладко.

Так продолжалось до тех пор, пока не были открыты чудесные педагогические свойства мясорубки.

Теперь, за давностью лет, не представляется возможным в точности восстановить, как оно в действительности совершилось: вероятно, подобно многим великим открытиям, чисто случайно. Оставим за собой право на фантазию. Наверное, дедушкина бабушка, прикрутив мясорубку к столу, отвлеклась чем-то; когда же взоры ее вновь обратились к мясорубке, дедушка уже крутил ручку этого полезного хозяйственного предмета и что-то напевал.

...Не забывайте, что за время показывали часы! Те самые, с боем, во внутренность которых все норovil заглянуть дедушка, будучи маленьким мальчиком, и за которыми нынче рыщут по антикварным магазинам любители старины. Время керосинок и дирижаблей, извозчиков и танца фокстрот, время немного кинематографа и шарманщиков с их шарманками. Да, шарманка еще заглядывала на прощанье во дворы и переулки, оглашая округу щемящим мотивом.

Дедушка, вращая ручку мясорубки, воображал, что он крутит ручку шарманки.

Позже, уже после того как окончательно выяснилась прямая связь между мясорубкой и дедушкиным примерным поведением, ее додумались устанавливать пониже, на крестовине стола, соответственно дедушкиному малому росту. Этой мерой желанный покой устанавливался в доме на весь день.

Поначалу дедушка исполнял на мясорубке простые, незатейливые и по преимуществу жалостные вещи: «Идет кисанька из кухни, у ней глазоньки опухли. О чем, кисанька, ты плачешь? Как же мне, кисаньке, не плакать! Повар пеночку слизал и на кисаньку сказал».

Но со временем репертуар усложнялся. Он обогатился романсами, ариями из опер, слышанными дедушкой от мамы, в прошлом студентки Киевской консерватории. Мама иногда вспоминала их, аккомпанируя себе на рояле, — инструменте, к которому дедушка сохранял полнейшее равнодушие. Он предпочитал мясорубку.

В такт мелодии, то быстрее, то медленней крутил он ручку и выводил: «Какой-то тайной силой с тобою связан роком... Тебе ли от меня, мне ли от тебя, но нам не разойтись...»

Дедушка только что освоил звук «р», и он получался у него звонким, раскатистым.

«С тобою связан рр-р-р-роком», — пел дедушка, не подозревая, что поет арию Германа из «Пиковой дамы».

Герман пробирается в спальню старухи, чтобы выведать у нее тайну трех карт. Гостиная в доме графини. Герман застывает перед ее портретом, вглядывается в зловещие черты.

«Тебе ли от меня, мне ли от тебя», — поет дедушка, вращая ручку мясорубки.

На пороге кухни останавливаются дедушкины родители, они только что вернулись со службы.

— Тсс! — прикладывает палец к губам дедушкина бабушка. — Не мешайте ему!

— Ну, как он себя сегодня вел? — шепотом спрашивают родители.

— Выше всяких похвал! — шепчет бабушка.

...Если пройти длинными коридорами прошлого и заглянуть в одно из отдаленных его помещений, то сейчас застанешь все ту же картину: трое взрослых на пороге кухни, маленький мальчик, вращающий ручку воображаемой шарманки.

Разные разности

...А еще в дедушкином детстве были:

старьевщики, которые истошными голосами кричали: «Старье берем!»;

уличные графологи, бравшиеся по почерку определить характер любого человека. Дедушке тоже очень хотелось узнать про свой характер, но тут графологи тушевались, говоря, что почерк у дедушки еще не установился окончательно;

вырезальщики силуэтов в кинотеатрах. Дедушке запомнился один такой, сидевший в фойе кинотеатра «Малая Дмитровка». Дедушкин силуэт тех лет, к сожалению, не сохранился;

сельтерская вода под названием «Свежее сено»;
карандаши «Хаммер» и «Фабер»;

детская считалочка «шла кукушка мимо сети, а за нею малы дети, квик-квак, квик-квак, открывай один кулак»;

да, еще извозчики, пароконные и одноконные! А в Севастополе, куда дедушка ездил в гости к своему дедушке, — линейки. У лошадей в Севастополе на головах были панамы от солнца, и в панамах были проделаны дырочки для ушей;

Осоавиахим. Не все сейчас знают, что полностью это слово расшифровывалось так: Общество содей-

ствия обороне, авиационному и химическому строительству;

игра в серсо. Один человек бросает кольцо, другой ловит его на палку с поперечником;

мороженое, которое возили мороженщики в крашенных сундуках на колесиках. Продавалось оно с вафлями, и на вафлях были написаны детские имена: Ваня, Петя, Наташа и разные другие. Кому достанется вафля с его именем, тот считался счастливым. Иногда дети съедали колоссальное количество мороженого в поисках счастливой вафли. Имя у дедушки довольно редкое, и на вафлях его не было. По этой причине в дополнительных субсидиях на мороженое родители дедушке отказывали;

ундервуды и ремингтоны — такие пишущие машинки. Машинописное бюро называлось «ремингтонная»;

краги и гамаши. Краги — голенища с застежками, этим же словом обозначались раструбы у перчаток. Гамаши — часть одежды (из материи или кожи), покрывающая ноги от ступни до колен и заменяющая голенища, помните: «Стал натягивать гамаши, говорят ему: «Не ваши!»;

букинистические киоски, стоявшие от Никольской до Ильинских ворот вдоль стены Китай-города;

песенка: «я живу в озвученной квартире, есть у нас рояль и саксофон, громкоговорителей — четыре, и за каждой дверью — патефон». Ее пел Леонид Утесов. Квартира, ясное дело, имелась в виду коммунальная;

фребелички. Тогда детских садов было мало, детей часто приходилось отдавать фребеличкам — женщинам, образовавшим группы из малышей и гулявшим с ними. Название «фребелички» — от фамилии немецкого ученого-педагога Фридриха Фребеля, разработавшего в прошлом веке идею детского сада и методику работы в нем. До революции суще-

ствовали в России фребелевские курсы. При советской власти они были преобразованы в институт дошкольного воспитания. А женщин, возившихся с дошколятами, так по традиции и продолжали называть фребеличками. Дедушку тоже отдавали под их присмотр;

дворники в белых фартуках, с бляхами и милицейскими свистками;

истопники — загадочные люди, обитавшие в котельных. Истопники любили ходить друг к другу в гости и рассказывать о прежнем житье-бытье. Иногда, когда в доме собирались что-нибудь печь, дедушку посылали вниз, в подвал, принести ведро угля. Дедушка всегда с удовольствием исполнял поручение, пользуясь случаем, чтобы послушать рассказы истопников. У него сложилось впечатление, что они присутствовали при всех значительных исторических событиях...

Коньки

Может, у кого и сразу

появились коньки — у дедушки вначале была деревянная дощечка с врезанным в нее железным прутком. Дощечка прикручивалась к валенку веревкой. Дедушка отталкивался одной ногой от земли и ехал. Примерно как на самокате.

Настоящие коньки дедушка получил, когда учился в первом классе. Коньки с ботинками. Снегурки называются. От других коньков снегурки прежде всего выгодно отличались тем, что не приклепывались намертво к ботинкам. Привинтил их специальным ключиком — коньки с ботинками. Отвинтил — просто ботинки. Бегай в них, гуляй, ходи в школу. Очень практично.

Коньки с ботинками однажды вечером принес дедушкин отец. Они вкусно пахли новой кожей. Утром дедушка надел их и вышел в подъезд. Коньки громко стучали по каменной лестнице. И это было приятно.

Во дворе дедушка немного покатался, привыкая к конькам. И коньки начали привыкать к дедушке. Через некоторое время они уже не сбрасывали его в снег. Они, наверное, постепенно смирились с мыслью, что дедушка будет их хозяином. И только, видно, напоследок, они решили выкинуть штуку: один конек взял и отвалился. Плохо был привинчен. Дедушка доковылял до сугроба, сел в него и полез за ключиком, чтобы присобачить конек на место. Мимо проехал какой-то мальчишка, на бегу схватил конек и был таков. Дедушка хотел погнаться за ним, да в одном коньке не очень-то побежишь!

Уж так устроен человек, что в самой, казалось бы, печальной ситуации он не способен долго пребывать в унынии. Во-первых, подумал дедушка, все-таки куда ни шло, он владел парой коньков аж со вчерашнего вечера до нынешнего утра и даже успел на них покататься. Во-вторых, один конек несравненно лучше, чем полное отсутствие коньков. И, в-третьих, ботинки-то остались при нем, никуда ведь они не делись, ботинки! Бегай в них, гуляй, ходи в школу.

И окончательно утешившись, дедушка оттолкнулся от земли и покатился на одном коньке. Примерно как на самокате.

Зощенко

Когда дедушка

был маленьким, он считал, что самый веселый человек на свете — это писатель Михаил Зощенко. Ну кто мог смешнее его выдумывать разные истории! Да, пожалуй, никто! И если уж у него все так смешно по-

лучалось на бумаге, то можно представить, какой он весельчак в жизни. Небось, думал дедушка, шутит с утра до вечера, а его знакомые и родственники животики от хохота надрывают.

На школьных вечерах дедушка обычно выступал с чтением рассказов своего любимого писателя. Со временем это превратилось в дедушкино постоянное амплуа. Стоило ему появиться на сцене, зал сразу же приходил в веселое расположение духа. И дедушка изо всех сил старался не обмануть ожидания публики. Он порой увлекался настолько, что кое-что присочинял и от себя, лишь бы смешнее было.

Однажды дедушке посчастливилось увидеть Михаила Зощенко, как говорится, воочию. Посчастливилось благодаря родной тетушке. Она работала библиотекарем в Доме писателя. И привела племянника на творческий вечер Алексея Силыча Новикова-Прибоя. Он писал о море и моряках и сам когда-то служил на флоте. Алексей Силыч рассказывал всякие забавные эпизоды из своей жизни и, когда они принимали совершенно невероятный оборот, поворачивался к президиуму и ссылаясь как на свидетеля на боцмана, сидевшего среди прочих почетных гостей. «А вот боцман не даст соврать!» — то и дело прибавлял Алексей Силыч. Боцман в морском кителе, воротничок которого врезался в шею, багровел и гнул голову к столу, покрытому кумачовой скатертью.

Дедушкина тетушка наклонилась к племяннику и шепотом стала перечислять имена сидевших в президиуме. Зощенко!.. Дедушка не поверил своим ушам. Неужели вон тот необычайно печальный темноволосый человек и есть Зощенко! Дедушка переспросил и получил утвердительный ответ. И потом уже весь вечер не мог отвести глаз от лица Зощенко, безуспешно пытаясь уловить на нем хоть тень улыбки.

Дедушка вернулся домой и заново перечитал знакомые рассказы... Но теперь они уже не казались знакомыми. Как будто, пока книга стояла на полке, кто-то переставил в ней все слова.

— А может, — говорит дедушка, — это кто-то во мне все поменял местами. Очень даже возможно, не отрицаю.

С ЧУВСТВО

К огда дедушка

был маленьким, его тоже на лето отправляли в пионерлагерь. Собственно говоря, пионерлагерем называлось несколько изб в подмосковной деревне, покинутых хозяевами и наскоро приведенных в порядок шефами, чтобы там могли поселиться дети. Избы стояли на разных улицах, так что было непонятно, где кончается пионерлагерь и начинается деревня.

Зато речка, главное дело, находилась под боком! Лопасня. Загорай, плавай, уди рыбу! Хорошо!

Здесь самое время сообщить, что дедушка был влюблен. Он был влюблен в свою пионервожатую. Звали ее Дина Таланова. Вообще в нее был влюблен весь дедушкин отряд. Такой это был на редкость дружный коллектив.

Наверное, чтобы понять истоки чувства, разом охватившего два десятка мальчишек, нужно представить себе Дину Таланову. Нужно представить себе юную работницу велозавода, всегда улыбчивую, замечательно умевшую петь песни и читавшую ребятам вслух книжки перед отбоем. Знаете, не каждая пионервожатая читает вслух ребятам книги. А вот она читала.

Никто в дедушкином отряде и помыслить не мог, что улыбка и замечательный голос Дины принадлежат не только вверенным ее вниманию детям, но и

еще одному человеку, давно вышедшему из пионерского возраста.

Печальное это открытие суждено было совершить дедушке.

Нам не дано ведать, когда явятся нашим глазам горькие истины. Пробудившись ночью и выйдя на улицу, дедушка услышал в некотором удалении от дома голос Дины и вторивший ему мужской. Пользуясь прикрытием палисадника, дедушка подкрался ближе и увидел голову Дины в возмутительном, как ему показалось, соприкосновении с крутым, гвардейского размаха плечом. Кажется, потом Дина со своим кавалером поцеловалась, но детали уже не имели для дедушки решительно никакого значения.

Само собой, он был не в состоянии дотянуть в бессонном одиночестве мучительную ночь. То, что произошло после его возвращения в дом, возможно, будет зафиксировано, как редчайший случай проявления коллективной ревности, поднявшей среди ночи целый пионерский отряд и увлекший его на улицу.

Остался на своей постели лишь мальчик Ваня Сидоров. Он тоже любил Дину, но еще больше он любил поспать. В каждом человеческом сообществе, утверждает дедушка, всегда найдется кто-нибудь, кто поспать любит больше, чем что-либо другое.

Пока мальчик Ваня Сидоров спал, ребята, стараясь не обнаружить себя, прокрались вслед за дедушкой к палисаднику и затаили дыхание.

Дальше события разворачивались следующим образом. Дежурный по лагерю, совершая обход, вздумал заглянуть в избу, где располагался влюбленный отряд, или отряд влюбленных — называйте как хотите. Не найдя там никого, кроме Вани Сидорова, он растолкал мальчика и грозно осведомился о причине отсутствия остальных.

Бывают такие сони, которые умудряются спать как бы в двух измерениях. То есть они видят сны, но

и связи с внешним миром не теряют. Прекрасно улавливая все, что происходит наяву. К ним относился и Ваня. Он знал, куда направился отряд, но и под пыткой не выдал бы товарищей.

Едва шаги дежурного удалились и затихли где-то в глубине ночи, Ваня Сидоров выскочил из избы с криком: «Полундра, пацаны! Нас зашухерили!» Верней, это был не крик, а нечто среднее между криком и театральным шепотом. Впрочем, дело не в характере звука, а в том, что он достиг слуха Дины. Треск ветвей, топот множества ребячьих ног — и она все поняла.

С той ночи Дина лишила отряд своей улыбки, не говоря уже о чтении вслух перед отбоем. И голос ее приобрел обиженные, укоризненные нотки. Отряд сник. Отряд впал в отчаяние. Отряд не находил себе места...

— Где мои очки? — вдруг спрашивает дедушка.

— Да вот они, под газетой. И что же, вы не помирились?

— Помирились, — говорит дедушка. — Помирила нас одна девочка, Тамара Гришаева. Она обычно исполняла все мужские роли в эстрадных скетчах, чем сильно выручала пионерскую художественную самодеятельность. Это, казалось бы, скромное обстоятельство сослужило хорошую службу. Постоянно исполняя мужские роли, Тамара Гришаева настолько глубоко проникла в психологию противоположного пола, что ей не составило труда оправдать в глазах Дины поведение мальчишек.

— Только и всего?

— Да нет, тут еще одно... — говорит дедушка. — Я думаю, что Дина нас любила. Любила по-настоящему. Разве этого мало, чтобы простить обиду?

Дедушка углубляется в газету и замолкает.

Футбол

Счасы свои —

пузатые будильники и ходики с гирьками — Дубровка сверяла с заводскими гудками. Нормальный дубровский мальчишка мог быть нетверд в таблице умножения, но он никогда бы не спутал гудок завода «Динамо» с гудком ЗиСа или, скажем, эти два гудка с гудками Паростроя, Клейтука или Велозавода. Нормальный дубровский мальчишка болел за «Пролетарскую кузницу» и ни за какую другую футбольную команду.

На футбол отправлялись ранним утром, с первыми рассветными лучами, чтобы успеть прийти к самому началу матча. Шли пешком: во-первых, из экономии, во-вторых, потому что не у каждого дубровского мальчишки водились деньги на трамвай. Идти нужно было не близко — аж до самого Крымского моста: там, напротив входа в Центральный парк культуры и отдыха зеленели травяные поля стадиона.

Шли шумной ватагой, останавливались возле домов, задирали головы, вызывая свистом друзей. Хлопали рамы окон, хлопали двери подъездов, ватага пополнялась и двигалась дальше. И посреди нее, с чувством воодушевления, ощущая плечами плечи товарищей, шагал дедушка. В кармане — бутерброд, в голове — вопрос, кто выиграет: «Пролетарская кузница» у «Промкооперации» или «Промкооперация» у «Пролетарской кузницы»? И еще одна забота — дыра. Откроем секрет: нормальный дубровский мальчишка попадал на стадион через дыру. Извиним и поймем его. Если уж у него на трамвайный билет денег не набиралось, на входной билет — тем более.

Дыра готовилась с вечера, накануне матча. Разводились две доски и аккуратно ставились на место:

для маскировки, значит. И дыра ждала своего часа. В день футбола возле нее собиралась безбилетная публика в возрасте примерно от восьми до четырнадцати лет.

Протечка в заборе образовывалась внезапно, как образуется пробоина в борту корабля. Сравнение тем более справедливое, что мелюзга вливалась в нее со стремительностью океанской волны. Надо отдать должное администрации стадиона: она не зевала в такие моменты, а действовала оперативно и самоотверженно, не хуже команды какого-нибудь брига или фрегата в чрезвычайных обстоятельствах. Но все же кое-кто из безбилетников успевал просочиться и смешаться с добропорядочным большинством.

Мне хочется подарить дедушке счастливый день. Пусть ему повезет сегодня и желания его полностью сбудутся. Он благополучно попадет на стадион, и «Пролетарская кузница» одолеет «Промкооперацию». И пусть этот день завершится футболом во дворе и дедушка забьет свой персональный гол, гол в ворота Знаменитого Вратаря, Будущего Знаменитого Вратаря, если уж быть совсем точным, а тогда длинного худого мальчишки, правда уже и во времена, о которых речь, обладавшего удивительной прыгучестью. И пусть завидуют дедушке лучшие форварды мира. В сущности, разве меняет дело то обстоятельство, что им пришлось штурмовать ворота Знаменитого Вратаря, прозванного также «Барсом» нашими зарубежными соперниками, лет на пятнадцать позже описываемого счастливого дня? Не повезло иноземным форвардам: не росли они на Дубровке! Гол же есть гол, когда бы он ни был забит.

Дедушка хранит верность «Пролетарской кузнице» и до сих пор. Только зовется она сейчас «Торпедо». И на этом — точка.

Железная дорога

Когда дедушка

был маленьким, его родители развелись, поровну поделив между собой двоих детей, сына и дочь. Дедушка достался отцу.

Ближайшим следствием этого раздела явилось то, что дедушка оказался в городе Донецке, куда отца пригласили на работу.

Невидимый стрелочник, которого иногда величают Судьбой, перевел поезд на другой путь.

Жизнь и впрямь представлялась порой пересечением множества рельсов, и желание поскорее разобраться, куда какие из них тянутся, возможно, и привело дедушку в городской Дворец пионеров, в кружок юных железнодорожников. Хотелось самому водить составы, а не ждать, пока тебя повезут в нужном направлении. Пусть до срока это будет детская железная дорога: ничего, дойдет дело и до настоящей, взрослой.

Детская железная дорога!.. Оказалось, что она существует только в горячих головах энтузиастов. Ее еще предстояло построить, детскую железную дорогу. Выходило, что дедушка записался не в кружок юных железнодорожников, а в кружок юных строителей железных дорог, что, согласитесь, не совсем одно и то же.

Что ж, назвался груздем — полезай в кузов!

Строили железную дорогу год, и дедушка строил ее наравне со всеми. Она протянулась на два километра от парка культуры до станка (так на юге называют пруд). И наступил день, когда мимо шахтерских домиков застучала пара зеленых вагончиков во главе с ярко-красным локомотивом. В нем нетрудно было узнать старый, списанный бельгийский трам-

вай, отозванный с заслуженного отдыха, подлеченный и переоборудованный.

Кто же сидел в кабине машиниста? Нет, не дедушка — сидел какой-то другой мальчик. Дедушке досталась руководящая роль: он состоял в должности заместителя начальника службы тяги. Темно-синяя форма и по звездочке в каждой петлице. А у машиниста всего лишь угольнички. Да, всего лишь угольнички, и тем не менее — стыдно признаться — дедушка завидовал своим подчиненным черной завистью. Эх, чего только не отдашь, чтобы находиться в кабине машиниста и смотреть, как мчится навстречу стальная колея.

Однако и в дедушкином страдательном положении его посещали мысли, наполнявшие душу гордостью и утешением. Дорога, на которой он был все ж таки не последней фигурой, — не забудь про звездочки на петлицах! — работала на прогрессивном виде тяги — электрическом. В определенном смысле она была упрощенным и немного наивным прообразом того, что ожидало железнодорожный транспорт в будущем. На Украине уже вовсю трудился питаемый Днепрогэсом ее старший и, соответственно, более зрелый брат — электрифицированный участок Запорожье—Долгинцево. Время от времени дедушка думал о нем, как думают о родственнике, живущем в центре и выбившемся в люди.

Ну а к родственникам ведь приезжают запросто, без особых приглашений.

...Когда после утренней планерки секретарша положила начальнику Приднепровской железной дороги, что в приемной ожидают дети, что одеты они в железнодорожную форму и что хотят встретиться с ним, он велел немедленно пропустить их в кабинет. Начальник был темноволосым человеком в пенсне, и он был очень занятым человеком. За столом и группками у окна еще находились, еще торопливо договаривали недоговоренное командиры пути, руководи-

тели различных служб. Но в те далекие, теперь уже почти мифические, времена детство было мандатом, способным открывать многие двери.

Начальник дороги немного склонил голову набок, вникая в смысл просьбы. Ясно, товарищи с донецкой детской железной дороги хотят познакомиться с участком Запорожье—Долгинцево. Что ж, это можно! Служебный вагон и сопровождающие будут выделены.

И они поехали. Они осмотрели электродепо, выслушали подробные объяснения насчет электрооснастки, проехали на локомотиве. На одном из отрезков участка к ним подсел попутчик. Оказалось, главный инженер Днепрогэса. И новая просьба: как бы это хоть одним глазком увидеть чудо, именуемое Днепрогэсом.

— Что меня больше всего там поразило? — говорит дедушка. — Ты знаешь, огромный машинный зал, и в нем один человек. Всего, представляешь, один, в белом халате! А в смотровом отсеке — вода и небо, небо и вода! Ну, я тебе скажу, панорама!

Вскоре после возвращения домой дедушка совершил крупный должностной проступок. Воспользовавшись служебным положением, он вечером, после окончания смены, вывел из депо состав и прокатился от парка культуры до станка и обратно. Звездочки в петлицах, казалось, стыдливо мерцали в свете своих отдаленных небесных сестер, как бы испытывая неловкость за дедушкино самоуправство.

Сторож депо, не решившийся воспрепятствовать мальчишке из врожденного уважения к начальству, хоть и четырнадцатилетнему, все же не преминул сообщить руководству. Руководство в лице Владимира Иосифовича Якута, единственного взрослого на детской железной дороге, казавшегося дедушке глубоким стариком в его тридцать два года, вынесло крутое и бесповоротное решение: перевести в машинисты!

В дальнейшем, признается дедушка, ни один из служебных взлетов не был воспринят им с такой

благодарностью, как это понижение. Понадобилось немалое напряжение воли, чтобы не выдать себя явным проявлением радости.

С железной дорогой связана и вся последующая дедушкина биография. Она проходила на фоне железнодорожного пейзажа, окутанная клубами паровозного пара и пронизанная сиренами. Все-таки до повсеместного внедрения электрической тяги было еще далеко.

К паровозам дедушка сохранил особую и какую-то печальную любовь. Он утверждает, что не видел ничего красивей, чем паровозы. Так, наверное, моряки эпохи паровых машин вздыхали о безвозвратно ушедшем времени парусных судов.

Шапито

... — Дедушка, а расскажи еще про что-нибудь, — прошу я.

— Про что же тебе рассказать? Кажется, я уже все выложил, что помнил.

— Ну, расскажи про цирк, например. Ты любил в детстве цирк?

— Станный вопрос. Конечно, любил.

— А что тебе нравилось в цирке больше всего?

— Ну, как ты думаешь?

— Клоуны, наверное.

— Нет, не клоуны.

— Тогда акробаты... Или жонглеры... Неужели дрессировщики с их дрессированными зверями?

— Боюсь, что не угадаешь. Французская борьба! В том южном шахтерском городке, куда мы с отцом переехали из Москвы, постоянного цирка не было, и каждое лето нас осчастливливал своим приездом бродячий шапито. Каждое лето разбивал он огром-

ный шатер в городском саду. И начиналось для нас, мальчишек, самое веселое время. Веришь ли, а ведь некоторые взрослые не оставались смотреть борьбу. Да, не оставались... Обычно ей отводилось третье отделение, она, так сказать, венчала все представление. И вот, мы, пацаны, безбилетники, уже после первого отделения начинали «пасть» у входа в шалаш. Мы ловили свою удачу среди тех, кто в перерыве выходил из цирка на свежий воздух покурить, угощаться мороженым, газировкой. Было такое правило: желающий выйти получал контрамарку на обратный вход. Наша задача состояла в том, чтобы у каждого спросить: «Дяденька, вы борьбу будете смотреть? А то, может, вынесете контрамарочку».

Попадешь на человека равнодушного к борьбе — считай, повезло: в третьем отделении сидишь среди зрителей, болеешь. Открывал состязание парад-алле. По кругу обходили борцы арену, играя мышцами. Главный арбитр называл каждого из них, хотя многие и не нуждались в представлении. Иногда из публики к арбитру обращались с вопросами, например кто-нибудь кричал: «А где сейчас Вася Буревой?» И арбитр отвечал: «Классический техник французской борьбы Василий Буревой в настоящее время находится на матчевых состязаниях в городе Краснодаре».

Когда любопытство публики таким образом удовлетворялось, на ковер выходила первая пара. Но еще прежде арбитр приглашал за судейский столик двоих добровольцев из публики в целях обеспечения абсолютной справедливости судейства. В ходе состязания, вероятно для пущего эффекта, арбитр также считал своим долгом выкрикивать названия приемов, которые применялись в тот или иной момент схватки. «Тур де ганж через левое плечо!» — выкрикивал судья. Или: «Двойной нельсон!» Помню, что, согласно правилам, применение двойного нельсона

ограничивалось тремя минутами. И, когда доходило до этого приема, что вызывало замирание всей аудитории, арбитр оборачивался к тем двоим за столом, приглашая их засечь время.

Надо заметить, что за один вечер, собственно, победитель не выявлялся: потом борцы вызывали друг друга на матч-реванш, а еще была «решительная борьба до результата» — и так до осени, пока в воздухе не появятся белые мухи и не придет цирку время сниматься с места.

Среди бойцов были у публики любимцы, были и такие, к которым болельщики, в основном мальчишки, относились с неодобрением. Неизменные симпатии вызывал силач, которого арбитр называл «Пауль Гонак, Берлин». Он обычно выходил во всем красном, поднимая вверх сжатый кулак — жест бойцов рот-фронта. А вот Тома Кужарски мы не любили. За злодейский вид не любили и за пристрастие к запрещенным приемам. С годами я понял, что это было красочным, хорошо срежиссированным спектаклем. И неприязнь к Тому сменилась жалостью. Мне всегда бывает жаль людей, которым выпадает играть отрицательные роли. Я бы доплачивал им как за вредное производство. А может, Тому и доплачивали, кто ж знает. Ну, и, пожалуй, хватит с тебя на сегодня...

И дедушка встает и идет смотреть программу «Время». Не такой он человек, чтобы ее пропустить.

Велосипед

С семи лет от роду

дедушка уже был убежденным атеистом. Факт, скромный сам по себе, все-таки достоин внимания, если учесть последовательный, принципиальный характер дедушкиного атеизма. Документальное подтвер-

ждение тому — чудом сохранившийся среди бумаг детский рисунок. На нем цветными карандашами в острой карикатурной форме изображен служитель религиозного культа, стреляющий из пистолета. Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно объекта изображения, рисунок снабжен подписью: «Поп стреляет из «нагана».

Было бы по меньшей мере наивным думать, что материалистические воззрения автора рисунка миновали довольно серьезные испытания.

Когда дедушка был маленьким, он страшно завидовал всем без исключения владельцам велосипедов. В городе Севастополе, куда дедушка приехал погостить к своему дедушке, он завидовал Жоре Тяпкину, сыну маляра товарища Тяпкина, писавшего вывески.

Вероятно, писание вывесок служило доходным занятием, потому что велосипед у Жоры был американский, марки БСА. Надежная машина с толстыми шинами, дополна надутыми воздухом. Ноги у дедушки еще не доросли до педалей взрослого велосипеда, но он согласен был прокатиться и на раме, лишь бы Жора предложил. Да куда там. Сын маляра, казалось, не обращал на дедушку никакого внимания. Для гордого владельца велосипеда дедушка был просто пустым местом, приезжим мальчишкой «от горшка два вершка», больше ничем.

Своим внезапным возвышением, приведшим в результате к дружбе с Жорой Тяпкиным, дедушка был обязан дяде Мише. Кто такой дядя Миша? О, это был военный моряк с крейсера «Коминтерн», и каждый умевший читать мог убедиться в этом по надписи на дяди-Мишиной бескозырке.

На улицу Карла Маркса, где дедушка переживал велосипедную драму, военного моряка привела любовь. Надо же было случиться великой удаче, что влюбился он как раз в соседку дедушкиного дедушки — пять ступенек от двери до двери. В жизни, если

уж повезет, то одна удача манит другую. Для этого и понадобилось всего-то, чтобы соседки не оказалось дома и чтобы дедушкин дедушка, видя, как мыкается моряк под окнами, пригласил его к себе в полу-подвал. С тех пор повелось: как дядя Миша не заставит свою любовь — пять ступенек вниз, и он — словно в родной семье.

Что значит дружба военного моряка в городе, подобном Севастополю, если подобный город вообще существует на свете? Положи ее на одну чашу весов, а на другую велосипед, да хоть двадцать велосипедов, дружба все равно перетянет.

Чувствуете, к чему дело клонится? Не чувствуете?! А к тому, что Жора прозрел, он вдруг обнаружил, какое сокровище поступило в дедушкино распоряжение. Жора что — Жора только педали крутит, он покорный раб, слуга, рикша, Жора и подушечку к раме приспособил уже для совершеннейшего удобства и комфорта.

Дни мелькали с быстротой штакетника, когда смотришь на него с высоты мчащегося велосипеда, — и вдруг... Стоп, резкая остановка, окружающий пейзаж цепенеет на месте, как в известной детской игре «замри!». Что это было? В общем-то, пустяк, символический жест верующего, летучий взмах, руки, оторвавшейся от руля, крестное знамение, тут же растаявшее в воздухе, замеченное дедушкой боковым зрением, самым краем глаза — они пронеслись мимо церкви.

Открытие, после которого дедушка не имел права ни секунды находиться на велосипедной раме. Речь шла об убеждениях. Он кубарем скатился на землю.

— Ты что? — спросил Жора.

— А ты что? — в свою очередь спросил дедушка.

— Я — ничего.

— Ты что, верующий, что ли?

— А что?

— А то... — дедушка отряхнулся и зашагал прочь.

В тот момент, рассказывает он, перед его глазами стояла книжка про Джордано Бруно, читанная недавно. Дедушка представил себя на его месте, увидел черные сутаны, подступающие к огромной вязанке хвороста с пылающими факелами. Вокруг теснилась толпа, и дедушка ничуть не удивился, когда нашел в ней сочувственное лицо дяди Миши. Губы его шептали какие-то слова. Дедушка знал, какие. «Главное в жизни форсу не терять» — вот какие.

...Через войну, через всевозможные передеряги перебрался листок с детским рисунком. Дедушка утверждает, что лицу священнослужителя, стреляющего из пистолета, он попытался придать черты сходства с Жорой Тяпкиным. Насколько это удалось, проверить сейчас невозможно.

Посещение кино

Когда дедушка

был маленьким, кино тоже еще не успело вырасти. Оно тогда и разговаривать не умело, кино, но уже много чего хотело сказать. Оно отчаянно жестикувало, надо полагать, от полноты чувств и от желания сказать все, что его волновало.

Обычно в кинозале возле экрана сидел за инструментом пианист, он назывался «тапер». Он помогал кино объясняться со зрителем, наигрывая различные мелодии — веселые или грустные, смотря по тому, что происходило на экране.

Такое вот было кино.

В городе Севастополе, где дедушка оказался в гостях у своего дедушки, в фойе кинотеатра «Ампи» перед началом сеанса показывали Тимошу Бакулина. Уже и одного этого было достаточно, чтобы посе-

щение кинотеатра «Амбир» стало событием запоминающимся. Что же говорить об остальном!

Тимоша Бакулин работал в «Амбире» великаном. В его великаныи обязанности входило появляться на сцене перед публикой в черкеске с серебряными газырями, обхваченной наборным пояском, и в лихо заломленной набекрень папахе. Кинжал висел на боку у Тимоши Бакулина. Сапоги из тонко выделанной кожи, казалось, лопались на его мощных икрах.

В кинотеатр «Амбир» дедушка пришел с родной тетушкой и ее женихом. Жених оказался очень кстати: он взял дедушку на руки, и ему все хорошо было видно. Толпа почтительно взирала на человека-гору. А он глядел на толпу чуть снисходительно, как бы всем своим видом говоря: «Да вот, представьте себе! И ничего тут не поделаешь!»

Затем перед публикой появился директор кинотеатра. Он подробно рассказал, сколько и чего именно может выпить и съесть зараз Тимоша Бакулин. А также, какое необыкновенное количество сукна идет на его платье. И какой изумительной прочностью должна обладать мебель, выдерживающая массу его тела.

Тимоша Бакулин заметно смущался, отставлял в сторону ногу толщиной с колонну и упирался взглядом в пол.

В заключение директор предложил желающим из публики подняться на сцену и сопоставить свои размеры с великанской статью Тимоши. Директор, правда, и сам не выдался ростом, однако в его предложении чувствовалось великодушное стремление администрации обеспечить объективность эксперимента. Публика не заставила себя долго ждать. Кто-то уже забирался на сцену. Голова его едва достала до газырей на Тимошиной черкеске. По толпе пробежал вздох, подтверждающий, что тут все честному, без обмана.

Прозвенел звонок, приглашающий в зал. Народ повалил занимать места.

Погасили свет, и дедушкина тетушка с женихом немедленно принялись целоваться, но дедушку больше занимали приключения Дугласа Фербенкса, разворачивающиеся на экране. Дуглас от кого-то убегал, кто-то догонял его, и все вокруг, кроме мерцающего четырехугольника полотна, перестало существовать для дедушки. Пока сердитый тетушкин голос вдруг не сказал:

— Ты чего толкаешься?

— А ты чего толкаешься? — спросил дедушка, потому что в свою очередь явственно ощутил толчок.

И тут в зале впервые прозвучало слово «землетрясение».

— Землетрясение! Землетрясение! — подхватили голоса.

Тетушка больно сжала дедушкину руку и потащила к выходу. Дедушке не хотелось покидать зал, и он попытался уговорить родственницу сначала досмотреть кино, а уж потом идти смотреть землетрясение.

Это было знаменитое крымское землетрясение 1927 года, описанное, кстати, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

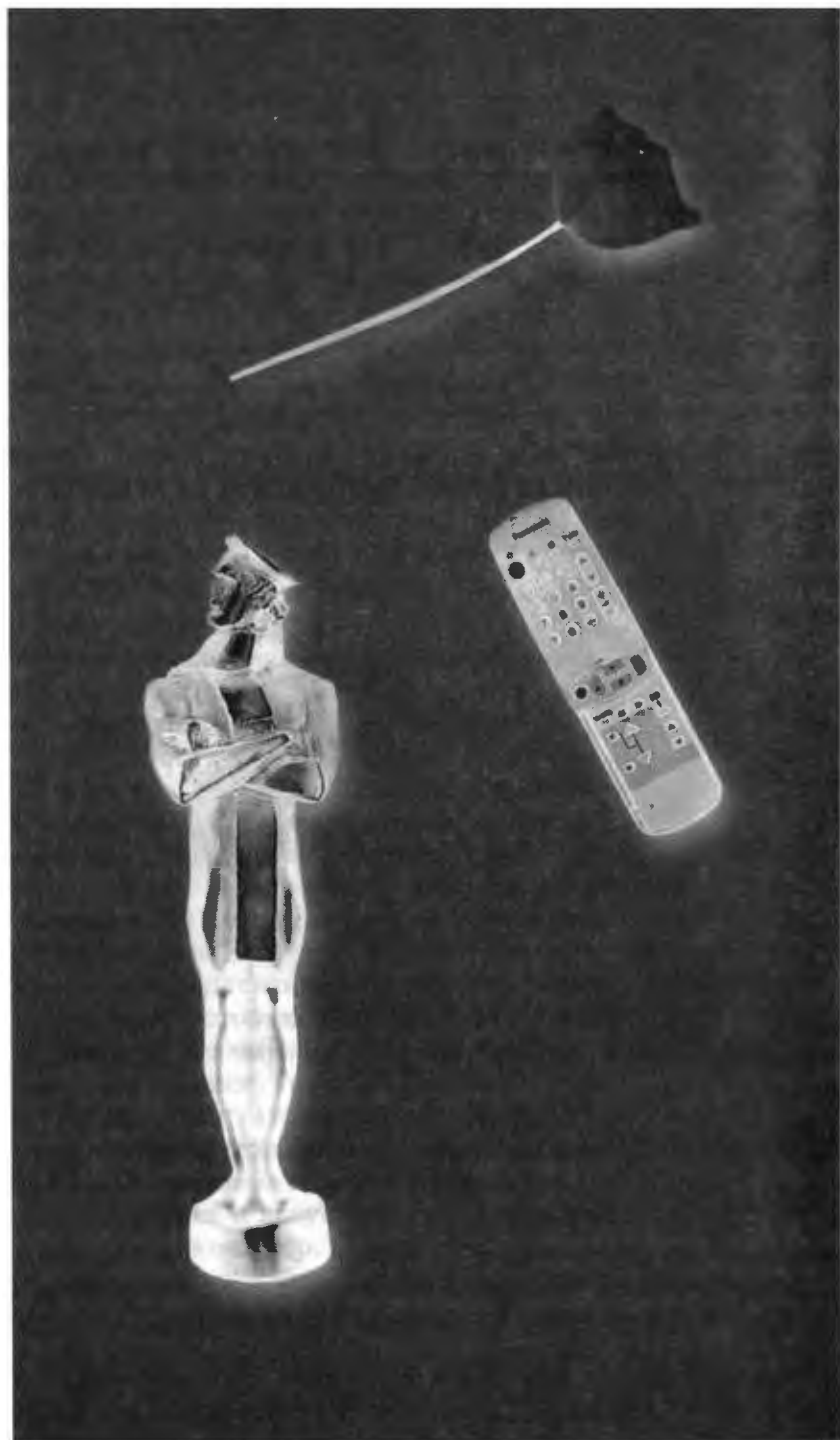
Впоследствии, рассказывая окружающим эту историю, дедушка и не пытался отрицать, что ему крупно повезло. Увидеть на одном сеансе Тимошу Бакулина, Дугласа Фербенкса и, в придачу ко всему, стать свидетелем настоящего землетрясения выпадает на долю не каждого мальчика.

Интерес к искусству кино дедушка сохранил до сих пор. Иногда, выйдя из дому на пятнадцать минут за хлебом, он пропадает часа на два. Мы не волнуемся: знаем, опять завернул в кино.

Фима, Клара и другие

*Драматургия
для эстрады,
1988 — 1992*

Верните наши денежки, или Ефим Шифрин играет Шостаковича

(Отрывки из спектакля)

Вступительный монолог

Боже мой!

Боже ж ты мой!..

Здесь болит, тут простреливает, сюда вот отда-
ет... В бок — и сюда от...

А поезд у меня только завтра утром...

И как здесь люди живут, в Москве в этой!

Я больше одного дня здесь не могу — зверею...

Куда ни посмотришь — толпы, толпы, толпы...

Подойти бы и документы спросить: «Ты почему в
рабочее время не на работе?»

Ничего нет! Конечно, ничего: одни тунеядцы...

Я так скажу: слишком много умников развелось.
Больно образованные все стали... А работать неко-
му. Потому ничего и нет!

А на Казанском мужик экскурсию объявляет...
В мегафон кричит, аж красный весь от натуги...
Грыжу, наверное, себе наорал... По местам боевой и
трудовой славы. ГУМ, ЦУМ, Детский мир, Вагань-
ковское кладбище... Это такое кладбище, куда те-
перь только при жизни попасть можно, да и то за
три рубля.

Вот опять... В бок — и сюда от...

А поезд только завтра утром...

На Калининском аварию интересную видел. Бес-
платно. «Жигули» и «Скорую»... «Скорой» ничего, а у
«Жигулей» — весь передок...

А поезд только завтра утром...

В Оружейную три раза неправильно дорогу пока-
зывали. Ну город!.. Хотел шапку Мономаха посмот-

Что вы предпримите в этом случае?.. Натянете на голову одеяло и перевернетесь на другой бок?.. Броситесь на помощь? Схватите телефонную трубку, чтобы вызвать милицию?

Что касается меня, то я не сделаю ни того, ни другого, ни третьего. Я подвину к себе чистый лист нотной бумаги и сочиню очередной опус под названием «Крик человека».

Крик человека — это крик человека. Крик троих — трио. Крик четверых — квартет. Крик пятерых — квинтет... Крик сотен — многоголосый хор. Из стонов миллионов людей может получиться жизнерадостный марш, он поведет нас к победе, к новым свершениям, к великолепным сияющим высотам.

А я...

А я вступлю в Союз композиторов.

Кое-что о рок-музыке

Существует заблуждение, что рок-музыка пришла к нам якобы из-за рубежа.

Ничего подобного, чуваки!

Рок всегда витал над Россией. И во все времена он буквально преследовал передовых людей. Рок, витавший над интеллигенцией, в соединении с тяжелой жизнью простого народа породил тяжелый рок.

Для тяжелого рока характерны специфические выкрики вокалистов. Такие, например, как «ya-ya!», «и-ии-и-и!», «уу!», что означает балдеж, кайф и другие положительные эмоции.

Одним из первых хитов тяжелого рока по праву стала знаменитая «Эх, дубинушка, ухнем!», выразившая вековую тоску нашего человека по механизации ручного труда. Затем появились «Вдоль по Питерской, да, эх, по Тверской-Ямской!», и, наконец, «Долго в цепях нас держали...».

Как видим, обычай носить цепи возник задолго до панков, металлистов и рокеров. Он настолько

прижился у нас, что и сейчас нам по-прежнему нечего терять, кроме своих цепей.

Как сказано в одной известной песне: «Цепь да цепь кругом...»

Тяжелый металл, или как его еще называют специалисты, «хэви мэтл», породил у нас массу фанатов. До сих пор горячие поклонники этого направления вспоминают крутую тусовку на Чудском озере, где с успехом прошли наши ребята из группы «Александр Невский», а зарубежная шобла с претенциозным названием «Псы-рыцари» с треском провалились вместе со своей фирменной аппаратурой.

В общем, клево поторчали тогда!

Увы, неудачно были организованы гастроли и таких популярных зарубежных групп, как «Лжедмитрий-один», «Лжедмитрий-два», «Наполеон Бонапарт». Не прохилияли ни поляки, ни французы. Зато одним из выдающихся событий нашей музыкальной жизни стало водное шоу под руководством Разина-старшего.

Особенно удался эпизод «и за борт ее бросает в набежавшую волну». Великолепный бросок нашего прославленного мастера. Сбор с концерта поступил в фонд помощи детям, оставшимся после персидской княжны.

Примеров можно и дальше приводить множество. Но стоит ли? Наш приоритет в мировом рок-движении, как мне кажется, полностью доказан. И мы не позволим всяким там козлам парить нам мозги, вешать лапшу на уши и лепить горбатого.

А теперь — дискотека!

Второй монолог о музыке

Я не понимаю, почему все должно быть понятно!.. Не понимаю! У тебя мозги для чего? Это не интересно, когда всем все понятно! Надо, чтобы хоть что-нибудь было непонятно, чтобы было что понимать...

Я понятно выражаюсь?

Вот вы говорите: «Тяжелая музыка, тяжелая музыка!» Ну, вы же смотрите тяжелую атлетику!.. Тяжелая музыка — это такая музыка, которую было тяжело сочинить.

Вы говорите: этот писатель труден для восприятия, мне трудно его читать. А вы думаете, ему писать легко было! Вы три месяца матери на письмо ответить не можете, а он целый роман в 600 страниц сочинил!.. Таким романом капусту придавливать можно, чтобы сок пошел!.. Капуста получается — пальчики оближешь!

Музыка — это не только музыка, это все, что сделано в согласии с гармонией. Хороший стул музыкален не менее, чем романс Алябьева «Соловей». Автомобиль «Мерседес» гораздо музыкальнее «Запорожца». Поживи в «хрущобе» с совмещенным телефоном и спаренным санузелом, пятый этаж без лифта, мусорный бак, 230-й автобус, вторая остановка по требованию — и квартира так называемой «улучшенной планировки» тебе покажется сонатой «до-мажор».

А правительственная дача в Барвихе!.. Нет, я ни на что не намекаю. Но правительственная дача в Барвихе! .. Ах!.. Это же настоящая симфония по сравнению с твоим скворечником на 105-м километре Казанской ж. д., шесть соток, как переберешься через песчаный карьер, сразу направо, если, понятно, переберешься, а там уже только пройти завод по производству полихлорвинилуретана — и ты на месте!.. Уф!.. И этот хлебный киоск ты называешь дачей!

Нет, я ни на что не намекаю, упаси бог!.. Но мне кажется... Мне почему-то кажется, что басни Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, действительного члена Академии педагогических наук, члена ЦК КПСС, секретаря Союза писателей СССР и прочая, и прочая Сер-

гея Владимировича Михалкова не так музыкальны, как, скажем, басни просто дедушки Крылова. Хотя и то и другое называется баснями... Нет, поймите меня правильно, я ни на что не намекаю, упаси меня бог!..

(Идет басня «Осел и соловей», которая кончается словами «избавь нас бог от таких судей!».)

...а также членов коллегии Верховного суда СССР, Прокуратуры СССР, Комиссии, народного контроля СССР... чур меня, чур меня, чур, чур!..

Руки прочь от следователей Гдльяна и Иванова!..

Иногда мне кажется... Нет, я ни на что не намекаю, но иногда мне кажется (шепотом), что нашему самому главному дирижеру слон на ухо наступил: так не попад он иногда взмахивает дирижерской палочкой... Открыть кислород, перекрыть кислород, открыть кооперативы, закрыть кооперативы... То больше гласности, то не надо разжигать страсти!.. «Мы и в прошлом году говорили, и в этом году говорим...»

Нет, я ни на что не намекаю, что вы, что вы!..

А этот, извините за выражение, оркестр! Они же совершенно не владеют нотной грамотой! Кто в лес, кто по дрова!..

А сравнить предыдущего оратора с барабаном, значит, незаслуженно оскорбить барабан...

А женщина напоминает мне скрипку. Скрипки, конечно, бывают разные... Разные бывают скрипки. Есть скрипки Страдивари и Гварнери, их мало, а есть скрипки, выпущенные Калужской фабрикой музыкальных инструментов в конце месяца из сэкономленных материалов... С одной стороны, небесной мелодии из нее не извлечешь, с другой — не жалко, если украли... Ах, тебе подавай Амати!.. Но ты ведь тоже не Паганини!.. И не надо все сваливать на инструмент, коли не умеешь играть! Как говорится, плохому танцору мешает... Что?.. Правильно!..

Посмотри лучше, в каком состоянии ты держишь свой смычок!.. Ты его даже забыл наканифолить!..

Да, так на чем мы остановились?.. Музыка... Разве ее сочиняют?.. Ее открывают, как Ньютон открыл свой закон всемирного тяготения... Он сидел под яблоней, яблоко упало ему на голову, и он открыл. Так вот, надо, чтобы уродились яблоки и родился Ньютон. И надо сидеть именно под яблоней, а не под стрелой портального крана...

Правда, и под стрелой портального крана может возникнуть музыка. Что-то очень быстрое, легкомысленное... «Чижик-пыжик», например. «Чижик-пыжик, где ты был, на Фонтанке водку пил»... Пил, пьет и будет пить. И получать гонорары, авторские, а иногда и государственные премии.

Музыка!.. Разве звезды — это не музыка?.. Вы разве не слышите, как они светят?

А как плывут, словно бы подчиняясь какой-то мелодии, облака?..

И разве жить — это не значит двигаться в такт с жизнью, никому не наступая на ноги?

Музыка, она как жизнь! Она как все!

Монолог на выставке достижений

Уважаемые товарищи!

Дамы и господа!

Самые широкие творожные массы!

Люди рассудка и люди желудка!

Министры легкого поведения и девушки тяжелой промышленности!

Психи и выздоравливающие!

Импотенты всех родов войск!

Маяки соревнования и козлы перестройки!

Посмотрите налево! Посмотрите направо! Посмотрите в другие стороны!

Мы находимся на выставке наших достижений СССР — крупнейшей в мире выставке наших достижений!.. Редкая птица долетит!.. Здесь собраны все достижения, которых мы достигли, догнали и перегнали, и теперь идем впереди наших достижений на три головы, на полкорпуса, на 108 и 7 десятых процента на душу населения больше, чем Англия, Голландия, Гренландия, Бельгия и Сейшельские острова, вместе взятые за горло: смотри диаграмму роста!

...Да, мадам, эта жужжалка жужжит, эта крутилка крутится, эта фигалка фигачит, а это счастливое хрюканье доносится из павильона «Свиноводство»... У нас самые счастливые свиньи, мадам! Их навоз поступает на экспорт в 110 государств мира. Очень ценное сырье... Мы завалили нашим навозом все страны Варшавского договора...

Когда переменится ветер, мы сможем обонять запах роз, сэр, но это — когда переменится ветер... А пока, синьорина, — силь ву пле!..

Лучше обратите внимание на эти фонтаны, Панове!.. Боже, как они фонтанируют! Тысяча кубических тонн воды за одну миллисекунду, провалиться мне на этом месте, падлой буду, век свободы не видеть!..

А это наш лучший бык-производитель!.. За последний квартал производительность его покрытия возросла на двести и три десятых коровочасов в год за счет внедрения новых прогрессивных форм оплаты труда...

А это действующая модель социализма... 7x10, фанера, папье-маше, гвозди, клей... Пока не действует... Никак не поймем, почему.

А это наша знаменитая ракета!

Когда нам говорят, что у нас что-то не так, мы им суем в нос нашу ракету и говорим: «А наша ракета?»

Если вы хотите сделать нам приятное, похвалите нашу ракету — и нам будет приятно!

Мы всей страной скинулись, чтобы иметь такую замечательную ракету и такую замечательную выставку наших достижений, руками не трогать, здесь все в одном экземпляре, этот экскаватор, этот синхрофазотрон, эта колбаса, все, все, все!..

Когда у меня дома, простите, не работает толчок, не всасывает пылесос, а холодильник вдруг начинает переваривать продукты, я мчусь на выставку наших достижений, я припадаю к ней, как к кислородной подушке, и дышу, дышу, дышу...

Ведь можем же, когда захотим!.. А?! Можем, черт побери!.. Мы просто не хотим, и поэтому не можем!.. А если бы захотели?.. Если бы мы выставку наших достижений как-нибудь увеличили до размеров нашей страны, ей бы просто цены не было бы!..

И не надо меня выпихивать отсюда!.. Вы вообще здесь не стояли. Я вас не видел!.. Я здесь с 17-го года с отрядом занимал! За мной солдат, а за ним — девушка в белом платке, которая отошла. А хо-хо не хо-хо? Куда без очереди?.. Никакой записи, а только живая!.. Ну и что, что участник, мы все участники чего-нибудь!.. Я никуда не уйду, не распускайте руки, а то я тоже могу!.. Дайте мне политическое убежище в павильоне «Мясо и сметана»! Я ухвачусь за эту штангу, за этот косяк, и меня все равно не оторвать! Я хочу навсегда остаться среди этих достижений! Я столько лет жил среди наших недостатков, что имею на это полное право!.. Пустите меня!.. Пустите!!!

Встретиться и поговорить

...И вас также!.. И вам большого-пребольшого!.. И у вас чтобы много-много-много!.. И вам в личной жизни!.. Встретиться и поговорить? Откровенно!.. Как спонсор со спонсором... Столько накопилось, что хочется выплеснуть на кого-нибудь... Суббота?.. Сейчас посмотрю, что у меня в субботу... Так, суббо-

та, суббота, работа, забота, обормота... Очень удобная штука: открыл — и сразу все видно... ежедневник называется... Ага, суббота!.. Суббота отпадает... Занят, ну просто как бобик!.. В субботу мы работаем, как в понедельник, понедельник переносится на воскресенье, а воскресенье приплюсовывается к отпуску... Из отпуска извлекается корень квадратный, умножается на выслугу лет и прибавляется к пенсии. Смотрим вторник... Очень удобная штука: еженощник... Вторник, вторник, намордник... Вот он, вторник!.. Во вторник мы морим тараканов... В среду морим, в четверг морим, в пятницу похороны... У Анатолия Ивановича... Обещал ему, как из ружья!.. А как у вас в принципе 27-го? В принципе... У меня в принципе нормально... А вы в принципе не можете 27-го?.. А я не могу 28-го... А также 29-го, 30-го, 31-го, 32-го, 34-го с половиной... Занят, как сарделька!.. Смотрим, смотрим... Очень удобная штука: ежеминутник, ежечасник, ежемозольник... 37-го меня не будет в Москве... Потом я приезжаю и сразу ложусь на обследование в барокамеру... Одиночная, специального режима... Врачи!.. Они что-то во мне ищут, как геологи!.. То ли камни в почках, то ли нефть в мочевом пузыре... Потом выхожу, и в среду у меня — что? Что у меня в среду? Презентация... Потом приватизация и еще какая-то хренация... В пятницу нужно отоварить талоны... Которые на мыло, отовариваем на сахар, а которые на сахар — отовариваем на крупу... Крупу — на сигареты, сигареты — на лампочки... Вот тут у меня все записано... В субботу не могу — учебная воздушная тревога холостыми бомбами... В воскресенье приезжают рэкетеры, просили не отлучаться... А во второй половине августа у меня рождается сын от седьмого брака... Вот тут у меня записано... Сын... Виктор, Витюшка, Витек... Буду занят, как 01, 02, 03... Так, сентябрь, октябрь, ноябрь... В декабре переползаем к рынку... Сначала на брюхе, потом короткими перебежками. Ой, сколько

наших поляжет! 92-й год отпадает... В дикой запарке, закрутке и замотке... Смотрим 93-й... Что тут у меня? Не забыть купить автомобиль. Так... Натянуть морщины... Штурмовать Джомолунгму Побратать Орехово-Борисово с Франкфуртом-на-Майне... На-нести ответный визит во Францию... Объявить мораторий... Ни разу не объявлял, интересно... Признать Гренландию... Установить демократические режимы где только возможно... Объявить пятиминутную голодовку в случае сопротивления. Научиться использовать энергию кашля в народном хозяйстве... Запатентовать и внедрить... Так... Не забыть получить Нобелевскую премию... Передать Пересу де Куэльяру женин рецепт фаршированного перца... Так, день рождения у Марчеллы Мастрояни, барбос эдакий, сто лет не звонил, Микеле Плачидо, так, Буш — объелся груш, прием у него, Форд, 93-й забит полностью... Смотрим, смотрим... Очень удобная штука — ежеквартальник, ежегодник, ежевечник... 92-й, 93-й, 94-й... Буду занят, ну просто, как арабские земли Палестины... Слушайте, а как у вас насчет XXI века?.. Вот тут у меня, кажется, два денька свободные в 2007 году... В принципе... 3 и 4 марта... Надо встретиться и серьезно поговорить...

Нет, опять лажал.. Полная лажал.. 3-е и 4-е отпадает. Слушайте, а вы вообще где собираетесь покоиться?.. В принципе... Как?! Тоже на Хованском?! И я — на Хованском! Как?! У вас 3-я линия?! И у меня — 3-я линия!.. А участок у вас какой?.. Да неужто 789-й?! А у меня 788-й!.. Ну, какая удача!.. Рядом покоиться будем!. Вот там и поговорим!..

...И вас также!.. И вам большого!.. И у вас чтобы много-много-много!..

Соло для кровати со скрипом

(Отрывки из спектакля)¹

Визит врача

Здравствуйте!

Врача вызывали?.. Только давайте быстренько, а то у меня еще три вызова... Два в соседнем доме, один в Израиль...

Что беспокоит?.. Давление денег на товарную массу?.. Где давит?.. Здесь давит?.. Так... Хорошо... А стул есть? Жидкий или оформленный?.. Целую ночь в очереди стояли, чтобы оформить?.. Чудненько!.. Так, на что еще жалуетесь?.. Как вы сказали?.. В желудке какой-то Нагорный Карабах... Так... Отрыжка?.. Изжога?.. Превосходно! И в поясице стреляет и сюда вот отдает?.. Да что вы говорите!.. Среди бела дня стреляют или только по ночам? Холостыми или боевыми?.. Сейчас я вам преступность помержу... Так, у вас раскрываемость восемьдесят на сто шестьдесят... Нет, я бы не стала прибегать к высшей мере... Несколько лет строгого режима, диета, труд на свежем воздухе, желательно где сосна, ель... А теперь давайте послушаем легкие... Дышите... Не дышите... Дышите... задержите дыхание... Дышите... Можете теперь совсем не дышать... У вас тут какие-то шумы в легких... «Долой! Хватит!.. Надоело!»... Вы, наверное, курите... И давно не курили?.. Я вам сейчас выпишу талоны на сигареты... Восемь пачек в месяц, больше никак не могу... Печать поставите в домоуправлении... Я не знаю, мое дело выписать, а вы уж доставайте где хотите...

¹ Спектакль написан для Клары Новиковой.

Ну-ну, не стоит поддаваться панике. Я только что перед вами была у одного больного, так у него вообще мозг отказывается выполнять указы президента... Почка отделилась... А прямая кишка требует свободного выезда... И то ничего!..

Что с вами дальше будет?.. Тут, дорогая моя, я умываю руки. У вас тут руки помыть можно?.. Извините, спешу, спешу!

Автоответчик

(Клара Новикова у телефона.) Ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа... Фу ты, черт, опять зачесалось!.. Аллергическое, наверное... Надо прекратить есть апельсины... Ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа... Слушайте, товарищ, вам же русским языком сказано: «ждите ответа»... Ну и ждите!.. Откуда я знаю, когда? Мое дело говорить только эти два слова «ждите ответа», отвечать на вопросы — это не мое дело... Нет, я не автоответчик, я живая женщина... У меня чешется все... Автоответчик давно сломался... Давно сломался, говорю, автоответчик, и они поставили меня... У тебя, говорят, голос хороший, как у актрисы... Ведь «ждите ответа» можно произнести сотней разных способов... Можно «ждите ответа», можно «ждите ответа»... Или — «ждите ответа...». Чувствуете разницу?.. Нет, они говорят, что просто, чтобы длинные гудки, никак нельзя... Они говорят, что длинные гудки — слишком бесполезно... А вот «ждите ответа» — все-таки есть какая-то надежда...

Кто это они?.. А вот этого я вам не скажу... Не хочу, чтобы у меня были неприятности... Они — это они, и кончено. Когда они уезжали, они оставили мне 50 ящичков с апельсинами и сказали, что на полгода мне хватит! Продержаться... Потом, говорят,

мы что-нибудь придумаем... А у меня от этих апельсинов все тело чешется...

Куда уехали?.. Вы спрашиваете, куда они уехали? Ну, наверное, туда, где люди не задают столько дурацких вопросов... «Кто виноват?»... «Что делать?»... «До каких пор?»... «Куда мы идем?»

Все, товарищ, я и так нарушила инструкцию и слишком много вам наболтала... Я не имею права отклоняться от утвержденного текста... Я сказала: все, товарищ!.. Ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа!..

Новости

...Через несколько секунд в эфир выйдет наша традиционная информационная программа «Ну и время!».

Добрый вечер, дорогие товарищи!

Начала свою работу 789-я сессия Верховного Совета Соединенных штатов Нечерноземья. На сессии будет рассмотрен вопрос о выходе из состава Соединенных штатов Курской, Воронежской, Костромской областей.

Сегодня на утреннем заседании в первом чтении приняты Закон всемирного тяготения и Закон Бойля—Мариотта. Горячие дебаты развернулись по поводу таблицы умножения. Отправлены на доработку в комиссиях «дважды два четыре» и «трижды три двадцать семь».

* * *

Предупредительной забастовкой на рост инфляции ответили женские коллективы домов свиданий Черноморского побережья Кавказа. Представительницы второй древнейшей профессии на пять минут прервали контакты со своими клиентами, требуя расчета в твердой конвертируемой валюте или продуктами питания.

* * *

Вчера вечером неизвестными лицами был захвачен самолет «Ту-154», следующий маршрутом Москва — Магнитогорск. Угрожая оружием, террористы потребовали у экипажа изменить курс и следовать в Стокгольм. Экипаж и пассажиры, не скрывая своей радости, подчинились этому требованию. В Ленинградском аэропорту, где самолет приземлился для дозаправки горючим, в салон авиалайнера ворвалась группа быстрого реагирования и, угрожая оружием, потребовала лететь в Гонолулу.

Как нам сообщили представители правоохранительных органов, все жертвы воздушного пиратства, а также террористы группы быстрого реагирования чувствуют себя хорошо. Сейчас в Гонолулу самый разгар курортного сезона.

* * *

Сообщаем курс доллара США по отношению к рублю на сегодняшний день. Один доллар — по-прежнему один мешок рублей.

* * *

Минздрав Нечерноземной Советской социалистической республики предупреждает, что еда опасна для нашего здоровья.

* * *

Из магазинов страны внезапно исчезли все без исключения моющие средства, чем и не замедлили воспользоваться силы, нагнетающие напряженность и способствующие дестабилизации. Они обратились к населению с призывом провести массовые манифестации под лозунгом: «Парламент — на мыло».

* * *

За рекордную сумму ушло с художественного аукциона известное многим любителям живописи полотно «Запорожцы» пишут письмо итальянскому «ФИАТу». Картина приобретена британской фирмой, торгующей произведениями искусства.

До каких пор наши художественные ценности будут уплывать за границу?

* * *

А теперь краткие сообщения с 4-го Ленинградского фронта. Правительственными войсками полностью контролируется положение в городе на Неве. Заняты банк, почтамт, телеграф. Ожесточенные бои разгорелись на подступах к Дому писателей, защищаемому так называемой интеллектуальной оппозицией. В результате штурма Дом был взят силами порядка.

Нет, не зря говорят в нашем народе: «Литература — дура, а штык — молодец».

* * *

Новости науки и культуры. В давнем споре: «оторванная от жизни теория или здравый смысл?» все-таки побеждает здравый смысл. Идя навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся, отделение Русского языка и литературы Академии наук постановило считать нормой некоторые ударения в словах, а также их произношение, как ставшие общепотребительными. Вот эти слова: «пóртфель», «магáзин», «лóжить», «Азебладжан».

Наконец-то! Однако не слишком ли медленно реагируют наши ученые? И не пора ли народу задуматься, зачем ему кормить эту ораву бездельников, засевшую в различных академиях и институтах?!

* * *

Информация, поступившая к нам на этот час.

Супруга президента, которая, как известно, является председателем национального фонда любви и нежности, посетила детский сад № 398.

Наши камеры установлены на месте события.

...Цветы, цветы. Открытые, радостные детские личики...

Супруга президента обращается к одному из детей:

— Скажи, деточка, ты мальчик или девочка?.. Девочка!!! Как это славно, как замечательно!.. А скажи, девочка, ты кем хочешь стать, космонавтом или балериной?.. Неужели балериной?.. Замечательно!.. Шарман!.. Мы с моим мужем Мигелем Сергеевичем уверены, что ты обязательно станешь балериной!..

* * *

А теперь новости спорта:

«Спартак» — чемпион! «Спартак» — чемпион!!!

...И о погоде:

По данным Гидрометцентра, на всей территории страны идут проливные дожди, сопровождающиеся ураганными ветрами, тайфунами, селями, землетрясениями, обрывами линий электропередач, трудностями в снабжении населения пострадавших регионов предметами первой необходимости.

Срочно создается правительственная комиссия.

А сейчас в эфире легкая музыка.

Заявление

Уважаемый товарищ самый главный начальник мафии!

(Извините, что не обращаюсь к вам по имени-отчеству, потому что еще немного сомневаюсь, что это

именно вы! Неужели и вправду вы? Надо же, кто бы мог подумать?!)... Уважаемый товарищ самый главный начальник! Примите меня, пожалуйста, в свою мафию, не дайте пропасть, миленький... И мою подружку Людку примите. Она обещает справиться с любым заданием, кроме мокрого. Вот только нас примите, а больше никого и не принимайте...

Скажите, что для этого нужно? Сколько фотокарточек? Какие анализы? Может, характеристику с места работы? Не беспокойтесь, нам дадут положительную. Только ничего, что мы беспартийные и под судом ни разу не были?.. Правда ведь, ничего? Не только же партийным и членам ЦК быть у вас... Нужны и рядовые члены.

Вчера мы с Людкой вечером опять газет читались, телевизора насмотрелись и долго не могли уснуть от страха: там авария, там миллионы украли, там железную дорогу блокировали, там еще что... А кто виноват — не известно. Ну, ясное дело, что все это ваших рук дело, товарищ самый главный начальник... И решили мы с Людкой: чем так сидеть и дрожать, сразу поступить к вам. Потому что сейчас если и можно выжить, то только будучи мафиози. Кто еще сейчас так слаженно работает, с огоньком? Да никто, кроме вас!

Это надо же, в такой короткий срок развалить все, что еще осталось разваливать. А потом все свалить на Сталина и Брежнева. Ну и головастый вы мужик, товарищ самый главный начальник! Это я вам без лести говорю.

Скажите также, есть ли при вашей мафии детский сад и ясли, а то у Людки двое оболтусов растет, а она опять на сносях, а моей девчонке два года. Она, конечно, ходит в детский сад, но вы, конечно, понимаете, что благодаря вашей деятельности это заведение пришло в полный упадок, а у вас, наверное, хороший...

И выдают ли у вас продуктовые заказы? Потому что на наши заказы без слез смотреть невозможно... Скоро в них хлеб вкладывать будут... Я, конечно, понимаю, что это все делается для того, чтобы народ быстрее поступал к вам. Ну, считайте, мы с Людкой уже созрели.

Если можно, поставьте нас на какую-нибудь должность, где можно брать взятки. Мы, правда, с Людкой ни разу брать взятки не пробовали, но у нас получится, особенно у Людки, она способная. А то, что мы будем делиться с вами, в этом вы, товарищ начальник, не сомневайтесь.

Или поставьте нас кого-нибудь куда-нибудь не пускать. Лучше всего кого-нибудь не пускать за границу, лучше всего — в развитые страны. Из нашей недоразвитой. Я же понимаю, что когда не пускаешь, то сам едешь сколько хочешь. А если мы с Людкой будем ездить за границу, то, пожалуй, и без взяток обойдемся.

Примите нас, пожалуйста, товарищ самый главный начальник, хотим быть в первых рядах борцов за процветание теневой экономики. Тем более врачи запретили мне долго находиться на солнце, у меня давление.

До свидания. С огромным к вам уважением, падлой буду, век свободы не видать. (Кличку, я надеюсь, вы мне какую-нибудь сами подберете.)

Клятва

Я, юная пионерка, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь... Что если Ленька Ерохин меня хоть раз еще, блин, за косу дернет, то я ему дам портфелем по башке...

Я, юная пионерка, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь разгрохать молотком пианино, на котором меня заставляют учиться, и никогда не есть супа, и присосать усы всем членам Полит-

бюро, и в ближайшее время освоить прогрессивный танец «твист», и постараться никому и ни в чем не быть достойной сменой, пусть они застрелятся!..

Я, юная пионерка, перед лицом своих товарищей, если эти рожи можно назвать лицами, а этих ублюдков товарищами, торжественно клянусь, что когда вырасту, буду носить короткие юбки, короче некуда, если они, конечно, не выйдут из моды, и краситься буду напропалую, и глазки буду строить, и ни за что не поступлю в институт: что я, дура, что ли, на фиг он мне сдался, я при первой возможности выйду замуж за красивого и богатого, и чтоб не работать; мечта каждой женщины, хоть пионерки, хоть путаны — не работать, и чтобы машина у него была «Вольво», и шмотье из «Березки», и все такое...

Торжественно клянусь перед лицом своих товарищей (половина уже отвалила за бутор, трое спились, двое умудрились откинуть копыта) побыстрее сделать своему благоверному младенца, чтоб не успел смыться к другой, и буду ждать его по ночам и кусать пальцы от ревности: он у меня тот еще ходок, бабник проклятый, и никакой «Вольвы» у него, конечно, не будет, мэнээс несчастный с плешью на затылке, двести двадцать рублей на все-про-все, и попробуй крутись на них, и, конечно, я буду пахать как распоследняя кляча...

Я, юная пионерка, перед лицом своих товарищей, а потом я уже буду не очень юной, а потом и вовсе не юной, и вовсе не пионеркой, не дай мне бог, блин, дожить до этого дня: старая карга, которая прикалывается с советами к своему зятю и читает нравоучения внукам, и дочь уже не является с визитом две недели, ясное дело, зачем я ей нужна?!.

А пока я юная пионерка, и все клянусь, клянусь, клянусь по ночам, как дура какая, особенно после того, как напьюсь перед сном набутала.

Юные пионеры, к борьбе за дело Ленина будьте готовы! Всегда готовы!

Монолог капитанши

...Ну, почему, почему капитан должен покидать тонущий корабль последним?

Почему крысы спасутся первыми, а капитан — нет?

Чем капитан хуже какой-нибудь крысы?!

Вы посмотрите, какая он душка!.. Так бы взяла его и расцеловала!.. Милый, милый, милый!.. Как идет ему его капитанская фуражка!.. Как он мужественно курит свою капитанскую трубку!..

Злые языки поговаривают, что на случай бури он уже приготовил себе счет в швейцарском банке. Не верьте!.. Он чист, как слеза младенца!.. Говорят также, что он пропил все шлюпки с правого борта и загнал пиратам оба корабельных якоря, задний и передний. Но ведь это не правда, милый?..

И такой замечательный человек должен стоять на капитанском мостике в этот ужасный шторм и спокойно наблюдать, как спасаются крысы, а за ними — женщины, старики, дети, вся остальная команда!..

Ха!.. Женщины!.. Между нами говоря, все бабы... Каждая так и норовит увести твоего капитана!.. Стоит лишь отвернуться!.. Вы посмотрите, как они плятятся на его капитанский кортик!.. Фу! Ни стыда, ни совести!.. И эти шлюхи спасутся, а мой капитан... Просто страшно подумать!..

И не надо ля-ля!.. Где гарантии, что эти женщины нарожают нам новых хороших капитанов?! В последнее время эти курицы только и думают, как бы увильнуть от своего прямого долга. Перед Родиной! Перед будущим! И если какая-нибудь из них случайно залетит, то уж будьте покойны, на свет непременно опять появляется девочка... Наши женщины уже давно разучились рожать настоящих капитанов.

...Ну, детей, конечно, жалко!.. Хотя кто знает, что из них еще вырастет?! Получится из них хотя бы один-единственный капитан дальнего плавания!.. Вы посмотрите, разве такими мы были в их возрасте?.. Каждый из нас мечтал совершить какой-нибудь подвиг, а у них на уме одни только шейки и брейки. И это вместо того, чтобы с утра до вечера учить устав корабельной службы!.. Напялят на себя тряпки поярче — и ходют, ходют!.. Нет, это настоящие головорезы, а не дети!.. Поверьте, со временем они пополният шайки морских разбойников и кончат на фом-брам-стенге, сто чертей мне в дышло!..

Да!.. Старики!.. Больные!.. Жалко, конечно!.. Но, положила руку на сердце, сплошная обуза и больше ничего!.. Пусть, конечно, спасаются, кто как может, но почему это раньше нашего капитана?!

А этот сброд, который у меня лично язык не поворачивается назвать командой... Жирная свинья боцман... Грязный развратник старший помощник... Безмозглая скотина штурман... Про остальных уж не говорю...

— Эй, стюард, что за бурду вы подсунули нашему капитану вместо кофе?! Ну, мало ли что корабль в тяжелом экономическом положении!.. Так мы, знаете, до чего дойдем!..

...Сейчас, мой друг, вы выпьете свой кофе и первым покинете судно. Слышите, первым!.. И не спорь со мной, котик, не спорь!.. Твоя мартышка знает, что делает. Доверься своей пупочке, дорогой!..

Две статуи

США, Нью-Йорк. Статуе Свободы.

Дорогая статуя Свободы!

Здравствуй! Пишет тебе твоя коллега по работе из далекой России — статуя Колхозницы. Я стою в

Москве, возле ВДНХ (по-нашему, Выставка достижений народного хозяйства).

Извини за неразборчивый почерк, писать приходится одной левой потому, что в правой руке у меня серп, и держать неудобно и выбросить не имею права, поскольку — символ. Так и стою с серпом с тех пор, как изваяли, аж рука занемела. Эх, покосить хочется! Да нельзя, надо серп держать, как говорится, у каждого своя ноша. У кого серп, у кого — бронзовая кепка. Кому на ВДНХ выпало стоять на самом сквозняке, а кому — у ресторана «Арагви», как нашему Юрию Долгорукому. Конечно, он князь, у него связи в Москве, а я простая крестьянка.

Погоды у нас стоят ничего себе, вот только голуби страшно гадят на голову, а голову мне не мыли аж с XXIV съезда КПСС: говорят, что в стране шампуня нет. Куда ж они его подевали? А я еще хочу нравиться мужу своему, он у меня рабочий.

А ты замужем? Черкани о себе. Мы, статуи, должны держаться друг дружки. Как там у вас? Капитализм, наверное, человек человеку волк.

Жду ответа, как соловей Сессии Верховного Совета. Пошутила я.

Твоя Колхозница

СССР. Москва. Статue Колхозницы.

Хелло, Колхозница! Горячий американский привет из-за океана. Очень рада была получить твой письма. Я, правда, по-русски ни бум-бум, но мне помог перевести мой френд Майкл. Он недавно приехал из Рашен и теперь имеет постоянное место жительства оф Америка. Но сейчас он пока без работы и без дома, и его постоянное место жительства внутри меня. Мне не жалко, пожалуйста, у меня внутри место всем хватайт.

Ты спрашиваешь, замужем я или нет. Нет. Мы, американские женщины, — эмансипированный женщины. Мы не обязательно стремимся выходить замуж. У меня с Майклом, как это называется... Свободный лав стори. И не скрою, мне бывает приятно, когда он ночует внутрь меня.

А насчет голубей не расстраивайся. Американский голуби такие же креси, как и советский. Они гадят и на меня, и на статую президента Линкольна. Это и есть демократия.

Привет тебе от Майкла. Он хорошо помнит тебе. Он, когда жил в Москве, часто ходил на ВДНХ — пить пиво с воблой. Вобла — это, наверное, женщина, которая была у Майкла до меня. Он ее часто вспоминает, он часто зовет ее, все вскрикивает — Во-бла!

Дорогая Свободушка, здравствуй!

Ох, что-то грустно мне, а вокруг столько девчонок ходит, виляют, чем могут, и серпы у них и в ушах, и на цепочках. Даже мой супруг, рабочий, даром что изнутри весь ржавый хрыч, а все на них засматривается. А я так ревную, до чего распушенность дошла. Ничего святого у этих девчонок, им все равно: памятник не памятник, лишь бы в штанах был.

А недавно большая беда обрушилась на нашу страну — большой урожай. А убирать — некому. Я просто испереживалась вся. Вот где мой серп пригодился бы. Ума не приложу, на что рассчитывает наше правительство. Может, оно собирается пустить на муку колосья из государственного герба?

На том прощаюсь, Колхозница.

Дорогая Ко! Твои грустные мысли, угнетенное состояние — это у женщин бывает. Может, тебе обратиться к психоаналитику? А может, тебе родить?! Та-

кого маленького, симпатичного железного рабочего с молоточком? Это бы тебя отвлекло. И муж перестал бы смотреть на сторону.

Гуд бай, твоя Сво.

Дорогая Свободушка! Случилось! Это случилось! Не то, что ты мне посоветовала, а совсем другое. Этот гад, мой рабочий, ушел от меня. К Венере Милосской из музея. Ну, к этой, знаешь, безрукой... Сказал, что я для него не тот уровень... и что я его уже как статуя не удовлетворяю. И что она, мол, итальянка и у нее темперамент!!! И что Венера эта старше меня, а сохранилась лучше... Конечно, сохранилась. Она в музее стоит, там температура постоянная, сигнализация. И руками не позволяют трогать. А попробуй она, как я, и в дождь, и в снег. И когда от голубей спасу нет, и каждая собака норовит ногу задрать.

Я думала, мой подурит, подурит и успокоится. Куда там! Бросил свой молот и был таков. Мало мне мой серп держать, так теперь еще и молот. Да я этой стерве безрукой еще и ноги пообломаю. Я в общество охраны памятников жаловаться буду. Хорошо, что моя мамочка, скульптор Мухина, не дожила до этого позора!

Дорогая Ко! Самое лучшее в твоём положении взять себя в руки, май диер. Все мужчины одинаковы. Мой Майкл тоже не подарок. Несколько раз он не приходил ночевать. Я точно знайт, что он изменил мне, и знаю, с кем. С одной садовой скамейкой в Центральном парке. Я видела. Он спал на ней. Мне сверху видно все. Так что же мне теперь, бросаться головой в Гудзонов залив? Нет, я еще нужна своей Америке. И ты нужна своему ВДНХ. Выше Серп и Молот, Ко!

Дорогая Свободушка! Здравствуй!

Извини, что долго не писала. Столько всего — не знаю, с чего начать. Однажды ночью мимо меня грузовик ехал, а на нем один мужчина. Борода — во! Мускулы — во! Симпатичный. Живет в центре, там и работает... Кариатидом или Атлантом, шут его знает! ...Балкон подпирает. Его на грузовике везли с реставрации, вместе с балконом. Грузовик притормозил на светофор, и нам удалось перемолвиться. Он спрашивает, что я назавтра делаю. Говорю: что, что? Серп держу, как всегда. А он говорит, дался вам этот серп, лучше приходите ко мне завтра ночью на вечеринку, будем мое возвращение с реставрации праздновать... Музыку послушаем, потанцуем. Вы женщина теперь одинокая, вроде как незамужняя... Компания, говорит, собирается... Сам Петр I из Ленинграда прискачет на одну ночь... Гоголь, Маяковский... Танк-34 с 45-го километра. Мужиков достаточно, а женского пола не хватает: Родина-мать да Крупская, а с ними много не натанцуешь. Ну, я и согласилась.

Вечеринка, скажу тебе, удалась на славу. Мужики хорошо поддали — и словно с цепи сорвались. Петр I бил себя в грудь и кричал, что это он, Петр, первый перестройку придумал. Только, кричит, даже при мне такого безобразия не было, чтобы водку по талонам народу продавать. Я бы тогда, кричит, Полтавскую баталию не выиграл. Весь раскраснелся, просто ужас! Еле его успокоили. И после начались танцы. Танк-34 целый вечер меня приглашал. Увален! Все ноги мне отдал! А ствол у него... Ну придумают же такое. А бюст Черненко утоваривал меня бросить все и уехать к нему на родину. А памятник Советской космонавтике, сосед мой, возле метро стоит, ну — тот вообще сексуальный маньяк. Фу! Срамота!

Но больше всех мне приглянулся там один старичок, Мичурин, естествоиспытатель. Тихий такой, скромный. Все чего-то сидел, скрещивал, а потом раз... и предложил мне руку, сердце и весь свой семенной фонд.

Свое письмо мне хочется закончить такими словами: мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее своими руками — наша задача.

Целую. Обнимаю. Твоя Мичурин-Ко.

Молитва

Господи, сделай же так, чтобы ты все-таки был!
Ведь ты все можешь!

И чтобы ты был, и ангелы твои были, и архангелы, и все святые, и дьявол чтобы, дьявол — обязательно, а то, ты же видишь, уже никто никого не боится.

Ну не надеюсь я уже на прокуратуру и ОБХСС, так, может, хоть дьявол их остановит?..

Господи, прости меня, но иногда мне кажется, что ты не все видишь. Так надымили мы своими трубами, так закоптили мы небо, что оно перестало быть прозрачным, и даже ты, наверное, не в состоянии различить, что у нас тут творится.

А эти атомные электростанции! Господи, да от нас их еще нужно прятать, как спички прячут от детей. А то мы таких, чувствую, дел натворим!

Ты был к нам так добр, ты подарил нам этот красивый мячик, называемый Землей, а мы пинаем его, стараемся проткнуть его, чтобы посмотреть, что там внутри.

Отец, скажи, если мы вконец разорвем его, ты подаришь нам другой?

У тебя есть в заглавнике еще одна зеленая планета с чистым воздухом и прозрачной водой?

Я столько лет верила в светлое будущее всего человечества. В светлое и обязательно всего. Я верила, что наша цель — коммунизм, и что на самом верху сидят умные люди, и что они знают, куда идти. Я верила, что выше Генерального секретаря уже никого нет, только его шляпа.

А теперь я просто хочу верить, что хорошие люди попадают в рай, а плохие — в ад.

Ни в пленум, ни в тринадцатую зарплату, ни в пятьдесят томов собрания сочинений, ни в памятники, ни речам и обещаниям, а только в то, что хорошие — в рай, а плохие — обязательно в ад.

Я не хочу больше молиться ни на какие портреты в пиджаках и медалях, пусть я лучше буду молиться на тебя. Пусть неумело, пусть хоть как-нибудь.

И я хочу верить людям, которые верят в то же самое.

Ну куда мне принести свою боль, свою душевную муку, свои горести и обиды? В партком? В местком? Участковому милиционеру? Кого мне вспомнить перед сном? Президиум Верховного Совета? Нет, только тебя, только тебя!

И что это еще за праздник такой, День рыбака?!

Кто придумал День работника лакокрасочной промышленности?

Кому пришла идея проводить Неделю активного сбора вторичного сырья?

Господи, зачем ты отнял у них разум?

Воскресники, черные субботы...

Нет, мне больше нравится Чистый понедельник, Вербное воскресенье, Прощеное воскресенье. Пасха, Рождество, Крещение.

Прости меня, дуру, совсем замучила тебя просьбами, но еще... В общем, помоги нам как-нибудь с сельским хозяйством, а! Ты же видишь, у нас ничего не получается. Мы и так пробуем, и сяк, а — ничего. Прости наше правительство и ЦК, что они не верят в

тебя, и все равно помоги. На тебя одного осталась надежда. Это они так не верят, пойми, им же нельзя, а на самом деле они хорошо к тебе относятся.

И перестань насыщать на нашу землю то коллективизацию, то индустриализацию, то борьбу с алкоголизмом, то еще какую-нибудь борьбу, перестань давать нам в таком количестве дураков и мерзавцев, распредели их по земле равномерно, а то у нас здесь их слишком большая плотность. Дай нам передохнуть лет 20—30, а уж потом, если тебе хочется, и насылай... Но лучше не надо, сколько ж можно!

Наверное, я тебя утомила, господи! Но еще одна просьба... Почти что для себя... Я понимаю, меркантильный я человек, но ничего не могу с собой поделать... Я и в райисполком писала, и в Моссовет, никто не отвечает. Я не в обиде — у них и без меня дел полно... Так что придется и это тебе взять на себя... Убери, пожалуйста, винный магазин из нашего дома... У меня дочь маленькая растет... Детский сад во дворе... Школа тут же... А они из винного прямо во двор... Ты представляешь!.. Ну я — ладно, взрослый человек, всего насмотрелась, но дети...

Господи, сделай же так, чтобы ты все-таки был!

Эстрадные монологи

Тетя Соня на том свете

... **В** ы спрашиваете,

почему тетю Соню так давно слышно не было? Что?.. Соскучились по тете Соне?.. Хорошо, я вам отвечу. Тетя Соня тут немножечко умерла... Совсем немножечко... Дуба дала тетя Соня... В медицине это называется клиническая смерть. Вы знаете, что такое клиническая смерть?.. Это когда человек уже одной ногой на том свете, а другой — еще на этом, и за эту последнюю ногу его еще можно выдернуть... Честно, мне уже не хотелось обратно... Ах, умерла так умерла... Тетя Соня же не трамвай, который ходит туда-сюда... То на тот свет, то на этот...

Вы, наверное, интересуетесь, как выглядит тот свет... Ну, как выглядит... Нормально выглядит... Обыкновенный такой тот свет... Вы бывали в Америке? Я, кстати, тоже нет... Так вот он приблизительно как Америка выглядит... Многие наши уже там, а остальные уже собираются... Тот еще тот свет...

Ой! И кого я там только не видела!.. Софочку!.. Дядю Киву!.. Дедушку Соломона!.. Барсика, своего кота, царствие ему небесное, которого мотоцикл переехал, когда Барсик со свидания возвращался, как сейчас помню, в марте 68-го года, холера его заберит этот мотоцикл!.. Нет, вру, склероз, в марте 68-го — это мой третий муж Яша, царствие ему небесное, а Барсик в марте 67-го, оба они, между нами, те еще коты были!.. И даже мою любимую вазу я там видела, которую купила в комиссионке еще до войны и

которую Раечкин Левка смахнул со стола!.. Оказывается, наши любимые вещи никуда не деваются, они ждут нас на том свете, так что вы не расстраивайтесь, бейте себе на здоровье!..

И кого вы думаете, я еще повстречала на том свете? Ну, конечно, его, Яшу, моего третьего мужа...

— Сонечка, — говорит он, — а я тебя так рано не ждал... Я тебя ждал лет через десять — пятнадцать... Ты же была всегда здоровая как слон...

Нет, вы слышали, он меня не ждал!.. Он меня, и когда был живой, никогда не ждал, это я его все время ждала с его гулянок.

— Ты в своем репертуаре, Яша, — говорю я ему. — Чует мое сердце, что я, наверное, попала в ад, раз ты уже здесь... Я же тебя предупреждала, Яша, помнишь, я тебя предупреждала?..

— Сонечка, — говорит он, — отдыхай и ни о чем не бойся! Здесь такой обычай, что все советские люди попадают прямо в рай. Они при жизни так мучаются, что надо же им отдохнуть хотя бы на том свете...

— Ну, слава богу, Яшечка! — говорю я. — Я же советская женщина. Я всегда знала, что когда-нибудь это может пригодиться, дай бог здоровья нашему Горбачеву!..

— Это какой Горбачев? — спрашивает Яша. — Не тот ли это портной с Малой Арнаутской, который шил женские лифчики, которые совершенно не уступали французским?..

— Бери выше, Яша!.. Тот Горбачев — это тот Горбачев, а этот этот... Этот ничего не шьет, наоборот — ему постоянно что-нибудь шьют... Этот Горбачев теперь у нас самый главный, век за него буду богу молиться!..

— А что, этот Горбачев — хороший? — спрашивает Яша.

— Очень хороший, Яша, очень!.. Только ему, бедняжке, сейчас так трудно приходится с нами, что

просто ужас!.. То Гдлян, то Собчак, то Литва, то привилегии, то 6-я статья!.. Совсем замучила его эта перестройка!..

— Ничего не понимаю, Сонечка! — говорит Яша. — Какой Собчак, какая 6-я статья? Ты, видно, на старости лет совсем сбрендила!

— Ох, Яша! — говорю. — Ты же ничего этого не застал, ты еще при бровастом умер, а у нас сейчас совсем, совсем другая жизнь... Собчак — это депутат, который все время достает нашего Мишу... И достает, и достает, хуже горячки... А 6-я статья — даже не знаю, как объяснить... Ну, это что-то вроде 5-го пункта... Только 5-й пункт не нравится только евреям, а 6-я статья почти что всем...

— Что-то, Сонечка, ты совсем в политику ударилась, — говорит Яша. — Лучше расскажи мне что-нибудь за Одессу. Как там наша Одесса?

— Ой! Ты бы сейчас ни за что не узнал бы нашу Одессу! Просто вылитый Житомир!.. Сейчас что Харьков, что Одесса, что Житомир — все на одно лицо. Это называется современная архитектура.

— А что, Сонечка, — говорит Яша, — выдали нам деньги за облигации на военный заем?

— Выдали, Яшечка, выдали. И за военный, и за послевоенный, и пенсию прибавили на целых 15 рублей, жаль, что ты не дожил до этого светлого дня!.. И даже гречку в заказах дают участникам ВОВ...

— Что? Что? — говорит Яша. — Каких ВОВ?

— Ой, Яша, я же все время позабываю, что ты давно умер. Участники ВОВ — это сейчас так называют участников Великой Отечественной войны. Теперь такие времена быстрые настали, что ни у кого нет времени слова полностью выговаривать... Вместо «спасибо» «спс» говорят, вместо «здравствуйте» — «здр»...

И тут я вижу, что мой Яша начал расстраиваться и как бы таять, таять и совсем растаял... И на его

месте вдруг оказался симпатичный такой молодой человек в белом-пребелом халате, вроде как ангел...

Я ангелов никогда в лицо не видела, и я испугалась.

— Ангел божий! — говорю. — А что мне будет за грехи мои, я за телефон в прошлом месяце не платила, и на местных выборах против нашего первого секретаря обкома голосовала, и анекдоты про власти предержажшие слушала и смеялась. Неужели меня из рая погонят?..

— Какой я вам ангел! — говорит он. — Я — реаниматор.

— А вы что, тоже умерли? — я, дура старая, спрашиваю.

— Ну что вы, тетя Соня!.. Не умирал я... И вас мы тоже с того света вытащили... еле-еле... Живите еще тыщу лет, тетя Соня!

Ну, тыщу не тыщу, а еще немного поживу... Интересно же, чем перестройка закончится.

Если она закончится когда-нибудь.

Навеселе

(Выходит, беспричинно смеясь.) ...Ой! Не могу! Ой! Чтой-то со мной сегодня! Смеюсь, смеюсь, смеюсь, как дура какая!.. И все говорю, говорю, говорю!.. И вроде бы выпили мы с девчонками всего ничего... Одного шампусика... Там, в подсобке... Ой! Не могу, ну чтой-то со мной сегодня?!

(Замечает кого-то в зале.) Васьк, ты, что ль?.. Ты че, на концерт, что ли, пришел? Ой, извините, обозналась я!.. Простите, гражданин, великодушно... А все потому, что мы шампусика... С девчонками. Ага... как же?! Два таких события... Нельзя же было не отметить... Значит, Людка себе новую мебельную стенку сделала — раз (загибает палец на левой руке), Марья Васильевна — только тсс! между нами! — пер-

вый аборт — это два... Ой!.. Вру! Вру! Вру! Это Людка себе — новый аборт, а Марья Васильевна — первую стенку... Как это я могла оговориться!.. Марья Васильевна и первый... этот... Да наша Марья Васильевна им уже и счет потеряла... Я ей говорю, если б тебе, Марья Васильевна, за каждый... этот... звездочку на фюзеляже ставили, так ты бы у нас, как коньяк была бы двадцатилетней выдержки... Правильно говорю, Марья Васильевна?.. Так давайте же, говорю, махнем за Марью Васильевну шампусика, потому что людей в нашей стране мы еще худо-бедно можем производить на свет, а вот со стенками — полная лажа!.. За тебя, Марья Васильевна!..

Ну, махнули мы, а теперь, говорю, давайте за Людку, за ее первое, как говорится, боевое крещение... За ее женскую сознательность! За то, что она в этот трудный для нашего государства момент не стала увеличивать народонаселение, которого у нас уже столько, что никаких стенок не напасешься! И других товаров народного употребления! Правильно я говорю, Марья Васильевна?.. И сиди, говорю, Марья Васильевна, не дергайся! Чего ты все время дергаешься! Сент в твою экзюпери. А она говорит, так машина же с кефиром пришла, надо бы пойти разгрузить... А я ей говорю, а Володька-грузчик на что? А она мне говорит, так Володька-грузчик еще со Дня советской артиллерии не просыхает, он же бывший наводчик... Ох, говорю, Марья Васильевна, смотри, не будешь себя беречь, так тебя возле твоей стенки так и похоронят. Придется нам всем коллективом ходить к ней цветы возлагать... Кефир не прокиснет, если мы еще немного шампусика махнем... Ну, махнули мы, а тут и обеденный перерыв закончился... И девчонки по своим отделам разошлись... Одни мы с Людкой остались... А что, говорю, Людка, подружка моя ненаглядная, может, надо было ребеночка-то оставить?.. Может, из него кто-нибудь такой получился бы... Гений какой-нибудь... Ломоносов... А она

на меня так это посмотрела, как дурак на презерватив... и говорит, ты что, с ума съехала, что ли? Какой еще Ломоносов?! Он что, Ломоносов, по-твоему, негром был?.. Как говорю, негром?.. А она — так, негром, дурочка, что ли?! Вот тебе и раз!.. Только тсс!.. Я вам ничего не говорила, вы ничего не слышали... Я ей и говорю, ну подумаешь, негр. Людка... Негром же у нас даже лучше быть, чем нашим, Людка... Впервые, вечером, когда идешь, тебя не видно... Вторых, если ты негр и, например, такси голосуешь, так они сразу останавливаются... И, в-третьих, если ты негр, всегда можно политического бомбоубежища попросить... А Людка опять на меня так это странно посмотрела и говорит, ради бога, не надо мне сейчас про негров, а! И вообще про мужиков не надо. Я про них сейчас вообще даже думать не могу. Все! Баста! Теперь, говорит, у меня все будет, как по Марксу... Это ведь, говорит, кажется, Маркс сказал, что история развивается по спирали?.. Или Энгельс? В общем, один фиг. Кто бы ни сказал, все равно правильно. Теперь, говорит, и моя история будет по спирали развиваться... Только по импортной, а то с нашей спиралью опять залетишь... А теперь, говорит, давай шампусика хряпнем... И мы хряпнули... Так что вы меня извините... Я сегодня немножечко не в себе... Все-таки два таких события... стенку себе Марья Васильевна и вот Людка...

Перестройка

Одно из проявлений гласности — то, что воровать стали значительно больше.

Газеты и журналы.

Из почтового ящика.

Прут «Литературку», «Огонек», «Аргументы и факты», «Известия»! Известен случай, когда у одного гражданина увели журнал «Лен и конопля» со статьей о махинациях со льном и коноплей.

О взятках, злоупотреблениях, воровстве пишут сейчас настолько интересно, что вставать приходится раньше, чтобы не успели украсть газету.

Зато и рано вставать удастся теперь значительно легче, чем раньше.

Помню, еще несколько лет назад все вокруг нагоняло сон: газеты, журналы, радио, телевидение.

Даже граница охранялась для того, чтобы мы могли спать спокойно. «И снился нам не рокот космодрома...»

Сны снились такие, как будто их снимали на киностудии Довженко: снились сплошные парторги и директора заводов.

И еще снилось нам, что мы догнали Америку по мясу и молоку. Понятно, трудно Америке бежать с мясом и молоком. А мы-то налегке.

Иногда мужчины и женщины собирались, чтобы вздремнуть вместе, и это называлось собранием, совещанием, конференцией или слетом передовиков.

Промышленность заснула так крепко, что непонятно, как ее теперь разбудить.

И вот ученые за различными «круглыми столами» спорят, как это сделать: резко или постепенно.

Лично меня, когда резко будят, я как чумовой делаюсь. Я спроsonья такое могу натворить, что лучше б я век не просыпался.

Поэтому, может, и к ней надо подойти на цыпочках и тихонько-тихонько сказать: «Промышленность, вставай!»

...Да, времена были! Бывало, выпьешь кружку кофе — и на боковую. Кофе, что ли, был такой, что прямо валил с ног. Кофе стоил 4 рубля килограмм, все пили кофе и дрыхли как ночные сторожа.

Теперь кофе 20 рублей — а сна ни в одном глазу. Посмотришь «Прожектор перестройки» — три дня заснуть не можешь. Что обходится значительно дешевле, чем чашка зарубежного и в сущности чуждого нам напитка.

Зато цены на квас остались прежние. Цены на квас у нас самые устойчивые в мире.

Три копейки — маленькая кружечка, шесть — большая кружка.

А сколько стоит бутылочка ихней пепси-колы?

Полтинник!

Ну а у кого уровень жизни выше, у них или у нас, я вас спрашиваю?

Кроме того, можно ли из ихней пепси-колы приготовить нашу окрошку?

Черта с два!

А из нашего кваса — пожалуйста!

Не составляет также труда припомнить и его другие замечательные свойства.

И вообще чего только нельзя припомнить!

Если раньше наше общество страдало от склероза, то теперь оно страдает от памяти.

Вспоминают все и везде.

— Бабушка, бабушка! — спрашивает внучек, показывая пальчиком на название парохода. — Кто такой «Сергей Есенин»?

— Это, — отвечает бабушка, — бывший «Лазарь Каганович».

Старые дома тоже память.

Но еще по инерции дикторы Всесоюзного радио продолжают произносить бодрыми голосами: «С каждым днем хорошеет и молодеет наша Москва!» Будто мы не знаем, что молодеет она в основном с помощью бульдозеров. А ведь чем город отличается от женщины?

Город, он чем старше выглядит, тем у него больше шансов понравиться.

И пусть Москва смотрится на свои 800 с лишним, а древний Новгород на свои 1100 — и ни годом меньше.

Таганка, Пречистенка, Остоженка, Красные Ворота — для кого-то это, может, и пустой звук, а для меня целый мир воспоминаний. В 55-м автобусе мама везла меня из родильного дома. В 10-м троллейбусе, глядя из окна, я научился читать по уличным надписям.

«Плиссе, гофре», «Рыба», «Не влезай, убьет!», «Ресторан», «Мест нет», «Покупайте крабы» — все это мой букварь.

А в 23-м трамвае, в час пик, я познакомился со своей будущей женой.

Меня так прижали к ней, что как честный человек я вынужден был жениться.

И ничего, знаете, живем. И я надеюсь, доживем до тех времен, когда, например, над окошечком кассы кинотеатра я увижу табличку: «Инвалиды застоя и участники перестройки обслуживаются вне очереди».

Разрешите взлет

— ...Девушка, а девушка, а воду разносить скоро будут? Сразу, как только высоту наберем?! Высота когда наберем?! Сразу как только взлетим!? Сразу, как только хвост приварят?!

— ...Девушка, а девушка, а этот человек в форме — это кто, первый пилот? А что у него руки так трясутся?! Это он нервничает? Будешь нервничать, когда жена ушла?! А у него что, ушла? Понимаю, понимаю... «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом!» Да не каркаю я, песня такая есть.

— ...Ну слава богу, наконец-то взлетели. Девушка, девушка, мне, пожалуйста, с газом. Шесть стаканов... А конфеты у вас какие? «Взлетные»? А «Посадочных» нет? Мне, пожалуйста, полкило. А обед предлагается? Только на международных линиях?! Тогда еще два стакана и еще полкило! А гигиенические пакеты? Мне, пожалуйста, 6 штук. Четыре здесь, два с собой!

— ...Девушка, девушка, а телеграмму с борта самолета можно дать? А почему им можно, а нам нельзя? Как это, кому это им?! Будто вы не знаете?! Как это какую?! «Пролетая над вашей, то есть нашей страной, хочу пожелать всему советскому народу счастья, процветания, новых трудовых свершений

и... чтобы сахару было хоть завались. Обнимаю. Целую. Вася».

— ...Девушка, девушка, все-таки меня первый пилот беспокоит. А он надежный?.. А не по блату? А может, он диплом за деньги купил? Не надо мне про перестройку! Перестройка три года всего, а пилотов пять лет готовят.

— ...Девушка, а девушка, наклонитесь сюда, что на ушко скажу! Вон тот тип в третьем ряду, слева жутко на террориста похож. Просто жутко! Как?! Уже проверяли?! Кооператор из Москвы?! А посмотришь, бандит бандитом!

— ...Что за вопрос — умею ли я читать?! Там написано по-русски и по-английски. По-русски: «Не курить, застегнуть смокинги». А что по-английски написано, я не знаю. Потому и не знаю, что английский в школе проходили!.. Во порядки! Даже покурить перед смертью не дадут! Все-таки 10 тысяч метров вниз падать. Шутка ли! Нет, вообще-то я не курю, но перед смертью-то можно! Не стоит и начинать?! Именно стоит — не успеешь привыкнуть!

— ...Ой, девушка, что это на вас прямо лица нету?! Умылись вы, что ли?! Как террорист?! Все-таки террорист? Не этот, а кто же? Вон тот в очках и со скрипочкой?!

А в скрипочке автомат?! Скажите на милость!! А на вид такой интеллигентный!

— Товарищ, а товарищ, вам куда лететь? Во Францию? А я, женщина, не у вас спрашиваю! Как, и вы террористка?! Вам на Багамские острова?! Боже мой, сколько же вас тут?! — Товарищи, товарищи террористы, не все сразу! Просьба соблюдать порядок! При чем здесь запись, гражданка? При чем здесь по талончикам?! Здесь живая очередь! Пока еще живая! Вон тот мужчина первый, ему — во Францию. Дальше женщина — ей на Багамы. За ней старичок — ему в Новую Зеландию. И не надо на меня напирать,

не надо! Ну и что, что вам только зимние сапоги купить! Всем что-нибудь купить и обратно!

— Граждане! То есть леди энд джентльмены! Просьба всем оставаться на своих местах! Наш рейс неожиданно объявляется международным и сейчас начнут разносить обед!

Перечислительный ряд

Деньги, деньги, деньги, деньги...

Мани, мани, мани, мани, мани...

Дукаты, динары, левы, юани, лиры, доллары, фунты, стерлингов...

Башли, бабки, бабульки, фанера, капуста...

Один рваный, два рваных, трюльник, пятера, чирик, стольник, штука, «лимон»...

Мерзавчик, чекушка, косушка, маленькая, полбанки, банка, пузырь...

Петр I, Петр II, Петр III, первый секретарь, второй секретарь, третий секретарь...

Остоженка, Пречистенка, Волхонка, Сретенка, Моховая, улица Ленина, площадь Революции, Коммунистический тупик... Волконский, Шереметев, Меншиков, Сперанский, Воротынский, Баратынский, Слюньков, Зайков, Воротников...

Сударыня, барышня, мадам, гражданка, товарищ, телка, чувиха, шалава, кастрюля, бабеч...

Де Мюссе, де Ришелье, деволяй, декамит, дешевка, дебил, дебош, дерьмо...

Ривьера, Майорка, Майами, Баден-Баден, Рио-де-Жанейро, Норильск, Колыма, Магадан, Воркута...

Столичная, Имбирная, Стрелецкая, Юбилейная, Московское, Жигулевское, Рижское, Армянское, Немецкое, Хованское, Востряковское, Ваганьковское...

Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2001 года!

Антология сатиры и юмора
России XX века
в 50 томах

Вышли в свет
пятнадцать томов серии

- т.1 АРКАДИЙ АРКАНОВ
- т.2 ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ
- т.3 «САТИРИКОН»
И САТИРИКОНЦЫ
- т.4 ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ
- т.5 ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ
- т.6 ГРИГОРИЙ ГОРИН
- т.7 ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ
- т.8 ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ
- т.9 ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ
- т.10 МИХАИЛ БУЛГАКОВ
- т.11 «КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ»
- т.12 ТЭФФИ
- т.13 ВЛАДИМИР ВИШНЕВСКИЙ
- т.14 ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР
- т.15 ЛЕВ НОВОЖЕНОВ

В ближайшее время увидят свет книги
Антологии

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ
ФЕЛИКС КРИВИН
ИГОРЬ ГУБЕРМАН
АНАТОЛИЙ ТРУШКИН
ДАНИИЛ ХАРМС

Литературно-художественное издание
Новоженков Лев Юрьевич
АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА

Ответственный редактор *М. Яновская*
Автор серийного оформления *Е. Поликашин*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Н. Суздалева*

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ-ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.

т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладужской». Тел.: 267-03-01(02)

Москва, ул. Ладужская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.09.2001.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Букмен».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24+вкл.

Тираж 10 000 экз. Заказ 1660.

ISBN 5-04-088116-9

9 785040 881161 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Продолжение

Вниманию депутата
~~Французского искусства~~
это буржуазное шоу
самом центре ~~на~~
Французского искусства
модель, гражданки и гра
~~то~~ занимаются сексом

Просто удив

~~Суровый~~

от недвиганного для
Совершенно обморожен
ся, с утра до вечера
Ен это происходило на

Венности, а то было
тако дело, а то было

а то было в где-нибудь
там народа, но народ

а то было при жизни
моды, среди которых

Господи Охот Роден,
Француз Французского

сказано моды, а то
моды, а то

Французского моды
"Первый поцелуй"

названо. Следы зме

Сидеть,
солнц
милость
и старинный

Не вли-
дет, греш-
на

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Лев Новоженов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Из записной книжки

Шедрость определяется не тем,
сколько человек дал, а сколько
у него после этого осталось.

Маленькое государство, которое
живет сдачей пустых бутылок.

Посмотрела — как будто рубль
отобрала.

Что посеешь, то и пожрешь!

М. Новоженов

Антология

Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века